

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

1985

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL of ANCIENT HISTORY

4(175)

Октябрь — Ноябрь — Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1985

Редакционная коллегия:

Главный редактор чл.-корр. АН СССР *Э. В. Удальцова*,
чл.-корр. АН СССР *Г. М. Бонгард-Левин*, д. филолог. н. *М. Л. Гаспаров*,
д. и. н. *Е. С. Голубцова*, д. и. н. *М. А. Дандамаев*, акад. АН АрмССР
С. Т. Еремян, д. и. н. *Ю. К. Колосовская* (зам. главного редактора),
д. и. н. *В. И. Кузищин*, акад. АН ГрузССР *Г. А. Меликашвили*,
д. и. н. *Л. П. Маринович*, д. и. н. *А. И. Павловская*, (ответственный
секретарь), к. и. н. *О. И. Савостьянова*, д. и. н. *Е. М. Шгаерман*

Заведующая редакцией *И. К. Малькова*

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237
Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 126-94-37

Г. А. Меликишвили

ОБ ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕГО БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО ОБЩЕСТВА *

Исследуя вопрос о характере древнейших классовых обществ, нельзя не обратить внимания на тот факт, что на древнейшем этапе их существования мы довольно часто встречаемся со структурами, которым было свойственно преобладание централизованных форм ведения хозяйства и наличие огромных царских (государственных) и храмовых хозяйств.

В Вавилонии уже в эпоху аккадской династии (XXIV—XXIII вв. до н. э.) налицо крупное централизованное хозяйство, а в эпоху III династии Ура (XXI в. до н. э.) царский (государственный) сектор еще более вырос, охватив, по мнению некоторых исследователей, едва ли не большую часть сельскохозяйственных территорий и все ремесло, сосредоточенное в более или менее значительных мастерских¹. Высказывается мнение, что царское хозяйство в это время могло охватывать всю обрабатываемую площадь страны или же по крайней мере количество находившихся вне царского сектора свободных крестьянских хозяйств или свободных ремесленников должно было быть незначительным².

Обращает на себя внимание также форма ведения хозяйства: оно велось коллективно, рабочими отрядами под руководством и наблюдением специальных чиновников-надзирателей, урожай поступал в государственные склады и оттуда выдавался в виде довольствия как рабочему персоналу, так и вышестоящему слою царских служащих.

Возникает вопрос — как могла сложиться и затем разрастись подобная социально-экономическая система, функционировавшая при III династии Ура в Вавилонии в общегосударственном масштабе?

В «великих ирригационных обществах» значительную роль в консервации коллективных форм ведения хозяйства предшествующей первобытнообщинной эпохи играла необходимость коллективной организации искусственного орошения — основы ведения здесь сельскохозяйственного производства. В Южном Двуречье на последней стадии своего развития крупное общинное хозяйство выступало уже в форме собственно храмового хозяйства (материалы архива Шуруппака)³. Значительная, по крайней мере, часть общинной земли сохранялась неразделенной в виде хра-

* Публикуя статью акад. АН Груз. ССР Г. А. Меликишвили, редколлегия приглашает специалистов высказаться на страницах нашего журнала по затронутым в этой статье дискуссионным вопросам.

¹ Дьяконов И. М. Проблема вавилонского города II тыс. до н. э. (По материалам Ура). — В сб.: Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973, с. 35.

² Он же. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства. — ВДИ, 1952, № 3, 4 (далее — ЗВАХ), № 3, с. 264.

³ Тюменев А. И. Государственно-хозяйство Древнего Шумера. М.—Л., 1956, с. 423.

мовой земли и совместно обрабатывалась⁴; впоследствии наблюдается перерастание этого храмового хозяйства в государственное (сперва энсиальное, затем царское)⁵. Вначале организатором орошения — этой наиболее существенной хозяйственной функции — являлся верховный жрец⁶. Постепенно произошло подчинение храмового хозяйства, имевшего ключевые политические и экономические позиции в шумерском обществе⁷, правителю (resp. правителю-жрецу) — *энси*, превращение храмового хозяйства в энсиальное — оно начинает рассматриваться как собственность *энси* и членов его семьи⁸. После объединения «номовых государств» Южного Двуречья сперва под властью аккадской династии, а потом под властью III династии Ура, произошло слияние местных энсиальных хозяйств в систему единого централизованного царского хозяйства — первые превратились в своего рода филиалы царского хозяйства. Все нити управления этим объединенным хозяйством при III династии Ура сходились в едином центре — Уре⁹. Преобладающей формой эксплуатации государственных и храмовых земель становится непосредственная совместная обработка земли рабочим персоналом этих хозяйств.

Как же выглядела социальная структура изучаемого нами общества в эту древнейшую, «дворцово-храмовую» эпоху? Наличие общественной (дворцово-храмовой) экономики в качестве если и не всеобъемлющего, то по крайней мере ведущего, доминирующего сектора предполагает наличие обслуживающего его широкого служилого (рабочего и административного) слоя. Это был слой «царских людей», классовое членение которого не было резко очерченным. С одной стороны, отошедший от производительного труда административный персонал, безусловно, был довольно немногочисленным, а его привилегированное положение вряд ли было особенно осязаемым и прочным — оно не было не только наследственным, но и пожизненным. С другой стороны, нельзя постулировать и полное бесправие рабочего персонала, занятого целиком или частично в этом общественном хозяйстве. В первую очередь следует обратить внимание на генезис этого слоя — тех самых *гурушей*, которых (в эпоху III династии Ура, во всяком случае) склонны считать «рабами» (В. В. Струве, А. И. Тюменев) или же «подневольными людьми рабского типа» (И. М. Дьяконов). Известно, что сам термин *гуруш* означал просто «молодой мужчина», «молодец» и, судя по ранним текстам, применялся к боеспособным и работоспособным мужчинам вообще. В раннединастический II период (ок. 2615—2500 гг. до н. э.) этот термин порой обозначал все работоспособное население, включая храмовый персонал. Говорили о «гурушах, ходящих на войну» или «на народное собрание». Они, даже не являясь членами храмового персонала, получали довольствие от храма¹⁰. Так же и *шуб-лугалы* (раннединастической эпохи), прямыми потомками которых И. М. Дьяконов считает *гурушей* III династии Ура¹¹, порой входили в военное ополчение. Эти *шуб-лугалы* в Лагаше раннединастического III периода (2500—2315 гг. до н. э.) были местными свободными непосредственными производителями, получавшими от храма как земельные наделы, так и довольствие, но в то же время они шли в поход во время войны и формировали военные отряды правителя¹². Справедливо считал,

⁴ Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959 (далее — Шумер), с. 161.

⁵ Тюменев. Ук. соч., с. 416.

⁶ Дьяконов. Шумер, с. 163.

⁷ Там же, с. 195.

⁸ Тюменев. Ук. соч., с. 423.

⁹ Там же, с. 426 сл.

¹⁰ История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. М., 1983, с. 172.

¹¹ Там же, с. 272.

¹² Там же, с. 201, 205. Ср. Тюменев. Ук. соч., с. 155, 425 и др., а также Дьяконов. Шумер, с. 108—110.

по нашему мнению, В. В. Струве храмовое хозяйство раннединастического периода общинным (т. е. общественным) хозяйством, а *шуб-лугалов* этой эпохи — общинниками¹³.

Кажется тем более невероятным предположение, что в скором времени все эти *шуб-лугалы*, *гуруши* — в основном бывшие общинники — превратились в «рабов» или «подневольных людей рабского типа». Ведь количество таких «царских работников», например в эпоху III династии Ура, по мнению И. М. Дьяконова, доходило до полумиллиона или более человек¹⁴. Вавилонское общество III тыс. до н. э. было раннеклассовым и слаборазвитым (в смысле поляризации классовых отношений) обществом, в экономике которого все еще доминировал развитый путем трансформации древней общинной экономики грандиозный «общественный» (госп. дворцово-храмовый) сектор. Весьма неубедителен тезис о превращении работников этого сектора (половины или большей части местного свободного населения страны) в «рабов» или «людей рабского типа». Такая цель не могла быть ни поставлена, ни достигнута и ни одним из существовавших впоследствии более развитых государств. Нам кажется, что ныне не только И. М. Дьяконов, но и стоящий на других позициях в этом вопросе И. Гельб (сближающий статус этих работников с «крепостными» и называющий их «полусвободными») допускают преувеличение степени эксплуатации этих работников и, следовательно, степени их «несвободы». Более приемлемо, на наш взгляд, считать их вовлеченными в общественное хозяйство юридически ущемленными и экономически обедневшими свободными членами общества.

Представляя этих работников царского хозяйства «подневольными работниками рабского типа», И. М. Дьяконов основывается на том, что они были лишены средств производства и подвергались внеэкономическому принуждению. Но почему таким образом характеризуются работники должны считаться непременно рабами? Ведь и к крепостным феодальной эпохи вполне применимо такое определение. Многие остаются по-прежнему неясным в связи с *гурушами* (работниками царского хозяйства эпохи III династии Ура), и прежде всего, не ясно, что привело их в царское хозяйство — внеэкономическое или, скорее, экономическое принуждение (обедневшие общинники?). Если же предполагать первый путь, то наверное особого рода — государственное принуждение свободных членов общества — общинников. Неясно также отношение *гурушей* к средствам производства. Как утверждает И. Гельб — крупный знаток этой эпохи, часть *гурушей*, во всяком случае, имела и собственные наделы, хотя в то же время работала в царско-храмовом (общественном по сути дела) хозяйстве и получала из него также довольствие. Значит, работа эта для большинства из них была дополнительным средством прокорма как себя самих, так и семьи, которую они, по мнению И. Гельба, также имели. Обоснованный им же тезис о том, что лишь часть этих *гурушей* работала постоянно в царском хозяйстве, также является аргументом в пользу того, что они располагали и своим небольшим самостоятельным хозяйством вне царского сектора¹⁵.

И. Гельб в названных своих работах скептически относится вообще к тезису о существовании в Южном Двуречье находившегося вне цар-

¹³ Против этого мнения, впрочем, возражает И. М. Дьяконов (Шумер, с. 109 и др.).

¹⁴ История древнего Востока, с. 272.

¹⁵ См. *Gelb I. J. Social Stratification in the Old Akkadian Period.* — В кн.: Труды XXV Международного конгресса востоковедов. I. М., 1962, с. 225 сл., ср. с. 243 сл.; *idem. Definition and Discussion of Slavery and Serfdom.* — *Ugarit-Forschungen. Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde Syrien-Palastinas*, 1979, B. 11; *idem. From Freedom to Slavery.* — *BAW, Philos.-hist. Kl. Abh. NF, 75, München*, 1972; *idem. Comparative Method in the Study of the Society Economy of the Ancient Near East.* — *Rocznik Orientalistyczny*, 1980, XLI; *idem. Household and Family in Early Mesopotamia.* — *Orientalia Lovaniensia Analecta*, Leuven, 1979.

ско-храмовой верховной собственности особого общинно-частного сектора экономики. По мнению же И. М. Дьяконова, это был обширный (по объему равный или даже превосходивший царско-храмовый — государственный) сектор экономики, в пределах которого жили и работали неэксплуатируемые полноправные свободные общинники¹⁶. Однако практически мы почти ничего не знаем об этом секторе и об этих общинниках. Косвенные свидетельства в пользу его существования, приводимые И. М. Дьяконовым, не бесспорны. Так, например, единичные документы о найме рабочей силы (впрочем, в эпоху III династии Ура их уже почти нет, как нет и распространенных прежде сведений об отдельных хозяйствах — Ё — «дом») не обязательно должны иметь в виду «свободных общинников» — это могли быть и люди той категории, которые лишь частично работали в государственном хозяйстве (см. выше мнение И. Гельба). Также скудный фонд документов о купле-продаже земли не может считаться решающим аргументом, поскольку такие операции могли производиться и с полученными от государства наделами; упоминаемое же в эпоху Хаммурапи «вечное поле» могло находиться, как полагают другие исследователи, и на царской земле, а не обозначать находившийся в полной частной собственности земельный участок. Однако принципиальное значение имеет даже не то, существовали ли вообще вне государственного сектора частно-общинные хозяйства¹⁷, а то, представляли ли они что-нибудь самостоятельное, независимое по отношению к государственной власти и государственному хозяйству. Если учесть факт всемогущества государства, осуществление им ряда функций, без которых не могли обойтись ни государство в целом, ни представители «частно-общинного сектора» (оборона страны, управление водными ресурсами на всей территории данного политического образования, снабжение мелких хозяйств рабочим скотом и инвентарем, семенами, ввозимым из-за границы сырьем и другими товарами и т. д.), то на поставленный вопрос можно дать лишь отрицательный ответ. Следовательно, не могло быть самостоятельного от государства «частно-общинного» сектора. Вряд ли представители этого сектора — «свободных общинников» — следует считать полноправными «гражданами государства», неэксплуатируемой массой. Государство никак не воздержалось бы от выкачивания из них в той или иной форме прибавочного продукта. Эти «полноправные» общинники вели, несомненно, не менее жалкую и полуголодную жизнь, обрабатывая свои небольшие клочки земли, чем занятые в государственном хозяйстве так называемые «подневольные работники рабского типа».

Поэтому можно согласиться с мнением (И. Гельб и др.), что вся совокупность непосредственных производителей (как работники государственного хозяйства, так и эти так называемые «свободные общинники», а также небольшое число занятых в производстве рабов — основная их масса была занята в сфере обслуживания) составляла довольно однородный слой эксплуатируемых непосредственных производителей — низший слой общества. Привилегированный слой общества формировали верхушка царской администрации, верховное жречество, военачальники. Наконец, существовал и средний слой — низы «служилых людей»: представители низшей администрации, рядовой жреческий состав, торговцы, рядовые воины и т. д.

¹⁶ См. работы Гельба, приведенные в предыдущем прим., а также: Дьяконов И. М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности. — ВДИ, 1973, № 4, с. 5, прим. 8; Шарашенидзе Дж. М. Энгарты древней Месопотамии. — ВДИ, 1984, № 4.

¹⁷ И. Гельб и И. Ренгер считают, что их количество, если они и существовали, должно было быть незначительным (Renger J. Flucht als Soziales Problem in der altbabylonischen Gesellschaft. — BAW, Philos.-hist. Kl. Abh. NF, 75, München, 1972, S. 169 ff.; Gelb. From Freedom to Slavery, p. 90 f.); многочисленными же частно-общинными хозяйствами становятся после появления амореев в Вавилонии, в касситское время и т. д.; в древнейшую эпоху, по мнению И. Гельба, вряд ли в Вавилонии имелись поселения мелких самостоятельных земледельцев — вне «государственного сектора» находились лишь поселения пастухов и полукочевников.

Также исключительно обширным, если не всеобъемлющим, был государственный сектор экономики в древнем Египте на заре существования в нем классового общества и государства. Уже на рубеже IV—III тыс. до н. э. в Египте существовала система обширного централизованного государственного хозяйства¹⁸. Вообще трудно допустить, что в эпоху сверхцентрализованного египетского Древнего царства тот или иной фонд земли мог бы рассматриваться находящимся вне царской, верховной юрисдикции. Мы почти ничего не знаем о существовании здесь самостоятельных производителей, не вовлеченных в хозяйства храмов, вельмож и царя. Форма эксплуатации непосредственных производителей в Египте этой эпохи также довольно близко стоит к господствующей форме эксплуатации в царских хозяйствах Вавилонии эпохи III династии Ура. Наряду с небольшим числом рабов-военнопленных широко эксплуатировалось местное земледельческое население — все они, разбитые на партии (рабочие отряды) с надзирателями во главе, трудились на полях, в садах и виноградниках, на пастбищах и в ремесленных мастерских (ремесленное производство также было сконцентрировано в мастерских; изделия ремесленников поступали на склады, а работники получали довольствие). Велся строгий учет (как в Вавилонии), существовали огромные государственные кладовые, откуда довольствие получали царь и члены его семьи, женщины из царского гарема, обширный придворный штат, чиновничий центральный и местный аппарат, жрецы, а также занятые в хозяйстве ремесленники, строители, земледельцы, привлеченные постоянно или временно (иногда на очень длительный срок) на царские работы¹⁹. Впрочем, часть собранного богатства — сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий — использовалась царской властью и для внешнего обмена, который также был в значительной мере монополизирован ею.

Несомненно, из общинного хозяйства выросло и древнеегипетское высокоцентрализованное государственное хозяйство. И здесь потребности сельскохозяйственного производства, в частности нужды ирригации, обусловили жизнеспособность коллективных форм ведения хозяйства и родоплеменные объединения трансформировались в номовые государства (их было несколько десятков) во главе с вождями — теперь уже правителями областей — номов. Затем в процессе борьбы сначала отдельных номов, а впоследствии — двух крупных их объединений (Верхнего и Нижнего Египта), как известно, произошло образование единого государства. Уже при I династии, т. е. в самом конце IV тыс. до н. э., существовало большое царское хозяйство, имевшее централизованное управление и довольно развитый бюрократический аппарат. Как полевые работы, так и ремесленные велись коллективно, «рабочими отрядами»: зерно для посева и материалы для ремесленной обработки выдавались администрацией, продукция сдавалась, а люди получали довольствие. Таким образом, перед нами обстановка, весьма напоминающая состояние дел в Двуречье при III династии Ура. Впрочем, дворец и храм выступают на этом древнем этапе не только организаторами ирригации, полевого и ремесленного хозяйства: концентрация в их руках всего общественного продукта имеет своей целью также создание резервного фонда для голодного времени, а также использование излишков для обмена с другими странами (таким путем достигается, например, обеспечение общества недостающим в стране сырьем).

Охарактеризованная на шумерском и древнеегипетском материалах обстановка свойственна не одному лишь Ближнему Востоку. Активная роль государства в экономике, в ведении хозяйства на раннем этапе раз-

¹⁸ Тюменев А. И. Передний Восток и античность (Особенности социально-экономического развития). — ВИ, 1957, № 6, с. 65.

¹⁹ Там же; Виноградов И. В. — В кн.: История древнего мира. I. Ранняя древность. М., 1982 (далее — ИДМ), с. 103.

вития государственности и классового общества известна нам и из истории других регионов, в том числе и тех, где ирригация не играла решающей роли ²⁰.

С этой точки зрения исследователи обращают свое внимание прежде всего на критское и микенские общества. Раскопанные на Крите дворцовые сооружения (Кнос, Фест), где имелись большие хозяйственные помещения (погребя, мастерские, склады, продовольствия), где широко применялась письменность для учета и т. д., уже наводят на мысль о существовании большого централизованного дворцового хозяйства с развитой системой учета. Крито-микенские общества этой эпохи, по почти единодушному мнению специалистов, выявляют больше сходства с древневосточными, чем с более поздними греческими обществами. Документы из пиловского архива указывают на ведущую организаторскую роль дворца в хозяйственной жизни пиловского общества ²¹. Как отмечается исследователями, «все данные говорят о том, что в государствах ахейской Греции сложился тип экономики, аналогичный ближневосточному» ²². Для такого пути развития было необходимо, вероятно, чтобы общество развивалось сравнительно изолированно, преимущественно в мирном окружении, без постоянного военного противостояния с соседними обществами. Пожалуй, так и происходило в основном развитие как в Вавилонии и Египте III тыс. до н. э., так и в раннеклассовых обществах Крита и Ахейской Греции несколько более поздней эпохи (II тыс. до н. э.).

Получившая ныне распространение в советской науке концепция общественного развития на древнем Ближнем Востоке, выдвинутая выдающимся советским ученым И. М. Дьяконовым, объединяет эпоху III и II тыс. до н. э. в один — «ранний период» («раннюю древность») и относит I тыс. до н. э. к «позднему периоду» («поздней древности», или, иначе, «расцвету древних обществ») ²³. Исходным для этой периодизации является тезис о существовании двух секторов экономики: «общинно-частного» и «государственного». В ранней древности на селе преобладающим являлся общинно-частный сектор, города же были центрами государственных (царско-храмовых) хозяйств. В ареале «общинно-частного сектора экономики» жили неэксплуатируемые полноправные члены общества, свободное гражданство (свободные общинники) — члены домашних и территориальных общин (*авиллу* древней Вавилонии и т. п.), а в «государственном секторе экономики» (на царской земле) производителями являлись «подневольные люди рабского типа» — зависимые царские люди (*мушкену* и др.). На втором же этапе (I тыс. до н. э. — «поздняя древность») происходит образование автономных самоуправляющихся городов — «гражданско-храмовых общин», члены которых (общинники-горожане) оставались единственными полноправными свободными. Город становился теперь средоточием общинно-частного сектора, в то время как село — «государственного», где свободное крестьянство сливается с массой царских людей, образуя единую массу зависимого и эксплуатируемого сельскохозяй-

²⁰ Следовательно, вполне можно согласиться с таким мнением: «В ранних политических структурах главной функцией возникшей надобщинной политической власти обычно становилась организационно-экономическая, т. е. обеспечение структур в целом и поднявшегося над слоем производителей аппарата управления со всем обслуживающим его многочисленным персоналом, от воинов до ремесленников, слуг и рабов, необходимым для его существования избыточным продуктом» (*Васильев Л. С.* Феномен власти-собственности. — В сб.: Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982, с. 76).

²¹ См. *Полякова Г. Ф.* Социально-политическая структура пиловского общества (По данным линейного письма В). М., 1978.

²² См. *Андреев*. ИДМ, I, с. 292.

²³ См. *Дьяконов И. М.* Основные черты древнего общества (Реферат на материале Западной Азии). — В сб.: Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1974, с. 139 сл.; *он же*. — ИДМ, III, с. 8; *Дьяконов И. М., Якобсон В. А.* «Новые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии. — ВДИ, 1982, № 2, и др.

ственного населения. Сопоставление вышеупомянутых гражданско-храмовых общин («самоуправляющихся городов») Ближнего Востока с греческими полисами завершает картину, изображающую единство Востока и Запада и в I тыс. до н. э.²⁴ (для III—II тыс. до н. э. это единство иллюстрируется автором путем сравнения древнемесопотамских царско-храмовых обществ с крито-микенскими, в которых также был высок удельный вес «государственного сектора экономики»). Приведенная периодизация древнего ближневосточного общества, таким образом, по существу представляет собой попытку заново обосновать тезис о весьма конкретно осмысляемом «единстве исторического процесса на Востоке и на Западе», свести к общему знаменателю развитие ближневосточных и греко-римских обществ.

Выше мы уже говорили о спорности некоторых утверждений И. М. Дьяконова, на которых основывается данная концепция и предлагаемая на ее основании периодизация развития ближневосточного общества. На спорность этих положений и раньше обращали внимание некоторые советские и зарубежные исследователи, об этом говорилось и в наших предыдущих работах (речь идет прежде всего о постулировании в древней Месопотамии двух равноценных секторов экономики — «общинного» и «государственного», а также о сопоставлении ближневосточных самоуправляющихся городов с греко-римскими полисами и т. д.)²⁵.

Означенная концепция и вытекающая из нее периодизация все разнообразие общественного развития фактически сводит к взаимной расстановке «общинно-частного» и «государственного» секторов экономики. Меньше внимания уделяется изменению соотношения этих двух секторов, степени их взаимного влияния, охвата ими экономики страны, т. е. процессам, которые могли иметь существенное значение. Однако именно на Востоке начиная с глубокой древности и вплоть до позднего средневековья различие между «государственным» и «частным» является несущественным; первое постоянно довлеет над вторым и налицо фактически полное господство государственной собственности, государства вообще, во всех сферах экономической деятельности.

Наличие всемогущего государства — наиболее характерная особенность как древних, так и средневековых восточных обществ. Даже там, где царская власть вначале все еще не являлась всемогущей, была ограничена традициями и связана путами родо-племенного строя (Двуречье, хетты и др.), в дальнейшем наблюдается развитие в сторону деспотии и неограниченной царской власти (в Двуречье уже в эпоху аккадской династии, в хеттском Новом царстве и т. д.). Конечно, в истории как древних, так и средневековых восточных стран было немало периодов ослабления центральной власти, периодов децентрализации, но их неизбежно сменяло новое усиление государственной власти, новая волна централизации и деспотического правления.

Исследуя социально-экономический строй ближневосточного классового общества, прежде всего следует указать на устойчивое сохранение на всем протяжении его существования (вплоть до позднего средневековья) приоритета государства и государственной собственности. Если

²⁴ О невозможности признать эти восточные города и гражданско-храмовые общины аналогичными античному полису — явлению по сути в истории уникальному — см. *Андреев Ю. В.* Античный полис и восточные города-государства. — В сб.: *Античный полис.* Л., 1979; *Фролов Э. Д.* Тема полиса в новейшей историографии античности. — Там же.

²⁵ См. *Меликишивили Г. А.* Некоторые аспекты вопроса о социально-экономическом строе древних ближневосточных обществ. — ВДИ, 1975, № 2, с. 29 сл., а также наш доклад «Проблема социально-экономического строя древнего Ближнего Востока» на Всесоюзной конференции, посвященной исследованию древнего и средневекового зарубежного Востока (Ленинград, 1981) (информацию о докладе см. *Пиотровский М. Б.* Всесоюзная конференция историков древнего и средневекового Востока. — НАА. 1983, № 1, с. 133).

для античного рабовладельческого общества наиболее характерным, структурообразующим феноменом являлся полис, то для древнего и средневекового ближневосточного общества таковым было всемогущее государство. Так же как без понимания генезиса и функционирования полиса нельзя понять античное общество, так и без осмысления генезиса и функционирования всеильного государства невозможно понимание ближневосточного общества. Здесь перед нами огромная формирующая роль государства в развитии общественной системы (включая экономику), факт активного вмешательства одного из элементов надстройки в структуру и динамику базиса.

Подобная роль государства выявляется в первую очередь в отношении собственности, которые, по словам К. Маркса, и являются юридическим выражением производственных отношений²⁶. На Востоке (как древнем, так и средневековом), как правило, налицо ведущая роль государственной собственности. Она сложилась на базе сравнительно низкого уровня развития производительных сил, слабого развития товарного производства и товарно-денежных отношений, при относительно слабом и ограниченном развитии и функционировании частной собственности. Именно приниженная роль на Востоке частной собственности и ведущее положение государственной глубоко отличают древний и средневековый Восток от греко-римской античности (и, пожалуй, от европейского средневековья). Правда, в разное время и в разных странах соотношение государственной и частной собственности в той или иной мере менялось, но ведущее положение государственной собственности в целом стойко сохранялось и в случае временного ослабления ее позиций вскоре вновь усиливалось. Следовательно, нельзя предполагать существенное изменение соотношения на Востоке в пользу частной собственности. Однако все же с начала II тыс. до н. э. здесь, в особенности в такой ведущей стране Ближнего Востока, как Вавилония, произошли в этой сфере серьезные изменения, которые нельзя не учитывать при периодизации развития ближневосточного общества. Это обстоятельство склоняет нас к выделению в качестве «древнего (раннего) периода» не эпоху III—II тыс. до н. э., как это предусматривается периодизацией И. М. Дьяконова, но III тыс. до н. э., поскольку с начала II тыс. начали, как нам кажется, действовать новые факторы, появились явно новые явления, определившие в дальнейшем лицо позднедревневосточного и во многом схожего с ним средневекового восточного общества.

Как было отмечено выше, в III тыс. до н. э. для древнего ближневосточного общества (особенно в «великих ирригационных обществах») характерно активное и непосредственное участие государственной власти в хозяйственной жизни: ведущей функцией государства в этот период, пожалуй, было руководство экономической жизнью общества. Однако уже с начала II тыс. до н. э. государство все более отстранялось от непосредственного ведения хозяйства (хотя государственное вмешательство в хозяйственную жизнь, государственный контроль над ней в той или иной форме все же остается, особенно в Египте). В Двуречье, во всяком случае, высокоцентрализованные царско-храмовые (государственные) хозяйства полностью исчерпали свои возможности, стали нерентабельными, и господствующей формой ведения хозяйства стало самостоятельное хозяйствование производителей на своих мелких участках. Безусловно, это был шаг вперед на пути индивидуализации хозяйства и укрепления частновладельческих отношений. Однако определенное отстранение государства от непосредственного ведения сельскохозяйственного производства вовсе не означало ослабления позиций государственной собственности вообще. «Царская земля» все более расширялась, постепенно формируя феномен верховной царской собственности на землю. Расширился и круг

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6, 7.

«царских земледельцев», «царских людей», которые наряду со всей основной массой непосредственных производителей эксплуатировались уже в основном путем взимания ренты-налога или арендной платы и выполнения других повинностей по отношению к государству. Ведущее положение государства в экономике выражалось также в обеспечении земельным фондом и жалованием все более увеличивающегося слоя царской бюрократии, служилого (бюрократического, военного) сословия — господствующего класса этих государств. Земельный фонд, находившийся в руках этого слоя, составлял государственную собственность и предоставлялся фактически во временное владение за службу. Впрочем, низший слой служилых людей (рядовые воины, младший административный персонал и т. д.) частично мог участвовать и в производстве, в то время как верхний полностью был отстранен от него и выступал основным эксплуататором производителей материальных благ. Этот слой по-прежнему был тесно связан с государством, именно через государство осуществлял эксплуатацию производителей — рабов и нерабов. Следовательно, и социальная структура общества на данном этапе все более принимала традиционную для Востока форму, сохранявшуюся долго, вплоть до позднего средневековья.

Наряду с этим на этом этапе происходило (в некоторых регионах Ближнего Востока во всяком случае) значительное расширение торговли и товарно-денежных отношений, развитие ремесла, образование крупных торгово-ремесленных центров, получавших порой определенное самоуправление. И это означало, безусловно, определенный прогресс в развитии частнособственнических отношений.

Конечно, в разных странах ближневосточного региона развитие имело свою специфику. Поэтому нам следует более близко ознакомиться с конкретной обстановкой в ряде ведущих стран древнего Ближнего Востока, таких, как Вавилония, Египет, Митаннийское и Хеттское царства.

Уже во II тыс. в некоторых регионах Ближнего Востока (в частности в Вавилонии, а также сиро-палестинском регионе) началось образование крупных торгово-ремесленных центров, располагавших порой определенным самоуправлением. Намечившееся в эту эпоху интенсивное развитие торговли, в том числе внешней, международной, товарного производства и денежных отношений, безусловно, способствовало этому. В связи с этим следует также указать на укрепление позиций института частной собственности. Впрочем, отмеченный выше переход от централизованных царско-храмовых хозяйств к индивидуальной обработке предоставляемых производителям земельных участков уже сам по себе являлся шагом вперед в этом направлении. Означенные факторы особенно активно начали действовать уже со II тыс. до н. э. в Вавилонии (развитие в том же направлении углубилось в I тыс. до н. э.).

В Вавилонии после падения III династии Ура централизованное государственное хозяйство исчезло (видимо, разросшись до невероятных размеров, оно отчетливо выявило свою нерентабельность, обусловленную использованием в нем малоинтересованных в результате своей работы работников, необходимостью больших непроизводительных затрат на надзор и управление). В практику внедрилась обработка царского земельного фонда путем раздачи наделов самостоятельно хозяйствующим царским работникам (*мушкену*).

В эпоху аморейской династии (XIX—XVII вв. до н. э.) царь, как правило, не имел своего полевого хозяйства, однако в его распоряжении была «царская земля» (*eqlât êkallim*), которая эксплуатировалась отчасти путем раздачи наделов за службу царским служащим и ремесленникам, а также главным образом земледельцам — держателям наделов за плату («дань» — *biltum*). Эти последние обозначались то термином *nâši biltim* («приносящий доход (дань)»), то термином *iššakkum*. По мнению И. М. Дьяконова, возможно, эта категория держателей царской земли подразуме-

валась и под широко употребляемым в судебниках термином *muškênum*²⁷. Наделы на царской земле предоставлялись за службу также воинам — *rêdûm* и *bâ'îrum*. Отчуждение их наделов, а также наделов людей *pâši biltim* — *iššakum* категорически запрещалось, в то время как земля других держателей («земли кормления») могла отчуждаться при условии перехода на приобретателя надела соответствующей повинности. Нередко такие наделы сдавались в аренду, особенно когда владелец по характеру своей службы не имел возможности лично заниматься хозяйством. Мог владелец надела (кроме воинов) выставить для выполнения повинности своего заместителя или даже своего раба.

Таким образом, в старовавилонское время весьма обширной выглядит служилая прослойка общества, слой «людей службы». Правда, у вавилонян был особый термин для обозначения «службы» (*ilku*, бар. *pâši biltim*), но фактически «служилая прослойка» включала в себя многих других — это были низшие чины управленческого аппарата, жрецы и жрицы, воины, *тамкары* (купцы), ремесленники. В Законах Хаммурапи (§ 36—38, 41) вместе, в одном контексте перечислены воины (*редум*, *баирум*) и *pâši biltim* (согласно И. М. Дьяконову, синоним *мушкену* — всякий служащий был в сословном отношении *мушкену*²⁸).

И. М. Дьяконов утверждает, что вне царского фонда земли находились общинные земли, которые могли обозначаться терминами *eqlum dûrum* «вечное поле» или *eqel bit abi-ja* «поле дома моих предков», однако в то же время видно, что царская администрация порой распоряжалась и такими землями — отбирала их у владельцев. Правда, судя по одному письму Хаммурапи правителю Ларсы Шамашхасиру, это считалось противозаконным. Впрочем, не может быть полной уверенности в том, что здесь в самом деле речь идет об участке на «общинной земле», а не той же «царской земле», возможно, закрепленной за «домом» (большесемейной общиной) «навечно»²⁹.

Даже допуская наличие в эту эпоху, кроме «царской земли», и «общинного сектора», ясно, что и на последний распространялась юрисдикция царя. Безусловным являлось монопольное владение государством водными ресурсами, всей оросительной системой, существование связанных с ней и обязательных для всех повинностей, а также наличие налогов. Из судебного Липит-Иштара видно, что в случае задержки выплаты налога общинником в течение трех лет его «дом» мог быть отобран и передан в руки того, кто будет выполнять это обязательство.

Таким образом, фактически не было полностью независимого от царской власти «общинного сектора экономики» и вполне самостоятельных от государства производителей. Как предыдущее, так и последующее развитие ясно указывает, что общей тенденцией развития являлось формирование всеобъемлющей, верховной во всяком случае, царской собственности на землю. Процесс подчинения общин, увеличения государственного сектора экономики за счет общинного был, вероятно, постоянно действующим процессом. Интенсивность его во много зависела от конкретных исторических условий, от силы и могущества государственной власти и целесообразности ведения хозяйства и эксплуатации населения в той или иной форме. Наряду с процессом подчинения и включения в сферу государственного сектора целых общин, поселений и областей, храмовых и других хозяйств происходило, несомненно, постоянное расширение этого сектора экономики за счет обедневших или оставшихся без наследства общинников³⁰, разного рода пришельцев, а также плененного и депорти-

²⁷ См. Дьяконов И. М. *Mušškênum* и повинностное землевладение на царской земле при Хаммураби. — *Eos*, 1956, XLVIII, 1. Ср. также его комментарии к старовавилонским законам (ЗВАХ).

²⁸ *Он же*. ЗВАХ, с. 266.

²⁹ *Renger*. *Op. cit.*, p. 168.

³⁰ *Ibid.*, S. 169.

рованного населения. Таким образом, развитие шло в направлении полного подчинения производителей царской власти, образования всеобъемлющей царской собственности на землю.

Следовательно, после ликвидации практики непосредственного ведения государством огромного централизованного хозяйства, с одной стороны, расширился слой «людей службы», с другой, произошел переход на систему взимания прямых налогов со всего населения — производителя материальных благ³¹, т. е. начала складываться модель общества, которая постепенно стала господствующей на Ближнем Востоке, функционируя вплоть до средневековья включительно.

В Вавилонии этот процесс продолжается в последующую — касситскую (среднеавилонскую) эпоху (XVI—XI вв. до н. э.). В это время в первую очередь наблюдается определенное укрепление позиций частного землевладения. Об этом свидетельствуют специфические документы данного периода — так называемые *кудурру*, фиксирующие акты пожалования царем земли храмам и жрецам, высшим сановникам и другим лицам. Сидевшее на такой земле производящее население при этом подпадало в зависимость от нового хозяина, несло в его пользу повинности³². Храмы, например, иногда получали право взимания налогов и других повинностей с жителей целых селений³³. Часто этому пожалованию сопутствовало также освобождение от тех или иных поборов и повинностей. Полагают, что речь шла о выдаче земли во временное пользование, поскольку ее переход по наследству нуждался в царском утверждении. Однако постепенно такая земля стала рассматриваться как частная собственность, и сами цари начали практиковать выдачу земли «на вечные времена».

Наряду с этим определенные привилегии получали и некоторые крупные города (Вавилон, Ниппур, Сиппар) — они освобождались от общегосударственных налогов и повинностей. Таким образом, формировалось новое деление общества, — с одной стороны, привилегированные, освобожденные от общегосударственных налогов и повинностей граждане городских общин, а также крупные землевладельцы, получившие такое же освобождение, с другой же — обложенное налогами и повинностями сельское население. Происходило постепенное стирание разницы между общинниками и держателями царских земель — и те и другие фактически превратились в частных хозяев, в одинаковой степени облагаемых налогами и повинностями.

В касситское время распад государственного хозяйства с его громоздким и дорогим административным аппаратом, можно сказать, уже свершившийся факт. Царского хозяйства фактически не существует. Вместо него, как уже было сказано, входит в практику взимание налогов и повинностей со всего (или большей части) населения³⁴. Что касается храмов, то и они собственного хозяйства практически не вели, получая доходы с приписанного к ним населения (*амелуту*). Эти храмовые работники имели свое самостоятельное хозяйство, хотя и не считались собственниками обрабатываемой ими земли. Формирование означенной структуры общества свое полное завершение получило несколько позже, в I тыс. до н. э.³⁵

В Египте во II тыс. до н. э. также наблюдалось развитие в аналогичном направлении. Правда, в отличие от Вавилонии здесь все же зависимость самостоятельно хозяйствующих производителей от государства

³¹ Дьяконов. — ИДМ, I, с. 41.

³² Oelsner J. Landvergabe im Kassitischen Babylonien. — In: Societies and Languages of the Ancient Near East. Studies in Honour of I. M. Diakonoff. Warminster, 1982, p. 279 f.

³³ Якобсон. — ИДМ, I, с. 185.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

оставалась более тесной — в использование рабочей силы все еще сильно вмешивается государственная власть³⁶. В противовес существовавшему в эпоху Древнего царства централизованному царскому хозяйству в периоды Среднего и Нового царств и здесь распространилась практика индивидуальной обработки наделов самостоятельно хозяйствующими «царскими земледельцами». В эпоху Нового царства даже рабам нередко предоставлялись небольшие участки земли, они имели семью, небольшое имущество и т. д. Многие рабы-чужеземцы делались храмовыми земледельцами. Правда, коллективная обработка земли (как и вообще царское хозяйство) и в это время продолжала существовать, а хозяйственная жизнь страны находилась под постоянным наблюдением и контролем государственной власти, однако в эпоху Среднего и особенно Нового царства и в Египте произошло значительное смягчение способа эксплуатации «земледельцев» и переход от непосредственной эксплуатации к предоставлению земледельцам возможности самостоятельного хозяйствования с условием уплаты определенной доли урожая. Документы конца Нового царства (в частности папирус Вильбура) свидетельствуют о широком распространении системы сборов с зависимых земледельцев, с арендаторов и издольщиков, между которыми были распределены храмовые и царские земли. Начиная с царствования Тутмоса III даже военнопленных сажали на землю и записывали в «земледельцы» и вскоре уже совершенно невозможно было в общей массе зависимых от храмов людей отделить военнопленных от приписанных к храмам египтян³⁷.

В эпоху Рамессидов государственный (царско-храмовый) земельный и хозяйственный комплекс также был господствующим в экономической системе страны³⁸. Зависимыми работниками государства (а не рабами) были обрабатывавшие эти земли «государственные (царские) земледельцы» — предшественники *γεωργοὶ βασιλικῆς* эллинистической эпохи. Примерно одна треть произведенного ими урожая изымалась в качестве налоговой доли (остальная часть распределялась между «государственными земледельцами» в соответствии с размерами обрабатываемых ими участков)³⁹. И. А. Стучевский приводит интересный материал, свидетельствующий о сохранении в основных чертах форм эксплуатации «царских земледельцев» эпохи Рамессидов весьма долго, вплоть до эллинистической или даже средневековой эпох⁴⁰. По его мнению, к ним подошла бы характеристика, которую дает К. К. Зельин их потомкам — *γεωργοὶ βασιλικῆς* птоломеевского времени: «...их зависимость была ни рабством, ни крепостничеством. Это была форма зависимости, возникающая не в том случае, когда человек является собственностью частных лиц или государства (как при рабстве), и не тогда, когда он находится в зависимости от отдельных лиц, обладающих известными политическими правами, но тогда, когда он имеет дело непосредственно с государством, применяющим свою неограниченную власть для организации и использования экономики страны в интересах правящего класса. Перед нами одна из многообразных форм государственного принуждения»⁴¹.

Таким образом, даже в Вавилонии и Египте во II тыс. широкое распространение получила эксплуатация широких слоев самостоятельно хозяйствующих производителей — рабов и нерабов — путем взимания доли урожая, с привлечением их в порядке государственной повинности также и к другим работам (ирригация, строительство). Эта форма эксплуа-

³⁶ Дьяконов. — ИДМ, I, с. 41—42.

³⁷ Тюменев. Передний Восток и античность, с. 66—67.

³⁸ Стучевский И. А. Земледельцы государственного хозяйства древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1982, с. 4, 245—247 и др.

³⁹ Там же, с. 117 и др.

⁴⁰ Там же, с. 69—71.

⁴¹ Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969, с. 115.

тации была господствующей, конечно, и в других, «неирригационных» обществах Ближнего Востока.

В возникших во II тыс. до н. э. ближневосточных государственных структурах уже не встречаются засвидетельствованное в III тыс. до н. э. в древнем Египте и Вавилонии ведущее положение государственной власти в хозяйственной жизни общества и существование всеобъемлющих централизованных государственных хозяйств. Это справедливо, в частности, в отношении Хеттского и Митаннийского государств, возникших в первой половине II тыс. до н. э. Становление этих государств, по всей видимости, происходило в условиях постоянной борьбы за гегемонию между отдельными родо-племенными и раннеклассовыми образованиями, приводящей к подчинению одних образований другими. Задача сохранения силой государственного единства и власти над завоеванными территориями способствовала образованию привилегированного военного слоя, оторванного от производственного труда, эксплуатировавшего сидевшее на пожалованных им землях земледельческое население. Не случайно в известной декларации хеттского царя Телепину залогом единства и могущества государства, предпосылкой успешной борьбы с врагами государства объявляется сохранение единения царского рода и «воинов». Красноречивые свидетельства о мощи и большом значении военного слоя в государстве содержат и другие хеттские документы. Значительную роль в формировании государства Митанни сыграли индоарийские военные — *марьянни*, отрядами которых вначале была укомплектована царская гвардия. Наблюдавшаяся широкая экспансия хурритов-митаннийцев, так же как и несколько позже — хеттов-неситов, уже сама по себе говорит о большом значении в их обществе военной аристократии и вообще военного слоя. Это была бурная эпоха на Ближнем Востоке. Касситские воины овладели Вавилонией, Египет завоевали вторгшиеся из Азии гиксосы, благодаря которым египтяне познакомились с боевыми колесницами. Хорошо известно, какую большую роль сыграло это в египетской истории, открыв двери для завоевательных войн фараонов XVIII династии и в значительной мере, вероятно, изменив соотношение сил в верхушке Египта в пользу военной прослойки.

Отныне все более существенным фактором, влиявшим на процесс развития древнего ближневосточного общества, было возникновение «военных» («военно-паразитических») государств, обусловленное в значительной мере прогрессом в военном деле. Речь идет о появлении и распространении в этом регионе коня, боевых колесниц и, наконец, кавалерии, сделавшими возможным создание мощных армий, предназначенных для ведения постоянных завоевательных войн.

На Ближнем Востоке появление лошадей, запряженных в боевые колесницы, относится к первой половине II тыс. до н. э. и ставится в определенную связь с проникновением индоевропейцев (индоиранцев). По-прежнему дискуссионным является вопрос о том, принесли ли арийцы со своей прародины знакомство с конем и колесницей или же, приведя коня, создали боевые колесницы на Ближнем Востоке, в частности в Месопотамии (так полагают Ф. Ханчар, А. Камменхубер, И. М. Дьяконов), поскольку самую колесницу Ближний Восток знал с давних времен⁴². Во II тыс. до н. э. в армиях тогдашних важнейших государств (Хеттское царство, Митанни, Египет, Среднеассирийская держава) ведущей силой были боевые колесницы и колесничие, однако с I тыс. конница начала занимать повсюду в войске более прочное место. Так произошло, в частности, в Ассирии, создавшей первую крупную «империю» на Ближнем Востоке, так было, видимо, в Урарту, а иранцы создали могущественное войско, преобладание в котором принадлежало легкой коннице лучников.

⁴² Ковалевская В. Б. Конь и всадник (Пути и судьбы). М., 1977, с. 18, 31.

Вообще считается, что если индоиранцы познакомили Ближний Восток с конем, то собственно иранцы — со всадничеством ⁴³.

Родиной колесничьего войска было, по всей вероятности, Митанни — государство в Верхней Месопотамии, включавшее в себя индоарийский элемент (см. известный коневодческий трактат митаннийца Киккули). По-видимому, с этим связано могущество этой арийско-хурритской державы (resp. Хурритского государства с арийской династией?), распространение ею своей власти наряду с Верхней Месопотамией (включая соседнюю Ассирию) также на Сирию — Палестину, ряд малоазийских областей и т. д. Судя по хеттским письменным документам, боевые колесницы появляются в хеттском войске уже в XVIII—XVII вв. до н. э. ⁴⁴ В дальнейшем конь и боевая колесница играли ведущую роль в хеттском войске и широко применялись. Известно, как многого достигли хетты благодаря своему военному превосходству, объединив под своей властью малоазийские, сирийские и верхнемесопотамские регионы, создав свое «военное государство», как его не без основания именовал В. В. Струве ⁴⁵. Мы говорили выше также о том большом удельном весе, который приобрели колесничие в египетском войске эпохи Нового царства. Все это, конечно, не могло не оставить глубокого отпечатка на социально-экономических отношениях этих стран, на социальной структуре их обществ. Главным результатом этого было, несомненно, резкое увеличение удельного веса связанной с армией группировки в господствующей прослойке этих государств. Это хорошо видно на материале Митанни ⁴⁶, Египта, государства хеттов. Наконец, прогресс в военном деле во многом способствовал росту могущества Среднеассирийской державы, взявшей курс на постоянные завоевания и ограбления соседних стран. При этом происходил превращение ассирийцев в «народ воинов»: каждый свободный мужчина с детства готовился стать профессиональным воином.

В этом аспекте привлекает к себе внимание, конечно Митанни, бывшее в означенную эпоху одним из четырех «великих царств» этого региона наряду с Вавилонией, Египтом и Хеттским царством. К сожалению, из-за отсутствия источников мы лишены возможности подробно судить о социально-экономическом и государственном строе этого крупного государства. Известно, что это была наследственная монархия, где порой развертывалась ожесточенная борьба за царский трон, в которую вовлекались и чужеземные силы. Царевичи часто бывали правителями крупных областей царства, в завоеванных странах (например в Ассирии) сидели царские наместники, при царском дворе существовал центральный административный аппарат, а на местах находились царские должностные лица, из которых особенно следует отметить должность *галцухлу*. При возникновении этого крупного политического образования активную роль, по всей видимости, сыграли индоарийские племена, с появлением которых связывается массовое использование коня в войске, в частности образование колесничьих отрядов — *марианни*, играющих решающую роль в военных операциях крупных древневосточных государств этого времени. Сама правящая династия в Митанни была индоарийского происхождения. Некоторые исследователи, основываясь главным образом на угаритском материале, где также засвидетельствован термин *марианни*, постулируют значение его просто как «колесничий», отрицая его социальную значимость («знать», «знатный»). По их мнению, угаритские *марианни* представляли собой находившихся на царской службе людей, которым

⁴³ Там же, с. 61, 103 и др.

⁴⁴ Там же, с. 41.

⁴⁵ Струве В. В. Хеттское общество как тип военного рабовладельческого общества. — ИГАИМК, 1934, вып. 97.

⁴⁶ Характерна в этом отношении формула приветствия в дошедшем до нас письме митаннийского царя Тушратты царю Египта: «Мир тебе ... твоим сыновьям, твоим коням, твоим колесницам, твоим воинам, твоей стране и всему, что принадлежит тебе».

колесницы и другое снаряжение (возможно и кони) предоставлялись самим государством. Сами колесничие наделялись земельными служебными держаниями, а также получали натуральное довольствие и выдачи серебром. *Марианни* имели помощников, также «царских людей», [но более низкого ранга, которых они сами не содержали за свой счет. Отсюда делается вывод, что угаритские *марианни* не составляли особого слоя аристократии, хотя и пользовались рядом привилегий⁴⁷. Этой точке зрения справедливо возражают другие исследователи, полагая, что материал из Угарита, где высший слой образовывали крупные торговцы, не может иметь определяющее значение при решении вопроса о статусе и происхождении *марианни* в самом Митанни⁴⁸. Следуя за наиболее распространенным мнением, мы склонны в этом слое видеть членов царской гвардии, высшую военную знать, которая вообще должна была играть в Митанни значительную роль. Ведь само возникновение Митаннийского государства, подобно хеттскому царству, происходило, безусловно, в условиях военного противостояния разных племенных и раннеклассовых объединений, в процессе которого было естественным выдвижение подобной военной прослойки.

Из государств этого же типа во II тыс. до н. э. привлекает наше внимание также Хеттское царство. Дошедший до нас обильный материал середины II тыс., правда, освещает довольно позднюю ситуацию в развитии малоазийского общества. Безусловно, классовое общество здесь зародилось намного раньше, во всяком случае уже в III тыс. до н. э., но об этой предыстории Хеттского царства мы мало осведомлены. Великое Хеттское государство II тыс. до н. э. возникло в процессе борьбы за гегемонию между отдельными племенными и раннеклассовыми образованиями⁴⁹, приведшей к подчинению одних образований другими, выдвижению царского рода и военной аристократии, подчинению обширных областей и их производящего населения.

Малоазийский регион своеобразен по своим природным условиям: здесь нет необходимости в организации развитой системы искусственного орошения, не составляет проблемы снабжение общества сырьем (в частности металлами). Таким образом, здесь отсутствовали те потребности, удовлетворение которых в «великих ирригационных обществах» (Египет, Вавилония) обусловило сосредоточение в руках государства функций ведения хозяйства и привело на заре возникновения в них классового общества и государства к образованию крупных централизованных царско-храмовых хозяйств. Во всяком случае подобные хозяйства не были известны в хеттском обществе II тыс. до н. э., но, возможно, в более ранние периоды истории роль «дворца» как хозяйственного центра была столь же ощутимой, как, например, в крито-минкенских обществах. Ясно все же, что здесь, в Малой Азии, очень рано ведущим становится индивидуальное ведение хозяйства в основном большесемейными общинами («домовой общиной», «большой» патриархальной семьей).

Однако это обстоятельство не помешало тому, что, как и в «великих ирригационных обществах» II тыс. до н. э., государство здесь стало обладателем и распорядителем обширного земельного фонда и эксплуатировало сидящую на нем массу непосредственных производителей. В отличие от древнейшего Двуречья и Египта в этом случае данное право государства (царя) выросло не на основе выполнения им функций организатора экономической жизни, а из права завоевателя и политического властителя. Косвенным свидетельством наличия в руках государства земельного фонда являются дарственные документы хеттских царей, а так-

⁴⁷ См. ВДИ, 1969, № 3, с. 22—28.

⁴⁸ Ср. *Astour M. C.* The Merchant Class of Ugarit.— BAW, Philos.-hist. Kl. Abh. NF, 75, München, 1972, S. 26.

⁴⁹ См. *Меликишвили Г. А.* Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии.— ВДИ, 1965, № 1.

же вообще тексты, касающиеся земельных и других пожалований членам царской семьи, храмам, представителям аристократии и др. Широко известен документ KUB, XIII, 8, составленный от имени «великой царицы» Асмуникал, о передаче целых поселений с находящимся в них производящим населением «Каменному дому», т. е. храму, посвященному заупокойному культу усопших царей, и о статусе переданного имущества. Некоторые параграфы Хеттских законов (далее — ХЗ) упоминают земельные участки, переданные царем в дар людям категории GIŠTUKUL (о них см. ниже). Так, в § 53 речь идет о разделе подаренного царем поля между человеком GIŠTUKUL и его дольщиком, а в § 47 В — об освобождении от повинности luzzi человека, имевшего подаренное царем поле (по позднему варианту ЗХ для этого требуется специальное распоряжение дворца)⁵⁰. Правильно отмечается, что поселения, переданные царицей «Каменному дому», до передачи, видимо, относились к государственному земельному фонду⁵¹. В «Предписании Тутхалии» (IV?) предусмотрены строгие меры в отношении тех, кто взламывал царский амбар⁵². В одном царском дарственном тексте «Дому Хаттусы в Сариссе» названы поля, пастбища, лесонасаждения, огороды, гумна и т. д., принадлежащие дворцу⁵³. О дарении крупных земельных владений храмовой служащей — Куваттале — речь идет в «Дарственной грамоте» царя Арнуванды и царицы Асмуникал и т. д.

Имеется также много указаний на предоставление земельных участков депортированному населению (NAM.RA); несомненно, и их сажали на государственные земли (если речь не шла об их передаче храмам или вельможным хозяйствам). «Инструкция для начальника округа» содержит указание о предоставлении депортированным земельных участков, скота, посевного зерна и т. д.⁵⁴ Порой речь идет о наделении депортированных земельными участками, оставленными людьми GIŠTUKUL. Такой случай, как известно, специально упомянут и в ХЗ (§ 40, ср. § 112). По всему видно, что и посаженные на государственные земли депортированные самостоятельно вели хозяйство⁵⁵. Нигде мы не встречаемся с указанием о централизованном ведении хозяйства на государственных («дворцовых», «царских» землях, хотя государственная власть заботилась о том, чтобы производители (индивидуальные «дома» в «дворцовом хозяйстве») вели хозяйство надлежащим образом. Об этом красноречиво свидетельствуют царские «Инструкции для начальника округа»⁵⁶. Во многих пунктах страны были «дворцы» — административно-хозяйственные центры (resp. «Дома царя», «Дома города Хаттусы»⁵⁷ и т. д.). Судя по «дарственным» текстам, эти «дворцы», находившиеся в разных поселениях, имели поля, нивы, огороды, фруктовые сады. В документах делалось различие между «полем, принадлежащим дворцу» и «полем, принадлежащим плугарям» (подобно тому как во владениях храмов различали «поле бога» и «поле плугаря»). Как видно из других документов, «поле дворца», «поле бога» обрабатывались в порядке трудовой повинности (отработанная рента) земледельцами — зависимыми от дворца или храма работниками⁵⁸. Нередко в роли таких самостоятельных работников дворцового хозяйства могли выступать и многочисленные депортированные (пленные) (NAM.RA)⁵⁹.

⁵⁰ См. в переводе И. М. Дунаевской. — ВДИ, 1954, № 4; в переводе В. В. Иванова. — Хрестоматия по истории древнего мира. М., 1980 (далее — ХИДМ).

⁵¹ Гиоргадзе Г. Г. Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства. Тбилиси, 1973, с. 39.

⁵² Там же, с. 53—54.

⁵³ Там же, с. 54.

⁵⁴ Там же, с. 80—81.

⁵⁵ Там же, с. 82.

⁵⁶ Там же, с. 166 сл.

⁵⁷ Там же, с. 169.

⁵⁸ Там же, с. 170.

⁵⁹ Там же, с. 171

Поскольку под термином *мушкену* в аккадском подразумеваются «царские люди» — зависимые от царя, сидящие на царской земле лица, приобретает важное значение употребление этого термина в хеттских документах. Оно также указывает на наличие в этом регионе в означенное время царского (resp. государственного) землевладения. В некоторых текстах прямо говорится о «дворцовых *мушкену*» (E. GAL^{LIM} LU^{MAŠ}.EN. KAK — см. KUB, VIII, 75 + Vo 4214 + Vo 8091) ⁶⁰. В итоге одного из изданных Вл. Соучеком списков земельных участков сказано: «Итого 88 полей *мушкену*, и их семья содержит 465 парісу; все вместе же 525 парісу вместе с дворцовым *мушкену*» ⁶¹ (последние, видимо, жили в самом дворце, а не отдельно от него). Постоянное указание в кадастровых списках количества семян, необходимого для засева того или иного земельного участка, может указывать на возможность предоставления посевного зерна этим земледельцам дворцом. Нам известно из других документов о наличии такой практики в отношении депортированных (NAM.RA) и других «царских людей». В одном из хеттских документов, видимо, речь идет об обещании царя вернуть ранее конфискованный им скот *мушкену* ⁶². В связи с дворцом или храмом упоминаются *мушкену* и в некоторых других хеттских текстах ⁶³.

Уже с эпохи Древнехеттского царства мы располагаем сведениями о существовании определенного государственного учреждения — «Дома печати» (E^{NA}. KISIB-pir ši^{annaš}). Согласно А. Гетце, имеются в виду кладовые (хранилища), где накапливались запасы зерна ⁶⁴. В эпоху Новохеттского царства «Дом печати» также многократно упоминается, и видно, что речь идет о месте, где хранилась, в частности, дань, поступавшая из разных местностей. Скорее всего перед нами учреждение, ведавшее налогами, данью и т. п. ⁶⁵. Поэтому привлекают внимание сведения «Указа Телепину» (§ 37—40) о передаче «Дому печати» целого ряда (вероятно, 34-х ⁶⁶) населенных пунктов (по всей видимости, на восточной периферии Хеттского царства). Этот случай может служить известным примером того, как могло происходить подчинение земледельческого населения царской власти, превращение его в «царских земледельцев». Конечно, исходным для этого процесса могли быть завоевания хеттских царей, подчинение ими силой оружия завоеванных и присоединенных к царству регионов Малой Азии.

В процессе присоединения к царству все новых и новых территорий происходило, видимо, и расширение фонда государственных земель. Такими становились в первую очередь все пустующие земли; кроме того,

⁶⁰ Souček V. Die Hethitischen Feldertexte. — ArOr, 1959, 27, S. 26—27 (cp. Diakonoff I. M. Die hethitische Gesellschaft. — MIO, 1967, B. XIII, Ht. 3, S. 362 f.).

⁶¹ Souček. Op. cit.

⁶² Souček V. Randnotizen zu den hethitischen Feldertexten. — MIO, 1963, B. VIII, Ht. 3, S. 382.

⁶³ Ibid., S. 375—378.

⁶⁴ Goetze A. Kleinasien. München, 1957, S. 103, Anm. 7.

⁶⁵ Гиоргадзе. Ук. соч., с. 239; Менабде Э. А. Хеттское общество. Тбилиси, 1965, с. 97 и др.

⁶⁶ Исходя из некоторых указаний текста, Г. Г. Гиоргадзе считает, что речь шла о 94-х селениях, из них в 60-ти выполнялись работы по заготовке зерна, а в остальных 34-х — по заготовке кормов для скота (ук. соч., с. 223 сл.). Анализ § 39 привел Г. Г. Гиоргадзе к заключению, что эти поселения не платили должного количества зерна, ограничивались уплатой ничтожной его части — с одного или двух гипессар земли. Видимо, с передачей этих поселений государственному ведомству, «Дому печати», положение должно было измениться (в этом смысле и следует понимать слова Телепину в § 39 «зерно я умножил» — ук. соч., с. 225 сл.). Конечно, в данном тексте не все до конца ясно, однако если упоминаемые в § 39 «плугари» (т. е. земледельцы) в самом деле становятся непосредственно подчинены «Дому печати», то общий смысл распоряжения царя Телепину можно представить следующим образом: в виде наказания за недобросовестную уплату налогов, они непосредственно подчиняются государственному ведомству, ведающему сбором налогов, дани, и фактически превращаются, если не полностью, то во всяком случае наполовину, в «царских людей».

общины обязывались выделить определенное количество земли «дворцу» для наделения ею «людей службы» (см. ниже). Остальное население должно было платить дань (в вассальных регионах) или же выполнять государственные повинности (*саххан* и *луцци*, — видимо, натуральные взносы и трудовая повинность), если оно специально не освобождалось от этого. Очевидно, имелась тенденция дальнейшего подчинения такого населения тому или иному государственному ведомству, передачи целых поселений с сидевшими на их землях производителями храмам, крупным должностным лицам, членам царского рода и т. д. Такие ведомства отчасти, видимо, занимались и поставкой военных отрядов для центральной власти⁶⁷.

Правда, существовал, видимо, отдельно царский земельный фонд, из которого делались дарения, удовлетворялись земельными участками «люди службы» и т. д., но неправильно было бы думать, что этим и ограничивались позиции государства в экономике. Несомненно, и обширные храмовые владения фактически являлись частью «государственного сектора экономики». В той или иной мере под властью государства находились и имения членов царской семьи и крупных сановников. Считалось, видимо, также, что все завоеванные области превращались в царское достояние; в случае, если там оставался прежний властитель, то по договору земли «возвращались» ему царем (так, например, в договоре с правителем Угарита Никмепой Мурсили II говорит: «...страна, которую я тебе возвратил, и ты, Никмепа, с твоей страной, вы — мои рабы...»)⁶⁸. Если иметь в виду, что преобладающая часть территории Хеттского царства могла считаться подобным образом завоеванной, то легко понять, сколь обширная территория могла теоретически считаться царской собственностью, «возвращенной» прежним владетелям и пользователям. Но это было также и основанием для выполнения держателями этих земель определенных повинностей по отношению к царской власти, государству. Основными среди них, по-видимому, являлись повинности *саххан* и *луцци*. Правда, кроме «*саххан* и *луцци* царя» существовали «*саххан* и *луцци* бога» (т. е. храма), «*саххан* начальника области», «*саххан* начальника города» и т. д.⁶⁹ Возможно было также освобождение от этих повинностей; освобождался, например, «царский дар» — земельный участок (см. ХЗ, § 47А; впоследствии для этого требовалось специальное царское распоряжение, см. ХЗ, § XXXIX), освобождалось от государственных повинностей передаваемые культовым учреждениям хозяйства (см. КУВ, XIII, 8, цитированное выше); освобождалась некоторые жреческие «дома» (см. ХЗ, § 50, 51), освобождалась даже целые поселения⁷⁰ и т. д., но, как правило, все земледельческое население выполняло означенные повинности в пользу государства (царя). Видимо, как полагают исследователи, сельские общины вообще органически входили в государственную систему, рассматривались государственной собственностью⁷¹.

В этом аспекте привлекает к себе внимание § 39 ХЗ⁷², в котором речь идет о случае занятия «жителем селения» (LÜ ULÜ^{LU}-aš), т. е. «общинником», полей «другого (человека)» (видимо, также общинника, члена той же общины, жителя того же селения). В подобном случае первый должен

⁶⁷ Так, например, в хеттском документе КВо, IV, 10, 1 сказано: «...царь и царица следующее предписание дали: конные и пешие войска, которые в Хатти Каменный дом страны Хулая посылал, от (всего) этого его царь освободил. И он (т. е. царь Датасса) в будущем пусть в походную армию Хатти 200 (войнов) посылает. А посылаемый Каменным домом контингент впредь не потребуют. И этот контингент (для) саххан и луцци богов будет возвращен: одни для службы в храме, другие — для обработки земли (?)...» (см. *Менабде*. Хеттское общество, с. 92—93).

⁶⁸ Там же, с. 108 сл.

⁶⁹ *Гиоргадзе*. Ук. соч., с. 111, прим. 62.

⁷⁰ *Гиоргадзе Г. Г.* Государственные повинности в хеттском обществе.— Кавказско-ближневосточный сборник, 1977, V, с. 11.

⁷¹ Там же, с. 13.

⁷² См. *Imparati F.* Le Leggi Ittite. Roma, 1964, p. 56—57; *Иванов*.— ХИДВ, с. 276.

выполнять также повинность (*šahhan*); если же он бросит эти поля и некто другой (видимо, на этот раз — житель не того же селения) займет их, то *saxhan* переходит на последнего, однако тот не может продать поля (как принадлежащие данной общине?).

В § 46 ХЗ, видимо, предполагается случай, когда член семейной общины в виде наследственной собственности (*iwaru*) получает земельный участок: при этом наряду с *saxhan* он должен выполнять и другую повинность — *луцци*, если получает находящуюся в распоряжении большесемейной общины землю целиком. Однако, если он получает лишь часть ее, — *луцци* выполняют «(люди) из дома его отца», т. е. та большесемейная община, от которой он откололся. Однако если земельный участок предоставлен ему («сообществом земледельцев» (*ku-li-i*) или «жителями селения» (*LUMESURULIM*), то он выполняет (наряду с *saxhan*?) и *луцци*. Из данного параграфа ХЗ можно заключить также, что *saxhan* и *луцци* выполняли общинники, притом последнее (*луцци*) выполнялось сообща большесемейной общиной⁷³.

Видимо, в более древнюю эпоху, в период составления I таблицы ХЗ, исключение допускалось для человека, получившего земельный участок в качестве «царского дара», — он освобождался от выполнения *луцци* (§ 47А), однако по позднему варианту (III таблица, § 39) и он должен нести эту повинность, если царь специально не освободил его от этого. § 47В содержит аналогичное § 46 указание на то, что если человек получает поле от «сообщества земледельцев» (*ku-li-i*) или «жителей селения» (*LUMESURULIM*) (т. е. от общины в целом), то он выполняет *луцци*. *Луцци* выполняли также общины посаженных на землю пленных (*LURipparaš*), притом оговорено, что члены таких общин не имели права отчуждения своего поля или виноградника (ХЗ, § 48).

Царская власть порой освобождала от выполнения государственных повинностей определенные группы населения, хотя чувствуется тенденция постепенно сузить этот круг лиц (ср. также выше, ХЗ, § 47А). Так, в § 50 сказано: «У людей священного звания, которые имеют обрядовую власть в городах Нерик, [Аринна] и Ципланта, и у жрецов во всех городах дома (т. е. хозяйства — *Г. М.*) свободны, но „люди их наследственной доли“ (*LUMESNA.LA-SU.NU*) должны [выполнять] *луцци*». А § 51 гласит: «Прежде дом того, кто становился ткачом в городе Аринна, был свободным [от повинностей] [и] люди его... (*LUMESNI-SU-U.SU*) (т. е. подчиненный рабочий персонал „дома“ — *Г. М.*) были свободны. Теперь же [только] его собственный дом (малая семья? — *Г. М.*) свободен, а люди его [наследственной] доли и его люди [люди его дома] должны выполнять *saxhan* и *луцци*. В городе Ципланта то же самое».

Интересен в этом отношении и § 54, в котором говорится: «Прежде войны (*ERINMES*) манда, войны сала, войны городов Тамалки, Хатра, Цальпа, Тасхиния, Хемува, лучники, плотники, конюшие и их люди карухала не выполняли *луцци* и *saxhan*».

Видимо, «люди повинности» (*LUMESIL-KI* — возможно — «люди *saxhan*») страны Хатти (т. е. центральной области Хеттской державы) также захотели освободиться от выполнения повинностей, но царь, к которому они обратились с этой просьбой, отказал им (§ 55).

Конечно, царская власть отказывалась от получения *saxhan* и *луцци* в свою пользу, как об этом уже говорилось выше, когда земельные угодья с прикрепленными к ним производителями передавались в дар храмам или же крупным сановникам, членам царского рода и приближенным ко двору лицам. Вероятно, это специально было оговорено в дарственных документах (примером может служить указанная выше дарственная грамота царицы Асмуникал «Каменному дому» — KUB, XIII, 8).

⁷³ В качестве аналогии можно привести обстановку в средневековой Грузии, где повинность налагалась на полный хозяйственный комплекс — *пудзе*.

Конечно, еще не все понятно в вопросе о государственных повинностях — *саххан* и *луци*. В частности, до сих пор не ясно, в чем конкретно они заключались, хотя на этот счет высказано немало разных предположений. Дальнейшего уточнения требует также вопрос о том, какой круг населения был освобожден от этих повинностей. Ясно, что повинностями облагались низшие слои населения — общинники-земледельцы, ремесленники, низшие слои жрецов и воинов, наконец, посаженные на землю и самостоятельно хозяйствующие пленные. Верхи общества (военная верхушка, старшее жречество, высшие сановники и члены царского рода) такие повинности, видимо, не несли. Таким образом, в отличие от верхнего слоя «царских людей», «людей службы» низший слой «людей службы», получавших земельные наделы за службу из царского (государственного) земельного фонда или специально выделенного общинами для царской службы земельных участков, как выясняется, нес государственные повинности.

К последней категории населения, видимо, следует отнести людей, обозначаемых в хеттских текстах терминами LÜ IL-KI, LÜMAŠ.EN.KAK (*мушкену*), LÜ G¹STUKUL. О *мушкену* выше уже шла речь. Сейчас нам следует остановиться на вопросе о людях IL-KI и G¹STUKUL. Эти термины порой близки по содержанию, во всяком случае, такое впечатление создают некоторые параграфы ХЗ. LÜ IL-KI и LÜ G¹STUKUL упоминаются рядом, в частности, в § 40—41 ХЗ. § 40 фиксирует положение, когда LÜ G¹STUKUL «исчезает» и его земельный участок освобождается. Преимущественным правом занятия этого участка пользуется находящийся рядом «человек повинности» (LÜ IL-KI), но он должен принять на себя и связанные с этим участком «службу» (G¹STUKUL — см. ниже) и выполнение *саххан* (связанное с владением поля IL-KI?). Если он на это не согласен, то земля переходит в распоряжение общины (URU), члены которой должны обрабатывать ее. Видимо, поле «человека службы» в данном случае было выделено из общинного фонда. Однако возвращается оно общине лишь временно. Царь в любой момент может вновь завладеть им, если найдет соответствующего исполнителя «службы». Таким в § 40 назван «депортированный» (NAM.RA). Видимо, в данном случае (как и в следующем за ним § 41) LÜ IL-KI соответствует старовавилонскому *nâši biltim* (*мушкену*?) и обозначает человека, который занимает земельный участок на царской земле и за это выполняет соответствующие повинности (*саххан*, в частности). В § 41 говорится уже о случае, когда освобождается поле этого последнего («исчезает LÜ IL-KI»). В данном случае преимущественным правом присоединения его выступает находившийся вблизи «человек службы» (LÜ G¹STUKUL), но от него требуется, чтобы он выполнял наряду со службой также и *саххан*, с которым связывается владение «полем IL-KI».

Из сказанного следует, что, несмотря на близость LÜ G¹STUKUL и LÜ IL-KI (оба они в широком смысле являются «людьми службы»), между ними есть и различие: LÜ G¹STUKUL сидит на выделенной общиной для царской службы земле, а LÜ IL-KI — на собственно царской земле, вероятно, поэтому, если не находят заместителя LÜ G¹STUKUL, его поле передается общине (§ 40), а в случае невозможности заменить LÜ IL-KI его поле передается дворцу, а *саххан* упраздняется (§ 41).

Впрочем, LÜ G¹STUKUL выполнял, видимо, *луци* (некоторые исследователи переводят этот термин вообще как «служба») ⁷⁴, как можно заключить из ХЗ § 47В. Даже продажа части земельного надела не освобождала его от повинностей. Лишь при продаже всего поля выполнение *луци* переходило к новому владельцу ⁷⁵. А в § 52 говорится, что «слуга

⁷⁴ См., например, *Иванов*. — ХИДВ.

⁷⁵ Привлекает к себе внимание поздний вариант § 47В (§ XXXVII), где, возможно, предусматривается случай, когда покупатель всего поля у LÜ G¹STUKUL не в состоянии нести службу прежнего владельца поля (в данном случае, исходя из контекста,

Каменного дома, слуга сына царя [и] начальник [над] суппату, которые имеют поля среди [полей] людей LÜ G¹STUKUL, должны выполнять луцци (службу?)».

В ХЗ часто упоминается LÜ HA.LA-ŠU «человек доли». Особенно часто фигурирует эта категория людей именно в связи с LÜ G¹STUKUL («человеком службы»). Видимо, подразумевалось, что люди данной категории часто были лишены возможности индивидуально заниматься обработкой земельного участка и, следовательно, нуждались в сотовариществе с другим «дольщиком». § 53 специально посвящен разделу имущества между LÜ G¹STUKUL и его дольщиком: «Если человек службы (LÜ G¹STUKUL) и человек его доли (LÜ HA.LA-ŠU) живут вместе, [и] [если они поссорятся] и решат разделить свое домашнее имущество, [то] если на их земле было 10 человек, LÜ G¹STUKUL должен взять 7 человек и человек его доли должен взять 3 человека. Быков и овец на своей земле они должны поделить таким же образом. Если кто-нибудь имеет дар царя с [особой] клинописной таблицей [об этом даре], [то] в случае, если они будут делить свои прежние поля, LÜ G¹STUKUL должен взять две трети дара, а человек его доли должен взять одну треть».

Выше мы термин LÜ G¹STUKUL (дословно «человек оружия (орудия)») все время переводили как «человек службы», но, как известно, специалисты чаще всего переводят его после исследования Ф. Зоммера ⁷⁶ как «ремесленник» (=человек орудия). Раньше предпочтение отдавалось переводу «воин» (=человек оружия), этого перевода придерживаются некоторые исследователи и ныне ⁷⁷. Ф. Зоммер в свое время указал на некоторые тексты, в том числе на известную дарственную грамоту царя Арнуванды и царицы Асмуникал (КВо, V, 7) ⁷⁸, где фигурируют шесть G¹STUKUL: два повара, один валяльщик (сукновал), один изготовитель хурритских рубашек, один кожевник, один конюх. Это дает исследователю возможность предложить для LÜ G¹STUKUL значение «ремесленник», хотя он полагает, что в социальном смысле этим словом обозначался довольно широкий круг людей (например в ХЗ) — Bürgerklass, Kleinbürger («мелкий буржуа»), наподобие афинских «демиургов».

В клинописи, как известно, идеограмма G¹STUKUL имеет значение «(боевое) оружие». И в хеттских текстах означенная идеограмма не раз употреблена в таком же значении. Можно, например, привести хотя бы то место из «Указа Телепину», где царь наказывает представителей знати, совершивших преступление, превращая их в земледельцев («людей плуга»), и где говорится, что он «забрал у них с правого плеча G¹STUKUL^{HI.A} (т. е. оружие.— Г. М.) и дал им плуг». Также в значении боевого оружия многократно выступает данная идеограмма в известной «Автобиографии» Хаттусили III (см. I, 42; II, 46; IV, 45) и т. д.

Г. Гютербок приводит мнение П. Гарелли, который двойное толкование термина G¹STUKUL объясняет тем, что у хеттов не делалось различия между военной и другого рода службой ⁷⁹. Поэтому, заключает Гютербок, «awil kakki (т. е. LÜ G¹STUKUL.— Г. М.) könnte zur Bezeichnung einen zu irgendwelchen Dienstleistungen Verpflichteten geworden sein, unter denen schliesslich die zivilen überwogen». Аналогичная близость

можно предполагать военную службу). В таком случае, если прежний владелец (т. е. LÜ G¹STUKUL) жив и его «дом» существует, обязательство несения службы все еще, видимо, остается за ним, а в случае, если LÜ G¹STUKUL погиб, новый владелец обязан выполнить повинность *saxan*, которую ему установит царь.

⁷⁶ Sommer F., Falkenstein A. Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattusili I (Labarna II).— ABAW, 1938, Ht. 6, S. 122—133.

⁷⁷ Diakonoff. Die hethitische Gesellschaft, S. 331 f.

⁷⁸ См., например, Riemschneider K. Die hethitischen Landsschenkungsurkunden.— MIO, 1958, VI, № 3, S. 344 f.

⁷⁹ Güterbock H. G. Bemerkungen zu den Ausdrücken *ellum*, *wardum* und *asirum* in-hethitischen Texten.— BAW, Philos.-hist. Kl. Abh. NF, 75, München, 1972, S. 95.

военно- и невоеннообязанных служилых людей наблюдается и в древней Вавилонии: в § 36—38, 413X в одном контексте перечисляются *редум*, *баирум* (т. е. воины) и *nâši biltim* (= *мушкену*?). В письме Самсуилуны также вместе перечисляются *редум*, *баирум* и *мушкену*⁸⁰.

В хеттских текстах под *GIŠTUKUL* или *LÜ GIŠTUKUL*, следовательно, но, не всегда могло подразумеваться одно и то же. Термин мог обозначать то воинов, то лиц, занимающихся ремеслом. Не ясно также, в чем состоит различие терминов *GIŠTUKUL* и *GIŠTUKUL GIĐ.DA* и т. д. Видимо, термин имел и определенное социальное значение, обозначая «служилых людей» и, таким образом, мог приобрести еще одно значение — «службы» вообще. Некоторые хеттские тексты дают этому примеры⁸¹. Использование в упомянутых хеттских документах формы *GIŠTUKUL* в общем значении «служба» дает нам основание понимать этот термин таким же образом и в ХЗ.

О том, что «люди службы» занимали вполне определенное место в социальной структуре хеттского общества (как, впрочем, и обществ других древних ближневосточных стран), свидетельствует упоминание этой категории людей в межгосударственных договорах, заключенных хеттскими царями. Из этих документов следует, как нам кажется, что эта категория людей занимала среднее положение в обществе, между занятым в непосредственном производстве населением и привилегированными слоями общества. В этом аспекте характерны договоры, заключенные царем Мурсили II с правителями вассальных «княжеств» *Haralla* и *Mira-Kuṣaliija*, в которых в основном в одних и тех же выражениях фиксируется традиционное для такого рода документов соглашение о выдаче беглецов (цитируем по договору, заключенному с правителем *Haralla*): «Если из страны *Haralla* ... человека длинной службы или свободный (человек) в страну *Ḫatti* какой-нибудь беглецом придет, его обратно я не выдам, (так как) из *Ḫatti* беглеца обратно выдавать не принято. Если же он плугарь или ткач, плотник, кожевник, кто-нибудь, выполняющий какое-нибудь ремесло и он работу не выполняет, и он бежит и приходит в страну

⁸⁰ См. Дьяконов. ЗВАХ, с. 266.

⁸¹ Так, в «Молитве, обращенной к богине Лельвани», составленной от имени царицы Пудухеши, среди «домов» *NAM.RA*, передаваемых храму, упоминается «дом» женщины *Мамма* и сказано: *É^{SAL}Ma-am-ma 2 SAL 2 DUMU.NITA 1 LÜ SU.[NIGIN 5 SAG.DU^{MEŠ}]A-NA^{SAL}Ma-am-ma-kán LUŠU. DIB še-ir ar -ḫ[a] tar-na-an-za SANGA-eš-ni-aš-kán ka-gu-ú an-da [DIB-an-za] A-NA^{GIŠ}TUKUL-ma-aš-ši É-PIŠ GA ar-ta-ri* «Дом Маммы: две женщины, два мальчика, один мужчина. Все [его пять голов]. Мамме (также) пленный (был) предоставлен. Раньше он был [взят] (для службы) жречеству. (Теперь) же для услуги ей (т. е. Мамме, или „ему“ — „дому“.—) он доильщиком стоит» (перевод: *Гиоргадзе. Очерки...*, с. 74; Ср. *Otten H., Souček V. Das Gelübde der Königin Puduḫera ana die Göttin Lelwani.*— In: *Studien zu den Boğazköy-Texten. Wiesbaden, 1965, Ht. 1*). Интересно отметить, что стоящая в последней строке формула *A-NA^{GIŠ}TUKUL-ma-aš-ši É-PIŠ GA ar-ta-ri* встречается и в других параграфах данного текста, но с тем отличием, что вместо (LÜ) *É-PIŠ GA* «доильщик» стоит то «хлебопек» (LÜ *NINDA.DU.DU.*), то «пчеловод» (LÜ *NIM.LAL*) (см. *Гиоргадзе. Очерки...*, с. 123 сл.). Правда, специалисты порой по-разному понимают в этой формуле оканчивающую *GIŠTUKUL-ma-aš-ši* энклитическую частицу дательного падежа личного местоимения ед. ч.— *ši* («ему», «ей»): по мнению одних, она относится к Мамме или к ее дому, или к божеству Лельвани, по мнению же других,— к «пленному» (*NAM.RA*). Однако в понимании самого *GIŠTUKUL* специалисты единодушны, переводя его как «услуга», «служба». Г. Г. Гиоргадзе недавно обратил внимание на текст *KUB, 48, 105*, в котором *GIŠTUKUL* также употребляется в значении «служба». В дарственной одного из хеттских царей (Мурсили II? Хаттусили III? Тутхалии IV?) храмам страны при передаче «домов» *NAM.RA* часто обозначена цель этого акта: *GIŠTUKUL DU-(an)zi*, что должно переводиться следующим образом: «они (депортированные) должны нести (делать) службу?» (*Giorgadze G. Einige Bemerkungen zum hethitischen Text KUB, 48, 105.*— In: *Societies and Languages of the Ancient Near East. Studies in Honour of I. M. Diakonoff. Warminster, 1982, p. 110*).

Натти, то я его схвачу и обратно выдам»⁸². Как мы видим, составитель договора отличает «людей службы» как от непосредственных производителей, занятых в земледелии или ремесле, так и от «свободных», хотя упоминание их рядом с последними и одинаковое к ним отношение подчеркивают близость «людей службы» к категории «свободных».

Противопоставление «людей службы» (LÜ G1STUKUL) «рабам» и определенная близость к категории «свободных» налицо и в другом договоре, заключенном хеттами с северо-восточными горцами — кашками. В этом документе сказано, что «если из страны хеттов беглец появится среди кашков, если это — раб (IR), который имущество своего господина (ŠA BE-LI-ŠU) прихватил с собой, или если это LÜ G1STUKUL («человек службы»⁸³), который имущество своего товарища (ŠA TAP-PI-ŠU) захватил с собой»⁸³, то это имущество должно быть возвращено, но самого беглеца не выдадут. Так же должны обойтись с беглецом из кашков, прибывшим в хеттскую страну, будь он «раб», который утварь своего господина привез, или «свободный» (LÜ EL-LU(M)), который прихватил с собой утварь своего товарища⁸⁴.

Обыкновенно на этом основании заключают, что договор в качестве синонимов употребляет LÜ G1STUKUL и LÜ EL-LU(M), т. е. «свободный»⁸⁵, но полного тождества здесь могло и не быть. Среди хеттских беглецов названы «рабы» и «люди службы», — вероятно, наиболее часто встречающиеся в подобной ситуации слои населения (опущено упоминание верхнего слоя — ср. предыдущий договор). Что же касается стоящего на более низкой ступени развития кашского общества, то ему несомненно, был чужд слой «служилых людей»: структура его общественной организации была проще, включая свободных и немногочисленных рабов. Естественно, что лишь этими категориями оно представлено в договоре.

Для интерпретации LÜ G1STUKUL как «свободный» дает основание также общепринятое в настоящее время восстановление в § XXX XЗ LÜ EL-LUM на месте LÜ G1STUKUL § 40, поздним вариантом которого является означенный § XXX⁸⁶. Однако, на наш взгляд, LÜ EL-LUM в этом месте совершенно неуместно: старое восстановление LÜ IL-KI (LÜ EL-KI) «человек повинности» гораздо более предпочтительно⁸⁷. Даже если допустить, что в § XXX первоначально стояло LÜ EL-LUM, это должно быть признано ошибкой.

Все сказанное позволяет отнести LÜ G1STUKUL («людей службы») в своей основной массе к низам «свободной» прослойки общества. Впрочем, в категорию «людей службы», видимо, могли попасть и отдельные юридически «несвободные» — пленные, депортированные. В документах не раз идет речь, в частности, о предоставлении полей «человека службы» (LÜ G1STUKUL) депортированному. В § 40 XЗ, например, говорится, что царь может дать депортированному (NAM.RA) освободившееся поле «человека службы» и тогда тот «должен стать (человеком службы)» (LÜ G1STUKUL). О предоставлении поля LÜ G1STUKUL депортированному (NAM.RA) говорится и в § 112 XЗ. Депортированные в связи со «службой» (G1STUKUL и G1STUKUL G1D.DA) не раз упоминаются и в других документах⁸⁸. То, что «человеком службы» мог стать и депортированный,

⁸² Giordgäze G. Die Begriffe «Freie» und «Unfreie» bei den Hethitern.— Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest, 1974, t. XXII, fasc. 1—4, S. 301.

⁸³ Ibid., S. 302.

⁸⁴ Это указание находит отклик в XЗ, где постоянно идет речь о взаимоотношениях LÜ G1STUKUL и «человека его доли» (LÜ HA.LA-ŠU) — см. § 53 и др.

⁸⁵ См. Giordgäze. Die Begriffe «Freie»..., S. 303.

⁸⁶ См. Sommer, Falkenstein. Op. cit., S. 130 f. (также в изданиях: Friedrich J. Die Hethitischen Gesetze. Leiden, 1959, S. 54, Anm. 11; Imparatti. Op. cit., p. 108).

⁸⁷ См. Hrozný F. Code Hittite provenant de l'Asie Mineure. P., 1922, p. 90, 91, not. 3; Дьяконов. ЗВАН, с. 283.

⁸⁸ См., например, Giordgäze. Очерки..., с. 79; Giordgäze. Einige Bemerkungen..., p. 113.

т. е. юридически несвободный человек, наводит на мысль о том, не следует ли понимать цитированную выше фразу из хеттского договора LU^{GIŠ}TUKUL GÍD.DA na-aš-[ma] LU^{EL-LU}(M) не как «человек длинной службы или свободный человек», но как «человек длинной службы и притом свободный» (па́ша может иметь также значение «и притом», т. е. речь могла идти о юридически свободном «человеке службы» в отличие от несвободного «человека службы»).

Поля LU^{GIŠ}TUKUL, как известно из ХЗ, могли быть проданы как полностью, так и частично (§ 47В); часто в «доме» «человека службы» был также «человек его доли», — возможно, лицо, которое вело хозяйство в отсутствие «человека службы», занятого выполнением своих служебных обязанностей. «Человек его доли» (LU^{HA.LA-SU}) имел довольно ощутимые права при дележе имущества — он получал хотя и меньшую, но все же определенную долю этого имущества (см., например, § 53)⁸⁹.

Как из цитированных выше мест хеттских договоров, так и из других документов явствует, что самой низшей категорией хеттского общества считались люди, занятые непосредственным сельскохозяйственным или ремесленным трудом («плугари», т. е. земледельцы, пастухи и разного рода ремесленники: ткачи, плотники, кожевники и т. д.). Среди них могли быть как юридически свободные, так и несвободные, но они по своему экономическому и фактическому положению стояли так близко друг от друга, что их, видимо, часто объединяли в одну категорию, обозначенную в хеттских документах одним общим термином «головы рабынь и рабов» (SAG. GÉME. IR^{MES}). Однако ХЗ, по нашему мнению, как и подобает правовому документу, термины «раб» (IR) и «рабыня» (GÉME) употребляют в отношении юридически несвободных. Тем более характерно, что положение этих «рабов» предстает перед нами довольно своеобразным: допускались их браки со свободными людьми, они являлись платежеспособными лицами и вообще субъектами права — персонально отвечали за совершенные ими преступления, имели имущество. Их отношения с господином имели форму личной зависимости, до известной степени экономического характера, так что их нельзя считать полной собственностью хозяина⁹⁰. «Головы рабынь и рабов» передавались царской властью храмам или представителям знати в составе отчуждаемого недвижимого имущества, а не отдельно от него, они были прикреплены к передаваемым хозяйствам, в рамках которого, как правило, имели в пользовании свои земельные наделы, свой домашний скот, жили «домами», самостоятельно вели свое хозяйство и т. д. И. М. Дьяконов полагает, что этих хеттских «рабов» скорее следует сопоставить не с рабами, а с категорией людей *мушкену* древней Месопотамии⁹¹.

Весьма обстоятельно изучена эта категория хеттского общества в трудах Г. Г. Гиоргадзе⁹². Им фиксируется, в частности, наличие отдельных моментов, характерных для нерабовладельческих производственных отношений, например, прикрепление непосредственного производителя к земле, наделение его средствами производства вообще и землей, в частности, наличие дворцовой (царской) или храмовой отработочной ренты — «барщинного труда», т. е. такой формы нерабского труда, при которой

⁸⁹ О положении LU^{GIŠ}TUKUL в хеттском обществе обстоятельно говорится в исследовании: *Diakonoff. Die hethitische Gesellschaft.*

⁹⁰ См. *Попов В. В.* О статусе рабов в хеттском обществе (По данным § 93—99 «Хеттских законов»). — ВДИ, 1969, § 3, с. 74—80—81 и др.; *Gornelius F.* Das Hethiterreich als Feodalstaat. — BAW, Philos.-hist. Kl. Abh. NF, 75, München, 1972, S. 31 f.; *Corošec V.* Einige Beiträge zur gesellschaftlichen Struktur nach hethitischen Rechtsquellen. — Ibid., S. 109—111.

⁹¹ См. *Diakonoff. Die hethitische Gesellschaft*, S. 361 f. (также: *Gurney. The Hittites*, p. 71—72).

⁹² См. особенно: *Гиоргадзе. Очерки...; он же.* Некоторые формы нерабской эксплуатации в Хеттском обществе. — Кавказско-ближневосточный сборник. Тбилиси, 1980, VI.

необходимый труд непосредственного производителя был отделен от прибавочного в пространстве и во времени⁹³. Царица Асмуникал передает «Каменному дому» ремесленников, плугарей, пастухов и овцепасов «вместе с их домами (и) их поселениями». Передаваемые лица явно прикреплены к хозяйству «Каменного дома»: так, они не могли выдать за его пределы своих сыновей и дочерей в качестве зятьев и невесток. Никто не мог приобрести полей, лесонасаждений, садов, виноградников и «душ» (т. е. рабов), входящих в состав хозяйства «Каменного дома»⁹⁴. Вместе с тем сами люди «Каменного дома» могли все это купить, что является бесспорным свидетельством как наличия у них своих собственных средств, так и права личного распоряжения ими; имелся у них также скот и т. д.⁹⁵. Видимо, все эти люди и их поселения и до передачи их «Каменному дому» были зависимыми от царской власти⁹⁶.

Непосредственные производители, входившие в состав храмового хозяйства, имели в своем распоряжении, с одной стороны, «свое поле», а с другой, «поле бога» (т. е. храма), обработка которых входила в их обязанности. Если они в нарушение обычая не приносили «первых плодов урожая» богу (т. е. храму), то согласно «Инструкции для служителей храма» должны были заплатить штраф — одного быка и 10 овец: следовательно, кроме своего поля у них имелся и свой скот⁹⁷. Поле (как «свое», так и «бога») они, видимо, обрабатывали при помощи своего инвентаря и тягловой силы⁹⁸. В храмовом хозяйстве и пастухи имели в своем распоряжении, кроме скота храма (бога), также принадлежащий им скот. Имелся у них и «дом», а также земельный участок — «поле»⁹⁹. Эти зависимые от храма производители могли иметь и своих рабов.

Также и в собственно дворцовом хозяйстве различаются «поля дворца» и «поля плугарей» (земледельцев). Видимо, последние трудились на дворец и на себя в разное время и в разных местах. В одном из «предписаний» говорится: «Если в доме (находится) один му[жчина?], то он в течение четырех дней [работу] дворца пусть выполняет, а в течение четырех дней (?) работу своего дома пусть выполняет», а в другом документе сказано: «Если в доме (есть) четверо мужчин, то двое мужчин пусть выполняют работу для дворца, двое мужчин пусть выполняют работу для (своего) дома»¹⁰⁰. В тексте, упоминающем *MUSKENÜRUM*, налицо разделение работ на «царские» (*LUGAL-цаš KIN^{III.A}*) и «работу дома» (*Ē KIN*)¹⁰¹.

Часто, как говорилось выше, сажали на землю (в царско-дворцовом, храмовом или в вельможных хозяйствах) и депортированных (*NAM. RA*), притом также «домами», которые состояли отчасти из родственников, отчасти же были искусственными соединениями. Известны и общины — искусственные корпорации пленных (*tuikkanza*)¹⁰². Однако основную часть непосредственных производителей в храмовых, дворцовых или частных крупных хозяйствах составляли зависимые мелкие земледельцы местного происхождения. Их «дома», так же как «дома» посаженных на землю депортированных, самостоятельно вели свое хозяйство, выполняя при этом ряд повинностей¹⁰³. Конечно, в Хеттском царстве были и настоящие рабы — челядь (эти порой использовались, вероятно, и в сельскохозяйственном и другом производствах), применялся и наемный труд¹⁰⁴ и т. д.

⁹³ Гиоргадзе. Очерки..., с. 96; он же. Некоторые формы..., с. 52, 56.

⁹⁴ Он же. Очерки..., с. 34.

⁹⁵ Там же, с. 36.

⁹⁶ Там же, с. 39.

⁹⁷ Там же, с. 45—46.

⁹⁸ Там же, с. 47.

⁹⁹ Там же, с. 50—51.

¹⁰⁰ Там же, с. 55—56.

¹⁰¹ См. Гиоргадзе. Некоторые формы..., с. 54.

¹⁰² См. *Diakonoff*. Die hethitische Gesellschaft, S. 365; Гиоргадзе. Некоторые формы..., с. 77 сл.

¹⁰³ Гиоргадзе. Очерки..., с. 93.

¹⁰⁴ Он же. Некоторые формы..., с. 48 сл.

Важным феноменом, выступающим особенно ярко в хеттских источниках, является наблюдаемый и в других древнеближневосточных регионах в эту эпоху (см. выше) процесс нивелировки экономического положения местного зависимого и депортированного населения (=посаженных на землю рабов-военнопленных), сопровождаемый, вероятно, также нивелировкой (во всяком случае сближением) их правового статуса ¹⁰⁵.

По сравнению с месопотамским или египетским регионами в малоазийском налицо определенное своеобразие в положении верхних слоев общества. Стечением времени понятие «свободный (человек)» (L^UEL-LUM(M)-агаца-) все больше связывалось именно с этой верхушкой общества, не распространяясь на всю массу непосредственных производителей и «людей службы», несмотря на то, что значительная часть их состояла также из юридически свободных людей. Подобное сужение термина «свободный» мы выше видели хотя бы на примере хеттского договора с правителями стран Ḫaralla и Miḡa-Kuḫaliija.

Г. Г. Гиоргадзе высказано мнение, что у хеттов «с самого начала „свободными“ назывались лица, освобожденные царем (дворцом) от государственных повинностей *саххан* и *луцци* не только в пользу царя (дворца) или крупных государственных служащих, но и в пользу храма, а также других культовых учреждений. Свободные от всех повинностей люди постепенно становились „знатыми, почетными, благородными“, т. е. социально свободными» ¹⁰⁶. С этим мнением, нам кажется, трудно согласиться. Высказывая данное соображение, исследователь в основном опирается на данные § 50, 51, 56 ХЗ. В § 50 речь идет о том, что у священнослужителей некоторых городов (Нерика, Аринны, Ципланты) и у жрецов «во всех городах» «дома свободны (E^{HI.A}-ŠU.NU EL-LU), но люди их (наследственной) доли L^UMESH.A.LA-ŠU.NU) должны (выполнять) *луцци*». В § 51 сказано, что «прежде дом того, кто становился ткачом в городе Аринна, был свободным (E-ZU а-га-а-u-wa-an) (и) люди его (наследственной) доли (L^UMESH.A.LA-ŠU) и его люди (L^UMESH.NI ŠU Ū.ŠU) были свободны (а-га-у-е-еš). Теперь же (только) его собственный дом свободен (EL-LUM), а люди его (наследственной) доли и его люди (люди его дома) должны выполнять *саххан* (и) *луцци*. В городе Ципланта то же самое». Наконец, в § 56 говорится: «Никто из медников не свободен (а-га-у-ца-аš) от участия в (работах) крепости во время похода царя и от подстригания виноградинок. Садовники должны выполнять *луцци*...» ¹⁰⁷. Г. Г. Гиоргадзе на этом основании приходит к выводу, как об этом говорилось и выше, что понятие L^UELLU(M)(агаца-) «свободный» с самого начала, с древнехеттского царства (ведь I таблицу ХЗ относят именно к древнехеттскому периоду), включало в себя экономический аспект, обозначало человека, который царем был освобожден от государственных повинностей *саххан* и *луцци*, и лишь позже постепенно стало указывать на социальное положение, обозначая социально свободного человека.

Нам кажется, приведенный материал никак не подводит к таким выводам. Понятие «свободный» в цитируемых местах употребляется не в качестве социального термина, а в самом общем значении этого слова: во всех означенных случаях речь идет просто об освобождении от государственных повинностей (*саххан*, *луцци*), никоим образом не связываемом с социальным статусом освобождаемых. Кстати говоря, и сам Г. Г. Гиоргадзе отмечает, что от *саххан* и *луцци* освобождались и непосредственные производители, однако в результате этого они не попадали в категорию социально свободных ¹⁰⁸. Судя по ХЗ, *саххан* выполняли безусловно свободные общинники (см. § 39, 40, 46, XXXIX, а также § 55 — DUMU^{MES}

¹⁰⁵ Ср. *оп. же.* — ИДМ, I, с. 212.

¹⁰⁶ См. там же, с. 211 сл., а также *Giorgadze. Die Begriffe «Freie»...*, S. 304 ff.

¹⁰⁷ Переводы в основном по В. В. Иванову (ХИДМ, с. 278) (к тексту см. *Imparati. Op. cit.*, p. 66, 68, 72).

¹⁰⁸ *Giorgadze. Die Begriffe «Freie»...*, S. 306 f.

URU HA-AT-TI «граждане города Хаттусь»). Освобождение от повинностей являлось особым актом со стороны государственной власти и делалось в отношении конкретных лиц или категории людей ввиду их особых заслуг или особого значения их в экономической или общественной жизни. Так, подарок царя (поле) освобождался (раньше автоматически, позже особым царским распоряжением) от *луци* (§ 47, XXXVI, XXXIX); закон впоследствии ограничивал бытовавшую прежде практику освобождения от повинностей всего состава «дома» жрецов некоторых городов (§ 50), «домов» ткачей в городе Аринна (§ 51); наконец, были освобождены от повинностей также воины целого ряда этнических образований (манда, сала) и городов (Тамалки, Хатра, Цальпа, Тасхиния, Хемува) и т. д. (§ 54).

Саххан и *луци* могли выполнять и «пленные», явно относимые к категории «несвободных» (§ 40, 48, XL). В выполнении *саххан* и *луци* участвовали не только главы «домов», но и их «дольщики» и просто их «люди» (LÜMES NISU) — явно несвободное, трудящееся население — см. § 50, 51. Общеизвестно, что выполнение повинностей было связано прежде всего с землепользованием, в том числе и общинным, и являлось обязанностью в первую очередь низших слоев свободного населения, однако ими облагались, как уже отмечено выше, и несвободный рабочий персонал хозяйства.

Следовательно, нет никаких оснований постулировать в качестве высшего слоя хеттского общества неких «освобожденных от повинностей людей» и подобный смысл вкладывать в термин «свободный (человек)» ХЗ. То, что под «свободными» вовсе не подразумеваются одни лишь представители аристократии, высших слоев населения, явствует уже из ситуаций, в которых они представлены нам источником: «свободные» ХЗ сплошь и рядом воруют — обкрадывают чужие дома, виноградники и амбары для зерна, крадут даже плуг (№ 121), медный нож (№ 143), нанимаются на работу за определенное вознаграждение (§ 150); в «голодный год» им спасают жизнь (№ 172) и т. д.

Несомненно, в общем и целом под этим термином подразумевалось юридически полноправное население. В ХЗ «свободный» четко противопоставляется «рабу» (IR) — юридически несвободному человеку. В одном среднехеттском документе (договоре со страной Исмерига), где речь идет о комплектовании предназначенного для хеттского царя войска, «свободный человек» также противопоставляется «рабу» или наемнику (т. е. чужестранцу)¹⁰⁹.

Все вышесказанное не означает, конечно, что верхние слои общества несли государственные повинности (*саххан*, *луци*), хотя в широком смысле слова они тоже представляли «людей службы», несли ту или иную службу в государстве. Скорее всего эти верхние слои в самом деле были свободны от тех повинностей, которыми были обременены низы общества. Во всяком случае несомненно налицо полное отстранение данной категории людей от производительного труда. В цитированном выше договоре с правителями Наралла и Миг-Куцалија «свободные» противопоставляются не только занятому непосредственно в земледелии и ремесле населению, но также и «людям службы» (LÜMES GIŠTUKUL GĪD.DA). Как мы уже говорили, в «Указе Телепину» (§ 26) в качестве наказания высоких дворцовых служащих (видимо, из высшего военного сословия) царь «сделал их людьми плуга (т. е. землепашцами)», «снял оружие у них с правого бока» и «им п[луг] дал»¹¹⁰.

Показателен уже упомянутый хеттский договор со страной Исмерига, из которого следует, что при формировании в Исмериге военных отрядов

¹⁰⁹ См. *Houwink ten Cate P. H. J. The Records of the Early Hittite Empire. Istanbul, 1970, p. 26.* См. также: Об изучении «свободных» на древнем Востоке (VII конференция по древнему Востоку). — ВДИ, 1976, № 1, с. 194.

¹¹⁰ См. *Гиоргадзе. Очерки...*, с. 60.

для хеттов «наемника» и «раба» нельзя было включать в отряды тяжело-вооруженных (ERIN^{MES}SUKU.UŠ): «Однако пусть пойдут (в посылаемые хеттам отряды) (только те), ко(торые) свободные (DUMU^{MES} EL-LU-TIM). Раб же и наемник в (ряды) тяжеловооруженных не посылаются». Полагают, что это предписание соблюдалось и у самих хеттов ¹¹¹.

Привилегированный слой свободных воинов образовался, следует думать, уже на заре возникновения хеттской государственности, когда возвысилась определенная группа свободных общин во главе с царским родом, выставляющая военные отряды для ведения почти постоянных тогда войн. Характерна в этом аспекте историческая часть «Указа Телепину» (далее — УТ), которая, ссылаясь на правление основоположника Хеттского государства Табарны, представляет его как время, когда «его [сыновья], его [братья] и его свойственники, люди его рода, а также его воины (EREN^{MES}) были объединены» (§ 1, 2). Именно вследствие этого, полагает Телепину, хотя «страна была мала», но «в какой поход он (т. е. Табарна. — Г. М.) (бывало) ни пойдет, (всякий раз) он силой подчинял вражеские страны» (УТ § 2). Картина такого же единства между членами царского рода и «воинами» рисуется при царствовавших впоследствии Хаттусили I и Мурсили I (§ 5, 8). В процессе этих победоносных войн сложился и разросся слой профессиональных воинов, в дальнейшем составивших основное ядро хеттской аристократии (из их среды затем комплектовался, вероятно, и высший административный аппарат как в центре, так и на местах). Этот слой, конечно, очень скоро полностью отстранился от непосредственной трудовой деятельности. Аналогию ему можно видеть в существовавшем в Хуррито-Митанийском царстве слое знатных воинов (главным образом колесничих) — *марианни*.

Аристократическая верхушка хеттского общества постепенно превратилась в крупных землевладельцев. Обладателями больших имений были члены царской семьи и высшие царские служащие. Свои имения, как правило, они получали от царя в полную собственность и часто с освобождением от государственных повинностей. Царь Телепину, как известно, предписывал даже при наказании провинившихся членов царского рода не трогать «их дома, их поля, их виноградники, их амбары, их рабов, их скот, их овец» (УТ, § 31). Симптоматичны дошедшие до нас царские дарственные грамоты ¹¹², свидетельствующие о дарениях земли не только храмам, но также и представителям хеттской знати. Речь в них идет не о наделении наделами за службу, т. е. фактически во временное держание, что было известно повсюду на древнем Востоке, но о дарении «навечно» больших поместий с прикрепленными к ним «головами рабынь (и) рабов». Выше уже шла речь о широко известной «дарственной грамоте» царя Арнуванды, царицы Асмуникал и царевича (наследника престола) Тутхалии знатной даме Куваталле. В «качестве дара вечного» ей передавался целый комплекс хозяйства (13 «домов» со 110 «головами рабынь (и) рабов», разный скот, поля, пастбища, виноградники, лес, разные жилые и хозяйственные сооружения).

Подытоживая все сказанное о социальной структуре хеттского общества, следует отметить, что она уже достаточно явственно обнаруживает черты той модели, которая впоследствии становится характерной для ближневосточных (как древних, так и средневековых) обществ.

Основным эксплуатируемым классом становится все более единообразный класс непосредственных производителей. Преобладающая часть их самостоятельно ведет свое хозяйство и платит налоги (или долю урожая, арендную плату) в пользу государства (царя) или тех, кому оно это право переуступает. При этом в существовавших уже во II тыс. до н. э. государ-

¹¹¹ См. *Kempinski A., Kořak S. Der Išmeriga-Vertrag.* — *Die Welt des Orients*, 1970, V, № 2, S. 196 f.; ср. *Гуоргадзе*. Некоторые формы..., с. 50.

¹¹² См. *Riemscheider*. Op. cit.

ствах (в Хеттском царстве, в «великих ирригационных обществах» Ближнего Востока) наблюдается тенденция нивелировки экономического положения и правового статуса местного и пригнанного извне производящего населения и образования единого зависимого земледельческого, эксплуатируемого скорее близким к крепостничеству, чем к рабству, способом класса. Впрочем, означенная тенденция не чужда и для более древней эпохи — III тыс. до н. э. Свидетельством этого может служить хотя бы использование одних и тех же терминов для обозначения работников царских хозяйств древнего Двуречья — рабов и нерабов (*гуруш*), рабынь и нерабынь (GEME).

Также с древнейших времен берет свое происхождение другой слой ближневосточного общества — низший слой «служилых людей», «людей службы», так рельефно представленный, как мы видели выше, в хеттских источниках II тыс. до н. э.¹¹³ К этому слою принадлежали лица, несшие какую-либо службу (рядовые воины, ремесленники, торговцы, низший слой жречества, низшие чины административного аппарата и т. д.), и за это, как правило, получавшие от царской власти определенное вознаграждение (обыкновенно — земельный участок, но могли быть и другие формы вознаграждения, а также предоставление некоторых мелких привилегий). Часть этой прослойки занималась в определенной мере производительным трудом, частично же пользовалась чужим трудом — рабов, арендаторов, «дольщиков» и т. п. Как правило, этот слой комплектовался из рядовых свободных, но в нем могли оказаться и рабы.

Наконец, завершал пирамиду общественной иерархии высший слой свободных (хетты, как мы видели, порой только их и именовали «свободными») — фактически высший слой служилого сословия: крупные сановники, представители высшей царской администрации, военачальники, высшее жречество, царский род, приближенные царя и царский двор и т. д. В этих слоях общества среди хеттов, несомненно, все время был очень высок удельный вес собственно военной прослойки. В хеттском государстве к этому высшему слою следует отнести также довольно многочисленный состав «вассальных» царьков и «князей» со своими дворами, административным аппаратом и служителями культа.

Хеттское общество II тыс. до н. э. наряду с чертами, характерными для «восточного феодализма» (ведущее положение государственной собственности, статус и формы эксплуатации производящего населения и т. д.), выявляет некоторые черты, близкие к западной модели феодального общества (высокий удельный вес военного сословия в составе господствующего класса, наличие вассальных отношений, системы дарений, существование крупного землевладения аристократии и т. д.). Именно этим объясняется тот факт, что специалисты так много говорят о «хеттском феодализме»¹¹⁴.

Развитие на Ближнем Востоке со II тыс. до н. э. все более шло в направлении образования крупных военных (resp. военно-паразитических) государств. Вслед за Митаннийским и Хеттским царствами эти новые черты наиболее ярко выступают сперва в Среднеассирийском, а затем в Новоассирийском царствах; впоследствии на арене появляются Мидийское царство и Ахеменидский Иран. Выдвижению последних способствовало то обстоятельство, что мидийцы и персы, располагая военным превосходством, представляли в то же время слабодифференцированные общества — общества с широкой социальной базой¹¹⁵. Этот фактор, видимо,

¹¹³ В широком смысле «служилый слой» включал также царский род (и двор) и всю военно-бюрократическую прослойку государства, высший слой жречества и т. д.

¹¹⁴ *Cornelius*. Op. cit.; *Güterbock*. Op. cit. Мнение против полного отождествления хеттского общественного строя с западно-европейским феодальным: *Archi A.* II «teudalismo» itita. — *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*. Roma, 1977, fasc. XVIII.

¹¹⁵ См. *Дьяконов И. М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М. — Л., 1956; *Алиев И. Г.* История Мидии. I. Баку, 1960.

играл немаловажную роль при возникновении и других «военных государств» II—I тыс. до н. э. Известно, что даже в довольно позднюю эпоху в периферийных районах Митанни хурритское общество оставалось довольно архаичным, с сильно выраженными родо-племенными чертами¹¹⁶; в процессе возникновения Хеттского государства гегемонами выступали протохеттские объединения из восточных районов Малой Азии¹¹⁷, вероятно, также представлявшие собой общества со слабодифференцированной структурой; при сложении Среднеассирийской военной державы весьма крепки были позиции общины и общинной собственности¹¹⁸; в «военном государстве» Урарту мы также находим сильные родо-племенные традиции¹¹⁹. И в дальнейшем инициаторами создания «империй» на Ближнем Востоке выступают подобного рода слабодифференцированные общества (арабы, монголы, турки).

Уже в рамках Хеттского царства, как мы видели, налицо те тенденции, которые более отчетливо проявляются в появившихся позже «военных государствах» Ближнего Востока. Особенно большое значение приобретает на этом этапе рост удельного веса эксплуатации внешнего окружения (захват земельного фонда и других материальных ценностей, угон больших масс пленных). Это в первую очередь способствовало расширению царского земельного фонда (путем перехода земли в завоеванных странах в распоряжение царя) и, таким образом, вело к образованию феномена верховной царской собственности на землю. Правда, подобная тенденция в развитии древнего ближневосточного общества уже наблюдалась прежде на этапе существования крупных (порой всеобъемлющих?) царско-храмовых хозяйств, но тогда она в основном выражалась в подчинении общинной экономики царской власти как организатору экономической жизни страны. Указанные обстоятельства, а также значительный рост оказавшегося в подчинении у властителей подобных «военных государств» завоеванного населения определили другие отличительные черты этого второго этапа в развитии ближневосточного общества. Симптоматично, что захват большого количества пленных здесь не привел к росту рабовладения (как это было в античных государствах, в частности в Риме) — для этого экономика этих стран явно не была готова. Он способствовал лишь увеличению зависимого от государства производящего населения. Пленному, депортированному населению предоставлялись участки на «царской земле», на которых они самостоятельно вели хозяйство и выполняли наложенные на них повинности. Впрочем, с ахеменидского времени прекратился массовый угон населения и поселение его в других регионах империи — предпочтение стало отдаваться эксплуатации покоренного населения на месте. Вместе с тем произошло ставшее затем традиционным на Востоке при образовании новых империй перераспределение земельного фонда в пользу верхушки (порой и рядовых воинов) завоевателей. В то же время наблюдается (преимущественно на хеттском материале) нивелировка юридического статуса и фактического положения таких несвободных и местных свободных производителей и образуется единое зависимое сельскохозяйственное население¹²⁰. Уже у хеттов происходит образование еди-

¹¹⁶ См. работы Н. Б. Янковской, они подытожены, в частности, в ее докторской диссертации «Децентрализованный сектор экономики в Передней Азии (По клинописным текстам Каниша и Аррапхи)». Л., 1979.

¹¹⁷ Меликишвили. Возникновение Хеттского царства...

¹¹⁸ Дьяконов И. М. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949, с. 55—56, 71 и др.

¹¹⁹ Он же. Некоторые данные о социальном устройстве Урарту. — В кн.: Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Сборник, посвященный памяти А. И. Тюменева. М.—Л., 1963, с. 55 сл.

¹²⁰ Утченко С. Л., Дьяконов И. М. Социальная стратификация древнего общества. В кн.: XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970, с. 15.

ной системы общегосударственных налогов и повинностей (*саххан, луцци*), посредством которой осуществляется эксплуатация этой однородной массы зависимого населения. Впоследствии все это становится присуще Ассирии¹²¹ и другим государствам этого типа (своеобразные формы приняло развитие в Позднем Вавилоне¹²²).

Происшедшие на этом этапе развития сдвиги привели к формированию более четкой социальной структуры, ставшей традиционной для «восточного общества», в частности, обусловили дальнейший рост «служилого» (военно-служилого) слоя — привилегированной, по сравнению с массой непосредственных производителей, части общества, вознаграждаемой царской властью за службу землей, порой вместе с сидящими на этой земле зависимыми производителями. Конечно, в этой служилой прослойке резко различаются высший слой — военно-служилая знать (господствующая верхушка общества) — и низший слой «служилых людей», возможно, даже не совсем оторвавшийся от производительности труда.

На Ближнем Востоке, во всяком случае в некоторых его регионах, со II тыс. до н. э. наблюдалось также развитие городов, пользовавшихся определенными привилегиями и самоуправлением, и рост торгово-ремесленного населения. Однако эти города как в древневосточную, так и в более позднюю (средневековую) эпоху находились фактически в полном подчинении государства, подвергались контролю со стороны государственного бюрократического аппарата и тем самым резко отличались от античных полисов. Вообще многие черты, характерные для данного этапа в развитии древнего ближневосточного общества, имеют аналогии в более поздних периодах его истории¹²³.

PRINCIPAL STAGES IN THE DEVELOPMENT OF ANCIENT NEAR EASTERN SOCIETY

G A Melikishvili

At the most ancient stage (III millennium B. C. — Babylon, Egypt) collective forms of conducting the economy predominated, there were vast royal (state) and temple estates and the main function of the state was the organisation of the economy. A new stage begins with the II millennium. The previous system had become unprofitable and even in the «great irrigation societies» (Babylon and to a lesser extent Egypt) the individualisation of the economy had begun. Small land-lots were now cultivated by individual producers, free and unfree, who were exploited by the state directly or via the state by the serving military nobility who collected taxes and performed other services. The II millennium brought considerable advances in the art of war (the appearance of chariot troops, and then cavalry) which led to the formation of large parasitical military states such as the Mitani, the Hittite kingdom and the Middle Assyrian kingdom, and similar ten-

¹²¹ Якобсон В. А. Социальная структура Новоассирийского царства.— ВДИ, 1965, № 1, с. 113—117.

¹²² Дандамаев М. А. Рабство в Вавилонии VII—IV вв. до н. э. М., 1974.

¹²³ См. Меликишвили Г. А. «Древневосточный» социально-экономический строй и развитие ближневосточного общества в эллинистическую, позднеантичную и средневековую эпохи.— Кавказско-ближневосточный сборник. Тбилиси, 1984, VII; Melikishvili G. A. Der Alte und Mittelalterliche Nahe Osten (Zu Fragen der Analogie der sozial-ökonomischen und staatlichen Ordnung).— In: Societies and Languages of the Ancient Near East. Studies in Honour I. M. Diakonoff. Warminster, 1982.

dencies appeared in Egypt and Babylon. In the I millennium the New Assyrian kingdom initiated a series of «empires» (similarly Urartu and the New Babylonian kingdom). The «military states», like the Hittite kingdom before them, enriched themselves for the most part at the expense of the surrounding regions, seizing enormous stretches of conquered territory and thus greatly increasing their own land-funds. This led to the establishment of the king's right to all property in land. Seizure of large numbers of captives did not in this case result in the growth of slavery. Most of the captives were planted on the land as independent producers. Moreover there took place a gradual levelling of the legal status and actual condition of the imported unfree and the native free producers. The universal state system of taxation and obligation fell upon all of them equally. These changes led to the formation of a precise social structure that became traditional for «oriental society», having on the one hand a fairly homogeneous mass of exploited producers and on the other a privileged «serving» upper layer. At this late stage of development there may be observed a certain growth of cities in the big states of the Near East, but as was the case with Eastern mediaeval cities, these are in complete subjection to the state, and despite the opinion of some scholars, have little in common with the ancient polis.

С. Н. Муравьев

TRADITIO HERACLITEA (A)
СВОД ДРЕВНИХ
ИСТОЧНИКОВ О ГЕРАКЛИТЕ *

11. CRATYLVS — КРАТИЛ
(finis — окончание)

Dictum Cratyli de Heracliti flumine
Изречение Кратила о Гераклитовой реке

14

T 77

(a) Arist. *Metaph.* Γ 5, 1010^a7 (Ross; Jaeger) [← T 20; → Arist.]

- ἔτι δὲ πᾶσαν ὁρῶντες ταύτην κινουμένην τὴν φύσιν,
κατὰ δὲ τοῦ μεταβάλλοντος οὐθὲν ἀληθεύμενον, περὶ γε
<τὸ πᾶν> τὸ πάντῃ πάντως μεταβάλλον <ὑπέλαβον> οὐκ ἐνδέχεσθαι ἀληθεύειν.
10 ἐκ γὰρ ταύτης τῆς ὑπολήψεως ἐξήνθησεν ἡ ἀκροτάτη δόξα
τῶν εἰρημένων, ἢ τῶν φασκόντων ἡρακλειτίζειν καὶ οἶαν
Κρατύλος εἶχεν, ὃς τὸ τελευταῖον οὐθὲν ὤϊετο δεῖν λέγειν,
ἀλλὰ τὸν δάκτυλον κινεῖν μόνον, καὶ Ἡρακλείτῳ ἐπέτιμα
εἰπόντι ὅτι δις τῷ αὐτῷ ποταμῷ οὐκ ἔστιν ἐμβῆναι· αὐτὸς
15 γὰρ ὤϊετο οὐδ' ἄπαξ.

Кроме того, видя, что вся здешняя природа находится в движении, и поскольку о том, что изменяется, нельзя высказать никакой истины, они действительно предположили, что о целокупном, которое все и всячески изменяется, истины высказать невозможно. И вот на почве этого-то предположения и расцвело наиболее крайнее мнение, то, которого придерживаются утверждающие, что они последователи Гераклита, какового мнения держался и Кратил, считавший под конец, что *не следует ничего говорить, а только двигать пальцем, и упрекавший Гераклита, сказавшего, что два жды не вступит в одну и ту же реку: сам он считал, что этого не сделать и единожды.*

12 s. cf. fort. Plat. *Crat.* 422 E 1—6, 439 D 8—11 et ←T 46

DK 65 A 4, Mch 40 (b²) p. 197 = 140 || 14 cf. DK B 91, Byw 41, Schu 42, Mull 21, Schl 2)

[EJA^b] 8 ἀληθεύμεν versio Moerbekiana || γε codd. : δὲ vers. Moerb. || 9 <τὸ πᾶν> et (conl. Alex. in h.l. [→ T 78] ὑπέλαβον et 10 τῆς ὑπολήψεως) <ὑπέλαβον> suppleui || 13 κινεῖν scr. : ἐκίνει codd.

* Окончание раздела доплатоновских источников. Начало см. ВДИ, 1984, № 4, с. 31—44; 1985, № 2, с. 16—28; № 3, с. 30—35.

- (b) *Alexandr. in Arist. Metaph.* (1010^a7) p. 308,14 (Hayduck) [→ Alex.].
 ταύτην δὲ [τῆνδε] τὴν φύσιν τὴν αἰσθητὴν τε καὶ ἔνυλον
 αἰτίαν φησὶ (sc. Ἀριστοτέλης) γίνεσθαι τοῦ φῆσαι τινὰς
 3 ἀκατάληπτον τάληθές εἶναι, καὶ παρατίθεται διὰ μέσου τὴν
 τε δόξαν αὐτῶν, καὶ ἀντιλέγει πρὸς αὐτὴν· ἐπεὶ γὰρ ἐώρων
 κινουμένην τε καὶ μεταβάλλουσαν τὴν τοιαύτην φύσιν κατὰ
 6 τὴν ὕλην συνεχῶς, κατὰ δὲ τοῦ μεταβάλλοντος καὶ μετα-
 πίπτοντος οὐδὲν δυνάμενον ἀληθεύεσθαι ὅτε μεταβάλλει,
 τῶν μεταπίπτον αὐτὸ μὴ μένειν ἐπὶ τῆς αὐτῆς φύσεως, ὑπέ-
 9 λαβον, εἴ γε τοιοῦτον εἶη οἶον αἰεὶ μεταβάλλειν καὶ μηδέ-
 ποτε μένειν, μηδέποτε δύνασθαι περὶ αὐτοῦ τινὰ ἀληθῆ
 εἰπεῖν ὠρισμένως· τοιαῦτα δὲ εἶναι τὰ αἰσθητά τε καὶ
 12 ἔνυλα (βεῖν γὰρ συνεχῶς καὶ μηδέποτε ταῦτά ὑπομένειν), ἃ
 καὶ μόνα εἶναι ἡγούντο. ἀπὸ γὰρ τῆς τῶν ὄντων τοιαύτης
 ὑπολήψεως προτλήθῃ τε καὶ ἐξήνθησεν ἡ Ἡρακλείτου δόξα καὶ
 15 ἡ Κρατύλου, ὃς ἐπαῖρος μὲν ἐγένετο Ἡρακλείτου, προσε-
 πέτεινε δὲ τῆι ἐκείνου δόξει, αἰδίων καὶ ἀδιάλειπτον τὴν
 ἐν τοῖς οὐσί ρύσιν τε καὶ μεταβολὴν ἡγούμενος εἶναι, ὡς
 18 καὶ τῶι διδασκάλῳ Ἡρακλείτῳ εἰπόντι ἐπιτιμᾶν μὴ οἶόν
 τε δὶς τῶι αὐτῶι ποταμῶι ἐμβῆναι διὰ τὴν ρύσιν, εἰκά-
 ζοντι πάντα ῥέοντι ποταμῶι· οὐ γὰρ μόνον αὐτὸς ἔλεγεν
 21 οὐ δὶς, ἀλλ' οὐδ' ἅπαξ οἶόν τε εἶναι τῶι αὐτῶι ποταμῶι
 ἐμβῆναι. οὗτος οὐδὲ λέγειν τι ὡςτεο δεῖν ὡς μηδὲν ὑπομέ-
 24 μένην φύσιν, περὶ ἧς ὁ λόγος, διὰ τὴν συνεχῆ ρύσιν τὸν
 περὶ αὐτῆς λεγόμενον λόγον ἀλλοιουμένην καὶ ἄλλην γιγ-
 νομένην ὡς μὴ εἶναι συμφωνοῦν ποτε αὐτῆι τὸ λεγόμενον
 27 περὶ αὐτῆς. ἤξειο δὲ καὶ τῶι δακτύλῳ δεικνύναι τὸ ὑποκει-
 μενον μόνον, μὴ λέγοντά τι λίθον ἢ ξύλον ἢ χρυσόν ἢ ἄλλο-
 ταῦτα μὲν γὰρ οὐχ ὑπομένειν διὰ τὴν ἀλλοίωσιν καὶ τὴν
 30 κατ' οὐσίαν μεταβολήν, τὸ μέντοι δεικνύμενον τῶι δακτύλῳ
 εἶναι τοῦτο ὃ τι ποτὲ τύχοι ὄν ὅτε δεικνύται.

Он (Аристотель) говорит, что здешняя чувственная и материальная природа становится причиной того, что некоторые утверждают, будто истина неуловима; он выставляет их учение напоказ и опровергает его. Действительно, когда они увидели, что эта здешняя природа движется и изменяется постоянно в отношении материи, то, поскольку нельзя высказать истины в отношении изменяющегося и превращающегося, когда оно изменяется, из-за того, что оно превращается и не остается одной и той же природой, они предположили, — как если бы такое изменение могло быть вечным и никогда бы не могло быть покоя, — что никогда о нем нельзя сказать ничего определенно истинного. Так обстоит с чувственными и материальными вещами: они постоянно текут и никогда не остаются теми же, а эти люди считают их единственно существующими. Так вот из этого предположения о сущих произошло и расцвело мнение Гераклита и мнение Кратила, который был учеником Гераклита и развил его учение, считая, что течение и изменение в сущих вещах — вечно и непрерывно, так что он упрекал своего учителя Гераклита, сказавшего, что нельзя вступить дважды в ту же реку из-за ее течения, уподобляя все вещи текущей реке. Ибо Кратил говорил, что нельзя не только дважды, но и единожды вступить в ту же реку. Он также считал, что не следует ничего говорить, поскольку ничего не остается от предмета речи. Ибо природная субстанция, о которой речь, из-за постоянного течения опережает то, что о ней говорится, изменяясь и становясь иной, так что она уже не соответствует более тому, что о ней говорится. И он решил показывать пальцем одну

лишь субстанцию, не называя ничего ни камнем, ни древесиной, ни золотом, ни чем-либо иным, ибо они не сохраняются из-за изменения и превращения в отношении сущности, тогда как показуемое пальцем есть то, что окажется налицо, когда на него указывают.

[ALF] 4 ἀντιλέγει A²LF uersio Sepuluedae : - λέγουσιν A¹ || 8 μεταπ. αὐτὸ LF : μεταπίπτειν αὐτὸ καὶ A || 10 περί om. A || 15 ἐγένετο LF : γέγονεν A || 27 καὶ LF : om. A

T 79

- (c) Asclep. in Arist. Metaph. (1010^a7) p. 278,24 (Hayduck) [→ Ascl.]
 ἄλλως τε δὴ ὁρῶντες ταύτην τὴν φύσιν τῶν αἰσθητῶν κινου-
 μένην καὶ ἐν μεταβολῇ οὖσαν, κατὰ δὲ τοῦ μεταβάλλοντος
 3 μηδὲν εἶναι ἀληθές ἔλεγον, εἴ γε ἐν ῥύσει πάντα ὑπάρχουσι,
 λέγοντες <ὅτι> ἀδύνατον ἐστὶν ἀληθεύειν περὶ τὸ πάντη
 πάντως μεταβάλλον. «ἐκ γὰρ ταύτης τῆς ὑπολήψεως ἐξήνθησεν
 6 ἡ ἀκροτάτη δόξα τῶν εἰρημένων, ἡ τῶν φασκόντων ἥρακλει-
 τίσειν, καὶ οἷαν Κρατύλος εἶχεν», ὅς τὸ τέλος οὐδὲ φθέγγε-
 σθαι ἠνείχετο οἰόμενος θᾶττον τῆς φωνῆς ρεῖν τὰ πράγμα-
 9 τα, ἀλλὰ τῷ δακτύλῳ κατένευε καὶ ἀνένευε, καὶ ἐπετίμα
 τῷ Ἡρακλείτῳ λέγοντι ὅτι οὐ δύνατον δις εἰς τὸν ποταμὸν
 παρελθεῖν διὰ τὸ ῥευστόν· οὐδὲ γὰρ μένει ὁ αὐτός· καὶ
 12 ἔλεγεν ὅτι οὐδὲ ἅπαξ δυνατὸν ἐστὶ τὸν αὐτὸν ποταμὸν δι-
 ελθεῖν εἴ γε ἐν ὕσῳ κινούμεθα παρέρχεται τὸ ὕδωρ.

Только видя, что вся здешняя природа чувственных вещей находится в движении и изменении, они сказали, что относительно того, что изменяется, нет ничего истинного, поскольку все вещи текут, говоря, что невозможно высказать какую-либо истину о том, что всё и всячески изменяется. «И вот на почве этого-то предположения и расцвело наиболее крайнее мнение из высказывавшихся, то, которого придерживаются утверждающие, что они последователи Гераклита, какового мнения держался и Кратил», который в конце концов запрещал даже говорить, считая, что вещи текут быстрее, чем голос, пальцем выражал согласие или несогласие и упрекал Гераклита, говорящего, будто невозможно дважды войти в ту же реку из-за ее течения, ибо она не остается той же самой, так как сам он говорил, что даже единожды нельзя перейти одну и ту же реку, поскольку вода в которой мы движемся, проходит мимо.

5—7 ← T 77 (10—12)

[ABCD] 3 s. ἔλεγον et λέγοντες invertenda ci. Hayduck || 4 <ὅτι> ἀδύνατον Hayd. : δύνατον codd. || 13 εἴ γε Hayd. : ἐγ sequente uacuo spatio codd. || παρέρχ. Hayd. : παρέχεται codd.

T 80

- (d) Syrian. in Arist. Metaph. (1010^a7) p. 75,37 (Kroll) [→ Syr.]
 πρὸς οὖν πάντας οὕτως ἀπανταῖ (sc. Ἀριστοτέλης)· πρῶτον
 μὲν τὰ ὄντα οὐκ ἐστὶ μόνα τὰ αἰσθητά· ἐν γὰρ τούτοις πολὺ
 3 τὸ ἐκ τῆς ὕλης ἀόριστον καὶ τὸ δυνάμει καὶ ἡ τῶν ἀντικει-
 μένων φαντασία, ὡς καὶ τὸν Κρατύλον δοκεῖν τι λέγειν
 ἐγκαλοῦντα τῷ διδασκάλῳ, ὅτι δις ἔφη μὴ δύνασθαι ἡμᾶς
 6 εἰς τὸν αὐτὸν ποταμὸν· οὐ γὰρ ἅπαξ δυνατὸν εἶναι.

Всем им он (Аристотель) отвечает так. Во-первых, сущие вещи не сводятся к одним чувственным объектам, в каковых ведь очень неопределенно и материальное, и потенциальное, и преобладает видимость противоположного, как, по его мнению, похоже, говорит и Кратил, осуждая своего учителя (Гераклита) за то, что тот сказал, будто мы не можем дважды войти в одну и ту же реку; ведь это невозможно и единожды.

(e) p. 67,27 [← T 21; → Syr.]

εἰ δὲ βεῖ καὶ μεταπίπτει ἀεὶ ἕκαστον, ὥσπερ οἱ Ἡρακλείται-
 3 οὶ λέγουσιν, οὐδὲν μᾶλλον οὕτως ἢ οὐχ οὕτως ἔχει τὰ
 πράγματα. πρὸς ὃν εἶποιμεν ἂν ὅτι τοὺς μὲν Ἡρακλείτειους,
 εἴπερ οὕτω διενοοῦντο τῷ λόγῳ, νῦν ἐκποδῶν ποιησόμεθα·
 6 οὔτοι γάρ, ἐπιστήσαντες οἷς λέγουσιν, οὐδὲν σημαίνειν τι
 φήσουσι τὰ ὀνόματα· ὡς γὰρ τὸν παραρρέοντα ἀέρα πείσαι
 ταῖς χερσὶν οὐκ ἔστιν, οὕτως οὐδὲ τὴν ἀστάτως μεταπίπτου-
 9 σαν τῶν πραγμάτων φύσιν ἔστι δηλῶσαι διὰ τῶν ὀνομάτων·
 διὸ καὶ τὸν Κρατύλον ἱστοροῦσί τινες ἀποσχέσθαι μὲν
 ὕστερον τῆς χρήσεως τοῦ λόγου, κατανεύειν δὲ μόνον καὶ
 ἀνανεύειν.

Если всякая вещь постоянно течет и изменяется, как утверждают гераклитовцы, то с вещами обстоит ничуть не более так, чем иначе. По этому поводу мы скажем, что с гераклитовцами мы разделаемся сейчас же, если только они так рассуждают, пользуясь речью. Действительно, эти люди, сами себе затыкая рот, утверждают, что имена ничего не значат, ибо, как нельзя руками обнять утекающий воздух, так нельзя и при помощи имен показать беспрестанно меняющуюся природу вещей. Потому и Кратил, как рассказывают некоторые, в конце концов отказался от употребления речи и только знаками выражал свое согласие и несогласие:

[C]

T 82

(f) Ammon. in Arist. Categ. (prooem.) p. 2,17 (Busse) [→ Ammon.]

ἔλεγον γὰρ ἐκεῖνοι (sc. οἱ Ἐφεκτικοὶ φιλόσοφοι) μὴ
 εἶναι κατάληψιν τῷ λόγῳ τούτῳ χρώμενοι· εἰ μέλλοι
 3 εἶναι κατάληψις, δεῖ τὸ γινώσκον ἐφαρμόζειν τῷ γινω-
 σκομένῳ· εἰ δὲ μέλλοι ἐφαρμόζειν, δεῖ τὸ γινωσκόμενον
 6 ἐστάναι τε καὶ ἀεὶ ὡσαύτως ἔχειν, ἢ, εἰ κινεῖτο τὸ γι-
 νωσκόμενον, συγκινεῖσθαι τὸ γινώσκων καὶ παρακολουθεῖν
 αὐτῷ. εἰ τοίνυν τὰ πράγματα οὐκ ἔστηκεν ἀλλ' ἀεὶ
 κινεῖται καὶ κινουμένοις αὐτοῖς οὐ δύναται συγκινεῖσθαι
 9 τε καὶ συνακολουθεῖν ἢ ἡμετέρα ψυχῇ, ἀνάγκη ἀκαταληψίαν
 εἶναι. ὅτι μὲν οὖν κινεῖται τὰ πράγματα καὶ ἀεὶ ἐν ῥοῇ
 καὶ ἀπορροῇ ἔστι, τοῦτ' ἔστι ἐν ῥύσῃ καὶ μεταβολῇ,
 12 ὀρθῶς ἔφασκον, ὅθεν καὶ τινος τῶν ἀρχαίων εἰρηκότος ὅτι
 εἰς τὸν αὐτὸν ποταμὸν οὐκ ἔστι δις ἐμβῆναι κατὰ τὸν
 αὐτὸν τόπον, ἔφη πρὸς αὐτὸν ἕτερος τῷ ὄντι ὀξείαι
 15 τῆι διανοοίαι, ὡς οὐδ' ἄπαξ· ἅμα γὰρ τῷ καθεῖναι τὸν
 πόδα ἐρρῦν αὐτὸ τὸ ὕδωρ πρὶν εἰς αὐτὸ τὸ λοιπὸν ἐμβῆναι
 σῶμα.

Они (философы-эфектики) говорили, что познание невозможно, и пользовались следующим рассуждением: если должно быть познание, нужно, чтобы познающее гармонировало с познаваемым, а если оно должно гармонировать, нужно, чтобы познаваемое стояло на месте и было все время тем же самым или, если познаваемое будет в движении, чтобы познающее двигалось с ним вместе и сопровождало его. Если однако, вещи не стоят на месте, но все время движутся, и если наша душа не способна двигаться с ними вместе и сопровождать их, движущихся, они по необходимости непознаваемы. Что вещи движутся и постоянно находятся в протекании и утекании, т. е. в течении и изменении, это они правильно сказали. Вот почему, когда один из древних заявил, что нельзя дважды вступить в одну и ту же реку в отношении одного и того же места, другой, воистину более острый на ум, возразил ему, что нельзя и единожды. Ибо в то самое время,

когда ступня опускается, вода протекает мимо нее прежде, чем погрузятся остальные части тела.

1 Ἐφεκτικῶί cf. fort Sext. Emp. *PH* III, 54, *Adu. math.* VIII, 7 [etiam → T 83, T. 84]

[FM] 1 γάρ F : δὲ M || 2 ὅτι εἰ μέλλει M || 5 κινούητο F || 5 s. τὸ γινωσκόμενον om. M. || 10 s. ῥοῦι τε καὶ M || 11 τοῦτ' ἐστὶ om. M || ῥύσση F : ῥύσση τέ ἐστὶ M || 12 τινὰ et εἰρηκότα M || 14 ἕτερος ἔφησε πρὸς αὐτὸν M || 15 s. τοὺς πόδας M

T 83

(g) Daudis *Proleg. philos.*

1) Graece, p. 3,32 (Busse) [→ Dau.]

τὸ δὲ δεύτερον ἐπιγείρημα τῶν ἀνατρεπόντων τὴν φιλοσοφίαν
προέρχεται τοῦτον τὸν τρόπον· τὰ ὄντα ἐν ῥοῦι καὶ ἀπορροῦι
3 εἰσι καὶ στάσεως οὐδεμιᾶς τυγχάνουσι· φθάνει γὰρ τὸν λόγον
ἀμειφθέντα τὰ πράγματα· καὶ γὰρ σχεδὸν πρὸ τοῦ ῥηθῆναι τὸν
6 δειγμα τοιοῦτον, ὅτι ὡσπερ ἐν ποταμῶι ἐν τῶι αὐτῶι ὕδατι
οὐ δύναται τις βρέξαι δις τὸν πόδα, ἢ ὡσπερ ἕτεροι ἐπιτεί-
9 νοντες τὴν ἀπορίαν λέγουσιν ὅτι οὐδὲ ἅπαξ δύναται τις ἐν
τῶι αὐτῶι ὕδατι βρέξαι τὸν πόδα ἐκείνου τοῦ ὕδατος παρερ-
χόμενου συντόμως καὶ ἄλλου ἐπερχομένου, οὕτω καὶ τὰ πράγ-
12 ματα ἐν ῥοῦι καὶ ἀπορροῦι ὄντα στάσεως οὐδεμιᾶς τυγχάνουσι
καὶ δῆλον ὅτι γινώσκει οὐχ ὑποτίπτουσιν· ἐν τῶι γὰρ θέλειν
τινὰ γινώσκειν αὐτὰ ἀμείβονται καὶ ἄλλοτε ἄλλως ἔχουσι,
καὶ οὐ καταλαμβάνει τις γινῶναι αὐτά.

Второе же доказательство отвергающих философию построено следующим образом: сущие вещи находятся в протекании и утекании и не знают покоя, а поскольку, изменяясь, вещи опережают речь, то вещи изменяются чуть ли не прежде, чем о них заговорят. И приводят они следующий пример: подобно тому, как *никто не может окунуть дважды свою ступню в реку*, в одну и ту же воду, или, как утверждают некоторые, преувеличивая трудность, как *никто не может окунуть единожды свою ступню в одну и ту же воду, поскольку эта вода немедленно уносится и уступает место другой*, подобно этому и вещи, находящиеся в протекании и утекании не знают никакого покоя и не поддаются познанию. Ибо стоит кому-либо пожелать их познать, как они изменяются и становятся то такими, то иными, так что их не схватить, чтобы познать.

2) Armeniace, p. 10,6 = 32 (Arevšatyan) [→ Dau.]

Isk erkrord glowx eřcanolaç'n zgoyouwt'iwn imastasirowt'ean yařajagayn
ayspēs ew ašt aysm awrinaki: Ėakk'n i hosman ew i corman en, ew oç'
3 erbēk' handipin dadarman, k'anzi yařajanay k'an zbann p'op'oxowmn
ēakac'n, ew gret'ē yasař k'an zçafeln znoc'anē zbann' p'op'oxin: Ew ber-
6 ankar ē erkic's t'anal zotn: Ew kam orpēs omank', yařajgelov ewš zta-
9 rakowsansd, asen, t'ē ew oç' mi angam karołowt'iwn ē i noyn jowr
t'anal zotn, ayn inç' jroyn p'owt'apēs i bac' hoseç'eloy ew anc'eloy:

А второй довод, который приводят те, кто отрицает существование философии, заключается в следующем: все сущее течет и бежит, никогда не достигая покоя. и так как изменение вещей предшествует образованию понятия [о них], то уже до того, как можно бывает вымолвить слово о них, они изменяются. Приводят такой пример: *в одну и ту же реку невозможно войти дважды*. А некоторые, усугубляя сомнение, говорят, что *в одну и ту же реку из-за быстрого течения и движения воды нельзя войти даже один раз*. Подобно этому и сущие, находясь в движении и течении, никогда не достигают покоя и, следовательно, не поддаются познанию, ибо, как только мы хотим познать их, они изменяются и бывают различными

в различное время, так что никто не может настичнуть и познать их (*пер. С. С. Аревшитяна*).

1 τῶν ἀνατρεπόντων etc.] sc. τῶν Ἐφεκτικῶν φιλοσόφων (cf. Dau. *Proleg. uersionis Armeniaca* titulum [p. 2,1 = 29 Arev.] Ἐννδὴμ ἀτarkowt'ean'c' ἔ'oric' Pihroni imastaki sahmank' ew tramatowt'iwnk' imastasirowt'ean = *Definitiones divistonesque philosophiae contra Pyrrhonis philosophi theséis quattuor*; ← T 82 et → T 84)

1) [KTV] 7 οὐ om. et sscr. K || τὸν αὐτοῦ πόδα δις T || 9 ἐκείνου τοῦ V : τοῦ αὐτοῦ K : αὐτοῦ τοῦ T || 10 συντόμως περιερχομένου (sic) V 2) [ABCDE ed. Ven] (*uarias lectiones Armeniacas omitto*)

T 84

(h) Ioan. Philopon. *in Arist. Cat. (prooem.)* p. 2,7 (Busse) [→ Philop.]

- Ἐφεκτικοὶ μὲν [οὖν] ἐλέγοντο (sc. οἱ Σκεπτικοί) διὰ τοιαύτην αἰτίαν Πύρρων ὁ τῆς αἰρέσεως ἡγησάμενος ἔλεγεν
- 3 ἀκαταληψίαν εἶναι ἐν τοῖς οὖσι, τοιοῦτοι γράμμενος παραδείγματι ὥσπερ, φησὶν, εἰς τὸν αὐτὸν ποταμὸν δις ἐμβῆναι
- 6 ἀμύχανον (φθάνει γὰρ παραρρεῦσας πρὶν δεῦτερον εἰς αὐτὸν ἐμβάλειν), οὕτως οὐδὲ περὶ τῶν πραγμάτων ἔστι τι σαφῶς ἀπορήνασθαι ῥευστῆς οὐσης καὶ αὐτῶν τῆς φύσεως καὶ ἐν τοῦτοι τὸ εἶναι ἐχούσης ἐν τῷ γίνεσθαι καὶ ἀπογίνεσθαι.
- 9 ὁθεν ἐρωτώμενοι κατένεον μόνον ἢ ἀνένεον, οἰόμενοι φθάνειν ἀμειφθῆναι τὰ πρᾶγματα πρὶν ἀποκρίνασθαι. ὁ δὲ μαθητῆς αὐτοῦ Ἡράκλειτος ἐπιτείνων τὸ ἄτοπον ἔλεγεν ὅτι
- 12 οὐδὲ ἅπαξ εἰς τὸν αὐτὸν ποταμὸν ἐμβῆναι δυνατόν πρὶν γὰρ ὅλον τὸ σῶμα καταδῦναι, πλείστον ὕδωρ φθάνει παραρρεῦσαν. οὕτω δὲ ἔχειν καὶ τὴν τῶν πραγμάτων φύσιν ἐν κινήσει
- 15 γὰρ καὶ ῥοῆι τὸ εἶναι ἔχειν ἅπαντα.

Эффектиками («воздерживающимися») их (скептиков) называют по следующей причине. Пиррон, который возглавил это течение, говорил, что вещам присуща неуловимость, причем он пользуется следующим примером: как, говорит он, *вступить дважды в одну и ту же реку неосуществимо* (ибо она утекает раньше, чем успеешь в нее войти вторично), так и о вещах нельзя ничего сказать ясного, поскольку и их природа текуча и имеет свое бытие в возникновении и уничтожении. Поэтому, когда им задают вопросы, они только знаками соглашаются или не соглашаются. А ученик его Гераклит так! еще более абсурдно говорит, что *невозможно вступить в одну и ту же реку даже единожды*: прежде чем все тело погрузится, большая часть воды успеет утек. Так же обстоит и с природой вещей: всё они имеют свое бытие в движении и течении.

1 Ἐφεκτικοί etc.] cf. ← T 83, T 84 (app.)

Mch 40 (c^o); Pyrrho test. 83 Declava Caizzi

[CF (Aldina)] 1 οὖν del. Busse || 3 ἐν om. Ald. || χρώμενοι F || 5 δεῦτερον F : δις C || 6 ἐμβάλειν C : εἰσελθεῖν F || 10 ὁ δὲ — 15 eicienda Busse || 12 π. ἐμβῆναι C : ἐμβῆναι π. F : π. ἐμβληθῆναι Ald. || 13 ὕδωρ C : ῥεῖθρον F || 15 ἔχει F

T 85—86

Georg. Pachym. *De Mich. Paleologo*, I, p. 340,6 (Bekker) et Paraphrasti Vaticani anonymi *schol.* in h. l. (I, p. 656 Bekker) [→ Pachym.]

- εἰ γὰρ καὶ Ἡρακλείτῳι εἰρησθαι τὸ μὴ ἐπὶ τοῦ αὐτοῦ εἶναι δις βάπτειν, καὶ Κρατύλῳι μᾶλλον ὡς μηδὲ ἅπαξ, τῶν πραγμάτων δίκην αἰέρρου ῥεύματος παρατρεχόντων.
- 3 Σ. καθὼς γὰρ Ἡράκλειτος ἔλεγε, τὰ πρᾶγματα ἐν ῥοῆι καὶ ἀποροῆι. ὥσπερ οὐκ ἔστιν ἐπὶ τοῦ παραρρέοντος ῥεύματος

6 δις βάψαι τὸν δάκτυλον ἐπὶ τοῦ αὐτοῦ καὶ ἐνὸς ὕδατος,
οὐδὲ στάσιν εὐρεῖν ἔνεστι τῶν πραγμάτων δίκην αἰέρου
ρέυματος παρατρεχόντων.

Ибо хорошо сказано у Гераклита, что *нельзя дважды окунуться в одно и то же*, а у Кратила еще лучше, что *нельзя и единожды*, так как все вещи проносятся мимо наподобие вечно текущего потока. *Сх.*: Ибо согласно тому, что сказал Гераклит, вещи находятся в протекании и утекании. Подобно тому как нельзя дважды окунуть палец в одну и ту же воду протекающего потока, невозможно найти никакого покоя, так как все вещи проносятся мимо наподобие вечно текущего потока.

[sine appar. ap. Bekkerum]

12. PAPHYRVS ORPHICVS EX DERVENI ОРФИЧЕСКИЙ ПАПИРУС ИЗ ДЕРВЕНИ

(~ 400 a.C.)

(Pap. orph.) 1

T 87

Fr. A, uers. 5—11 (Zeitschr. f. Pap. u. Epigr. 47 [1982] p. 1; cf. W. Burkert, op. cit. infra), restitutio dubia*

... λά]μιανε [γ]ὰρ οὐτ[ω λόγον τό]γδε· κόσμος
6 πηλίκος; ὁ δ' Ἡράκλειτος, με[ταλλάττων] τὰ κοινά,
δηλοῖ ἀσα[φέστατα] ὅσος, περικρύ[πτωι] λόγῳ λέγων
τὰ μέτρα, ἀλλ' οὐ κατὰ φύσιν· ἀνθρῶ[πείου] εὖρος ποδός,
9 φησίν, «ἥλιο]ς, οὐχ ὑπερβάλλον, με[τρῆι] ὄ]ρουσ· ἐ[ὰν δὲ
ὑπερβάλλ]η<ι>, Ἐρινύε[ς] νιν ἐξευρήσο[υσι]· ἐπισκοποῦσι
γὰρ τὸν ἥλιον μὴ ὑπερ]βατόμ ποτὶ κ[...]

Ибо возьмн таким образом (= рассмотри в этом отношении) следующий [вопрос: какой величины] космос? Гераклит, [видоизменив] общепринятое мнение, крайне [неясно] [указал], как он велик, выразив [его размеры] в весьма та[инственных] выражениях, причем не в соответствии с природой. «*Ш и р и н о ю в с т у п н ю ч е л о в е к а*», [говорит он, «*С о л н ц е*] *изме[ряет свои пре]делы, не нарушая их; [а если нарушит], e g o o т ы ц у т Э р и н и у*, [ибо они наблюдают за тем, чтобы Солнце не] совершало [на]рушений...».

8 ἀνθρ.— ποδός cf. DK B 3 [→ Dox.] || 9 οὐχ — 10 ἐξευρήσουσιν cf. DK B 94 [→ Plut.]

[Pap.] 5—11 omnia restitui praeter aliis tributa || 5 λάμιανε edd. || 6 δ' Ἡράκλειτος: .HΣΑΣ.ΟΤΟΣ Pap. || 7 (ἰ)σαφέστατα ci. edd. || ὅσος edd. || περικρύπτωι Burkert: ΠΕΡΙΚΕ. [Pap. || 8 τὰ μέτρα, ἀλλὰ suppl. Burk. || ἀνθρῶπειου (uel -πῆιου) edd. || 9 μετρεῖ ὄρους: .I. (seu .IE seu .E) [....] ΡΟΥΣ Pap.: μέτρων ὄρους ci. edd., acc. Burkert || 10 ὑπερβάλλη: εἰ δὲ μὴ edd., acc. Burk. || ἐξευρήσουσι edd., acc. Burk. || 11 ὑπερβατόμ edd.: ἐπαναβατόμ Burk. || ποτὶ edd.

Appendo Burkerti uersuum 6—11 lectionem ac uersionem (W. Burkert, *Atti del Symposium Heracliteum 1981*, I [Roma, 1983] 39—41): Ἡράκλειτος ἐδήλωσε ὅ τὸ συμ[ικρὸν κατὰ] τὰ κοινά [ἐπάγων / ἐδειξε σα[φέστατα, [ὅ]σος, περικρ[ύπτωι] λόγῳ λέγων [τὰ / μέτρα, ἀλλ]ὰ οὐ κατὰ φύσιν· ἀνθρῶ[πείου] εὖρος ποδός / [ὁ ἥλιος, κα]ὶ οὐχ ὑπερβάλλον μέ[τρων] ὄ]ρουσ Ἐ[ρινύων] / δέει — εἰ δὲ] μὴ, Ἐρινύε[ς] νιν ἐξευρήσο[υσιν] — ταῦτα πάντα / ἱμικται, ἵνα ἐπανα]βατόμ ποτὶ κ[... — *Eraclito l'ha mostrato chiaramente, prendendo il piccolo secondo l'esperienza comune: ha fatto la più lucida dimostrazione di quanto è grande (il cosmo), attraverso un linguaggio oscuro, ma non} secondo la natura. Il sole, largo quanto un piede umano e che non sorpassa i limiti delle sue misure per paura delle Erinni — altrimenti le Erinni lo troveranno—, tutto questo ha detto in modo allegorico, affinché ci conduca da una cosa all'altra...*

Vide etiam → Traditio (B) s. Pap. orph. [respectus].

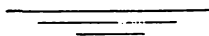
Корректирующее дополнение. Правильность чтения ΗΡΑΚΛΕΙΤΟΣ в 6-й строке подтвердил проф. К. Цацаноглу (письмо от 12 янв. 1985), сообщивший нам, что оно «has yielded under the microscope».

TRADITIO HERACLITEA (A)

Corpus fontium ueterum de Heraclito

Serge N. Mouraviev

The present fraction of *Traditio Heraclitea* (A) (see *VDI* 1984, 4; 1985, 2; 3) closes its pre-Platonic portion. It consists of the third part of Chapter 11 devoted to Cratylus the Heraclitean which concludes the fullest critical edition ever published of the ancient evidence about him; and Chapter 12, where the author proposes a new reading of the recently published Heraclitean passage of the Orphic papyrus from Derveni. Here is a tentative translation of this reading: «...*Take thus the following topic: how great is the cosmos? Altering the common view, Heraclitus shows most unclearly how big it is by telling the dimensions with covert words but not according to nature: „(Being) of the width of a human foot“, he says, „the Sun, without transgressing them, measures the limits (of the cosmos?): if he does transgress them, then the Erinyes will find him out, for they supervise the Sun to prevent him from making any transgression...“*» [The reading Ἡράκλειτος in l. 6 is now (Jan. '85) confirmed by Professor K. Tsatsanoglou,] according to whom it has «yielded under the microscope».]

И. С. Свенцицкая

РОЛЬ ЧАСТНЫХ СООБЩЕСТВ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПОЛИСОВ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО И РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

(По материалам Малой Азии)

На протяжении всего существования античного мира жизнь свободно-грека — его поведение, привычки, моральные нормы и политические идеалы — определялись сложной системой связей, гражданских, родственных, товарищеских. Он был не только членом гражданского коллектива, но входил в различные сообщества: ойкос, дем, фратрию, филу; он мог быть участником культовых и погребальных братств, землячества — если переезжал в другой город — и т. п. В различные исторические эпохи на первый план выдвигались разные связи, но существование небольших объединений частного характера оставалось важной особенностью общественной и частной жизни в греческом полисе.

Наибольшее число свидетельств о различного рода частных объединениях относится к эллинистическому и римскому времени (как кажется, не случайно). В задачу настоящей статьи не входит сколько-нибудь подробное рассмотрение всех типов подобных объединений и их внутренней структуры; моя цель — проследить основные тенденции в развитии частных ассоциаций в связи с изменениями общественной структуры и политической роли полисов, а также определить их роль во внутренней жизни греческих городов.

Для того, чтобы понять причины распространения частных сообществ в городах эллинистического времени, следует несколько слов сказать о предшествующем периоде. Для классической Греции характерна связь разного рода объединений граждан с административно-политической структурой полиса. В процессе формирования полисов происходило разрушение родовых связей: уже в гомеровских поэмах род не выступает как реальная общность. По словам Ю. В. Андреева, расшатывание жестких гентильных организаций к концу гомеровского периода зашло достаточно далеко¹. В связи с миграциями род утратил не только свою экономическую роль, но оказался не в состоянии выполнять социальную функцию контроля и взаимопомощи.

Разрушение родовых связей большинства населения сопровождалось обособлением знатных родов и семей, сохранявших свою, пусть иногда искусственную, генеалогию; вокруг знатных семей образовывались группировки — товарищеские (гетайры), клиентские (терапонты), которые служили укреплению политического господства знати². Борьба демоса со знатью в VII—VI вв. до н. э. хотя и не уничтожила знатных родов, раз-

¹ Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1977, с. 106.

² Murray O. Early Greece. Oxf., 1980, p. 49.

рушила их монолитность и консолидацию. Аристотель пишет, что для демократии характерно стремление к тому, «чтобы все как можно больше перемешались между собою и чтобы прежние объединения были разбиты» (Arist., Pol. VI, 2; в качестве примера он приводит Клисфена и демократов в Кирене). В Афинах после реформ Клисфена основной микрогруппой внутри гражданского коллектива стал дем со своим внутренним самоуправлением, общественной собственностью, своими святилищами. Дем в известной мере принял на себя функцию рода, в частности и функцию взаимопомощи. Богатые граждане помогали своим «содемотам»: так, Кимон всякому, происходящему из дема Лакиадов, давал ежедневное довольствие, а земли его не были огорожены, чтобы желающие могли пользоваться плодами (Arist., Ath. pol. 27, 3).

Каждый афинский гражданин входил в сакральную организацию — фратрию, основанную первоначально на родстве, действительном или мнимом³. Фратрии, как и демы, играли роль при признании гражданских прав, они выступали как объединения, оказывающие помощь своим членам, предоставляя беспроцентные займы. Дельфийские фратрии устраивали общественные пиршества. Характерно, что религиозные союзы, образованные группой граждан для почитания какого-либо божества или героя, входили как составная часть во фратрии (союзы фиасотов и оргеонов; последние включали лиц, не связанных родством⁴). Как указывает историк греческого права Дж. У. Джонс, подобные союзы в классический период были связаны с политической структурой греческого общества⁵. Можно считать, конечно, преувеличением слова Фергюсона о том, что в V и в начале IV в. до н. э. государство (имеется в виду афинское) настолько полно соответствовало идеальным интересам граждан, что многие полагали «бесполезной роскошью» вступать в братства⁶, но V в. действительно дает мало примеров частных ассоциаций (вплоть до Пелопоннесской войны): общественная и частная жизнь была тесно связана с полисными институтами, а публичность всей жизни была нормой. Недаром одним из наказаний в Афинах был запрет появляться в общественных и священных местах — неполная атимия (см. Dem., XX, 15). В этих условиях потребности в создании дополнительных сообществ у основной массы демоса, вероятно, не было (разумеется, наиболее знатные аристократические роды старались сохранить свою общность, но таких родов было немного).

Ассоциациями, не входившими в политическую структуру полисов в V — начале IV в. до н. э., были землячества — объединения выходцев из одного города или страны. Появление таких землячеств кажется естественным: оно определялось все той же потребностью в коллективных формах жизни, которая была свойственна античному миру (а может быть, и не только античному). Различные причины, прежде всего экономические, приводили к тому, что разные люди, купцы и ремесленники, поселялись в чужих городах, — но и там они хотели сохранить видимость своего прежнего быта. Землячества объединялись вокруг святилища своего отеческого божества, где происходили их общие собрания и празднества. Для того, чтобы построить святилище, необходимо было иметь земельный участок: до нас дошло несколько постановлений (или упоминаний о них) афинского

³ Есть точка зрения, что фратрии возникли из внеродовых объединений вокруг аристократических семей (отряды гейтаров); эти объединения имели тенденцию превращаться в наследственные (Murray. Op. cit., p. 55). О фратриях классического времени см. Глушкина Л. М. Дельфийский полис в IV в. до н. э. — В кн.: Античная Греция. Т. 2. М., 1983, с. 59 слл.

⁴ Перечень греческих союзов в разные периоды, в том числе и разбор надписей с упоминанием оргеонов и тиасотов, дан в книге: Ziebarth E. Das griechische Vereinwesen. Lpz., 1896 (о тиасотах и оргеонах — см. с. 134 слл.). Выводы Цибарта о характере и времени распространения этих союзов остаются в силе до сих пор. См. также: Foucart P. Des Associations religieuses chez les Grecs. P., 1873; Poland F. Geschichte des griechische Vereinwesens. Lpz., 1909.

⁵ Jones J. W. The Low and Legal Theory of the Greeks. Oxf., 1956, p. 159.

⁶ Ferguson W. S. Hellenistic Athens. L., 1911, p. 246.

демоса о выделении определенного места для строительства святилищ ассоциациями (египтян, фракийцев, выходцев из города Кития ⁷). Таким образом, эти ассоциации фактически могли действовать только с согласия полиса.

Религиозные союзы граждан также имели каждый свое святилище, дом, участок земли — в одной надписи IV в. говорится о сдаче в аренду участка около святилища героя Эгрета, почитаемого оргеонами; в дни собраний союза арендатор должен был предоставить в его распоряжение дом, ложа и столы ⁸. Упоминание о столах свидетельствует о том, что члены союза не ограничивались ритуальными действиями в святилище: их собрания сопровождались трапезой, во время которой и происходило их общение друг с другом. Оргеоны, таким образом, составляли реальное микросообщество, но при этом они входили в более широкое объединение — фратрию, тем самым являясь частью общественной структуры полиса.

К концу V — началу IV в. до н. э. относятся упоминания о частных товарищеских объединениях внутри гражданского коллектива, не связанных непосредственно с политической организацией (профессиональных коллегий типа римских в классической Греции не засвидетельствовано). Объединения эти — по преимуществу городские; вероятно, именно в городе раньше возникла потребность в дополнительных связях с более узким кругом людей: принадлежность к дему была наследственной, и переселение в город из сельских местностей означало потерю реальной связи с демотами. Некоторые из товарищеских объединений первоначально не имели определенной структуры и носили временный характер; так, в Афинах IV в. до н. э. распространяются объединения частных лиц для оказания помощи своим членам путем беспроцентных займов ⁹. В составе заемодателей могли быть люди, связанные родственными, деловыми, дружескими связями, такие займы назывались «эранос». Интересно, что слово *ἔρανος* означало также дружеский пир вскладчину; например, в «Одиссее» Афина спрашивает Телемаха по поводу сборища женихов: «Это праздник или свадьба? Во всяком случае, это не эранос» (Ном., Od. I, 266; в значении «пир» это слово употреблено и в Od. XI, 415). Перенос значения слова «эранос» на беспроцентные займы показывает, что в представление о дружеских связях входило и совместное времяпрепровождение за общим пиршественным столом, и оказание помощи.

По-видимому, уже в IV в. временные объединения для оказания денежной помощи становятся постоянными ассоциациями — появляются союзы эранистов. Правда, большинство упоминаний о них относится уже к эллинистическому времени. Такие объединения могли, помимо граждан, включать метеков, вольноотпущенников и рабов; как считает Л. М. Глускина, эраной-союзы эллинистического периода были преимущественно организациями низов, но первые примеры таких союзов появились в социальной практике еще в IV в. до н. э. ¹⁰ Можно думать, что именно социальные низы раньше и острее ощутили упадок полисной солидарности; кризисные явления, с одной стороны, порождали потребность в создании прочных связей с людьми социально близкими, а с другой — позволяли новым ассоциациям, даже ассоциациям метеков и рабов, более успешно защищать свои интересы, поскольку им уже не противостояла воля единого сплоченного гражданского коллектива.

Постоянные союзы эранистов не были только союзами взаимопомощи; у них, как и у тиасотов и оргеонов, был свой культ. Аристотель в «Нико-

⁷ Pečírka J. The Formula for the Grant of Enktesis in Attic Inscriptions. Praha, 1966 p. 59 ff., 122 ff.

⁸ Об этой надписи см. Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975, с. 108.

⁹ Эти объединения подробно охарактеризованы в вышеупомянутой книге Л. М. Глускиной (гл. IV).

¹⁰ Глускина. Проблемы социально-экономической истории..., с. 117.

маховой этике» говорит, что тиасоты и эристы объединяются ради получения удовольствия (*διὰ ἡδονῆν*), так как эти объединения служат для жертвоприношений и совместного препровождения времени (Arist., Eth. Nic. 8, 11). Существование общего культа и святилища, пусть небольшого, было обязательным признаком объединений. Бог-покровитель союза, как и бог-покровитель полиса, олицетворял единство союза, укреплял и освящал связь между собой людей, в данный союз входивших. Дни празднеств в честь божества были днями их общих собраний: общий культ вносил не только сакральный смысл в деятельность союза, но и определенный порядок в их «совместное препровождение времени».

Мы мало знаем о внутренней организации и деятельности союзов рубежа классического и эллинистического времени. Члены ассоциаций делали взносы на общие нужды (в том числе и на погребение своих членов). Большинство объединений не противоречило полисному образу жизни¹¹ и в известной мере его копировало: Аристотель замечает, что «все объединения подобны частям государства» (Eth. Nic. 9, 4). Можно думать, что частные ассоциации восполняли потребность в общении в условиях обострения в IV в. борьбы внутри гражданского коллектива и падения роли в повседневной жизни таких сообществ, входивших в политическую структуру, как дем или фила, а для неграждан — как бы приобщали их к формам полисной жизни, приравнивая в какой-то мере к гражданам, входившим в аналогичные ассоциации.

После завоеваний Александра Македонского происходит резкое увеличение числа различных товариществ во всем ареале Средиземноморья. Потеря многими полисами политической независимости, ослабление реальной роли гражданских институтов в городах, подчиненных царской власти, массовые переселения во вновь основанные на Востоке полисы, увеличение числа наемников-греков, покидавших свою родину ради службы в армиях эллинистических правителей, перекраивание территорий по произволу этих правителей — все это приводило к реальному ослаблению традиционных связей среди свободных греков. Естественной реакцией на это было стремление к созданию микросообществ, не связанных с политической организацией: ни с полисной, кризис которой остро ощущался в начале эллинистического периода, ни с бюрократически-монархической, чуждой еще греческому сознанию.

Как и во многих других сферах жизни, в сфере товарищеских отношений эллинизм был временем поисков, разнообразия форм, в которых проявлялись эти отношения. Можно выделить две основные тенденции при образовании союзов, объединявших частных лиц, — одни из них стремились закрепить и возродить связи традиционные, другие — найти новые формы общности и оформить новые связи, зарождавшиеся в сложном, этнически пестром мире эллинистических государств.

Примером первой тенденции можно считать возрождение в Афинах конца IV—III в. до н. э. родовых связей, часто искусственных, не восходивших к реальному древнему родству. Родовые организации, включенные в фратрии, носили сакральный характер; распад гражданского единства приводил к тому, что роды снова приобрели часть своего потерянного влияния в жизни Аттики. Л. М. Глушкина, посвятившая специальную статью афинским фратриям и родам¹², отмечает, что в IV в. отдельные се-

¹¹ Я не касаюсь здесь вопроса о таких объединениях, как гетерии (или синомасии), — политических клубах, возникших в период начавшегося кризиса полиса и действовавших по отношению к полису как разрушительная сила (литература по этому вопросу обширна). Члены этих групп были связаны клятвами и даже — если судить по рассказу Андокида — совместными преступлениями. Деятельность гетерий и их отношения с полисом требуют особого исследования. Гетерии сошли на нет в условиях включения полисов в крупные державы, правители которых имели возможность подавлять политическую оппозицию.

¹² Глушкина Л. М. Фратрии и род в структуре Афинского полиса IV в. до н. э. — ВДИ, 1983, № 3, с. 39—52.

мейные группы, не имевшие древних традиций, называют себя по имени предков; слово «род» начинает применяться к группам, к которым оно ранее не применялось. Но деятельность таких родов по существу напоминает деятельность культовых ассоциаций (в политической жизни члены рода выступают как индивиды). Очень важным представляется наблюдение Л. М. Глускиной о том, что в III в. до н. э. число свидетельств о деятельности фратрий значительно сокращается; в конце концов эта деятельность была сведена на нет, в то время как упоминания о родах продолжают встречаться. По мнению Л. М. Глускиной, в Афинах род, менее связанный с полисной системой, чем фратрия, оказался более живучим. Конституирование родовых связей, в том числе и фиктивных, возможно, было связано также с консервативностью афинского демоса, который сопротивлялся проникновению новых веяний в свою среду: еще в III в. до н. э. в частных религиозных ассоциациях афиняне старались не смешиваться с негражданами; проникновение в гражданский коллектив Афин чужеземных культов и создание смешанных по своему составу союзов относятся в основном ко II—I вв. до н. э.¹³

В ряде эллинистических городов попытки закрепить родственные связи сказались в создании семейно-родовых ассоциаций вокруг культа умершего родственника. Так, галикарнасец Посидоний выделил участок и основал на нем святилище нескольких богов — Зевса Патрея, Аполлона, Мойр, Матери богов и Благого Демона (Ἀγαθὸν Δαίμονα) своих родителей Посидония и Горгиды. Следить за отправлением культа, обрабатывать участок (куда входили поле, сад и усадьба) и, следовательно, получать с него доход должен был старший в роде учредителя. В надписи подробно оговариваются все вопросы, связанные с организацией культа, в том числе с жертвоприношениями божествам и духу родителей Посидония. Культ основан для потомков учредителя¹⁴. Робер считает возможным видеть аналогичное предписание об учреждении культа предков для родственников (συγγενῶν) еще в одной галикарнасской надписи¹⁵. На Косе также был создан своего рода семейный культ Геракла и связанных с ним божеств: на посвященном им темене стояли статуи богов и учредителя Диомедона; после его смерти потомки должны были приносить жертвы этим богам и Диомедону, жрецом тоже был старший в роде (Syll³, 734). Жительница Феры Еликтета в память об умершем муже воздвигла святилище, посвятив его Музам и мужу; в длинной надписи оговариваются все условия посвящения, отправления церемоний и жертвоприношений; культ этот обслуживался собранием родственников (τῶν συγγενῶν συναγωγήν)¹⁶. Семейные культы умерших родственников (иногда, как это было с Диомедоном, основанные еще самим почитаемым лицом при жизни) должны были поддерживать распадающиеся родственные связи; как правило, такие культы объединялись с культурами других божеств: почитаемый сородич не становился божеством в собственном смысле слова, в основе такого почитания лежал посмертный культ героев, а объединение этого культа с культом настоящих богов как бы распространяло «святость» на героизированного предка.

Для гражданина классического полиса почитание умерших предков было вполне естественно: в Афинах кандидата на ту или иную должность спрашивали, есть ли у него Аполлон Отчий и Зевс Оградный, есть ли усыпальницы предков (Arist., Ath. pol. 55,3). Забота о могилах, расположенных на наследственном участке, считалась долгом гражданина. Недаром

¹³ Ferguson. Op. cit., p. 219. Стремление отгородиться от новых веяний проявлялось в раннеэллинистических Афинах и в законах против роскоши, особенно женской (в частности, запрещалось появляться в пурпурной одежде, расшитой золотом. — Ibid., p. 45).

¹⁴ Sokolowski F. Lois sacrées d'Asie Mineure. P., 1954, № 72.

¹⁵ Robert L. Etudes anatoliennes. Recherches sur les inscriptions grecques de l'Asie Mineure. P., 1937, p. 466—468.

¹⁶ Sokolowski F. Lois sacrées des cités grecques. P., 1969, № 135.

Эсхин в речи против Тимарха, стремясь скомпрометировать последнего, патетически восклицал, что Тимарх продал даже тот участок, на котором мать умоляла похоронить ее (Aeschin., I, 99). Но в эллинистический период этот естественный порядок был нарушен, да и как мог греческий или македонский наемник, находящийся за много миль от родины своих предков, почитать их могилы? Историк греческой религии Нильссон пишет, что в период эллинизма старый культ умерших, который был сосредоточен у могильного памятника, ослаб и не давал больше удовлетворения¹⁷. Для того, чтобы сохранить семейные связи, нужно было почитать не просто могилы, а святилища героизированного предка (в условиях распространяющегося культа правителей героизация не только недавно умерших, но и живых людей могла казаться достаточно обычной); такой предок — пусть в рамках семьи — возвышал эту семью и в собственных глазах, и в глазах окружающих, а возможность хозяйственного использования темена создавала дополнительный стимул для того, чтобы такой культ продолжал существовать и сплачивать потомков.

Стремление сохранить старые этнические и полисные связи выразилось в образовании большого количества землячеств при переселении на чужбину. Землячеств особенно много было в крупных торговых центрах, притягивавших к себе выходцев из различных городов и областей (например, на Делосе и Родосе). Обычно землячества почитали своих богов или синкретические божества, сочетавшие атрибуты их родных и греческих божеств: так, на Делосе были землячества выходцев из сирийского Гиераполя, почитавших Атаргатис и Адада (BSH, 1882, p. 495); купцы из Берита образовали ассоциацию вокруг культа Посейдона, вероятно объединявшего черты греческого и сирийского божества, покровителя мореплавателей; там же существовал и религиозный союз тирян¹⁸.

Однако наряду с объединениями, в которые входили люди, связанные общностью происхождения, в эллинистический период распространяются ассоциации, включавшие людей разных народностей и разного социального статуса. В один из союзов, существовавший в Книде, входили греки, фригийцы, фракийцы, финикийцы, писидийцы, ливиец (SGDI, 3510). В эллинистических Афинах появились ассоциации неграждан, куда входили выходцы из разных мест, а также женщины (тоже, вероятно, негражданки)¹⁹. В небольших городах могли объединяться все жившие там неграждане: например, одна из надписей во владениях Родоса на материке сделана объединением всех там живущих, обрабатывающих землю (арендаторов?), купцов и временно проживающих (судя по терминологии, речь идет о негражданском населении)²⁰. Были *фиасы*, которые включали людей разного статуса: так, в один из *фиасов* малоазийского города Кавна входили и граждане (они в списке членов *фиаса* упомянуты без этникона) и неграждане (при имени которых этникон указан)²¹. Интересна надпись из эллинистической Карии, поставленная за какие-то благодеяния (начало сохранилось плохо) объединением, в которое входили выходцы из Минда, Галикарнаса, Лаодикеи, Алабанды, грамматевс г. Идимы (возможно раб), граждане Идимы (откуда надпись происходит), пять человек рабского (или зависимого) статуса: их имена даны без отчества, а после имени указано — «прирожденный» (*ἐγγενής*)²². Я не буду касаться здесь вопроса о значении последнего термина, отмечу только, что объединение, поставившее надпись, по-видимому, в честь какого-то своего благодетеля, состояло из людей разного происхождения и разного социаль-

¹⁷ Nilsson M. P. N. Geschichte der griechischen Religion. B. II. München, 1950, S. 110.

¹⁸ Ziebarth. Op. cit., S. 29; Foucart. Op. cit., p. 223—225.

¹⁹ Ferguson. Op. cit., p. 422.

²⁰ Fraser P. M., Bean G. E. The Rodian Peraea and the Islands. L., 1954, p. 2.

²¹ Bean G. E. Inscriptions from Caunus.— JHS, 1953, LXXIII, p. 25.

²² Bean G. E., Cook J. N. The Carian Coast III.— BSA, 1957, LII, p. 79.

ного положения. Трудно сказать, что именно их объединяло: общие занятия, общий культ, может быть, зависимость от чествуемого лица, но связи существовали и осознавались. Упомянутый союз характерен не только разнообразием статусов своих членов, но и относительно небольшим их числом (как и фиа́с из Кавна). Такие союзы представляли собой небольшие, общающиеся между собой группы, члены которых могли достаточно хорошо знать друг друга. На эллинистическом Делосе иа́мниты, выходцы из Палестины, поставили посвященные семитским божествам «за себя, братьев, родных и присоединяющихся граждан» (συνεῖται πολίτων)²³; по мнению Л. Робера²⁴, глагол *συνεῖται* имеет специфический смысл в почетных надписях городов и постановлениях ассоциаций, а именно: «сходиться на совместное пиршество». В данном случае граждане выступали в роли сочувствующих, своего рода прозелитов, присоединившихся к культурному союзу, созданному чужеземцами.

Создание объединений, основанных не на традиционных (семейных или гражданских) связях продолжалось и в эпоху позднего эллинизма. В Филадельфии (Малая Азия) в I в. до н. э. был создан религиозный союз, в который, согласно его уставу, могли входить мужчины и женщины, как свободные, так и рабы²⁵. Создание смешанных ассоциаций отражало общую тенденцию в общественной жизни эллинистических полисов, которая проявилась в более тесных контактах между гражданским и негражданским населением. Неграждане участвовали в главных религиозных празднествах, в пирах и раздачах. Согласно надписям Приены II—I вв. до н. э., к религиозным торжествам и раздачам допускались кроме граждан все неграждане, как постоянно проживающие на территории города и хоры, включая рабов, так и жившие там временно выходцы из других городов (Inscr. v. Priene, № 108, 109, 111—113, 118, 123). На Кеосе к полисным празднествам привлекались неграждане и вольноотпущенники (IG, XII, 5, № 647). Эти примеры можно было бы умножить.

Во многих сферах жизни происходило фактическое сближение граждан и неграждан: значительно шире, чем в предшествующий период, полисы предоставляли право владения землей негражданам; в большом числе полисов Восточного Средиземноморья не только неграждане, но и гражданское население платило прямые налоги. Однако правовые различия оставались существенными: вся система органов полисного самоуправления была закрытой для неграждан, граждане сохраняли привилегии в доступе к общественной земле. Частные ассоциации, члены которых различались по статусу, отражали то фактическое равенство внутри отдельных групп населения города, постепенное осознание которого стало проникать в социальную психологию эпохи эллинизма, опережая правовые и политические установления.

Если мы можем достаточно легко представить себе, какую роль подобные объединения играли для лиц неполноправных статусов, то с гражданами дело обстоит иначе. Что привлекало граждан в союзы, куда входили метеки, вольноотпущенники, рабы? Разумеется, были случаи вступления в союзы, вызванные индивидуальными обстоятельствами, но все-таки, мне кажется, можно выделить и общие причины, лежавшие в основе подобных явлений. Причины эти крылись в изменении отношения к государству, к полисным божествам, развитие индивидуализма, объективно поощряемое эллинистическими монархами и их приближенными, карьеры которых показывали наглядные примеры успеха, достигнутого вне полисной сферы жизни.

Я уже говорила о том, что ассоциации объединялись вокруг того или иного культа: среди этих культов в эллинистический период было много восточных божеств — Исида, Сарапис, различные ипостаси Матери богов.

²³ Sokolowski. Lois sacrées de cités grecques, № 57.

²⁴ Robert. Op. cit., p. 184.

Sokolowski. Lois sacrées d'Asie Mineure, № 20.

Культы чужеземных богов распространялись первоначально именно как частные культы, и лишь затем наиболее популярные из них признавались полисом и постановлениями народных собраний становились общественными²⁶. Вступление в ассоциацию почитателей восточного божества было вызвано стремлением найти богов-покровителей более могущественных, чем традиционные, «знакомые» полисные божества; с этим же связано и существование союзов почитателей многих богов²⁷. Вступление в подобные союзы для гражданина означало известную эмансипацию от унаследованных форм жизни и верований: он проявлял свою индивидуальность, выбирая себе божество (в эллинистических полисах не так уж много было возможностей для проявления личности на повседневном уровне; перейдя на царскую службу, гражданин мог ослабить свою связь с полисом, но зато он включался в гораздо более жесткую систему служебных связей). В то же время союзы создавали тот коллективизм быта, без которого гражданин существовать не мог. Во II—I вв. до н. э. влияние чужеземных культов видно уже и из афинского материала: как отмечает Фергюсон, в Афинах у граждан появляются имена с элементами имен чужеземных, прежде всего египетских божеств²⁸.

Из олимпийских божеств частные объединения больше всего чтили Диониса, наименее связанного (из греческих богов) с внутривосполитической жизнью, чей культ, особенно в форме поклонения Дионису-Загрею, нес в себе элементы восточных религиозных представлений. Союзы почитателей Диониса были распространены во всем эллинистическом мире. Интерес представляет надпись фиаса дионисиастов Феры, который чествует приближенного египетского царя и принимает его, его жену и его потомков в фиас (своего рода почетное членство). Нильссон полагает, что надпись поставлена не ферянами (судя по языку), возможно наемниками²⁹. Эта надпись указывает на вероятные египетские связи, ощущавшиеся в местном культе Диониса, и в то же время свидетельствует о том, что союз пытался найти себе покровителей вне полиса, в котором он существовал. Объединения вокруг культа Зевса встречаются или совместно с культурами других божеств или при почитании Зевса со специфическим эпитетом, — например, Зевс *Φίλιος* или Зевс Лабрандий (древнее карийское божество, чьи почитатели проносили даже в Атику) и т.п. Нильссон отмечает, что среди божеств ассоциации нет Гефеста, иногда встречается Афина, но чаще Аполлон, Гермес и Посейдон (последние два — для союзов купцов и моряков); отмечены эллинистические союзы в честь Асклепия³⁰. Сопоставление этих данных с данными о богах, официальных покровителях городов, говорит о том, что последние собирали меньше почитателей среди членов частных союзов, чем божества неофициальные или просто пришлые. В эллинистический период появились союзы, стоявшие вне полисов: таким был союз артистов (*τεχνίται*) Диониса; его главной резиденцией был Теос, он пользовался землей, которая считалась священной и находилась вне юрисдикции полиса.

В отдельных городах были союзы почитателей царского культа (возможно, это также были межполисные союзы), но таких союзов было немного (например, союз атталистов — OGIS, 326). По-видимому, их немногочисленность объяснялась и недостаточной популярностью этих культов среди частных лиц и нежеланием людей того времени быть связанными с определенной государственной организацией, тем более что влияние тех

²⁶ См., например, надпись из Магнесии на Меандре (*Sokolowski. Lois sacrées d'Asie Mineure*, № 34), с Делоса (IG, IX, 4, 1299).

²⁷ Например, союз почитателей 12 богов в Халкедоне (*Sokolowski. Lois sacrées d'Asie Mineure*, № 2).

²⁸ *Ferguson. Op. cit.*, p. 424.

²⁹ *Nilsson M. P. The Dionysiac Mystery of Hellenistic and Roman Age. Lund, 1957*, p. 9.

³⁰ *Idem. Geschichte der griechische Religion*, S. 111—115.

или иных царей во многих греческих полисах менялось достаточно часто. Царские культы в эллинистический период были или культурами династическими, внедрявшимися самими царями, или полисными, происхождение и роль которых требует особого рассмотрения.

Мы мало знаем о внутренней структуре религиозно-товарищеских объединений эллинистического периода: надписи, поставленные ими, как правило, посвяительные или почетные. Профессиональных союзов, за исключением союзов купцов, технитов Диониса, судовладельцев, было в тот период мало; есть упоминание о синергасии в Дельфах во II в. до н. э. Дошедшие надписи, регулирующие дела частных ассоциаций, указывают на то, что правила касались прежде всего организации празднеств и культовых церемоний, взносов членов. В постановлении союза почитателей Матери богов (Афины, II в. до н. э.) содержатся предписания жрицам, обслуживающим культ, — в том числе касающиеся и расходов. За невыполнение предписания союз наказывал жриц. Из этой надписи создается впечатление, что жрицы не входили в сообщество. Вообще вопрос об участии женщин в союзах совместно с мужчинами не вполне ясен: в уставе погребального товарищества из Пирея разрешается хоронить и членов семьи эранистов, но они не были членами союза ³¹; в декрете оргеонов III в. до н. э. из Афин на празднествах разрешается присутствовать женам оргеонов «из рода свободных людей» (согласно чтению Соколовского ³²). Нильссон пишет, что в эллинистический период союзы дионисиастов были раздельны для мужчин и женщин, хотя один случай допущения в союз женщины (упомянутой выше жены птолемеевского приближенного) он подчеркивает ³³. Вероятно, тенденция допущения женщин в союзы должна была проявляться в той или иной форме, хотя большинство союзов (о некоторых исключениях см. ниже) были союзами мужчин.

Дж. У. Джонс указывает, что внутри союзов была некоторая иерархия, поскольку существовали должностные лица, управляющие делами союзов (в надписях упоминаются казначеи, гиеропеи, грамматесы, архонты); у союзов были функции товарищеских судов: они могли наложить штраф или исключить из союза. Союз мог владеть земельным участком и использовать его в своих интересах, при этом он оставался объединением частным. Эллинистический полис не вмешивался в дела ассоциаций; важно заметить также, что не заметно какой-либо существенной связи между ассоциациями и политической организацией — полисом или монархией. Против союзов в целом не возбуждалось судебных процессов, только против отдельных членов или против основателей союзов. Как пишет Джонс, в этот период корпоративное существование было само по себе выражением возрастающей независимости группы от государства ³⁴.

Хотя союзы были связаны с почитанием определенных богов, в свидетельствах о союзах не чувствуется религиозной исключительности: судя по упоминаниям обо всех гражданах и негражданах, принимавших участие в общеполисных религиозных празднествах, в этих празднествах, естественно, принимали участие и члены частных союзов. Уставы союзов не выставляли особых требований к поведению своих членов. Интересным исключением, предваряющим уставы религиозных групп последующего (раннехристианского) времени, представляется устав религиозного союза, созданного в малоазийской Филадельфии в I в. до н. э. в честь Зевса и местной богини-Матери. Основателем этого союза был философ стоического направления по имени Дионисий. В союз могли входить люди обоого пола и любого социального положения, включая рабов. Вступившие в союз принесли клятву не злоумышлять ни против кого, не применять

³¹ Sokolowski. *Lois sacrées de cités grecques*, № 48; 53.

³² *Ibid.*, № 20.

³³ Nilsson. *The Dionysiac Mystery...*, p. 9.

³⁴ Jones. *Op. cit.*, p. 165 f.

наговоров и волшебства, не использовать средств, препятствующих деторождению, и не помогать другим в этом, а также «не отпадать» (т. е. не выходить из союза); в качестве наказаний использовалось публичное покаяние или отлучение от святилища — запрет (временный, вероятно) посещать основанное союзом святилище, своего рода молебельный дом³⁵. Однако большинство союзов периода эллинизма не выставляло жестких нравственных требований к своим членам, хотя у них были свои наказания (штрафы и исключение из ассоциации) и награды по типу полисных (публичная похвала и увенчание), зафиксированные в надписях. Наград, как правило, удостоивались должностные лица объединения³⁶.

Расцвет эллинистических союзов падает на III—II вв. до н. э. На рубеже нашей эры в сложных условиях распространения римского владычества, Митридатых и гражданских войн деятельность групп не могла быть достаточно интенсивной. Новый подъем корпоративной жизни связан с периодом Ранней империи. Если эллинистический период был временем поисков в самых различных сферах общественной и духовной жизни — поисков новых богов, новой системы политических и личных связей, то время Ранней империи характеризуется известной стабилизацией; греческий город входит в имперскую систему более прочно, чем эллинистический — в политическую систему, созданную преемниками Александра. Распространение многочисленных ассоциаций и коллегий было также прямо или косвенно — связано с включением греческого полиса в империю.

В первые десятилетия существования императорской власти, после окончания изнурительных для восточных провинций гражданских войн, когда жители этих провинций потеряли надежду на независимость и осознали свое включение в огромную державу как непреложный и неизменяемый факт, стали возникать межгородские и провинциальные объединения: так, ко времени правления Тиберия относится надпись, поставленная ремесленниками провинции (οἱ ἀπὸ τῆς Ἀσίας ἐργαταὶ — IGRR, IV, 144, Кизик). Д. Маги разбирает два письма Клавдия, адресованные межполисной коллегии атлетов³⁷. Продолжала существовать в I—II вв. межполисная коллегия артистов Диониса, хотя территориальный охват этого объединения был различным в разное время. В Теосе была резиденция артистов Диониса Ионии и Геллеспонта (IGRR, IV, 1568); от времени Антонина Пия дошла надпись «великого синода» артистов Диониса, одна часть членов которого имела резиденцию в Эфесе, другая в Тиатире (IGRR, IV, 1361); в Гиераполе было создано объединение артистов Диониса со всеми победителями священных игр (οἱ ἀπὸ τῆς οἰκουμένης ἱερωνίχαι — IGRR, IV, 827). Однако межполисные союзы не получили широкого распространения, они в основном создавались людьми, по самому своему роду занятий находившимися вне полисных коллективов.

Главной формой объединений частных лиц были различные *внутригородские союзы*, члены которых имели возможность поддерживать непосредственные контакты друг с другом. Особенностью организации многих объединений римского времени была связь их — гораздо более тесная, чем в эллинистический период, — с полисным управлением и политической системой империи. К таким союзам относились прежде всего объединения, обслуживавшие культ императора, которых было неизмеримо больше, чем в свое время объединений культов почитателей эллинистических царей. Большую роль играли возрастные союзы — герусии, «молодые», «юноши». Эти союзы имели корни в глубокой древности, но в развитых классических полисах мы о них практически не слышим; в римское время возрастные союзы были по существу основаны заново и имели совсем иные функции,

³⁵ Sokolowski. Lois sacrées d'Asie Mineure, № 20.

³⁶ О структуре союзов см. Ziebarth. Op. cit., S. 171 f.

³⁷ Magie D. Roman Rule in Asia Minor. V. II. Princeton, 1950, 1402, № 12.

чем мужские союзы периода разложения родового строя³⁸. Союзы старцев и «молодые» в провинциальных городах организовывали празднества в честь императора и в то же время имели свои гимнасии, своих должностных лиц, следивших за внутренней жизнью союзов и за порядком в гимнасиях. Характерно, что среди должностных лиц союзов были жрецы культа Августов (гимнасиарх герусии — жрец культа Августов в Дорилее, адвокат герусии — жрец культа Августов в Апамее, гимнасиарх «молодых» — жрец императорского культа в Стратоникее и т. д.). Возрастные союзы чествовали также римских граждан, занимавших важные посты в военной и гражданской администрации: «молодые» Пергама присвоили военному трибуну Гаю Юлию Максиму почетный титул «сына молодых» (IGRR, IV, 445). Буле, демос и герусия Тлоса приняли общее постановление в честь римских военных командиров (IGRR, III, 558, 559). Союзы, таким образом, устанавливали связь с римским населением провинций, что способствовало, как и участие в императорских культах, включению населения полисов в общеимперскую жизнь. Но союзы старцев и «молодые» играли роль и во внутренней жизни города. У них были свои помещения для собраний; упоминание о симпосиархе одной из герусий (IGRR, IV, 229 — Скеписис) свидетельствует о том, что собрания могли сопровождаться пиршеством. Существенной особенностью возрастных союзов было то, что в них могли входить люди разных социальных групп: вольноотпущенники, демоны, так же как и члены сословия декурионов (булевтов), принадлежность к которому к этому времени уже стала наследственной. В надписи об учреждении герусии в Сидиме приводятся имена людей из состава булевтов и из состава демонов, причем интересно отметить, что первым гимнасиархом этой герусии стал человек из демонов (TAM, II, 176). Таким образом, в условиях сложившейся иерархической структуры гражданского коллектива, когда кандидаты на высшие должности выдвигались фактически по договоренности булевтов между собой³⁹, союзы сохраняли, хотя бы формально, демократическую традицию, они как бы создавали связь между разделенными группами граждан; кроме того, выходцы из низших сословий, имевшие определенные имущественные возможности и влияние, могли через подобные союзы участвовать в общественной жизни города. Незамкнутый состав возрастных союзов был тем более важен, что они были связаны с деятельностью официальных органов городского управления: недаром до нас дошло сравнительно большое количество постановлений, принятых совместно народным собранием, буле и возрастными союзами (например, постановления, совместные с герусией, — MAMA, VIII, 479, 483, 488, 490 и др.; совместно с «молодыми» — III, 546). Участие в возрастных союзах включало их членов и в общеимперскую (через обслуживание культа Августов), и во внутривосполненную (через контакты с городскими органами управления) организацию, поддерживало ощущение коллективности повседневной жизни.

Однако, если судить по немногим, к сожалению, дошедшим до нас спискам членов возрастных союзов, последние охватывали далеко не все гражданское население, не говоря уже о жителях города вообще. Полуофициальный характер этих союзов, относительная многочисленность их членов (по сохранившимся данным — от семидесяти до полутора сотен⁴⁰) не удовлетворяли потребности некоторых людей в более тесном общении.

В римский период в греческих полисах продолжали существовать различные религиозные товарищества, охватывавшие меньшее, чем возраст-

³⁸ Вопрос о возрастных союзах в малоазийских провинциях и их роли в общественной жизни рассмотрен в статье: *Свенцицкая И. С.* Полис и империя: эволюция императорского культа и роль возрастных союзов в городах малоазийских провинций I—II вв. — ВДИ, 1981, № 4.

³⁹ *Jones A. H. M.* Greek Cities from Alexander to Justinian. Oxf., 1940, p. 182 f.

⁴⁰ *MacMullen R.* Roman Social Relations 59 BC to AD 284. L., 1974, p. 83.

ные союзы, число людей (наиболее распространенное название их — фиасы). Ряд таких религиозных товариществ для того, чтобы иметь возможность открыто поклоняться своему божеству, почитали его вместе с императором (например, асклепиасты в Пергаме были одновременно почитателями Августов ⁴¹).

Засвидетельствованы достаточно многочисленные союзы в честь восточных божеств: Исиды и Сераписа, Сабасия, малоазийских Мена и Матери богов. Некоторые из этих союзов называют себя «терапевтами» — служителями ⁴². Терапевты Сераписа и Исиды существовали в Магнесии на Сипиле ⁴³, союз вокруг культа этих же богов был в Кизике ⁴⁴ и многих других городах. В надписях упоминаются союзы в честь Асклепия Сотера, по-прежнему очень популярен Дионис ⁴⁵. Встречаются и редкие союзы: так, во времена Августа в Малой Азии был союз сabbатистов, объединившихся вокруг бога Саббатия (в этот союз входили полноправные члены и «друзья» — гетайры). Соколовский пишет, что членами этой группы не обязательно были иудеи ⁴⁶, а скорее всего местные «почитатели субботы», создавшие свое объединение под влиянием иудаизма. Гетайрами — как и φίλοι в других союзах — называли, по всей вероятности, сочувствующих данному религиозному объединению людей.

Религиозные товарищества в римское время продолжали заботиться о погребении своих членов: в одной из надписей малоазийского города Тлоса указано, кто может быть погребен в коллективной гробнице, принадлежавшей союзу: кроме членов союза там можно хоронить жен, детей и одного внука, а в нижней усыпальнице — вскормленников членов союза ⁴⁷. Из этой надписи следует, что союз обеспечивал погребение и семье своего члена, но родственные связи, признаваемые союзом, не шли дальше старшего внука, а боковые связи не учитывались совсем. Кажется важным и наличие общей усыпальницы: разрушение родовых связей в период империи зашло достаточно далеко, религиозное сообщество заменило эти связи настолько, что и после смерти сотоварищи хотели покоиться не со своими предками, а рядом друг с другом.

В уставах союзов периода империи появляются этические требования к вступающим в союз и оговариваются нормы их поведения. Так, в уставе эранистов из Аттики II в. н. э. сказано, что в союз может вступать только чистый, благочестивый и благородный человек ⁴⁸. Интерес представляет устав фиаса из Фиска (Македония) тоже II в. ⁴⁹ Этот союз носил имя Аманда (вероятно его основателя); фиас объединял почитателей Диониса — буколов и менад. Участники вносили определенные суммы, участвовали в совместных празднествах и трапезах. Участие в собраниях (синаодах) было обязательным: за непосещение и опоздание полагался штраф в пользу союза. Менадам и буколам запрещалось возбуждать и ругать (μη ἐπεγερθῆναι μηδε λοιδορῆσαι) друг друга под страхом штрафа (менаде — менаду, буколу — букола: по-видимому, на празднествах они выступали раздельно). Устав этот был утверждён на общем собрании. Конец устава не сохранился, но на основании дошедшего текста можно говорить о равенстве менад и буколов, которые уплачивают одинаковый штраф (в отличие от устава союза I в. до н. э. из Филадельфии, который

⁴¹ Robert. Op. cit., p. 63.

⁴² По мнению М. М. Елизаровой, терапевты были служителями божества, не принадлежавшими к жреческому сословию (Елизарова М. М. Община терапевтов. М., 1972, с. 127 сл.).

⁴³ Robert L. (ed.). Inscriptions de Lydie.— Hellenica, 1948, VI, p. 9.

⁴⁴ Ziebarth. Op. cit., S. 49.

⁴⁵ См. упоминание о союзах вокруг дионисийского культа: Robert. Études anatoliennes, p. 62.

⁴⁶ Sokolowski. Lois sacrées d'Asie Mineure, № 80, p. 182.

⁴⁷ Как указывает Робер (Études anatoliennes, p. 64), о заботе религиозных союзов о погребениях часто упоминается в надписях Лидии.

⁴⁸ Sokolowski. Lois sacrées de cités grecques, № 53.

⁴⁹ Ibid., № 181.

предусматривал более суровые наказания для женщин, чем для мужчин). Равенство членов союза не должно было омрачаться никакими индивидуальными симпатиями и антипатиями, во всяком случае в их публичных крайних проявлениях. Характерно также включение женщин в дионисийский союз: та тенденция, которая слабо проявлялась, как указывал Нильссон, в дионисийских объединениях эллинистического периода, здесь видна уже достаточно явно. В фиасе Аманда сакральное действо должно было объединить внутренне всех, и обязанности перед союзом у всех были одни и те же. Фиас Аманда раскрывает нам ту потребность в коллективных формах общения, в ощущении равенства перед почитаемым божеством, которую должны были удовлетворить многочисленные религиозные товарищества времени империи, и в то же время позволяет понять одну из причин, почему из религиозных союзов подобного типа не могло развиваться достаточно широкое движение: излишне жесткими были в них внутренняя регламентация и система наказаний, затрагивавшая материальное благополучие (в чем, между прочим, состояло существенное отличие от первых христианских общин).

Как и в эллинистический период, общее отправление культа почитаемого божества, совместное препровождение свободного времени оставались основным содержанием деятельности союзов. В некоторых религиозных объединениях именно отправление культа занимало первое место: прежде всего это относится к союзам вокруг культов умирающих и воскресающих богов, таких, как Аттис, Сарапис, Дионис-Загрей, где важную роль играли мистериальные действа. Характерно, что античные авторы воспринимали как такого рода религиозный союз и христиан, называя их фиасотами (см. Origenes, Contra Celsum, III, 23), а их общину — фиасом (Lucianus, Peregr. 14). Отличие христиан от членов других религиозных объединений (впрочем, как и почитателей Гекаты, Сабазия и других подобных божеств, с которыми сближает их Цельс), по мнению этих авторов, заключалось в тайности их действий, в том, что они не воздвигают святилищ, не устраивают открыто общих собраний. Из этого противопоставления еще раз можно заключить об обязательности святилища и места для собраний у большинства религиозных союзов. Но если судить по названиям некоторых первых религиозно-товарищеских объединений, были союзы, которые на первый план выдвигали не культовые действия (при наличии общего культа), а товарищеские связи, общее времяпрепровождение: Л. Робер упоминает надпись союза «пирующих» (*ποσιασταί*) из г. Филипп, объединенных вокруг культа божества Сурегета (союз назывался симпосион бога Сурегета). Из района Смирны дошла надпись III в. н. э. (все члены союза носят имя Аврелий), в которой катекия чествует союз *Εὐημέριοι*, по мнению Л. Робера, также созданный для развлечения⁵⁰. В союз входило всего десять человек; чествуются они за денежный взнос в пользу своей родины. Начинается надпись с посвящения отеческим богам и богам Августам. Надпись интересна во многих отношениях: по-видимому, в III в. товарищеские союзы возникают уже и в самоуправляющихся сельских поселениях, какими были катекии⁵¹. Важно отметить и узкий состав этого союза: стремление к более тесным контактам приводило к тому, что в союзы, которые носили прежде всего дружеский характер, входило небольшое количество членов. В то же время союз не был изолирован от коллектива общины, внутри которого он находился: члены его оказывали услуги своему поселению и получали от него почести. И, наконец, судя

⁵⁰ Robert. *Études anatoliennes*, p. 65.

⁵¹ Е. С. Голубцова отмечает, что в сельских общинах Малой Азии обращения к богам от имени группы или коллегии сравнительно редки. Она разбирает посвящение, сделанное «юношами» (*νεανία*) танаитенов Зевсу Дионису, и надгробный памятник, поставленный «гетайрами» (см. Голубцова Е. С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии I—III вв. М., 1977, с. 136 сл.). Я согласна с автором в том, что нет основания связывать этих гетайров с гетайрами саббатистов.

по начальному посвящению, этот союз чтил отеческих богов и богов-императоров. Можно думать, что не только члены полуофициальных, достаточно многочисленных по составу возрастных союзов были связаны с общественной жизнью города, но и более мелкие дружеские и религиозные союзы, с одной стороны, стремились создать небольшую контактную группу, а с другой — в качестве группы включались в более широкий коллектив полиса или катекии, а через почитание императоров — в общеимперскую жизнь.

Правда, были и такие маленькие объединения, которые вряд ли могли играть роль группы в общественной жизни города: среди надписей Эфеса, фиксирующих собственников того или иного городского участка, есть надпись, поставленная тремя друзьями: даны их имена и слово φίλοι (Inscr. v. Ephesos, 545). В данном случае эти люди декларировали прежде всего свои дружеские связи — не совладельческие, не религиозные, а именно дружеские. Появление подобных групп (надпись сделана не ранее второй половины II в.), так же как и восхваление дружбы как одного из главных благ, даруемых людям (см. Inscr. v. Ephesos, 555), показывает, что тенденция к неофициальному общению была достаточно сильной и, вероятно, усиливалась по мере размывания структуры античного полиса в период империи. Нужно думать, что в религиозных объединениях (как и в профессиональных, о которых см. ниже) осознание чисто дружеских связей играло значительную роль.

Одной из существенных особенностей коллективного быта в греческих полисах времени империи было распространение профессиональных объединений. До нас дошло (главным образом из малоазийских провинций) большое число надписей, поставленных различными союзами ремесленников, назывались они по-разному: синод, синергасия, симбиосис или просто — «такие-то». Создание объединений ремесленников в I — начале II в. можно отнести за счет влияния римского образа жизни, которое в данном случае не было официальным (римские власти, как известно, относились к коллегиям с опасением — достаточно вспомнить запрещение Траяна организовывать коллегию пожарников). Знакомство греков с римскими коллегиями могло произойти путем прямых контактов как в самих провинциях, так и в Италии. Жители Римской державы в первые века нашей эры были достаточно мобильны: А. Малерб приводит много примеров переездов и путешествий римлян, в том числе и простых людей. Наиболее впечатляющий пример — мобильность купца из Фригии, который в течение своей жизни 72 раза ездил в Рим⁵².

Профессиональные объединения оказались той формой микросообщества, которая удовлетворяла потребности городского трудящегося населения в неформальном общении, придавала вес и значимость их членам, которых каждый в отдельности ремесленник не имел (особенно если речь шла о непрестижных профессиях⁵³), создавала ощущение социального равенства внутри сообщества, что было особенно важно в связи с иерархической общественной структурой греческого полиса периода империи, о которой упоминалось выше.

Объединялись, как правило, ремесленники одной профессии: гончары, изготовители плащей, серебряных дел мастера (союз, многократно упоминаемый в надписях Эфеса), медники, пекари, изготовители льняных и шерстяных тканей, кожевники, различные торговцы (в том числе и работорговцы — IGRR, IV, 1257, Тиатира⁵⁴) и мн. др. Броутон отмечает от-

⁵² Malherbe A. J. Social Aspects of Early Christianity. Baton Rouge, 1977, p. 72.

⁵³ Перечень профессий, о которых греческие и римские авторы отзывались с неуважением, приводится в книге: MacMullen. Roman Social Relations..., p. 138—141; среди них — сукновалы, мелкие торговцы, красильщики, изготовители льняных тканей и т. п.

⁵⁴ Перечень профессиональных объединений в греческих городах римского времени дан в упомянутой книге Цибарга; более новые данные (не меняющие оценки характера союзов) приведены Броутоном (An Economic Survey of Ancient Rome/Ed. T. Frank V.

сутствие упоминаний о прядильщиках — прядение, по-видимому, оставалось на уровне домашнего, женского ремесла. В отдельных городах объединялись ремесленники близких профессий: например, в Смирне существовал союз серебряных и золотых дел мастеров, в Лаодикее — союз валяльчиков и красильщиков и т. п.; в то же время был союз ремесленников, живших на улице кожевников в Апамее, каннабариев — мелких лавочников — в Сервилиевой стое в Эфесе⁵⁵. Если союзы живших на улице кожевников, вероятно, охватывали всех — или значительную часть ремесленников данной профессии, — то вряд ли в таком крупном городе, как Эфес, каннабарии сосредоточивались только в одном районе — было, по-видимому, несколько их объединений в разных местах города. Наконец, существовали просто территориальные объединения внутри города (например, «живущие в акрополе» в Пергаме — *Inscr. v. Pergamon*, 280), куда входили, вероятно, люди разных занятий, жившие по соседству.

Таким образом, наряду с проявлениями идеи общечеловеческой общности, выразившейся, в частности, в появлении некоторых «экуменических» объединений («победители священных игр в ойкумене»), более действенной и преобладающей на уровне повседневной жизни оказалась тенденция к образованию небольших внутрисполитических союзов: эти союзы не позволяли людям раствориться в огромной разноплеменной державе, противопоставляли нивелирующему влиянию римского владычества свой микромир, ощущение общности с людьми, живущими рядом, разделяющими ту же систему ценностей. Даже когда на рубеже II и III вв. отдельные ассоциации принимали громкий эпитет «экуменических», реально они думали о своем городе — так, например, в Милете «экуменический и славнейший союз изготовителей льна» чествовал евергета за благодеяния, оказанные отечеству (τῆς πατρίδος)⁵⁶.

Современные исследователи отмечают, что в различные ассоциации подобного рода входило примерно до трети населения данного города; каждая ассоциация включала не более нескольких десятков человек⁵⁷. Большое внимание члены ремесленных союзов — как и члены религиозных товариществ — обращали на организацию жалобого времяпрепровождения (в частности, на организацию пирушек, жалобы на которые встречаются у некоторых авторов⁵⁸). Совместные трапезы устраивались, по-видимому, за счет кассы союза; за столом все были равны: А. Малерб разбирает слова Плутарха о том, что там, куда каждый приходит со своей едой, кончается товарищество⁵⁹.

Хотя союзы объединяли, как правило, людей одной профессии, данных об их вмешательстве в профессиональную деятельность практически нет. Немногие свидетельства о выступлениях ремесленников I в. н. э. в защиту своих профессиональных интересов говорят о стихийности таких выступлений. Описанный в «Деяниях апостолов» протест эфесских серебряных дел мастеров против христиан, чья пропаганда могла уменьшить сбыт изготавливаемых ими сувениров, — как ни преувеличены могут быть масштабы этого выступления, — явно был стихийным. Ремесленники собрались в театре (по-видимому, к ним присоединились просто любопытствующие): «...одни кричали одно, другие другое, ибо собрание было бес-

IV. Baltimore, 1938, p. 843 ff.); см. также: *Der Kleine Pauly*. B. V. München, 1975 s. v. *Vereinswesen*.

⁵⁵ Ряд поквартальных объединений указывает Мак-Маллен (*Roman Social Relations*..., p. 134 ff.). Объединения по улицам приведены также Луи Робером (*Etudes anatoliennes*, p. 533 f.).

⁵⁶ См. *Ziebarth*. *Op. cit.*, S. 103.

⁵⁷ *MacMullen R. Enemies of Roman Order*. L., 1966, p. 174.

⁵⁸ *Idem. Roman Social Relations*..., p. 78.

⁵⁹ *Malherbe*. *Op. cit.*, p. 82.

порядочное, и большая часть собравшихся не знали, зачем собрались» (Act. Ap. 19, 32).

Отношение римских властей к профессиональным коллегиям (как и вообще к небольшим союзам, деятельность которых было трудно проконтролировать) было настроенным. Некоторые коллегии получали время от времени привилегии от императоров: Клавдий покровительствовал врачам (коллегия врачей объединялись вокруг культов Асклепия и императора — SEG, IV, 521); Веспасиан освободил от налогов учителей в гимназиях (гимназии были также центрами императорского культа)⁶⁰. Но, как правило, основание коллегий не поощрялось — не из-за их профессиональной деятельности, а из-за опасения властей, что эти организованные сообщества могут стать центром каких-либо оппозиционных выступлений. Траян запретил организовать коллегия пожарников в Никомедии, так как подобные сообщества, считал он, могут рано или поздно превратиться в тайную организацию. Властей пугали не вообще объединения, а объединения и собрания, основанные на достаточно тесных, неподконтрольных властям связях, — так, Плиний с опаской спрашивал Траяна, как ему относиться к массовым приглашениям на свадьбы, по случаю совершеннолетия и т. п. (Plin., Sec. Ep. X, 116), Траян же отвечал, что опасны случаи, когда собирают не просто знакомых, а целые корпорации (ibid., 117). Стихийное собрание, которое произошло в театре Эфеса в связи с выступлениями ювелиров против христиан, по словам автора «Деяний апостолов», было распущено, так как не было причины, которой можно было бы «оправдать такого рода собрания» (Act. Ap. 19, 40). Собрания союзов были запрещены во времена Диона Хрисостома в Прусе (Dio Chr., 48,2—6); сам Дион относился отрицательно к тем профессиональным объединениям, которые многие считают источником беспорядков: это его высказывание относится к изготовителям льна в Тарсе (Dio. Chr., 34, 21). В этих сообщениях и распоряжениях императоров осуждение вызывают не сами союзы, существование которых казалось естественным человеку античного мира, но их участие в волнениях, поскольку в городах, вероятно, только такие союзы и были единственной сколько-нибудь действенной оппозиционной силой.

Со времени Адриана, после легализации коллегий, число надписей, поставленных профессиональными объединениями, заметно увеличивается, хотя содержание их меняется мало (по-прежнему большинство надписей — почетные и посвячительные). В этот период можно проследить связь разрешенных ремесленных коллегий с официальными лицами и органами городского управления. Эта связь, как и в случае с возрастными союзами, осуществлялась либо через участие в общих постановлениях, либо через личные контакты с теми или иными представителями городских провинциальных властей. Среди надписей, упоминающих союзы, есть постановления, принятые полисом совместно с коллегиями: так, постановление Гиераполя в честь Гая Агелия Полонида, стратега полиса, агоранома, куратора римлян, было принято от имени буле, демоса, герусии и синодов (IGRR, IV, 818). В Сагалассе постановление красильщиков в честь своего евергета принято согласно решению (догме) буле и демоса⁶¹. Одной из важнейших форм связи между профессиональным союзом и полисной организацией было избрание себе покровителя (евергета) среди верхушки населения города. Примеров можно привести много: красильщики Тиатиры чествовали Аврелия Артемидора, стратега, надзиравшего (ἐπιστάτης) за ремеслом красителей (IGRR, IV, 1265); изготовители льняных тканей того же города — Луция Анниана, философа, ритора, юриста. Среди покровителей ремесленных ассоциаций были лица, связанные с имперской администрацией: кожевники Атталей воз-

⁶⁰ Об отношении императоров к союзам малоазийских провинций см. *Magi. Roman Rule...*, p. 571.

⁶¹ См. *Ziebarth. Op. cit.*, S. 103.

дают почести Титу Флавию Кирейну Александру, куратору римлян, послу к императору (*ibid.*, 1169); тиатирские красильщики ставят надпись в честь прокуратора Августа, занимавшего также военные должности (*ibid.*, 1213). В свою очередь покровители и «благодетели» помогали союзам. По данным эфесских надписей ремесленным корпорациям делались довольно значительные дары, в частности, небольшие портики на агоре. Такие дары исходили от людей, связанных не только с внутригородской жизнью, но и с имперской; так, Марк Фульвий Публикиан Никифор, филосебаст и асиарх (т. е. верховный жрец провинциального императорского культа) на свои средства воздвиг и передал двум ремесленным корпорациям Эфеса небольшие портики (*Inscr. v. Ephesos*, № 444, 445). Во II в. даже появляются посвящения, поставленные Артемиде, Антонину Пию и серебряных дел мастерам, сформулированные по образцу распространенных посвящений богу, императору и полису (*ibid.*, № 586 — имя посвятившего, к сожалению, не дошло).

Связь ремесленных коллегий с официальными органами власти и высшей администрацией включала эти коллегии в общественную жизнь империи, создавала им возможность защищать свои права, повышала их авторитет среди остального населения. Последнее было особенно важно, так как среди образованных слоев населения восточных провинций сохранялось презрительное отношение ко многим ремесленным профессиям: достаточно вспомнить слова Цельса о том, что в частных домах шерстобитчики, валяльщики сукна, красильщики — грубые мужланы — в присутствии более разумных не смеют открыть рот (*Orig.*, с. *Cels.* III, 49). Но те же красильщики, находясь под покровительством «друга Августов» или асиарха, уже не чувствовали себя «грубыми мужланами».

Однако связь с полисными органами управления и с представителями администрации не формализовала, насколько можно судить по надписям II — начала III в., внутренней жизни профессиональных коллегий. Они продолжали стремиться к совместному времяпрепровождению. Каждая ассоциация имела свои постоянные места с театре и гимнасии: в Эфесе в гимнасии Ведия и в театре найдены надписи с указанием, за каким союзом резервированы места (например, трапедзитов, каннабариев, такой-то синергасии, изготовителей полотенец и т. п.; см. *Inscr. v. Ephesos*, 454). В таком закреплении мест можно увидеть отличие города римского времени от классического полиса: в последнем места в театре (кроме почетного первого ряда) не были закреплены, они даже не нумеровались; граждане получали жетоны, на которых был указан только сектор, где можно было занять место. Но гражданское равенство давно было нарушено в условиях римской державы; теперь ассоциации стремились закрепить за собой как привилегию то, что когда-то было правом всех граждан.

Союзы владели и участками городской земли, как это видно из найденных указателей (например, в Эфесе был отмечен участок серебряных дел мастеров, плотников и т. п. — *Inscr. v. Ephesos*, № 547—549). На участках этих, вероятно, находились здания, где происходили общие собрания членов ассоциаций. Союзы продолжали заботиться о своих членах и погребали их за свой счет: так, в надгробной стеле из Фессалоник III в. сказано, что союз красильщиков в пурпур поставил ее в память Мениппа, сына Амия и Севера тиатиряца (в этот союз входили и переселенцы из других городов) ⁶².

Во II в. были случаи открытых выступлений ремесленников ⁶³, наиболее известно выступление пекарей Эфеса, по поводу которого было принято специальное постановление римских властей. Надпись, содержащая

⁶² Надпись приведена Л. Робером (*Études anatoliennes*, p. 535).

⁶³ Выступления ремесленников во II в. разобраны в работах: *Buckler W. H. Labor Disputes in the Province of Asia.* — *Anatolien Studies.* Manchester, 1923, p. 28 ff.; *MacMullen. Enemies of Roman Order.* ch. IV; *Ранович А. Б.* Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.—Л., 1949, с. 63 слл.

описание этого выступления, найдена в Магнесии на Меандре и относится к концу II в. Эта надпись, разобранный Баклером, представляет собой распоряжение проконсула Азии, касающееся хлебопек, которые обвиняются в дерзновенных речах (т. е. в подстрекательстве) во время волнений на рынке. Хлебопекам запрещается собираться вместе и в то же время предписывается обеспечатывать город хлебом. После текста распоряжения проконсула шел текст постановления буле Эфеса, где сказано, что некто Ермий, бывший предводителем, продемонстрировал безумие руководителей ремесленных мастерских (эргастериархов, — возможно, речь шла о руководителях союзов). Надпись фрагментарна, но можно предполагать, что Ермий, по-видимому, был руководителем хлебопек, которые выставили какие-то «безумные» требования. Интересно отметить, что наказывается не отказ от работы, а участие в беспорядках, может быть, даже организация этих беспорядков. Известно, что хлебопеки Афин во время нехватки зерна тоже устроили там «беспорядки». К середине II в. относится фрагментарная надпись о конфликте со строителями в Пергаме, которым также занимался проконсул. В надписи упоминаются «проценты (со ссуды) с того времени», «надзирающие за работами»; одни строители были прощены (те, которые явились с объяснениями), другим проконсул угрожает ⁶⁴.

При всей их немногочисленности данные о выступлениях ремесленников свидетельствуют о том, что ремесленные союзы на протяжении всего II в. продолжали быть живой, действенной силой; справиться с их выступлениями могло только вмешательство высшей провинциальной власти (может быть, еще и потому, что внутригородское управление не имело уже ни авторитета, ни реальных средств принуждения).

В период Поздней империи, когда полисные формы изжили себя, сведений о ремесленных коллегиях в греческих городах становится все меньше и меньше. Все большую роль для населения империи начинают играть вне- и межгородские объединения людей, в которых основными становятся религиозные, а не профессиональные территориальные связи. Именно общность веры сплачивала христианские общины, но подобные объединения существовали и вокруг культов языческих богов. Ярким примером может служить объединение вокруг культа Мена Аскения — $\xi\acute{\epsilon}\nu\omicron\iota \tau\epsilon\chi\mu\omicron\rho\epsilon\iota\omicron\iota$. Если в период Ранней империи культ Мена встречался среди божеств фиасов внутри тех или иных городов (например, фиас Мена был в Афинах во II в.), то в Поздней империи в культовый союз Мена Аскения входили жители разных малоазийских деревень, переселенцы из городов, вольноотпущенники, вскормленники, рабы; члены союза носили греческие, фригийские, римские имена; надписи поставлены и на греческом, и на латинском языках (последнее показывает, что в этот культовый союз входили и выходцы из западных областей империи ⁶⁵). $\xi\acute{\epsilon}\nu\omicron\iota \tau\epsilon\chi\mu\omicron\rho\epsilon\iota\omicron\iota$ не были связаны с каким-либо определенным полисом; как и христианские общины, подобные объединения не включались в политическую структуру уходящего античного мира.

В настоящей работе я пыталась показать (не претендуя на исчерпывающий анализ материала), что для общественной жизни греческих городов эллинистического и римского периодов было характерно существование разнообразных частных сообществ, которые сплачивали жителей этих городов, оставались очагами коллективных форм жизни, компенсируя отсутствие реальной политической деятельности для большинства населения. Основными тенденциями развития частных сообществ было, с моей точки зрения, появление союзов людей смешанного происхождения и смешанных статусов; в римское время статусные связи во многих коллегиях по существу были заменены профессиональными. Если для эллинистического

⁶⁴ См. *Buckler. Op. cit.*, p. 28 ff.

⁶⁵ *Hardie M. The Shrine of Men Askaenios at Pisidian Antioch.*— *JHS*, 1912, 32, p. 121 ff.

периода, когда изменение в политическом положении полиса должно было ощущаться особенно остро, мы можем говорить о разнообразии форм ассоциаций, часто не связанных с конкретным городом, где находилась данная ассоциация (во всяком случае, не связанных юридически и духовно), то в римское время, когда включение полиса в огромную державу стало привычным фактом, союзы и коллегии были теми микрочайками, которые сохраняли подобие общественной структуры греческого города восточных провинций, будучи связаны через покровителей с городским управлением, с общегородскими празднествами, а благодаря отправлению культа императоров — и с центральной властью. Разумеется, все это относится только к разрешенным ассоциациям. Те тенденции, которые можно наблюдать в сообществах I—II вв., — стремление к равенству, к чисто духовным ценностям, религиозные поиски — привели к появлению сообществ, хотя и выросших на античной почве, но внутренне античному миру противостоявших. Но анализ подобных религиозных союзов, главные из которых были так или иначе связаны с христианством, выходит за рамки данной статьи.

PRIVATE ASSOCIATIONS IN THE GREEK CITIES OF HELLENISTIC AND ROMAN TIMES

I. S. Svetsitskaya

In the classical period most clubs and associations within the polis were tied in with its political life (an exception must be made for immigrant groups trying to preserve their own traditions). From the end of the 4th century B.C. the number of private associations began to grow. Two tendencies are characteristic for this period: in a time of weakening internal polis ties some associations concentrated on strengthening family and kinship ties, others sought new forms of combination to meet the requirements of a polyethnic world in which the Hellenistic kingdoms were just taking shape. An example of the first tendency may be seen in various family-cult associations, and of the second in religious associations which admitted persons of different statuses (in some cases combining freemen and slaves) and different nationalities. In this period private extra-polis associations also appeared (the Dionysiac artists). The flowering of private associations comes in the Early Empire. In that period the prevailing types of association in the Greek *poleis* were relatively small religious and religio-friendly societies and craft *collegia*, whose numbers increased under Roman influence. In the 3rd century A. D. friendly associations are attested even in the countryside. Typical of Roman times was the connection of professional *collegia* with city officials and prominent members of the provincial population: some decrees are adopted by *boulé*, *demos* and *collegium* jointly; *collegia* had protectors among the local nobility and Romans domiciled in the province. The importance of the *collegia* is confirmed by the gifts bestowed upon them by influential persons and also by dedications to the god, the emperor and the *collegium* (Ephesus). In a situation where old and dying polis forms could no longer satisfy the need for collective solidarity, that need was met by the formation of religious friendly associations and professional *collegia*, until in the Late Empire the prevailing type became religious associations which had no connections either with professional societies or with any particular city.

А. В. Коптев

РИМСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО IV — V вв. О БРАКАХ РАБОВ И КОЛОНОВ

В сочинениях юристов периода Ранней империи связь между рабами юридическим браком не считалась, она определялась как *contubernium* — сожительство¹. Как отмечают историки-юристы, «право» контуберния в сознании римлян не являлось правовой противоположностью какому-либо другому праву или отсутствием права, его значение следует связывать с социальными воззрениями — оно говорит о способе фактической брачной связи².

Правда, общеизвестно употребление терминов *uxor*, *pater*, *filius*, *frater* и т. п. по отношению к рабам как в надписях³, так и в других, в том числе юридических, текстах⁴. Однако Павел (*Dig.* 38, 10, 10, 5) указывал на то, что этими терминами пользуются, не имея в виду ни юридически признанного родства, ни права наследования: «Мы избегаем таких наименований, т. е. наименований родственников, даже для рабов: таким образом, мы говорим об отцах, детях и братьях даже применительно к рабам, но к законам рабское родство отношения не имеет». Ульпиан отмечал, говоря о когнатическом наследовании, что рабское родство не учитывается (*Dig.* 38, 8, 1, 2).

Но наряду с сохранением непоколебимой правовой нормы в юридическую литературу проникает и фактическая сторона — наличие рабских браков и родственных отношений в их среде. Например, Венулей указывал: «Формально не подходит к рабам и закон Помпея об отцеубийстве ... потому что они не имеют родственников; но так как природа у всех людей общая, то и против них может быть обращен этот закон...» (*Dig.* 40, 2, 12, 4). Павел, который разъяснял, что рабское родство не является юридическим, считал само собой разумеющимся признание фактического рабского родства и даже свойства (*Dig.* 23, 2, 14, 2). То же различие между юридической догмой и реальной жизнью зафиксировано в неоднократном изменении отношения к Клавдиеву сенатусконсульту (см. *Gai.*, *Inst.* 1, 84—91). Поэтому учет семейных связей рабов правом и признание их законными, безусловно, не одно и то же⁵.

¹ *Paul.*, *Sent.* II, 19, 6; *CJ.*, IX, 9, 23; *Buckland W. W.* *The Roman Law of Slavery. The Condition of Slave in Private Law from August to Justinian.* L.—N. Y., 1970, p. 76.

² *Kaser M.* *Das römische Privatrecht.* B. II. München, 1959, S. 269; *Eibach D.* *Untersuchungen zum spätantiken Kolonat in der kaiserlichen Gesetzgebung unter besonderer Berücksichtigung der Terminologie.* Köln, 1977, S. 173.

³ См.: *Штаерман Е. М., Трофимова М. К.* Рабовладельческие отношения в Ранней Римской империи (Италия). М., 1971, с. 45—46; *Seyfarth W.* *Soziale Fragen der spätromischen Kaiserzeit im Spiegel des Theodosianus.* B., 1963, S. 141; *Held W.* *Die Verteilung der allgemeinen Krise im Westen des römische Reiches.* B., 1974, S. 120.

⁴ *Buckland.* *Op. cit.*, p. 76.

⁵ См. *Штаерман, Трофимова.* Ук. соч., с. 214.

На рубеже III и IV вв. право, выражавшееся в императорских конституциях, окончательно вытесняет традиционные виды римского права, развивавшиеся юристами. Привело ли это к перемене соотношения между юридической и фактической стороной в рабских связях и родственных отношениях, т. е. были ли они узаконены юридически? Уже первые конституции, посвященные этому вопросу, принадлежащие Диоклетиану, показывают, что те важные сдвиги, которые произошли в развитии римского общества в конце III — начале IV в., юридического статуса рабов не коснулись. В 290 г. Диоклетиан подтверждает старое правило о невозможности законных браков между рабами, заявляя, что рабов нельзя обвинять за оскорбление контуберния прелюбодеянием (СЖ, IX, 9, 23).

Иногда новаторство в этой области приписывают Константину. В этой связи интересна конституция, адресованная рационалу трех провинций Герулу (СTh, II, 25, 1—325): «Следует так произвести разделения владений патримональных и эмфитевтических имений на Сардинии, распределенных между многими господами, чтобы вся семья каждого раба сохранилась у одного possessора. Ибо кто вынесет отделение детей от родителей, сестер от братьев, жен от мужей? Поэтому разлученные рабы, которые перешли в право разных господ, пусть будут вновь воссоединены: и если кто лишится рабов из-за необходимости такого восстановления, пусть получит замену от того, кто получил этих рабов; и следует позаботиться, чтобы в провинции после этого не было более никаких жалоб по поводу страстей из-за распределения рабов». Вероятно, до издания конституции possessоры императорских имений на Сардинии при распределении земель семейные связи рабов не учитывали, что были вполне вправе делать, поскольку эти связи законной силы не имели. Фактически же они, видимо, давно укоренились в практике, что косвенно подтверждается распространением института «раб-квазиколон» в Дигестах ⁶.

Наличие у последних семьи, детей, родственных связей было выгодно прежде всего рабовладельцу и поэтому в обиходе было лишь делом времени ⁷. По-видимому, во многих местах такие рабские семьи и родственные группы существовали в течение нескольких поколений, коль скоро это было обычным явлением во II—III вв. для Павла (Dig. 38, 10, 5), Спевола (Dig. 33, 7, 20 § 1; 7, 27 § 1), Ульпиана (Dig. 21, 1, 35; 23, 3, 39; 33, 7, 12 § 33), Марциана (Dig. 11, 3, 17), Каллистрата (Dig. 50, 16, 220, 1), Прокула (Dig. 23, 3, 67) и в IV в. для Константина. Такое положение позволяло рабам употреблять в надписях термины реального родства. В этом словоупотреблении отражалось не только нежное, человеческое отношение рабов к своим близким, но и привычка к существованию в среде себе подобных, аналогичному положению в среде свободных сельчан, и известная фактическая нивелированность сельчан — рабов и свободных. Такой же вывод мы находим в работе Е. М. Штаерман для II в., хотя в то время по сравнению с IV в. тенденция к нивелировке сельского населения империи, по общему мнению, была меньшей — поселения земледельцев безразлично называются *vicus*, *castellum*, *pagus*, *villa*, живут там сельские рабы, колонны, свободные крестьяне, причем по образу жизни и положению они мало отличаются друг от друга. Название *rustici* применяется ко всем этим категориям ⁸. Поэтому такие надписи доказывают

⁶ См. *Johns K.-P., Köhn J., Weber V. Die Kolonen in Italien und der Westlichen Provinzen des Römischen Reiches. Einige Untersuchungen des litterarischen, juristischen und epigraphischen Quellen vom 2. Jh. v. u. Z. bis zu den Severen. B., 1983, S. 29, Anm. 2.*

⁷ *Gsell St. Esclaves ruraux dans l'Afrique romaine.*— In.: *Mélanges G. Glotz, 1, 1932, p. 407.*

⁸ *Штаерман Е. М. К вопросу о крестьянстве в западных провинциях Римской империи.*— ВДИ, 1952, № 2, с. 111; также см.: *Brockmeyer N. Arbeitsorganisation und ökonomisches Denken in der Gutswirtschaft des Römischen Reiches. Diss. Bochum, 1968, S. 285; MacMullen R. Roman Governments Response to Crisis A. D. 235—397. New Haven — London, 1976, p. 294, not. 87.*

лишь наличие у рабов длительного фактического брака, но отнюдь не признание его законным⁹.

Не может служить признанием законности рабского брака и конституция Константина¹⁰, хотя объявленной причиной ее издания была забота императора о родственных чувствах рабов. Однако за этой видимой причиной скрывается другая, более глубокая: удовлетворенные в своих притязаниях на нормальную жизнь рабы доставляют меньше хлопот господину и лучше работают. Так забота о рабовладельцах воплотилась в заботе о рабах.

В. Зейфарт истолковывает в пользу законности рабского брака то, что в интерпретации к данной конституции жена раба названа *ихог*, а не *сопих*¹¹. Но это может быть привнесением общеупотребительной бытовой лексики, не имеющей строго юридического значения, как о том говорил Павел (Dig. 38, 10, 10, 5). К тому же это определение относится к середине V в., когда юристы были более подвержены давлению со стороны общественного сознания, чем в начале IV в. Сам же Зейфарт в другой работе, по другому поводу обращал внимание на «необязательность словоупотребления» императорских конституций позднего времени¹², что было связано со сложным вопросом так называемой «вульгаризации» позднего римского права¹³. Поэтому рабы выступают здесь не более чем объектом права.

Но каждый конкретный случай, оказавшись основой закона, приобретает самостоятельное значение и, если в этом ощущается острая потребность, начинает независимое от первоначального смысла существование. По-видимому, это случилось и с данной конституцией. Включение ее в более общем виде в Кодекс Юстиниана (III, 38, 11) показывает, что в противовес мнению тех исследователей, которые считают сферу применения ее очень узкой¹⁴, в течение двух веков она исправно служила практическим нуждам: «Следует так производить разделение владений, чтобы ближайшее родство и свойство рабов, либо колонов приписного положения, или инквилинов, восстановленное при каком-либо наследнике, сохранялось. Кто же вынесет, что дети от родителей, сестры от братьев, жены от мужей отделены? Если какие-либо рабы или колоны, связанные такими узами, будут разделены, попав в право разных господ, считается, что их следует соединить у одного и того же лица». Конституция послужила правовым прецедентом, обеспечивавшим в дальнейшем неразрывность рабских родственных связей. Только в этом смысле можно говорить, что рабская семья была признана законом¹⁵, так как юридически законной она не стала, брак по-прежнему оставался контубернием¹⁶. Но объективно закон укреплял рабскую семью. Конечно, это имело основой не влияние стоического и христианского учений¹⁷, а, с одной стороны, желание рабовладельцев увеличить число рабов за счет естественного воспроизводства¹⁸, с другой —

⁹ См. *Seyfarth*. Op. cit., S. 147.

¹⁰ См. также *Тарасова И. П.* К вопросу о правовом положении рабов в поздней Римской империи.— УЗ ЛГУ. Сер. ист. наук, № 251, вып. 28, с. 79.

¹¹ *Seyfarth*. Op. cit., S. 141.

¹² *Seyfarth W.* Die Rechtstheorie und die Entwicklung der Sklavenklasse an der Basis in der späten römischen Kaiserzeit.— In: Acta Antiquae Philippopolitana, Studia Historica et Philologica. Sofia, 1963, S. 64—65.

¹³ См., например, *Stühff G.* Vulgarrecht im Kaiserrecht unter besonderer Berücksichtigung der Gesetzgebung Konstantins des Grossen. Weimer, 1966.

¹⁴ *Тарасова Ук.* соч., с. 79—80. В 371 г. (CJ, XI, 48, 7) сельские рабы даже без имени, т. е. в обход закона, продаются с потомством. А в 398 г. (CTh, VIII, 5, 58) Аркадий и Гонорий, говоря о предоставлении за уведенного погонщика мулов замены (викария), имеют в виду передачу таких рабов с женами, детьми и пекулием.

¹⁵ *Seyfarth*. Sociale Fragen..., S. 154.

¹⁶ Ср. *Корсунский А. Р.* О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V веках.— ВДИ, 1954, № 2, с. 54.

¹⁷ *Dörries H.* Das Selbstzeugnis Konstantins. Göttingen, 1954, S. 200. ср. *Westerman W. L.* The Slave Systems Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955, p. 109.

¹⁸ *Rostowtzew M.* Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich. Bd. I. Lpz., S. 276, Anm. 28.

распространение новых форм эксплуатации рабов, связанных с ведением ими самостоятельного хозяйства¹⁹. Поэтому закон можно определить как важное приобретение для рабов²⁰ в плане улучшения их фактического положения.

Однако он не был новшеством. Еще Ульпиан, комментируя закон о возвращении продавцу раба, о болезни или пороке которого он не предупредил покупателя, писал, что часто из-за такого раба приходится возвращать и других, приобретенных вместе с ним, «если их нельзя разлучить, не погрешив против благочестия, ибо разве можно отдать сына и удержать родителей или наоборот? То же следует соблюдать относительно братьев и лиц, состоящих в сожительстве» (Dig. 21, 1, 35). Еще у Сенеки Старшего (I в.) (Contr. IX, 3, 3) как нечто само собой разумеющееся говорится, что «при продаже рабов с аукциона братьев не разлучают»²¹. А Мусоний Руф (Reliqu. 66, 7—10), осуждая связи господ с рабынями, пишет, что большинство не видит к ним ничего зазорного, особенно если рабыня — вдова. Следовательно, отмечает Е. М. Штаерман (там же, с. 18), даже в его времена некоторые, хотя бы теоретически, считали недопустимой связь со своей замужней рабыней, признавая ее брак и права мужа. Во времена Северов, как показывает Павел (Dig. 23, 2, 14, 2), это рассматривается как норма.

Таким образом, вероятно, уже во II—III вв. рабские родственные связи, особенно в сельской местности, как об этом свидетельствует Каллистрат (Dig. 50, 16, 220, 1), были устойчивым явлением, и их принято было охранять. Каллистрат, имея в виду передачу имущества по легату, считает само собой разумеющимся, что вместе с виликом передаются его сожительница и их дети. Их внуки также обычно сохраняют связь с семьей, если на это не было особого распоряжения завещателя. Именно так было «во многих местах принято». Сцевола в известном примере об отпущеннике Сее и рабе Стихе сообщает, что имущество передается с салтуариями, их сожительницами и их детьми (Dig. 33, 7, 20, 1). Ульпиан, рассматривая вопрос о рабском квазиприданом, приводит случай, когда рабыня с таким приданым вышла за раба, а затем они получили свободу с сохранением пекулия (Dig. 23, 3, 39).

Поэтому за конституцией Константина стояла устойчивая традиция покровительственного отношения к семейным связям сельских рабов. Его постановление, как пишет И. П. Тарасова (ук. соч., с. 80), содействовало укреплению семьи раба, хотя оно и не свидетельствует о признании этих семей законными. Его можно связать с постановлением, узаконившим длительный процесс складывания неразрывного единства работника с землей (CTh, XI, 3, 2—327).

Больше внимания законодательство IV в. уделяет проблеме смешанных браков, одной из сторон которых были рабы. В связи с господством мужского пола отношения свободного мужчины и рабыни никакого состава преступления в себе не несли. Обращается лишь внимание на то, что ребенок, родившийся от свободного и рабыни, есть *spurius* и не может считаться его сыном (CJ, VI, 55, 6; VIII, 51, 4; ср. Gai., Inst. I, 64). В 331 г. Константин издал предписание относительно тех, кто, прожив в течение 16 лет на положении свободного человека, получал свободу (CTh, IV, 8, 7). В нем специально разъясняется, что конституция не касается тех, кто рожден от рабыни и свободнорожденного, хотя они и могли жить с родителями как свободные, т. е. рабское сожительство не считалось юридически законным браком и дети, естественно, наследовали статус матери. Аргументируя свое решение, Константин подчеркивает, что у таких людей не было никакого законного права (прецедента) нахождение на свободе,

¹⁹ Корсунский. Ук. соч., с. 54; *Seyfarth. Sociale Fragen...*, S. 154.

²⁰ Штаерман Е. М. Проблемы падения рабовладельческого строя.— ВДИ, 1953, № 2, с. 68.

²¹ См. Штаерман, Трофимова. Ук. соч., с. 18.

а имел место лишь голый захват ими не соответствующего им свободного статуса. Он как бы подсказывает, каким образом можно сохранить свободу: выкупить себя, дать замену, передать пекулий.

Гораздо большее внимание привлекает этот вопрос, когда он связан с другими, более важными для империи проблемами, как в конституции 319 г. Константина, адресованной Патроклу (CTh, XII, 1, 6): «Хотя и кажется недостойным, чтобы кто-то из наделенных достоинством опускался до низкого брака с рабшками, тем не менее это нисколько не запрещается законами; но с лицами рабского состояния не может быть законного брака, и от такого рода контуберния рождаются рабы. Поэтому предписываем, чтобы декурионы не скрывались в лоно могущественнейших домов, ведомые похотью. Если же декурион тайно, без ведома актора или прокуратора, вступит в связь с чужой рабыней, приказываем, с согласия судей, женщину заковать в железо и самого декуриона сослать на остров... А если акторы или прокураторы имения, в котором допущено это бесчестное дело, были осведомлены или не пожелали выдать обнаруженное преступление, следует заковать в железо их. Однако, если это разрешил сделать и потом покрывал обнаруженное господин, если это было совершено на его земле, имение с рабами и скотом и прочими вещами, которыми поддерживается сельский образ жизни, передается фиску; если, однако, это совершено в городской общине, предписываем конфисковать половину всего имущества, увеличив наказание, поскольку преступление было допущено среди домашних стен, а также и оттого, что не пожелали обнаружить знание...». Цель законодателя конкретна: воспрепятствовать бегству декурионов от своих обязанностей. Поэтому, как считает В. Зейфарт, в этом законе вовсе не идет речь об укреплении границы между рабами и свободными²², как писала в одной из своих ранних работ Е. М. Штаерман²³. Партнеры по связи сурово наказываются не потому, что она рабыня, а он свободный, но потому, что он был декурионом, а связь его с рабыней преследовала цель укрыться «в лоне могущественнейшего дома». По этой причине наказывался и хозяин имения, и его акторы и прокураторы²⁴. В варианте, помещенном в Кодексе Юстиниана (V, 5, 3), конституция сохранила то же самое значение, из чего следует, что законодателя интересовали не брачные отношения сами по себе, речь о них идет здесь постольку, поскольку в них участвовал свободный, являющийся объектом действия конституции.

Обратимся теперь к группе законов, посвященных так называемому Клавдиеву сенатусконсульту. Он приговаривал к рабству свободную женщину, которая против воли рабовладельца вступала в связь с его рабом, их дети также обращались в рабство²⁵. Сенатусконсульт в свое время допускал возможность договора женщины с господином раба, по которому она сама могла оставаться свободной, а рожденные ею дети становились рабами (Gai., Inst. I, 84). Но такое постановление явно противоречило принципу, согласно которому рабы рождались от рабынь, а от свободных — свободные²⁶. Поэтому Адриан восстанавливает этот принцип, установив, таким образом, чтобы, если женщина оставалась свободной, дети также были свободны.

Принцип, лежавший в основе Клавдиева сенатусконсульта, полностью согласовался с традиционной правовой догмой, основанной на том, что раб был собственностью. Поэтому закон, как правильно отметил Э. Полай,

²² Seyfarth. Sociale Fragen..., S. 83.

²³ Штаерман Е. М. Рабство в III—IV вв. в западных провинциях Римской империи. — ВДИ, 1954, № 2, с. 99; ср. Тарасова. Ук. соч., с. 80.

²⁴ См. Тарасова. Ук. соч., с. 80.

²⁵ Gai. Inst. I, 84; 91; Paul., Sent. II, 21, 1; 4; IV, 10, 2, Ulpian., lib. sing. Regul. XI, 11; Suetonius, Vesp. 11; Tacit., Ann. 12, 53; Tertullian., ad uxorem, 2, 8.

²⁶ См.: Buckland. Op. cit., p. 398; Weaver P. R. C. Familia Caesaris. A Social Study of the Emperor's Freedmen and Slaves. Cambr., 1972, p. 163; Robleda O. Il diritto degli schiavi nell' antica Roma. Roma, 1976, p. 23.

служил защите частной собственности от чужого вмешательства²⁷. На это указывает сообщение «Сентенций» Павла (II, 21, 5; 7; 11) о том, что отпущенница, соединившаяся с чужим рабом, становится рабыней, но если ее сожителем будет раб ее патрона, она сохраняет прежний статус, «так как ясно, что она не хотела покинуть дом патрона». Но в то же время допускавшаяся возможность договора женщины с господином раба свидетельствует о практической потребности в урегулировании такого рода связей²⁸. Удовлетворение этой потребности сенатусконсультом привело к нарушению другого традиционного принципа: от свободной рождался раб. Поэтому последовало вмешательство Адриана. Но восстановление указанного принципа Адрианом в свою очередь привело к тому, что господин раба терял стимул для разрешения связи, и фактически возможность для договоренности с ним женщины, покупавшей ценою рабства детей свою свободу, сильно ограничивалась. Постановление Адриана приводило к тому, что, вступив в связь с чужим рабом, свободная женщина почти неизбежно становилась рабыней, хотя формально могла и избегнуть этой участи. Таким образом, в эпоху Ранней империи использование Клавдиева сенатусконсульта не расходилось с позициями традиционных норм римского права, хотя уже в это время наблюдается потребность в их преодолении²⁹.

В Кодексе Феодосия Клавдиеву сенатусконсульту посвящены семь конституций — между 314 и 398 гг. (CTh, IV, 12, 1—7). Первая из них, относящаяся к 314 г., главной целью имела воспрепятствовать своеволию крупных собственников, которые чинили насилия над бедными соседями: «Если в отношении каких-либо свободных женщин будет допущено, что они против своей воли будут принуждены к связи или с рабами, или с какими-либо другими людьми рабского положения, то они в соответствии с законом освобождаются (от такой связи)». Этим женщинам как бы для примера, чтобы оттенить их добродетельность, противопоставляются другие, действия которых подпадают под Клавдиев сенатусконсульт: «Однако, если же женщина сама забудет честь, то она лишается свободы, а также ее дети будут рабами господина того, с кем она связала себя контубернием. Этот закон следует сохранить и впредь». Привлечение Константином этой, так сказать, обратной аналогии и его последняя фраза показывают, что сенатусконсульт оставался актуальным и в начале IV в.

От второй конституции — 317 г. — сохранилась лишь интерпретация издателей Кодекса Феодосия: «В присутствии семи свидетелей из числа римских граждан должно быть сделано третье предупреждение (при ведении дела) по Клавдиеву сенатусконсульту». Наличие трех предупреждений перед обращением женщины в рабство показывает, что имелась тенденция сохранить ей свободу. Однако отсутствие самой конституции не позволяет выявить причины этого.

Более обширна третья конституция — 320 г., обращенная к народу: «Поскольку древнее право присуждало свободнорожденных, связанных контубернием с фискальными рабами, к утрате прирожденной (свободы),

²⁷ Polay E. Die Sklavenehe im antiken Rom.— Das Altertum, 1969, 15, S. 88.

²⁸ Е. М. Штаерман указывает на рост числа браков вилков и привилегированных рабов со свободными женщинами (*Штаерман, Трофимова. Ук. соч.*, с. 208).

²⁹ Е. М. Штаерман (там же, с. 220), говоря о распространенности браков между представителями высших слоев рабского сословия и свободными в эпоху Ранней империи, считает, что по сути дела уже тогда была признана их законность. В доказательство она ссылается на случай, приводимый Павлом, когда свободный человек выдал дочь замуж за чужого раба, дал ей приданое, а затем и он, и его зять умерли. Вдова, по мнению Павла, может требовать, чтобы ей было возвращено приданое из пекулия мужа (Dig. 16, 3, 27). Между тем данный случай может говорить об обратном, женщина имеет право на свое приданое не по праву законной жены на законное приданое в случае прекращения брака (ср. Dig. 23, 3, 43, 2, Ульпиан), а вследствие того, что никакого законного брака не было и ее имущество никому другому не может принадлежать (ср. Dig. 23, 3, 17, 1, Павел). Случай, видимо, и привлек внимание Павла тем, что для его решения нужен был неформальный подход.

не делая снисхождения ни незнанию, ни возрасту, представляется, что уз таких связей избегали; если же, однако, свободнорожденная женщина либо по неведению, либо даже по желанию вступит в связь с фискальным рабом, ее статус свободнорожденной не подвергается никакому ущербу, однако потомство, которое родилось от отца — фискального раба и свободнорожденной матери, получает среднюю судьбу (*media fortuna*), чтобы дети рабов и свободнорожденных становились *spurii Latini*, которые, хотя бы и были освобождены от неизбежности быть рабами, однако подлежали праву патрона. Мы желаем, чтобы это право сохранилось и для фискальных рабов, и для оригинариев патримониальных имений, и для эмпитевгических имений, и для тех, которые принадлежат к нашим частным корпорациям³⁰. Ведь в соответствии с древним правом мы нисколько не вредим городским делам и не соединяем для брачной связи, (вытекающей) из этого закона, рабов каких-либо городов; мы желаем, чтобы городские общины правильно поняли (нас) и не преуменьшали силу древнего интердикта. Если попавшая в сети такого контуберниума или вследствие непредусмотрительно сделанной ошибки, или по простому неведению, или из-за малого возраста откажется (от него), то такие лица освобождаются от наших санкций».

Здесь Константин действительно выступает новатором, пытаясь, хотя и с осторожностью, преодолеть то противоречие, перед которым в свое время остановился Адриан, и компромиссом с которым, видимо, было введение троекратного предупреждения³¹. Действие конституции распространяется только на тех рабов, по отношению к которым сам император выступает в качестве собственника. Для тех рабов, которые относились к праву городов, он оставлял за городами право самим решать вопрос, как относиться к их свободной сожительнице, следовать ли этому, или прежнему закону при определении статуса ее детей³². Это особенно четко выразили авторы интерпретации к конституции: «...исключение дается для находящихся в праве городской общины, которая пожелает сохранить прежний закон».

Как собственник рабов император с полным основанием исключает в этом случае необходимость для женщины договариваться о своем и детей статусе и сразу заявляет, что в любом случае она сохраняет свою свободу. Это сохранение свободы женщины настолько бросается в глаза своим кажущимся противоречием с буквой Клавдиева сенатусконсульта, что исследователи считают его новшеством Константина³³. На самом деле новое здесь состоит лишь в облегчении процедуры, сенатусконсульт нисколько не модифицируется³⁴. Иное дело — получение детьми не отцовского статуса, а «средней судьбы» между рабами и свободными. Здесь Константину удалось, с одной стороны, соблюсти принцип: свободная женщина не рождает рабов, а с другой — удовлетворить притязания собственника, поскольку он сохранял над ее детьми власть хотя и не господина, а патрона. Но последнее, так же как и статус женщины, было не столь важно для императора как собственника их отца и мужа. Ведь в любом случае они оставались на императорских землях или в корпорации. А значит, поступление дохода, связанного с их пребыванием там, обеспечивалось; статус

³⁰ Это перечисление показывает, что П. Вивер, относивший Клавдиев сенатусконсульт к *Familia Caesaris*, т. е. к императорским рабам, занятым в дворцовых и административных службах, неправ (*op. cit.*, p. 162—169, особенно 167 f.). Рабы-оригинарии императорских имений и рабы императорских корпораций — это рабы, занятые в производстве, которых Вивер не включал в *Familia Caesaris* (p. 5).

³¹ П. Вивер относит введение предупреждения ко времени после Гая (*op. cit.*, p. 164 f.).

³² Ср.: *Buckland. Op. cit.*, p. 416—417; *Лебедева Г. Е.* Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980, с. 59, прим. 179.

³³ *Штаерман.* К вопросу..., с. 113; *Pallasse M.* Orient et Occident a propos du colone romain au Bas-Empire. Lyon, 1950, p. 21; *Eibach. Op. cit.*, S. 100.;

³⁴ Ср. *Eibach. Op. cit.*, S. 173 f.

же работников здесь роли не играл. Это позволяет предположить большую нивелированность в положении рабов и свободных работников императорских имений по сравнению с частными и принадлежащими городским общинам. Вследствие этого некоторые рабы, живя в условиях, сходных с условиями жизни свободных работников, могли выдавать себя за свободных, о чем свидетельствует указание в конституции, что женщина может вступить в брак с рабом по неведению его рабского статуса³⁵. Причина издания конституции, очевидно, состояла в том, что обращаться к императору по поводу брака с рабом из императорского имения, бывшего привычным, заурядным явлением, для свободных из престолярства было затруднительно. Но, удовлетворяя их, император преследовал прежде всего собственные интересы.

Последнее особенно хорошо видно в нескольких конституциях в Кодексе Юстиниана (X, 32, 29—365; VI, 4, 2—367; XI, 68, 4—376), касающихся брачной связи зависимых от императорского хозяйства женщин различного статуса (инквилин, колон, рабынь) и декурионов, свободнорожденных других статусов, вольноотпущенников. При решении судьбы детей от такого брака, приводящего к нарушению других правовых норм, устанавливается принцип следования за матерью независимо от того, кем был отец. Д. Айбах правильно отмечает, что отсутствие таких случаев в классическом праве говорит о том, что их появление зависело от практических требований времени (op. cit., S. 102). Действительно, цели этих законов неоднозначны. Особенно это проявляется в случае с декурионом (CJ, X, 32, 29), брак которого с инквилиной назван матримонием, но дети тем не менее следуют за матерью. Такое нарушение императором права обособлено тем, что, бежав от своих обязанностей, декурион сам нарушил другую норму (см. Dig. 50, 2, 1; 50, 1, 2; CTh, XII, 1, 6 = CJ, V, 5, 3—319). В других случаях стремление к увеличению рабочей силы в императорских имениях выступает более рельефно. Конституция 367 г. (CJ, VI, 4, 2) предупреждает, что, если вольноотпущенник вступит в связь с рабыней или колоной императорского имения, его патрон теряет «выгоды патроната» (*commoda patronatus*), т. е. он переходит в зависимость от администрации императорского имения. А конституция 376 г. (CJ, XI, 68, 4), развивая мысль, заложенную в конституции 365 г., предписывает детям императорских колон или рабынь от любого свободнорожденного следовать за матерью. Это положение нашло завершение в конституции Зенона (CJ, XI, 69, 1): дети от браков с императорскими зависимыми лицами всегда принадлежат императорскому хозяйству, независимо от статуса другого родителя³⁶.

Вернемся к Клавдиеву сенатусконсульту. Четвертая конституция — 331 г. — в сущности повторяет постановление I в. н. э., добавляя к нему необходимость предупреждения перед обращением в рабство (ср. вторую конституцию): «Если какая-либо женщина после этого закона свяжет себя контуберниумом с рабом и не послушается предупреждений, как установило древнее право, она теряет статус свободной»³⁷. Вероятно, подтверждение силы сенатусконсульта потребовалось потому, что в результате издания предшествующей конституции участились случаи нарушения его.

Это подтверждается пятой конституцией — 362 г., принадлежащей Юлиану: «Мы полагаем, что ставший совершенно неэффективным Клавдиев сенатусконсульт был укреплен всеми конституциями, которые были внесены против того, чтобы свободная женщина, если она вступит в недо-

³⁵ «Оригинарию патримониальных имений» в интерпретации соответствует «патримониальный раб»; ср. *Pallasse*. Op. cit., p. 22, not. 18.

³⁶ Ср. *Günther R. Coloni liberi und coloni originarii. Einige Bemerkungen zum späntantiken Kolonat.* — *Klio*, 1967, 49, S. 268 f.

³⁷ Время введения трехкратного предупреждения не вполне ясно (см. прим. 31). Хотя о нем сообщается уже в «Сентенциях Павла» (II, 21, 17), в научной литературе существует тенденция относить его введение к 317 г.; см. *Robleda O. Il diritto degli schiavi nell'antika Roma.* Roma, 1976, p. 39, 40—41, not. 167.

стойную связь с прокуратором, либо актором частного лица, или кем-либо другим рабского положения, присуждалась, утратив свободу, к худшему зависимому положению не иначе, как если будет изгнана из права (свободы) тремя предупреждениями. Правда, это следует соблюдать в отношении (рабов) частных лиц; ведь мы устанавливаем, что те женщины, которые вступают в связь с государственными или городскими рабами, менее подчинены силе этой санкции». Очевидно, на практике действие Клавдиева сенатусконсульта было подорвано тем, что конституцию Константина 320 г., относившуюся только к императорским и государственным рабам, пытались использовать применительно к частным рабам, разумеется, используя то из нее, что было выгодно. Юлиан это запрещает. В отношении рабов частных лиц, видимо, оформился иной принцип действия сенатусконсульта, связанный с обязательностью трехкратного предупреждения (см. вторую и четвертую конституции). Последнее явно играет здесь важную роль. Акцент, сделанный конституцией (и интерпретацией) на связи именно с прокураторами и акторами³⁸, которые были рабами, наводит на мысль, что сравнительно высокое положение этих рабов-управляющих послужило им поводом считать применение Клавдиева сенатусконсульта к своим женам необязательным. И в качестве обоснования своих притязаний они, видимо, ссылались на конституцию Константина 320 г. Юлиан формально восстанавливает букву сенатусконсульта. Однако его слова, что «...свободная женщина ... присуждалась ... к худшему зависимому положению не иначе, как если будет изгнана из права (свободы) тремя предупреждениями», звучат как компромисс. Можно думать, что если этот формальный момент не был соблюден, то свободу она не теряла.

В конституции 366 г. акцент делается на судьбе детей, хотя это и прикрито риторикой: «Если для сластолюбивой женщины имеет большее значение страсть, нежели свобода, то она становится рабыней не вследствие войны, не в наказание, но из-за брака, так что и ее дети подлежат игу рабства. Ведь очевидно, что рабыней пожелает стать лишь та, которая тяготеет положением свободной». Авторы интерпретации выразили это более четко: «Если женщина вследствие контуберниума с рабом становится рабыней, то рабами делается и ее дети». Авторы конституции явно заполняют тот формальный пробел, который остался после конституции Юлиана и который был особенно соблазнительен («средняя судьба» детей), что подтверждает важность этого вопроса. Но практическая лазейка, допущенная Юлианом в отношении женщины, сохранялась.

Свое завершение она нашла в последней конституции — 398 г., направленной Анатолию, префекту претория Иллирика: «Пусть все провинциалы знают, что если свободных женщин не отвращали от связей с рабами тремя предупреждениями, то они никоим образом не могут быть обращены в рабство». Запрет обращать в рабство женщину без трехкратного предупреждения вроде бы тот же, что и в конституции Юлиана. Но форма запрета уже иная. Если Юлиан лишь подразумевал альтернативную возможность для женщины таким образом избежать рабства, то Аркадий и Гонорий, авторы последней конституции, считают правилом сохранение свободы женщины в случае невыполнения этого формального условия. Перенос акцента приводил к важным правовым последствиям: из юридической лазейки трехкратное предупреждение превращается в закон, позволяющий обходить Клавдиев сенатусконсульт³⁹.

³⁸ Их фактически привилегированное (ср. раннее признание неразрывности их браков у Калистрата — Dig. 50, 16, 220, 1) положение делало браки с ними соблазнительными и для свободного крестьянства. Но и, с другой стороны, пользуясь своим положением, они могли чинить насилия и над свободными сельчанами как на территории подвластных им имений, так и по соседству с ними; см. CTh, X, 4, 1—313; IV, 42, 1—314.

³⁹ Все это показывает необоснованность мнения, что признание женщины и детей рабами в законодательстве IV в., посвященном Клавдиеву сенатусконсульту, облегчалось; см. Лебедева. Уж. соч., с. 29.

Очевидно, что сам изданный для урегулирования расхождения реальной практики с традиционной нормой, не учитывающей личность раба, Клавдиев сенатусконсульт очень скоро вследствие своей непоследовательности пришел в противоречие с этой практикой. Но поскольку традиционное деление всех людей на свободных и рабов сохранилось (Just., Inst. 1, 3; Dig. 1, 5, 3), сохранялся и сенатусконсульт. Переход в начале IV в. юрисдикции исключительно в руки императоров позволил им во многом порвать с традицией и более радикально, чем прежде, подойти к Клавдиеву сенатусконсульту. В течение IV в. законодатели научились обходить его, не нарушая тем не менее «форму». Фактически свобода женщины и ее детей от связи с рабом сохранялась, но сама эта связь законным браком быть признана не могла. Сенатусконсульт превратился в мертвую оболочку, которую Юстиан совершенно безболезненно отменил во время осуществления им общей редакции права как не соответствующую духу времени и обществу (Just., Inst. III, 12, 1; CJ, VII, 24, 1).

Конституция 415 г. (CTh, XII, 1, 179) прекрасно демонстрирует, что, когда дело касалось важных для государства проблем, сенатусконсульт легко отодвигали в сторону как не слишком обременительную помеху: «Подтверждая авторитет Клавдиева сенатусконсульта, мы приказываем, чтобы потомство, рожденное свободнорожденной, предки которой служили курии, возвращалось городским общинам. Полагаем, что это должно соблюдаться не только в отношении будущих (брачных связей), но даже и в отношении уже имевших место...». Очевидно, конституция имеет в виду не раз упоминавшуюся (CTh, XII, 1, 6 = CJ, V, 5, 3—319; CJ, X, 32, 29—365) проблему возвращения беглых декурионов, вступавших в брак с сельскими рабами. Вопреки Клавдиеву сенатусконсульту, авторитет которого в конституции подтверждается, дочь декуриона не обращается в рабство, равно как и ее дети не оставляются господину раба (ср. Nov. Maior, VII, 2—458). Требования реальной жизни явно доминируют над «буквой» закона, на долю которого остаются лишь подтверждения, не имеющие в данном случае реального значения.

С Клавдиевым сенатусконсульту иногда связывают конституцию Константина 326 г. (CTh, IX, 9, 1 = CJ, IX, 11, 1): «Если откроется, что свободная женщина тайно будет иметь сношения со своим рабом, она приносится к смертной казни, раб, наказанный розгами, предается огню. Для выявления преступления пусть используются все возможности, пусть будет приложен максимум усердия, и даже дается разрешение доносить рабам, которым, в случае если преступление будет доказано, дается свобода. Дети же, которых будут иметь от тайной связи, лишенные всех знаков достоинства, пусть получают одну только свободу, и ни сами, ни через подставное лицо какого-либо титула не получают ничего из имущества женщины. Наследование же женщине в случае отсутствия завещания осуществляется либо детьми, если будут законными, или ближайшими когнатами, или тем, на кого укажет решение судей. Также и имущество, которое оказалось по какой-либо причине в руках как того, кто был осужден, так и детей, прижитых от него, соединенное с собственностью женщины, присуждается упомянутым наследникам». В этой конституции явно имеется в виду прелюбодеяние женщины с собственным рабом⁴⁰. Использование ее как доказательство подтверждения и усиления Клавдиева сенатусконсульта основано на том, что вариант Кодекса Феодосия, говоря о рабе, опускает слово «собственный»⁴¹. Но это явный пропуск. В Зейфарт показал, что вариант Кодекса Юстиниана в этом случае более точен и речь идет именно о собственном рабе⁴². Он обратил внимание на то,

⁴⁰ Kaser. Op. cit., II, S. 89; Seyfarth. Sociale Fragen..., S. 82; ср. Buckland. Op. cit., p. 90.

⁴¹ См. Тарасова. Ук. соч., с. 80; Piganiol A. L'Empire Chretien (325—395). P., 1972, p. 449.

⁴² Seyfarth. Sociale Fragen..., S. 81.

как вообще общество относится к связи свободных женщин с рабами. В источниках, относящихся к случаям такого рода, никогда не говорится о наказаниях и тем более столь суровых. Речь обычно ведется только о статусе такой женщины и ее детей от связи с рабом⁴³. Поэтому следует согласиться с М. Казером, что данный закон к Клавдиеву сенатусконсульту никакого отношения не имел⁴⁴. В этом смысле он едва ли может служить доказательством того, что правительство укрепило границу между рабами и свободными⁴⁵. В. Зейфарт, выступая против подобного мнения Е. М. Штаерман, на основании этого же закона делает прямо противоположный вывод, полагая, что развитие идет в направлении сглаживания различий между обоими классами населения⁴⁶. Показательна методика аргументации обоих исследователей. Е. М. Штаерман выделяет факт наказания за связь между представителями двух классов. В. Зейфарт акцентирует внимание на факте самой связи и роли рабов — слуг женщины, получавших за донос свободу.

В законе имеется ряд новшеств по сравнению с предшествующим законодательством. Рабы и раньше в таких случаях должны были давать показания, которые считались истинными (Dig. 48, 5, 17, 5, Ульпиан). Однако рабов к этому не поощряли посулами свободы, а принуждали обычно под пыткой (Dig. 48, 5, 27, Ульпиан). Обвинение женщины в прелюбодеянии принималось даже от самого раба-любовника, подвергнутого пытке (Dig. 48, 5, 33, Марциан). Раб, застигнутый мужем женщины на месте преступления, мог быть им безнаказанно убит (равно как и сводник, актер, осужденный преступник, отпущенник — Dig. 48, 5, 24, Макр). С женой же он должен был в таком случае безотлагательно развестись (§ 1). Если же он не убивал раба, то не должен был долго держать его у себя (Dig. 48, 5, 25, Ульпиан; Dig. 48, 5, 33, 1, Марциан), а должен был вести к магистрату (Dig. 1, 12, 1, 5, Ульпиан), который и назначал наказание в соответствии с силой закона Аквилы (Dig. 48, 5, 6, Папиниан). Магистраты, считает Е. М. Штаерман, не имели права приговаривать раба к казни, они могли наложить на него лишь умеренное наказание (Dig. 2, 1, 12)⁴⁷. Возможно, на это указывает Марциан, говоря, что отосланный (к магистрату) раб может быть возвращен (Dig. 48, 5, 33, 1). В таком случае закон Константина действительно объективно способствовал укреплению грани между рабами и свободными.

Однако законодатель, видимо, не имел целью этого, он стремился соблюсти интересы законных детей и родственников женщины, чему уделяется много места в тексте. Указание на то, что наследство получают только законные дети, показывает, что правительство стремилось к обеспечению прочности законного брака и гарантии для семьи истинности законных наследников. В глазах законодательства раб-прелюбодей посягал прежде всего на собственность семьи, которая, если не воспрепятствовать сложившемуся положению, могла перейти не истинным законным наследникам, а детям от раба. Указание на то, что связь была тайной, свидетельствует о том, что дети от раба фигурировали как законные, т. е. границу между рабством и свободой при помощи этой связи и не пытались перейти. Свобода этих детей сохранялась и после наказания их родителей. Законодатель не изменяет принципу: от свободной женщины рождаются свободные дети. Поэтому суровость наказаний в конституции происходит не от того, что она — свободная, а он — раб.

Это подтверждается новеллой Антемия 468 г., посвященной вопросу о женщинах, которые вступали в связь со своими рабами и отпущенника-

⁴³ *Seyfarth W.* Ehen zwischen freien Frauen und Sklaven.— *Byzantinische Beiträge.* В., 1964, S. 46, 47, 49.

⁴⁴ *Kaser.* Op. cit., II, S. 89.

⁴⁵ *Штаерман.* Рабство в III—IV вв..., с. 101; *Dörries.* Op. cit., S. 191, 275.

⁴⁶ *Seyfarth.* *Sociale Fragen...*, S. 80—82.

⁴⁷ *Штаерман, Трофимова.* Ук. соч., с. 219; ср. *Buckland.* Op. cit., p. 91.

ми. За это не предусматривалось никакого наказания, так как речь здесь идет не о тайном, а о явном сожителстве, не наносящем никому ущерба. Более того, эти женщины (а не рабы!) претендуют на юридическое оформление этой связи. Однако их действия показывают, что и во второй половине V в. связь с рабом законным браком не признавалась. Они сначала давали своим возлюбленным-рабам свободу, а затем вступали с ними в законный брак как со свободными. Антемий признает законность такого брака с вытекающими из него правами наследования как для супругов, так и для детей⁴⁸. Исключение составляют лишь женщины знатного сенаторского происхождения, которым такие браки воспрещались, чтобы, как выражается автор новеллы, «позорным союзом не запятнать честь знатных фамилий». При этом он ссылается на установление Константина в отношении связи сенаторов с рабами⁴⁹. Не спасал в таких случаях и предварительный отпуск раба на свободу, что специально оговаривал законодатель. Такая связь не признавалась матримонием, а определялась как *inlicita consortia*, и дети от нее не включались в число свободных, но находились на рабских условиях. Они передавались фиску. По вопросу же о детях мужчин-сенаторов от их связи с рабынями или отпущенницами законодатель лишь мимоходом указывает, что они не считаются даже внебрачными детьми (*naturalis liberis*).

Это объясняет неожиданно строгое следование Клавдиеву сенатусконсульту в конституции 380 г. (CTh, X, 20, 10 = CJ, XI, 8, 7): «Мы приказываем, чтобы никакая женщина выдающегося слоя (*splendidioris gradus*), вступившая в связь с монетарием, не отказывалась от чести прирожденной свободы. Ибо если какая откажется от установленного этим предписанием нашего постоянства, то в соответствии с силою Клавдиева сенатусконсульта или пусть согласно предписанию закона разорвет связь, или, если сочтет, что должна оставаться преданной объятиям монетария, пусть не сомневается, что обязательная перемена положения ее самой и детей на зависимое предрешена. Также и те, которые, как окажется, вступили в связь с монетарием до издания нашего закона, желательно, чтобы, ознакомившись с ним, согласились с вышеуказанным, и если не оставят запретную связь, изменят свой статус». Интересно, как отмечается в научной литературе, что в Кодексе Юстиниана в связи с отменой Клавдиева сенатусконсульта ссылка на него убрана, однако смысл закона полностью сохранен, и это позволило Д. Айбаху предположить, что порабощение свободной женщины и ее детей и в VI в. не всегда рассматривалось как варварский реликт, как пытался уверить Юстиниан в CJ, VII, 24, 1⁵⁰. Д. Айбах не учитывает только одного, что конституция касалась не всех свободных, а лишь их высшего слоя.

Таким образом, с правовой точки зрения в IV—V вв. грань между рабами и свободными была незыблема, и в этом смысле рабы оставались, по выражению К. Маркса, «пассивным пьедесталом» общества⁵¹. Но факти-

⁴⁸ Его санкция потребовалась потому, что в эпоху Ранней империи отпущенник, посягнувший на брак с бывшей госпожой или женой и дочерью патрона, карался в зависимости от ранга женщины ссылкой в рудники или принудительными работами (*Paul.*, *Sent.* II, 19,9).

⁴⁹ Имеется в виду закон Константина 336 г. (CJ, V, 27, 1), разрешающий сенатору вступать в брак с бедными и не очень знатными, за исключением ряда категорий, брак с которыми либо из-за их социального положения, либо из-за профессии был бы явным мезальянсом. В их число входили и рабыни, и отпущенницы, но не включались дочери колонов. Закон был повторен в 454 г. Валентинианом III и Марцианом — CJ, V, 5, 7 и *Nov. Marcian.* IV. Данные постановления имели прецедентом обращение к сенату Марка Аврелия, запретившего брак сенатора с отпущенницей, см. *Dig.* 23, 2, 16 Павел (ср. *Dig.* 23, 2, 23, Цельс; *Dig.* 23, 2, 27, Ульпиан; *Dig.* 23, 2, 42, 1, Модестин). Постановление Марка Аврелия в свою очередь основывалось на *lex Iulia de maritandis ordinibus* того же содержания; см. *Dig.* 23, 2, 44, Павел.

⁵⁰ См. *Jones A. H. M. The Later Roman Empire. V. 1. Oxf.*, 1964, p. 453; *Eibach. Op. cit.*, S. 174.

⁵¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 16, с. 375.

чески многие из них жили в условиях, не отличавшихся от условий жизни свободных. Однако такое их существование не было прочно гарантировано. С окончательным утверждением в начале IV в. права, основанного на волеизъявлении императоров, некоторую обеспеченность существования рабам удалось приобрести. Но уравнение со свободными в плане правовом достигалось ими только в обход существующих юридических норм. Наиболее простым в этом смысле путем был фактический брак со свободной женщиной, дети от которой приобретали свободу. Несмотря на ограниченность этой возможности, очевидно, что к ней стремились достаточно активно. Эволюция Клавдиева сенатусконсульта показывает, что потомки зажиточных рабов и рабов — управителей хозяйством, которые наиболее тесно соприкасались со свободными сельчанами и женились на их дочерях, выходили из рабства. В сельском хозяйстве так открывался один из путей замены рабского труда на труд свободных, зависимых и независимых.

Конституции, посвященные брачным отношениям колонов, в отличие от законодательства, касающегося рабов, появляются, как мы можем судить, относительно поздно, начиная с 60-х годов IV в. (CJ, X, 32, 29—365)⁵². Это не случайно. С этого же времени в законодательстве начинают усиленно рассматриваться вопросы, связанные с зависимостью ранее свободных сельских арендаторов — инквилинов, что, как нам кажется, было связано с политикой приписывания сельского плебса к имениям (*adscriptio* — см. CTh, XI, 1, 26—399), проводить которую начал Валентиниан I. Образцом для формирующегося положения зависимых инквилинов было положение местных, традиционно связанных с землей земледельцев — колонов (см. CJ, XI, 48, 13—400). «Брачное законодательство» применительно к инквилинам возникло вследствие их нежелания первое время мириться с устанавливаемым для них оседлым положением. Восстановление их на месте, к которому они были прикреплены, часто приводило к разрыву установившихся брачных связей и необходимости дележа потомства между владельцами имений, к которым были прикреплены родители. Регулирование таких вопросов показывает отношение государства к этим ранее независимым гражданам: соблюдение юридических норм, принятых для свободных, должно свидетельствовать о сохранении ими статуса свободного человека, нарушение — о сближении их с рабами. Долгое отсутствие потребности в таком регулировании для издавна традиционно связанных с именными колонов, возможно, показывает, что их переходы из имения в имение и уходы из родной деревни были редки.

Мы говорили, что конституция 365 г. Валентиниана и Валента, адресованная префекту претория Галлий Германиану (CJ, 3, 32, 29), связана с важной проблемой бегства декурионов: «Рожденные от брака между инквилиной нашего дома и декурионом наследуют положение не своего отца, но матери». Но это только одна сторона закона. Другая состоит в том, что законодатели утверждают зависимость инквилины от имения. Брак назван матримонием, т. е. юридическое равноправие сторон в нем налицо. Но тем не менее дети следуют за матерью. Это новшество: до сих пор материнский статус наследовался лишь в случае отсутствия юридически признанного отца (т. е. в случае, если брак не мог быть юридически признан). Очевидно, эта двойственность была следствием своеобразного положения инквилины, плохо соотносящегося с классическими нормами римского права: она свободна, но прикреплена к имению. Перед нами начало складывания особого сословного положения инквилинов и колонов и слияния их в одну категорию — адскриптициев, которое постепенно вызрело в V в.

⁵² То, что заинтересованность в семейных связях зависимого сельского населения существовала, показывает конституция Юлиана (CTh, III, 5, 8—363), предписывающая землевладельцам покровительствовать и материально поддерживать браки своих земледельцев с горожанками.

Законодательство, касающееся инквилинов, стимулировало и назревшее урегулирование брачных отношений колонов (как образца для инквилинов) с представителями других групп зависимых и рабами. Первым таким актом был § 1 упомянутой уже конституции 380 г. (CTh, X, 20, 10 = CJ, XI, 8, 7): «Если же какая-либо оригинария или колона чужого владения, с ведома господина или без его ведома, вступит в связь с монетарием, пусть заинтересованные лица поспешат поскорее удержать ее от этого уговора на основании *ius agrogum* и, если не сделают этого, пусть знают, что, способствуя своим молчанием и снисходительностью возможности продолжения (связи), ее потеряют»⁵³. Применение здесь Клавдиева сенатусконсульта показывает, что колона так же имеет статус свободной, как и женщина «выдающегося слоя». Отличие ее от других свободных женщин — только в прикреплении к месту жительства (*origo*, поэтому она — оригинария)⁵⁴, поэтому она может избежать применения сенатусконсульта в случае вмешательства господина, предъявлявшего на нее свое право⁵⁵. Применение Клавдиева сенатусконсульта в таком специфическом случае в качестве остраки для землевладельца, дабы он не допустил укрывательства у себя императорских монетариев, сохраняло актуальность и в эпоху Поздней империи. Поэтому, несмотря на отмену Клавдиева сенатусконсульта, конституция 380 г. вошла в Кодекс Юстиниана⁵⁶.

Тем не менее ясно, что формирующееся сословное деление становится важнее деления на свободных и рабов. В соответствии с действием Клавдиева сенатусконсульта свободные расслаиваются на четыре группы: свободные «выдающегося слоя» (*splendidioris gradus*), к которым его применение сохраняет актуальность; декурионы, связь которых со своим *ordo* имела большее значение, чем сенатусконсульт (CTh, XII, 1, 179—415); свободные, не отмеченные «достоинством», для которых сенатусконсульт перестал иметь практическое значение; свободные зависимого состояния, применительно к которым он стал орудием для изменения зависимости. Поэтому в случаях со свободнорожденными сенатусконсульт перестает упоминаться. А там, где речь идет о связи свободнорожденной с рабом из коллегии, на первое место выступает не его рабский статус, а принцип приращения к профессиональному кругу (см. CTh, X, 20, 3—355; X, 20, 5—374).

Это видно в аналогичной конституции 397 г. (CTh, XIV, 7, 1): «Пусть компетентные судьи приложат усилия для укрепления коллегий или (удержания) коллегиятов, и пусть приказывают, чтобы те, кто длительное время отсутствовал, возвращались в свои городские общины со всем своим (семейством), и пусть не имеет значения, что у них нет желания, чтобы их состояние было возвращено в место их происхождения. Относительно их родственных связей сохраняется такая форма, что там, где нет равного брака, наследуется материнское родство, где, однако, (брак) будет за-

⁵³ «Оригинария или колона» означает здесь «оригинария, т. е. колона»; такое разъяснение потребовалось потому, что термин «оригинарий», т. е. «местный, принадлежащий к данному имению», мог обозначать и раба (см. CTh, IV, 12, 3—320). Ср. Ранович А. Б. Колонат в римском законодательстве II—V веков.— ВДИ, 1951, № 1, с. 93; Eibach. Op. cit., S. 58.

⁵⁴ См. Saumagne Ch. Du role del'«origo» et du «census» dans la formation de colonat romain.— Byzantion, 1937, 12, p. 512; *ius agrorum*=*ius originarium*.

⁵⁵ В IV в. колонам еще не запрещались браки за пределами своего сословия, как считает Г. Альфельди, ссылаясь на эту конституцию (Alföldy G. Römische Socialgeschichte. Wiesbaden, 1975, S. 186). Такие браки, как показывает последующее законодательство, не запрещались и в V в., но постепенное ограничение личнопроводной свободы колона ставило им все больше препятствий. Окончательное оформление сословного статуса колона следует отнести ко времени Юстиниана. В его правление и был установлен запрет колонам вступать в брак за пределами имения (Nov. Just. 157).

⁵⁶ Это показывает, что Д. Айбах (op. cit., S. 53) неправ, считая, что Клавдиев сенатусконсульт формально к колонне не относился, а она была здесь использована в качестве юридического образца, в связи со своим специфическим статусом, чтобы отменить применение сенатусконсульта к свободной женщине. Он не учитывает эволюции, которую проделал сенатусконсульт ко второй половине IV в.

конным, пусть свободнорожденная признает отцовское наследование. Интерпретация: если случится, что коллегияты уйдут из своих городских общин, пусть возвращаются вместе со своим состоянием к своим обязанностям в пользу города или в место, откуда бежали; для их детей сохраняется такое положение, что если они рождены от колоны или рабыни, то наследуют материнское родство, если же от свободнорожденной и коллегията, то следуют за коллегиятом».

Здесь, очевидно, коллегияты — свободные люди, зависимые от коллегии. Их браки со свободнорожденными «законные». Возвращение их в коллегия не ставило никаких препятствий сохранению брака⁵⁷. Для колоны же и рабыни буквальное следование праву зависимости неизбежно вело к разрыву брака. Поэтому для них «нет равного брака». Привычные нормы вступили в противоречие с новыми социальными условиями и не были еще откорректированы. Сопоставление колоны и рабыни не означает здесь их правового равенства, их брак со свободным коллегиятом обозначен не как незаконный, а как отсутствие равного. Для рабыни то и другое тождественно. Для колоны это «неравенство» означает, что она и ее партнер были свободными разного права. Поэтому ее уподобление рабыне означает лишь то, что они обе связаны с именем⁵⁸. А как пишет Д. Айбах, «из равных обязанностей по отношению к господину нельзя выводить одинаковый статус подчиненных ему лиц»⁵⁹. Тем не менее неясность юридических норм, применяемых к колонам, и фактическое сходство их положения с рабским способствовали формированию негативного отношения к ним.

Дети при браке коллегията с независимой женщиной следуют за отцом. В конституции аргументом в пользу этого служит ссылка на «законность» брака, а в интерпретации этим пренебрегают, на первом месте оказывается зависимость от коллегии. Гораздо сложнее положение при браке с чужой колоной или рабыней. Партнеры по браку оба зависимы, но предпочтение, оказываемое зависимости колоны перед зависимостью коллегията, обусловлено, видимо, той причиной, что белым является коллегият, и возможностью подыскать правовые прецеденты (CJ, X, 32, 29—365; XI, 68, 4—376). Однако это не было удовлетворительным решением вопроса. Прежние юридические воззрения на брак, основывающиеся на том, что колоны были полноправными римскими гражданами, не были преодолены. Хотя брак коллегията с колоной как зависимого с зависимой был «неравным», тем не менее как брак свободного со свободной он не мог не быть законным. Последнее давало основания коллегиям в равной степени с господином колоны претендовать на потомство от такого брака. Поэтому уже тремя годами позже в конституции 400 г. (CTh, XII, 19, 1), посвященной тем же коллегиятам, мы находим компромиссное решение этого вопроса: «В отношении их детей, которые, как будет выяснено, у них родились в ближайшие 40 лет, сохраняется такая форма, чтобы между гражданской общиной и теми, с чьими инквилинами, или колонами, или рабынями вступили в связь, эти дети были поделены так, чтобы посланное в последнюю степень (родства) наследство не страшилось никакой клеветы». Д. Айбах полагает, что детей здесь делят просто по количеству, как рабочую силу, поровну городу и землевладельцу. Поэтому он удивляется наличию в законодательстве о рабах уже в начале IV в. запрещения насильственного разделения семьи (CTh, II, 25, 1—325) и отсутствию его

⁵⁷ Отличие личноправового статуса этих коллегиятов от статуса коллегиятов-рабов (CTh, X, 20, 3; 5) обусловило разный статус их жен. Жены рабов по Клавдиеву сенатусконсульту становились рабынями, жены свободных сохраняли свой статус. Однако и те, и другие, если желали сохранить брак, в равной степени оказывались в зависимости от коллегии. Фактически это обесценивало применение Клавдиева сенатусконсульта для жен рабов-коллегиятов и отодвигало их рабский статус на задний план по сравнению со связью с коллегией.

⁵⁸ Ср. также CJ, VI, 4, 2—367; XI, 68, 4—376.

⁵⁹ Eibach. Op. cit., S. 157, Anm. 387.

применительно к колонам даже в конце IV в. Первое, по его мнению, поэтому маловероятно⁶⁰. Однако заключительные слова конституции при всей их неконкретности показывают, что раздел детей осуществлялся не по количеству, а, очевидно, так чтобы, если партнершами коллегиятов были свободные — инквилины и колоны, не нарушить прав их потомства. Поэтому нет причины подвергать сомнению аутентичность конституции Константина 325 г. Отсутствие применительно к колонам подобного специального закона говорит о том, что их брак и семья и без того, как и у прочих свободных, охранялись правом. Насильственное расторжение их браков предполагалось лишь тогда, когда они возникали в обход каких-либо юридических норм. Само законодательство в отношении колонов возникло вследствие появления новых норм, с которыми еще не успело согласоваться традиционное «брачное» право, рассчитанное на свободных и независимых и применявшееся к колонам. Этим и обусловлена неконкретность выражений конституции. Она, очевидно, вызвана отсутствием принятых в законодательном порядке соответствующих норм и подразумевает частный договор между коллегией и землевладельцем, чтобы соблюсти права коллегията, колоны и их детей.

Еще одна конституция — 400 г. (CJ, XI, 48, 13) — показывает, насколько законодатели были щепетильны в соблюдении прав колонов: «Мы устанавливаем, чтобы среди инквилинов и колонов, поскольку у них хотя и есть различие в имени, но, что касается востребования к месту происхождения, почти одно и то же положение, хотя бы и оба родителя были вписаны в ценз, или ни один из них не вписан, рожденные дети сообразовывались с отцовским статусом и положением. § 1. Это также должно сохраняться и на тот случай, когда господин двух имений переведет колонов из владения, полного земледельцами, в то поселение, (земли) которого обработаны недостаточно, и эти имения по какой-либо причине перейдут в право разных господ; сделанный перевод сохраняется, но так, чтобы в имении того господина, которым колоны были переведены, были восстановлены родственные связи переведенных». Следование отцовскому статусу и забота в § 1 о восстановлении родственных связей, случайно (в отличие от CTh, II, 25, 1) нарушенных, — явное доказательство полнoprавности брака колонов.

Но это не всегда соответствовало интересам землевладельцев, т. е., как и в случае с коллегиятами, вступало в конфликт с «оригинарным правом». В случае брака колонов разных хозяев один из них был в выигрыше (ему должно было доставаться потомство), а другой поэтому терпел убыток. Первую попытку примирения этого противоречия мы находим в конституции 419 г. Гонория и Феодосия, адресованной префекту претория Палладию (CTh, V, 18, 1). Она посвящена 20—30-летнему сроку давности проживания колонов и инквилинов в имении. Впервые срок давности для них был установлен в 400 г. (CTh, XII, 19, 2 = CJ, XI, 66, 6; CTh, XII, 19, 1), очевидно, в связи с тем, что правительство отчаялось вернуть всех перешедших из имения в имение в 60-х годов IV в. После этого прецедента срок давности оказался удобным принципом для регулирования отношений между владельцами имений по поводу колонов, и в V в. он становится независимым от первоначальной причины своего появления. Конституция 419 г. является первой попыткой его использования в таком смысле.

В ней разбираются вопросы возвращения прежнему господину колона (колоны) с его (ее) потомством от брака с колоном того имения, куда он или она пытались переселиться. Когда дело касается мужчины-колона, его дети, само собой разумеется, следуют за отцом и, даже если он умрет, возвращаются прежнему его господину. Авторы конституции не имели в виду разрывать брак и указывали, что колон возвращается «с домашними» (*cum origine*), но в интерпретации говорится лишь о детях, но не о жене,

⁶⁰ Ibid., S. 61—62.

что можно принять за разрыв брака. Иное решение в отношении женщин-колон: «...их положение сохраняется, если господин не отказывается от замены их вместе с третьей частью потомства, которое прижито от чужого колона, так что вместо детей передаются другие». Хотя последнее устанавливается не императивно, фактически все и здесь говорит в пользу стремления авторов конституции соблюсти права колонов. Очевидно, восстановление семьи колонов при грозящем разрыве было само собой разумеющимся обычаем, основанным на существовании прежнего права. Авторы интерпретации решили исключить возможность иного понимания и выразиться более четко: «...если она была найдена в течение этих 20 лет и родила детей от чужого колона, она должна быть возвращена вместе с третьей частью своего потомства, тогда как две трети потомства следуют колону. Но чтобы не происходило разделения супругов, мы предписываем владельцу колона предоставить господину женщины в качестве замены викарию и компенсацию за третью часть потомства». Однако стремление древних юристов к четкости в одном обернулось неясностью для современных исследователей в другом: у них сложилось впечатление, что конституция подразумевает раздел потомства, который П. Коллинэ назвал «варварской мерой»⁶¹. Очевидно, что такой раздел не имелся в виду ни в конституции, ни в интерпретации; говоря о предоставлении викаррии и компенсации, законодатели стремились разрешить противоречивую задачу: сохранить свободный личноправовой статус колонов и соблюсти интересы их владельцев. То, что за колоном оставалось $\frac{2}{3}$, а за женщиной $\frac{1}{3}$, показывает, что номинально традиционный правовой статус имел больший вес, чем интересы хозяев.

В случае брака колоны со свободнорожденным ее связь с имением вступала в силу, если по этому поводу не было специального соглашения с землевладельцем: «Если же подобный брак делает ее связанной не с другим имением, но с каким-либо свободным и независимым человеком в городе или каком-нибудь месте и если только в течение определенного времени она будет востребована назад, все потомство ее на основании прежнего постановления следует возвратить. Однако, если кем-либо сообщается, что было соглашение с соблюдением правовых норм, то мы полагаем, что они, начав тяжбу приглашением свидетелей, сохраняют (брак) невредимым». Последнее не удовлетворяло землевладельцев и нарушало *ius agrogum*, поэтому авторы интерпретации опускают эту часть конституции: «Однако, если женщина, принадлежащая другому лицу, выйдет замуж за свободнорожденного человека, все потомство женщины принадлежит ее господину». То, что под *eius dominium* следует понимать «власть господина женщины», видно из сохранившейся этой части конституции в Кодексе Юстиниана (XI, 48, 16): «Если женщина, о которой известно, что она была оригинария, какому-либо свободному человеку, домогаясь, навяжет брачную связь в городе или каком-нибудь ином месте, все ее потомство на основании старого постановления следует возвратить». Формально и в таком случае брак насильственно не расторгался; как и в случае брака коллегиата с независимой женщиной (CTh, XIV, 7, 1—397), сохранение семьи отдавалось на усмотрение того ее члена, который был *sui iuris*. Если он переходил вслед за женой и детьми на жительство в имение, что землевладельцами, безусловно, приветствовалось, брак сохранялся. Но, как видим, какого-либо правового решения этого вопроса путем установления позитивной юридической нормы не было принято и здесь. Поэтому авторы интерпретации добавляют: «То, что относительно родственных связей колоны недостаточно ясно, встречается в законах новелл»⁶².

⁶¹ Collinet P. La politique de Justinian à l'égard des colons.— Atti del V. Congresso internazionale studi bizantini. V. I. Storia — Filologia — Diritto, 1939, p. 606; ср. Seyfarth. Sociale Fragen..., S. 141, Anm. 2; Eibach. Op. cit., S. 209 f.

⁶² Quod his minus est de colonaе agnatione, in novellis legibus invenitur. По-инному: Eibach. Op. cit., S. 64.

В 451 г. Валентиниан III подвел некоторый итог регулированию отношений между землевладельцами по поводу колонов и отношений между землевладельцами и инквилинами-адвенами⁶³, издав конституцию «О беглых колонах и об адвенах» (Nov. Val. XXXI). В отношении колонов и этот закон не отступает от принципов, нашедших выражение в конституции Гонория и Феодосия⁶⁴: «... если колона, в возвращении которой по истечении 20-летнего периода истцу отказывается, произведет до указанного времени какое-либо потомство, для прежнего господина оно не должно оказаться совершенно без пользы: будет справедливо ему вернуть потомство, рожденное в это время... В этом случае приказываем оканчивать дело дачей компенсации из викариев, чтобы дети от родителей не отделялись, поскольку это нечестиво. Также желательно, чтобы сторона, которой принадлежит муж, за его жену вернула викарию соответствующей цены, поскольку дурно, чтобы разрывом (их семьи) поощрялось упрямство господ, потому что брачное отношение должно сохраняться непорочно и невреждимо и у этого рода людей...». Вопрос о браке со свободнорожденными приобретает в этой конституции новое значение. С превращением срока давности в орудие прикрепления арендаторов брак последних с зависимыми от имения стал служить средством их удержания. В некотором роде он оказывался для них роковым: сохраняя свой статус свободнорожденных (*ingenuitas*), они утрачивали право уходить, очевидно, по истечении 20—30 лет. Сохранение статуса, утратившего реальное значение, выглядит здесь приманкой, которая должна была побудить арендатора не переселяться. Для землевладельца статус земледельца не имел практического значения, важнее была его зависимость от имения, которая и достигалась здесь. Дети пришлых свободнорожденных женщин в зависимости от статуса их зависимых мужей становятся либо колонами, либо рабами. В случае, когда муж — колон, ребенок тоже, естественно, колон, и это еще раз подтверждает законность брака колона со свободнорожденной⁶⁵. М. Паллас, хотя и отмечал, что брак с колоном не контуберний, как брак с рабом, все же считал, что законным он быть не мог. Помеху его законному характеру исследователь видел, с одной стороны, в связи колона с имением, а с другой — в том, что свободная должна была потерять свободу передвижения⁶⁶. Зависимость супруга, как мы видели, не отменяла его свободного статуса. Поэтому законность брака не отменялась, но изменяла свой характер, как изменяет свой характер в эпоху поздней античности само понятие «свобода». При сожителстве свободнорожденной с рабом статус детей определялся наличием или отсутствием предупреждения, предусматривавшегося Клавдиевым сенатусконсультом (см. CTh, IV, 12, 2; 4; 5; 7): «Дети, если не предшествовало предупреждение, остаются в праве и власти тех, у кого (в имении) были рождены, в качестве колонов, но рожденные после предупреждения, на основании прежнего императорского постановления, полагаем, что будут рабами, чтобы одних, подобно тому как здесь сказано, удерживала в зависимости колонатная связь, а других — рабское положение». Ясно, что предупреждение не имело целью воспрепятствовать таким бракам, как считает Д. Айбах⁶⁷, а делалось лишь с целью соблюсти форму сенатусконсульта. Прак-

⁶³ August. Enarr. in Psalmos 119: «те, кто по-гречески «паройки», одними из наших называются «инквилины», другими «инколы», а также «адвены».

⁶⁴ В этой части конституция 419 г. становится образцом, на который ориентировались; см. Nov. Val. XXXV, 18—452.

⁶⁵ Д. Айбах, основываясь не на тексте закона, а на интерпретации, где упоминание о рабе опущено и упомянут только колон, считает, что ребенок от связи свободной и колона становится не колоном, а рабом (op. cit., S. 174, Anm. 414). Это приводит исследователя к выводу, что Клавдиев сенатусконсульт, модифицированный Константином (CTh, IV, 12, 3—320), якобы уже длительное время практиковался в частноправовой области применительно не только к рабам, но и к зависимым (S. 173 f.).

⁶⁶ Pallasse. Op. cit., p. 77.

⁶⁷ Eibach. Op. cit., S. 73.

тического значения это уже не имело, так как в любом случае дети оставались зависимыми от имения земледельцами. Отмена Юстинианом сенатусконсульта лишь юридически оформила победу тенденции к превращению таких земледельцев в колонов, а не рабов.

В 458 г. седьмая новелла Майориана рассматривала проблему смешанных браков в связи с «вечной» для поздней античности проблемой бегства куриалов: «...где бы в течение 30 лет со времени бегства куриалы ни были обнаружены, схваченные прокураторами или кондукторами имений и с согласия господ, они возвращаются вместе с женами в города, которые покинули: (впрочем) не следует, чтобы это доставляло неприятность господам полей, в случае нужды пусть они подвергнутся более жестокому наказанию; пусть оставят женщин, с которыми были связаны недостойной связью. Относительно этого постановления мы не делаем исключения и для дома нашей светлости. Полагаем, что их потомство будет разделено так, что сколько бы ни было детей мужского пола, они следуют за отцом, женского же — должны оставаться у господина имения; сохраняется такое различие, чтобы сыновья, если они были рождены от колон, зачислялись в курии, если же происходили от рабынь, принимались в коллегии, дабы не бесчестили благородного сословия ничтожностью материнской крови». Последнее ясно показывает противоположность статусов колонов и рабов: дети первых становились декурионами. Таким образом, принципиального различия между «свободой» декурионов и «свободой» колонов не было: сыновья колон в отличие от детей рабынь непозорят *ordo* города. «Свобода» и тех, и других была сколком со свободного личнопрового статуса римского гражданина предшествующей эпохи.

Очевидно, куриалам не хватало людей для несения тягот их сословия, поэтому в новелле налицо отход от принципа, лежавшего в основе более ранних конституций (CJ, X, 32, 29—365; XI, 68, 4—376; CTh, XIV, 7, 1—397), согласно которому дети оставались в имении, т. е. следовали за матерью. На то, что брак декурионов с колонами не разрывался, императоры глядят как на обычную, естественную норму, тогда как возврат женщины землевладельцу (и связанное с этим разделение потомства) рассматривается как наказание. Неясно, что означает здесь «доставлять неприятность господам полей». Может быть, под этим имеется в виду, что у них отбирают рабынь, их собственность. Тогда расторжению подвергался только брак декуриона с рабыней. Однако текст не позволяет здесь разделить рабыню и колону. Поэтому на практике его вполне могли трактовать в смысле расторжения брака с колоной. В этом опять проявлялась трудность совместить разные принципы: свободу и зависимость. Полное удовлетворение одной стороны приводило к нарушению прав другой. В отношении рабов все было гораздо яснее: для них несвобода и зависимость совпадали. Накапливание юридических неясностей приводило к понижению социальной значимости статуса колона.

Сохранение брака с колонами в качестве правила особенно ясно выступает при возврате беглой дочери куриала: «...если кто-либо своего актора или прокуратора свяжет с дочерью куриала или по крайней мере позволит такую связь и в течение предписанного срока не возвратит ее в родной город, то она призывается для восстановления в курии, — приказываем, чтобы, даже не будучи принята родителями, она, поскольку ее потомство должно пополнить сословие, наследовала наравне с прочими детьми, а тот, кто ошибочно и необдуманно, вопреки запрещению со стороны закона, присвоит себе почетное положение ее мужа, то, если это будет оригинарий, он, несмотря ни на что, включается в коллегию, если же раб, то подвергается рабскому наказанию». Включение оригинария вопреки «*ius agrogium*» в коллегию города, где его жена и дети причислялись к сословию декурионов, означало не только сохранение его брака, но и существенное улучшение положения.

Что жизнь коллегатов была легче жизни колонов, видно из новеллы

Севера 465 г.: «Поскольку через выдающегося мужа Авзония к нам поступила жалоба от всех провинциалов на то, что ...леты и ...другие, связанные обязанностями по отношению к городским коллегиям, без ведома господ вступили в связь с колонами или рабынями, а теперь пытаются освободить рожденных детей от уз подчинения⁶⁸ под предлогом того, что они принадлежат к городским корпорациям, пусть твое высочество узнает, что мы предписали в вечном законе: если который или которая из городских корпоратов где-либо или из корпоратов города Рима решит связать себя с рабами или колонами, потомство их принадлежит тем господам, чьим, как будет установлено, был колон или инквилин: исключая тех, кто, как будет признано, вступил в связь до этого закона». В постановлении Севера явно прослеживается цель разграничить представителей разных социальных кругов, которая впоследствии найдет еще более полное выражение в законе Юстиниана, запрещающем колонам брак за пределами своего имения (*Nov. Just.* 157). Последовательно проводя эту линию, Север, как отметил Д. Айбах⁶⁹, отходит от принципа конституции 400 г. (*СTh*, XII, 19, 1), которая, будучи реакцией на обоснованные требования коллегии, не приобрела тем не менее принципиального значения. Напротив, в законодательстве, несмотря на редкие отступления, настойчиво проводится принцип сохранения потомства за именем. Это не означает, однако, что семья разрывалась; предшествующие конституции показали, что суть таких законов состояла в определении того, кто будет давать компенсацию. В новелле же Севера, очевидно, имелись в виду такие условия, когда брак был возможен при сохранении коллегиятом и колоной своего положения. Поэтому в ней нет речи о разделении супругов, а только о будущей судьбе детей. В целом же в законодательстве, очевидно, к середине V в. достаточно устоялись нормы, регулирующие права землевладельцев на колонов при смешанных браках: там, где сталкивались равные интересы (например, двух землевладельцев, землевладельца и городской коллегии), законодатели пытаются удовлетворить обе стороны, а там, где один интерес превалировал (например, брак с императорскими колонами, с декурионом, с членом императорской коллегии), законодатели исходили из него.

То же мы наблюдаем и в последней конституции V в., посвященной разбираемому вопросу, принадлежащей Зенону (*СJ*, XI, 69, 1): «Если свободный колон или колона сочетаются браком с фискальной колоной или фискальным колоном, сыновья или дочери, происходящие от такого рода связи, присоединяются к императорским колонам. Если же адскрипций или чужой раб возьмет в жены императорскую колону или рабыню, либо адскрипция или рабыня вступит в брак с императорским колоном или рабом, и от таких связей будут рождены дети, устанавливаем, чтобы они получили статус согласно старому закону». Последнее указывает, что колоны, которые обозначаются здесь новым термином «адскрипции», являются теми же самими, что и обозначавшиеся прежде как «оригинарии». Новые по сравнению с ними «свободные колоны», для которых и издана эта конституция, появляются с тех пор, как по отношению к арендаторам устоялся принцип 30-летнего срока давности. Несколько нестандартно употребление здесь брачной терминологии: брак свободных колонов с императорскими определяется как *матримоний*, но когда император высказывает свое отношение к нему, то называет его *контубернием*, что, конечно, так же не является

⁶⁸ *iugum servitutis*. Ср. *СTh*, X, 10, 25—405, где говорится о намерении некоторых лиц подчинить беженцев (*iugum servitutis imponere*). В *СTh*, IV, 12, 6—366 *iugo servitutis* имеет буквальный смысл «игу рабства». Это распространение на колонов рабской терминологии, видимо, было следствием попыток правового осознания сущности статуса колона, которая во второй половине IV в. за неимением других образцов выражалась в терминах, основанных на противопоставлении свободных и рабов: *СJ*, XI, 53, 1—371: *inserviunt terrae*; *СJ*, XI, 52, 1—393: *servi terrae*.

⁶⁹ *Eibach*. *Op. cit.*, S. 68.

юридическим определением, как и *iugum servitutis* не определяет статус колонов в новелле Севера.

В плане нашего исследования сближение рабства и колоната можно проследить прежде всего в двух пунктах: в словоупотреблении «раб» и «колон» рядом друг с другом и в сходном фактическом положении многих рабов и колонов — оба они взаимосвязаны. Это сближение явилось результатом пересечения путей ранее, видимо, раздельно развивавшихся институтов. Способ хозяйствования в земледелии, основанный на сочетании крупной земельной собственности и мелкого земледельческого хозяйства, был наиболее целесообразен в условиях Поздней Римской империи. Однако, и нивелированные фактически, юридически рабы и колоны не отождествлялись. В этом в условиях Поздней империи проявлялось влияние тех «разнообразных эмпирических обстоятельств», под влиянием которых, по словам К. Маркса, «...один и тот же экономический базис... может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации...»⁷⁰.

Применительно к нашему вопросу в числе этих обстоятельств особо следует отметить характер развития самого римского права в IV—V вв. На рубеже III—IV вв. происходит окончательная победа права императоров над традиционными видами права, которые уступали ему постепенно. То, что императорское право оказалось более перспективным, во многом было обусловлено большей его свободой от давления традиционных установок как во взгляде на практику, так и в форме ее отражения. Конечно, императорское право восприняло от классического те выработанные им принципы и нормы, которые совпадали с современной действительностью. В этом смысле традиция, шедшая от *ius gentium*, была воспринята гораздо полнее, чем та, что вела начало от *ius civile*. Заботой императоров было лишь дальнейшее совмещение принципа противопоставления рабства и свободы с фактической нивелированностью многих рабов и свободных, особенно на селе.

Иное дело в отношении колонов. Регулирование их отношений с господином даже в III в. (см. *Dig.* 19, 2, 14) имело основой правовые нормы, зародившиеся в *ius civile*. Поскольку в *civitas* в области частного права все граждане были равны, то отношения землевладельца и земледельца на его земле были договорными отношениями равноправных сторон. С распространением римского права на провинции юристы по традиции распространили этот способ регулирования на отношения, которые договорными назвать было нельзя и которые, очевидно, часто выходили далеко за рамки договора. Поэтому императорское право в этой области должно было начинать практически с нуля⁷¹. По этой причине появление первых императорских конституций, фиксирующих не равноправное, а зависимое положение колонов (*CJ.* XI, 68, 2—319; *CTh.* V, 17, 1—332), прозвучало резким диссонансом со всем предшествующим законодательством. Дальнейшее «вызревание» сословного статуса колонов особенно отразилось в рассмотренном «брачном законодательстве». Хотя юридически ограничение свободы колона состояло лишь в потере им права свободного ухода из имения⁷², длительное отсутствие четких представлений о юридических нормах, определявших место колона в социальной структуре, способствовало формированию представления о крайне малом его социальном весе.

Сблизившись с рабами во многих отношениях настолько, что Юстиниан в VI в. задался вопросом об отличии раба и колона (*CJ.* XI, 48, 21), колоны тем не менее имели иную сословную принадлежность. Статус колонов, несмотря на его малую престижность, был статусом свободных. Поэтому к нему стремились те, кто его не имел. Следствием этого и явилась обнаруженная нами тенденция к переходу из

⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 354.

⁷¹ Ср. Ростовцев М. И. Колонат. — В кн.: Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 1925, с. 429 сл.

⁷² Мы не касаемся здесь не относящейся к нашей теме трактовки имущества колонов как *пекулия*.

рабов в колонны ⁷³. Поощрение этой тенденции со стороны господствующего класса стало возможным лишь с юридическим прикреплением колонов к имению. Равная зависимость колонов и рабов от землевладельца сделала для него второстепенным их юридический статус. Поэтому в законодательстве мы наблюдаем «отмирание» норм, основанных на делении на рабов и свободных (Клавдиев сенатусконсульт), и укрепление норм, основанных на делении на зависимых и независимых. §

ROMAN LEGISLATION ON MARRIAGES OF SLAVES AND COLONI IN THE FOURTH AND FIFTH CENTURIES

A. V. Koptev

The aim of this article, which is based on a study of all the laws in the codes of Theodosius and Justinian concerning the marriage relations of slaves and coloni, is to determine the difference in status of these categories in the 4th and 5th centuries. In this period slaves were widely used in agriculture, cultivating plots of land that had been allotted to them. This led to the establishment and multiplication from generation to generation of individual slave families on the land. However, despite protection accorded by the State to this practice, kinship relations of these slaves had no legal force and marriages between free and slave were not recognised by law. Nevertheless the increase of such mixed families inspired the persons involved to look for ways of getting round the laws that hampered them. The legislators tried hard to neutralise the Claudian *senatus consultum*, but stopped short of overruling the norms which had taken root as a result of the resistance of the freemen and slaves.

The legislation on coloni was of a quite different character. Since they were tied to the land they lived on, they retained their personal legal status was preserved. From the standpoint of the legislators it was a matter of course that the marriages of coloni were as legally valid as were the marriages of other freemen. Their family ties were disrupted only when they were cancelled because of a violation of other legal norms determining the status of marriage partners. If there were no such violations the law strictly observed the marriage rights of coloni and challenged the right of landowners who tried to put marriages of coloni on the same level as marriages of slaves. The purpose of the legislation on coloni was to relate their new, dependent status to those of the old social categories without violating the basic principles of existing social norms.

⁷³ Эту тенденцию следует отличать от распространившейся гораздо раньше тенденции перевода сельских рабов на положение квазиколонов. В этом случае мы имеем дело со сферой социально-экономических (классовых) отношений, тогда как в нашем случае речь идет о сфере сословных отношений.

Б. А. Литвинский, Ю. Г. Виноградов,
И. Р. Пичикян

ВОТИВ АТРОСОКА ИЗ ХРАМА ОКСА В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ *

I

Миниатюрная модель каменного постамента с поставленной на него бронзовой фигуркой Силена Марсия, играющего на двустольной флейте, должна, безусловно, считаться наиболее важной для атрибуции храма находкой среди более 5 тыс. votивных предметов, открытых на Тахти-Сангине (рис. 1)¹. На базе с лицевой стороны вырезана греческая надпись, свидетельствующая о том, что храм был, по всей видимости, посвящен Оксу² — богу реки, на правом берегу которой он и был построен (рис. 2). Как уже упоминалось в отдельных публикациях³ произведений искусства из Тахти-Сангина, крепость с храмом и дворцовым комплексом расположена в самом верховье реки, там, где Вахш, сливаясь с Пянджем, образует Амударью (Кабодиенский район Таджикистана).

Силен Марсий стоит во весь рост на маленьком бронзовом подножии, отлитом вместе с фигуркой (рис. 3, а, б). Оно вмонтировано заливкой свинцом в верхнюю поверхность постамента при помощи выбитого небольшого (17 × 15 мм) прямоугольного паза глубиной 7—8 мм⁴. В худеньких согнутых

* Первая часть настоящей статьи написана И. Р. Пичикяном, вторая — Ю. Г. Виноградовым, третья — Б. А. Литвинским.

¹ Разведочные работы на городище проводились Б. П. Денике в 1928 г., А. М. Мандельштамом в 1956 г. С 1976 г. планомерные раскопки ведутся Тахтикубадским отрядом (руководитель И. Р. Пичикян) Южнотаджикской археологической экспедиции (начальник Б. А. Литвинский). Культовый заклад № 4, в котором был найден votив Атросока, не был сброшен в яму, а лежал на полу, занимая по всей площади два последних погонных метра в самом дальнем конце в северной части коридора № 2. Заклад содержал посвященные предметы V—II вв. до н. э.: ножны ахеменидского акинака, глиняную и ганчевую скульптуру IV—III вв. Votив Атросока — самая поздняя по дате находка — датирует самый ранний по времени и уровню залегания (0,05—0,1 м над материком) культовый заклад № 4, лежащий на первом полу храма (точнее на верхней прослойке самых нижних полов).

² Votив Атросока был открыт в том же культовом закладе обводного коридора № 2 рядом с ножнами акинака V в. до н. э., см. публикацию: Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Ножны акинака из Бактрии. — ВДИ, 1981, № 3, с. 87 сл.

³ Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Кушанские Эроты. — ВДИ, 1979, № 2, 89 сл.; они же. Новые открытия в Южном Таджикистане. — Вестник АН СССР, 1980, № 7, с. 124 сл.; *idem*. The Temple of the Oxus. — JRAS, 1981, № 2, p. 133—167; *idem*, Découvertes dans un sanctuaire du dieu Oxus de la Bactriane septentrionale. — RA, 1981, № 2, p. 195—216; *idem*. Monuments of Art from the Sanctuary of Oxus (North Bactria). — In: From Hecataeus to Al-Huwarizmi. Collection of the Sources for the History of Pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1984, p. 25—83.

⁴ При реставрации фигурка Силена была изъята из постамента и очищена от коррозии зав. лабораторией металла ВНИИР М. С. Шемаханской, которой авторы признательны за постоянные консультации и помощь.

руках Силен держит диавлос — двустольную флейту. Голова его слегка склонена к правому плечу. Большой лысый череп обрамляют длинные волосы. Прическа непосредственно переходит в короткую широкую бороду, моделированную, как и растительность на голове, обобщенно, глубокими короткими насечками. На лбу две морщины: одна глубокая вертикальная, другая короткая горизонтальная — они придают лицу напряженное выражение. Маленькие глаза посажены глубоко. Широкий нос и покрытые густой растительностью щеки раздуты. Громадная голова с заостренными козлиными ушами, широким носом и переломанной переносицей, подчеркнута уродливая пузатая фигура — характерны для облика Силен. Ноги изображены фронтально, несколько геометрично и обобщенно. Левая нога слегка выдвинута вперед. Пальцы рук и ног даны без детализации, свойственной классическому времени. Если рассматривать фигурку в профиль, выпяченный живот и крупная голова сильно выделяются. Плечи непропорционально заужены и лишь слегка выступают за линию головы. Глубокой пробойной от подбородка до пупка отделены друг от друга отвислые груди. Пупок выбит круглым пуансоном. Иконография Силен Марсия в нашем памятнике не лишена гротескной карикатурности. Образ Марсия восходит к излюбленным в позднеклассическое время портретно-карикатурным изображениям Сократа.

Постамент под Силеном Марсием из Тахти-Сангина представляет собой базу типа миниатюрного алтаря (рис. 3, а). Центральный суженный верху куб вверху и внизу обрамлен выступающими прямыми и косыми полочками. Лицевая часть алтаря зашлифована, остальные обработаны менее тщательно. Детали профилировки также не очень симметричны, не всюду соблюдена толщина. В целом следует отметить нарушение строгости пропорций и геометризации форм⁵.

Как показали раскопки, прямо у входа, в преддверии (пронаос или айван) храма Окса стоял монументальный алтарь, имевший ту же форму и профилировку и те же, но более строго выдержанные пропорции. Скорее всего алтарь-постамент Атросока был сделан как уменьшенная копия с монументального алтаря храма. Случайное совпадение, на наш взгляд, совершенно исключено. Монументальный алтарь был поставлен на материки, т. е. в самом начале функционирования храма, в конце IV—III в. до н. э. Форма подобных алтарей, возникших в Греции и Малой Азии во времена раннего эллинизма, была широко распространена и на периферии античного мира, в частности в Причерноморье. Эта форма сначала сосуществует с приземистыми и вытянутыми параллелограммными формами, а затем их сменяет⁶.

Первоначальная наша атрибуция фигурки, стоящей на постаменте, как Силен Марсия подтверждается изучением семантики этого божества и исконной его связи с водной стихией. Силен Марсий занимал во фригийской, а затем и в олимпийской легендарной иерархии не очень высокое место, по происхождению он — малоазийское божество одного из золотоносных притоков самой известной в Малой Азии реки Меандра (речного бога, отца Марсия). Прославлен Марсий и игрой на флейтах (Diod., III, 58).

Поскольку доныне ни в отечественной, ни в зарубежной литературе нет сколько-нибудь полных данных по интересующей нас теме, попытаем-

⁵ Постамент выбит из мелкозернистого белого мраморовидного известняка. Высота постаumenta 90, размеры поверхности 57 × 72, нижней — 60 × 67, высота нижней и верхней профилированных частей — 24, центрального куба — 40 мм. Высота бронзовой фигурки Силен 68 мм.

⁶ Наиболее полная типология греческих алтарей дана: *Yavis G. Greek Altars. Origin and Typology. St. Louis, 1949.* См. также: *Пичижан И. Р. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984, с. 198—206; Jacob-Felsch M. Die Entwicklung griechischer Statuenbasen und die Aufstellung der Statuen. Waldassen, 1969.*

ся на основе литературных и изобразительных источников воссоздать картину развития мифов о Силене Марсии как о божестве реки.

Греки, как это справедливо указано О. Йессеном, разносторонне преобразовали, обогатили и расширили фригийские сказания о Марсии⁷, придав речному божеству облик Силен (Herod., VII, 26; Paus., I, 23, 5; I, 24, 1; II, 7, 9; X, 30, 9), непревзойденного мастера и учителя-флейтиста (Plat., Symp. 215 a — e; Ovid., ex Pont. III, 40). У фригийских племен это речное божество было связано с культом Кибелы. После эолийской и ионийской колонизации Малой Азии (XI—X вв.) мифы о Марсии и Меандре, связанные с бурными потоками рек и растущим у их берегов тростником, обогащаются настолько, что первоначальная сущность Марсия затмевается анекдотичными и беллетризованными трактовками.

Ручьи и реки, посвященные Марсию, известны в различных местах Малой Азии (в Лидии — FGH, 4, 629, в Кари — Herod., V, 118) и в других областях: в Сирии (Plin., NH, V, 8; Polyb., V, 45, 8—10), в Коммагене (Plin., NH, V, 86), в Ваврии (Herod., V, 118). Геродот (V, 118), рассказывая о карийском сопротивлении персам, говорит, что карийцы стали собираться у «Белых столбов» на реке Марсии, текущем из области Идриды и впадающем в Меандр. В другом месте (VII, 26) Геродот называет вместо Марсия приток Катарракт, берущий начало посреди самой рыночной площади Келен. В этом городе, пишет Геродот, висит кожа Марсия, содранная с него, по фригийскому преданию, Аполлоном и повешенная здесь. Очень примечательно для нашего исследования и богатство берегов Марсия золотом, золотосным песком, которого так много и на берегах Окса. У других авторов прямо, а у Геродота косвенно это изложено в рассказе о келенянине Пифии, лидийце по происхождению, предлагавшем Ксерксу около четырех миллионов золотых дариков для войны с Грецией (VII, 27, 29). О реке Марсии упоминает и Ксенофонт (Anab. I, 2, 8); он же (VI, 1, 10) сообщает о культе Кибелы, справляемом персами под звуки флейты и удары щитов друг о друга.

Построенная Антиохом Сотером рядом с Келенами Апамея — второй после Эфеса торговый центр Азии, — по словам Страбона (XII, 8, 15), расположена при устье протекающей через середину города реки Марсий: «Бурным и стремительным потоком эта река низвергается в предместье и здесь сливается с Меандром... Здесь его (т. е. Меандра) течение становится столь извилистым, что от этого всякие извилины называются „меандрами“. Над Келенами находится также озеро, где растет тростник, годный для мундштуков флейт. Из этого озера вытекают источники обеих рек: Марсия и Меандра». Буквально то же о реке Марсии пишет Курций Руф (III, 2), добавляя при этом, что «цвет ее воды, подобный цвету спокойного моря, дал основание для поэтического вымысла, будто нимфы, полюбившие эту реку, пребывают на этой скале». Павсаний (X, 30, 9) передает легенду келенских фригийцев о том, что название реки «Марсий» произошло от знаменитого некогда флейтиста, который первым изобрел игру на флейте, известную под именем «метроон». «Келеняне говорят еще, что и галатов они прогнали только благодаря Марсию, который помог им против варваров водой и звуками флейт».

Интересно и то, что благодаря злополучному Мидасу река Марсий в своих истоках, по словам Овидия, «и ныне еще, получив златоносное древнее семя, блестит влажными золотом комьями» (Ovid., Metam. XI, 114 sq.).

Силен Марсий был скорее богом рек и водных потоков, иногда пещер, в отличие от лесных и пастушеских божеств Сатиров и Пана, как это отчетливо видно у Каллистрата в «Описании статуй» (I. Сатир). Хотя, по Павсанию, Силены — смертный род, тем не менее им поклоняются в храмах. Из того же Павсания следует, что Силену поклонялись и в других

⁷ Jessen O. Marsyas.— RML, II, 2, Sp. 2439.

храмах, посвященных — в Элиде, Мантинее — другому божеству (VI, 24,8). По-видимому, Павсаний придерживается установившейся версии о происхождении Силенов. По его словам, «Силенами называют старых сатиров» (I, 23, 6). В «Метаморфозах» Овидия (VI, 393—396) оплакивающие Марсия сатиры названы его братьями. Плачущие, «будто по Марсию», братья-сатиры описаны Филостратом в одной из «Картин» (3. Марсий).

В эволюции мифологических сюжетов о Марсии постоянно прослеживается устойчивость его первоначальной функции как речного божества, изготовителя флейт из речного тростника и мастерского исполнителя на этом изобретенном им самим фригийском инструменте. Наиболее раннему, безусловно доэллиническому, пласту в эволюции мифов о Силене Марсии принадлежит легенда о причастности его к культу Кибелы⁸. Марсий с его двухствольной флейтой — неперемный аккомпаниатор экстатического культа Великой матери богов — фригийской богини Кибелы. Силен через Кибелу и куретов связывался в преданиях сначала с подземными темными силами — хтоническими божествами кабирами⁹, а низвергающиеся в бездну потоки реки давали повод связывать его с легендами о смерти.

В свите Кибелы Марсий вступает в общение с Дионисом (Кибела и куреты были связаны с мифом о воспитании Диониса, а Марсий изображался в скульптуре с младенцем Дионисом на руках)¹⁰ сначала как его воспитатель, а затем как главный незаменимый персонаж в вакхических (дионисийских) мистериях. Правда, на изображениях к неизменным флейтам — первоначально единственному атрибуту этого речного божества — и к лысому черепу, его отличительной особенностью, прибавляются новые атрибуты: плющевый венок, фиала с бурдюком (шкуру пантеры Марсий присвоил, по-видимому, раньше в бытность свою покровителем горных ручьев; ее семантика, как и содранная с него шкура, связывается с горными ручьями и стекающими со скал водами¹¹). Необязательные атрибуты — козлиные уши и короткий хвост — были приданы Марсию за его связь с сатирами и пастушескими фригийскими племенами.

В период возникновения ионийских городов в Малой Азии, одним из главных божеств которых была Афина, миф о Марсии, придавшем тон, гармонию и благозвучность флейтам, обретает новую форму: возникает предание об отрицании достоинства народного фригийского инструмента Афиной. Мифы об Афине и Марсии, на наш взгляд, отражают неприемлемость и чуждость этого инструмента в тесных полисных стенах ионийских городов с их элитарной структурой и всепобеждающим духом полисного искусства¹², дававшего первые быстро крепнувшие ростки. Правда, в хронологии и локализации этого мифа есть и разные версии: по одной из них город был основан вскоре и неподалеку от места спора (точнее выброшенных на берег флейт Марсия)¹³. Для нас важна развязка: брошенные в воду флейты вновь волшебным образом выносятся на берег реки в разных близких и отдаленных местах (Paus., II, 7, 9).

⁸ Ibid., Sp. 2445.

⁹ Лосев А. Ф. Куреты. — В кн.: Мифы народов мира. Т. I—II. М., 1982 (далее — МНМ), т. II, с. 29.

¹⁰ Fuchs W. Die Skulptur der Griechen. München, 1969, № 401.

¹¹ Jessen. Op. cit., Sp. 2445.

¹² Cook J. M. Greeks in Ionia and the East. L., 1962, p. 28.

¹³ Jessen. Op. cit., Sp. 2442. О. Йессен сомневается, и не зря, в реальности раннего происхождения этого мифа вследствие обычного для эллинических городов желания связать место основания города с легендой о происхождении божества или с божественным предначертанием (оракулом было предписано вечное процветание города). Там же рассматривается легенда о том, что Марсий был мудрецом времени похода аргонавтов (т. е. до основания Келен), потерявшим рассудок во время отправления мистерии, бросившимся в реку, которая стала впоследствии носить его имя. Эта поздняя версия скорее отражает хтонико-экстатические черты божества Марсия и его связи с культом Кибелы и кабиров.

Еще в свите Кибелы и Диониса Марсий вступает в состязания с Аполлоном. Фригийское божество вод — непревзойденный, по мнению местной элиты (его поддерживает легендарный фригийский царь Мидас, отдающий ему предпочтение), музыкант — не выдерживает соперничества с эллинским предводителем девяти Муз Аполлоном, вторым после Афины божеством ионийских городов. Победителем становится Аполлон с его благозвучной лирой — олицетворением того же культурного духа полисов¹⁴. Связь спора Аполлона и Марсия с водной стихией нашла отражение и в «Метаморфозах» Овидия (VI, 383—400). Если в литературной традиции удастся проследить ясную линию непосредственной связи Силена Марсия с водной стихией, то в изобразительных источниках наибольшее развитие получили поздние второстепенные мифы, более эффективные для иллюстрирования. Они, по представлениям современных исследователей античной мифологии, полностью заслонили первоначальную мифологическую сущность Марсия как божества реки. Мы не будем подробно останавливаться на излюбленных в вазописи, живописи, скульптуре и мелкой пластике бесчисленных изображениях Силена Марсия в свите Диониса, в споре с Афиной и Аполлоном. Остановимся лишь на его иконографии.

Особое значение для атрибуции Марсия имеют источники, где надписью засвидетельствовано его имя. Большинство из них собрано О. Йессеном¹⁵. Они показывают, что для различения Силена Марсия среди других силенов и сатиров — спутников Диониса — требовалась особая надпись. Так, на одном скарабее четыре сатира слушают Силена, играющего на флейте. Над ним надпись ΜΑΡΣΥΑΣ. На кратере из Лувра с изображением Диониса, возвращающегося в сопровождении сатиров на Олимп, играющий на флейте Марсий также обозначен подписью. То же мы видим и на кратере Карлсруэ № 3¹⁶. На краснофигурном луканском скифосе Марсий, беседующий с Афиной, изображен бородатым и некрасивым мужчиной лет 40—50 с залысинами над мощным лбом, с прогнутым носом, со страстно раздутыми ноздрями. Над Марсием сигнатура ΜΑΡΣ(ΥΑΣ)¹⁷.

Особую информативную группу представляет нумизматический материал. Начиная с середины IV в. до н. э. и вплоть до конца эллинистического периода (а в некоторых римских провинциях вплоть до императорского времени) речные божества Ахелой, Лик, Борисфен, Пантикап, Меандр и Марсий изображаются в виде протомы или головы бородатого человека с зооморфными чертами (Ахелой и его группа, количественно наибольшая), рогами и козлиным ухом. Быка с человеческой бородатой головой нумизматы идентифицируют с водным потоком, отталкиваясь от вариантов на сериях Ахелоя¹⁸. Обычно это все же бородатая мужская голова (не всегда с рогами и козлиным ухом) или голова юноши (чаще всего с небольшими рожками).

Образ Ахелоя, сына Океана и Тефии, старшего из 3 тыс. речных божеств¹⁹, принявшего в схватке с Гераклом облик быка или чудовища с человеческой рогатой головой, по-видимому, оказал сильное влияние на иконографию всех речных божеств. В соперничестве с Гераклом из-за Деяниры, окончившемся поражением Ахелоя (Геракл сломал его рога),

¹⁴ Примечательно, что по некоторым версиям судьями спора выступают речные божества (Меандр и Тмол) или Мидас, связываемый с золотоносностью этих рек. Обращаем внимание на то, что все эти реки — Марсий, Тмол, Меандр — обладают не только золотоносным песком, но и на берегах их растет тростник, пригодный для изготовления флейт (*Herod.*, VII, 26; *Xen.*, *Anab.* I, 11, 8; *Arist.*, *Pol.* V, 8, 6; *Apollod.*, I, 4, 2; *Ovid.*, *Metam.* X, 154—190).

¹⁵ *Jessen.* *Op. cit.*, Sp. 2453—2460.

¹⁶ *Ibid.*, Sp. 2459.

¹⁷ *Лоцев А. Ф.* Марсий. — МНМ, с. 120.

¹⁸ *Imhoof-Blumer F.* Fluss- und Meergötter auf griechischen und römischen Münzen. — *Revue suisse de numismatique* (Schweizerische numismatische Rundschau). T. XXIII, Genève, 1923, S. 173; Ахелой идентифицируется по метапонтской серии с легендой ΑΧΕΛΟΙΟ ΑΕΘΛΟΝ (S. 116, 180, Taf. I, № 17).

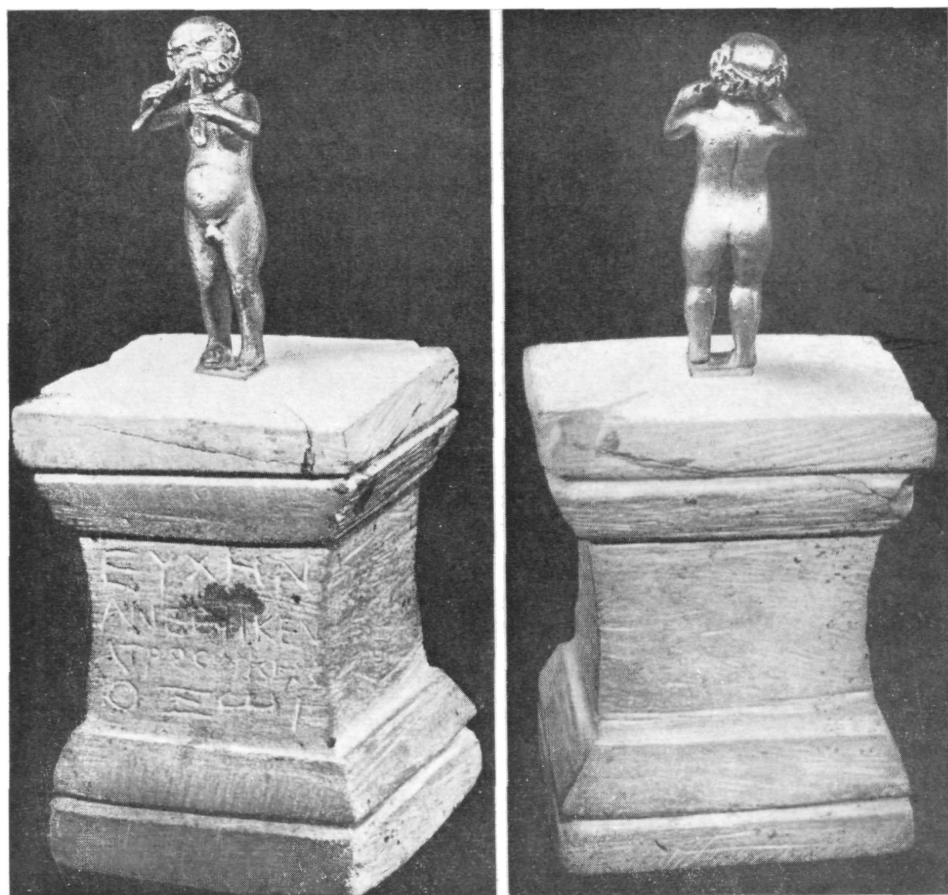
¹⁹ *Stoll H. W.* Acheloos. — RML, I, 1, Sp. 6—9.

Рис. 1. Вотив Атросока, первая половина II в. до н. э.

Рис. 2. Поставительная надпись на вогиве Агросока

a

Рис. 3. Бронзовая фигурка Силена Марсия на постаменте: *a* — обильный вид;

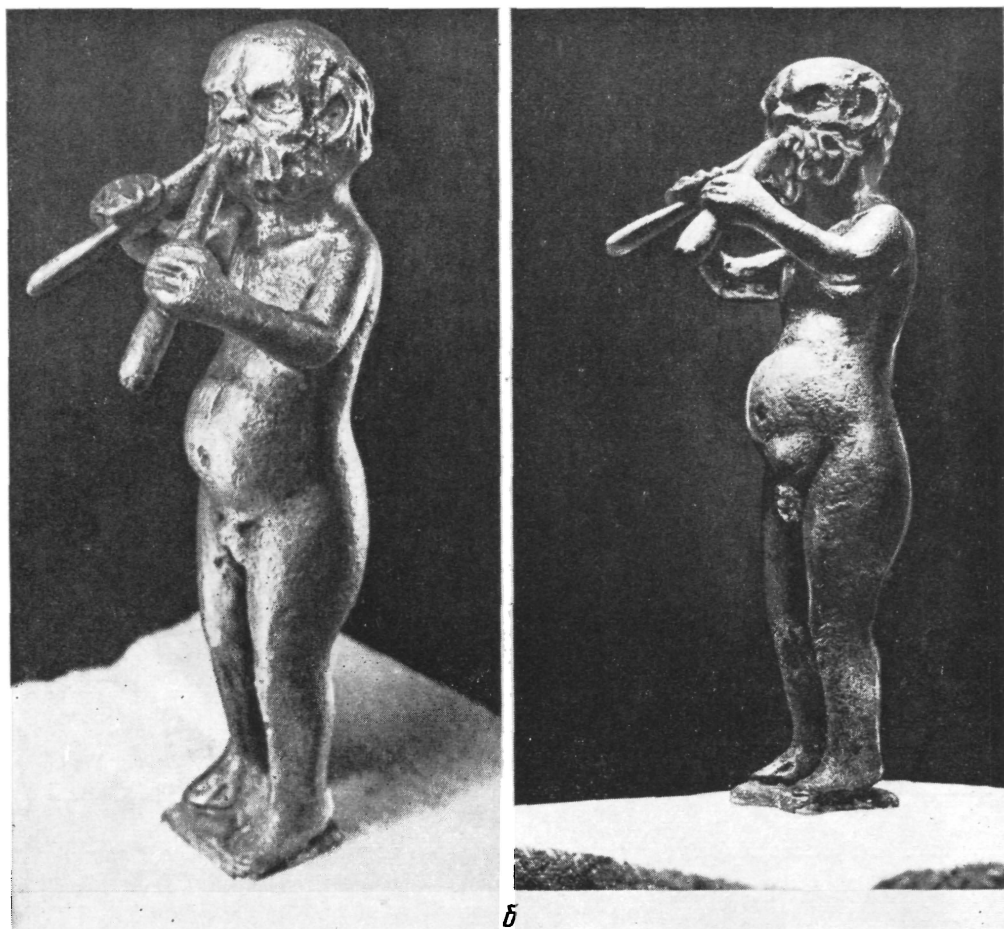

Рис. 3, б — деталь

был создан еще один общий для речных божеств атрибут — рог Ахелоя, который наяды наполнили цветами и фруктами — рог изобилия.

Множество изображений Ахелоя, могущественного речного бога и других речных божеств, по облику близких Силену Марсию, собрано в каталоге Ф. Имхоф-Блумера²⁰. Среди других в этой галерее изображены речных божеств, похожих друг на друга как близкие родственники, примечательны штемпели с Борисфеном²¹, Тирасом²², Истром²³ (Пантикапа нет). Это бородатые речные божества с рожками. В этом контексте особенно интересны изображения Силена Марсия. На монетах римского времени, где на маленьких монетных кружках разворачиваются целые картины, Силен Марсий воспроизводится с неизменным своим атрибутом — флейтами, за ним бурлит речной поток. Силен Марсий, как и Меандр на монетах Апамеи, представлен возлежащим наподобие Ахелоя, но изображения Меандра для отличия сопровождаются надписями: ΜΑΙΑΝΔΡΟΣ²⁴, а над изображением первого с двумя флейтами — ΜΑΡΣΥΑΣ²⁵. На реверсе монеты № 352 возлежащий речной бог, держащий в обеих руках по флейте, за ним бурлящий речной поток — это Марсий, хотя и без сопровождающей надписи. На монете № 354 Силен Марсий изображен сидящим вправо в скальном гроте, в правой руке он держит рог изобилия (связь с Ахелоем — рог, наполненный цветами и фруктами), в левой опущенной руке две флейты, за ним бурный речной поток, над ним три ящичка и надписи: ΚΙΒΩΤΟΙ — «ларцы» и ΑΠΑΜΕΩΝ ΜΑΡΣΥΑΣ²⁶. На следующей монете также апамейского чекана — тоже изображение Силена Марсия, но без грота, из двух сосудов вытекают два речных потока один над другим²⁷.

На последней из приведенных Ф. Имхоф-Блумером монет, самой интересной, апамейские резчики штемпелей изобразили культовую статую Артемиды Эфесской в окружении четырех фигур, каждая из которых снабжена сопроводительной надписью: ΜΑΡ(ΣΥΑΣ), ΜΑΙ(ΑΝΔΡΟΣ)? ΘΕΡ(ΜΑ), ΟΡ(ΕΙΑΣ)²⁸.

Суммируя данные нумизматики, можно прийти к определенным выводам: 1) определяющим атрибутом в иконографии Марсия в античном изобразительном искусстве всегда были флейты; 2) Силен Марсий изображался чаще всего стариком с бородой и лысым черепом; 3) для Силена Марсия козлиные уши, короткий хвост, шкура пантеры — необязательные атрибуты; 4) в качестве речного божества Силен Марсий выступает всегда с флейтами, иногда их дополняют изображения водного потока, а также название реки, которую он изображает. На монетах Апамеи Марсий отождествляется с одноименной ему рекой.

Дополнительные данные дает нам рассмотрение нумизматики Причерноморья, отсутствующее у Ф. Имхоф-Блумера. А. И. Зограф, рассматривая появление на монетах Пантикапея во втором десятилетии IV в. до н. э. мужской бородатой головы, видит в этих изображениях силенов и сатиров²⁹, замечая, что наименование «Пан», установившееся сначала, неправильно, о чем свидетельствуют неоднократные замечания нумизматов. М. И. Ростовцев видел в пантикапейских силенах фракийское божество производительных сил природы, родственного фракийскому Дионису³⁰. Называя бородатых силенами, безбородых сатирами, он утвердил

²⁰ *Imhoof-Blumer*. Op. cit., Taf. I—IV, № 5—10.

²¹ *Ibid.*, S. 216, 218, № 107, Taf. IV, № 5.

²² *Ibid.*, S. 218, № 108, 109, Taf. IV, № 6, 7.

²³ *Ibid.*, S. 218, № 110.

²⁴ *Ibid.*, S. 314, № 351, Taf. XI, № 17.

²⁵ *Ibid.*, S. 314, № 352, Taf. XI, № 18, 20, 21.

²⁶ *Ibid.*, S. 315, № 354, Taf. XI, № 20, 21.

²⁷ *Ibid.*, S. 315, № 355, Taf. XI, № 22.

²⁸ *Ibid.*, S. 316, № 356, Taf. XI, № 23. См. также SNG, *Aulock*, № 3508; *Frankе P. R. Kleinasien zur Römerzeit. Griechisches Leben im Spiegel der Münzen*. München, 1968, S. 51, № 200.

²⁹ Зограф А. И. Античные монеты. — МИА, 1951, № 16, с. 171 сл.

³⁰ Там же. Эта атрибуция М. И. Ростовцева дается А. И. Зографом без ссылки.

правильную, закрепившуюся в нашей литературе терминологию, связывая их с какой-то местной традицией, следов которой скудное литературное предание не сохранило³¹. Параллелизм двух аспектов этого божества, юного безбородого и старческого бородатого, по мнению А. Н. Зографа, заслуживает рассмотрения в связи с фракийским культом кабиров, широко распространенным в Причерноморье, или с диморфностью Диониса³². Головы силенов последующих серий действительно украшены плющем. Однако мы считаем, что поскольку ни в молодом, ни в старом мужчине никто не усматривает изображение Диониса, на пантикапейских монетах отчетливо проявлена диморфность Силена (молодой — сатир, старый — Силен), а вовсе не Диониса, как это, видимо, считал и М. И. Ростовцев.

Подтверждение нашей мысли о связи изображаемого божества с водной стихией мы находим только у В. Д. Блаватского, правда, по другому случаю, отметившего, что «...такой обычай называть эллинское поселение, впервые основываемое на берегу крупной водной артерии или недалеко от нее, едва ли не был правилом у греческих колонистов, приходивших на берега Понта. Так, Истрия получила свое наименование по расположенному наподолеку устью Истра (Ps.-Scymn., 767—768), Тира (Herod., IV, 51; Strabo, VII, 3, 16) — по одноименной реке, в низовье которой она находится»³³ и т. д. Приведенные В. Д. Блаватским прямые сведения Стефана Византийского о Пантикапее и Танаисе можно дополнить и известиями о Фасисе, чтобы картина стала полной (SC, I, 1, с. 264, 266, 268).

Поскольку флейты на пантикапейских изображениях отсутствуют (т. е. именного атрибута Силена Марсия нет), следует присоединиться к принятому нумизматами определению и называть Силенами бородатых старцев, а молодых безбородых — сатирами. Однако связь этих изображений с божествами водной стихии, на наш взгляд, несомненна и прослеживается в полиморфных изображениях главного речного божества Ахелоя, собранных Ф. Имхоф-Блумером³⁴. Бородатый, наделенный «карикатурными чертами»³⁵ — старик — это Пантикап — божество соименной реки, изображенный в виде Силена (старого сатира) с громадным ухом — чертой Ахелоя — один из трех тысяч его братьев.

Вопрос о датировке нашей фигурки Силена сложен и не поддается точному решению, ведь не только мелкая бронзовая пластика, но даже и крупные мраморные скульптуры эллинистического времени датируются очень суммарно — III—II вв. до н. э.

По стилю изображения нашему Силену наиболее близки аналогии, восходящие к гротескной школе V—IV вв. до н. э. Так, статуэтку Пана, родственного нашему Марсию, К. А. Нойгебауэр датирует второй половиной IV в. до н. э.³⁶ Близкую тахти-сангинской статуэтку можно отыскать в Музее Бостона, она датируется IV в. до н. э.³⁷ В трактовке деталей обе имеют одинаковую степень обобщенности. Однако у нашей сильнее нарушены пропорции: слишком большая голова, фигура более пузатая. Составители каталога относят свою фигурку к аргивской школе Поликлета: «точнее между Поликлетом и декадансом группы Праксителя»³⁸. Велико сходство тахти-сангинского Силена и головы Сократа, опубликованной в том же каталоге³⁹.

³¹ Ростовцев М. И. Эллинизация и иранство на Юге России. Пг., 1918, с. 117.

³² Зограф. Ук. соч., с. 171.

³³ Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964, с. 18—20.

³⁴ Imhoof-Blumer. Op. cit., Taf. I—III.

³⁵ Зограф. Ук. соч., с. 171 сл.

³⁶ Neugebauer K. A. Die griechischen Bronzen der klassischen Zeit und des Hellenismus. В., 1951, S. 66, № 61.

³⁷ Chase G. H. Greek, Etruscan and Roman Art. The Classical Collections of the Museum of Fine Arts. Boston, 1963, № 113.

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid., № 156.

Статуарные позы, близкие позы тахти-сангинского Марсия, наблюдаются у фигурок из коллекции Бостонского Музея, ошибочно названных Панами. Однако играющие на флейтах божества мало похожи на Силена из Тахти-Сангина⁴⁰. Очень похож, хотя и более раннего времени, Силен из Собрания Кассельского музея — № 23. Тело с округлыми мышцами передано с той же обобщенностью. Хотя живот у кассельского Силена менее выпячен, но в укороченных пропорциях и в изображении проглядывается явная гротескность, что сближает его с Марсием из храма Окса⁴¹. Столь же близко по стилю изображение Ласа, бронзовая статуэтка которого хранится в том же музее⁴².

Силен, скопированный в римское время с оригинала раннеэллинистического времени «усложненного направления», также имеет близкое сходство с тахти-сангинским⁴³. Хотя лицо этого Силена более стерто, однако моделировка бороды и прически вокруг лысого черепа очень близки по трактовке растрепанной шевелюре нашего Силена Марсия. Отличие в том, что кассельский Силен стоит с поднятой правой рукой, живот более подтянут, он с небольшим хвостом. Аналогия из Патр IV в. до н. э., приведенная М. Бибер, не очень удачна⁴⁴.

Несколько более поздней, чем Силен из храма Окса, выглядит группа «дионисиаков», состоящая из отдельных статуэток александрийской школы ваяния, составляющих, несомненно, единую культовую сцену оргиастических танцев. Менада изображена с бубном, Силен с двойной флейтой. Однозначная атрибуция «дионисиаков», предложенная Ж. Шарбонно, выглядит не очень убедительной, — фигурки в равной степени могли иллюстрировать и танцы культа Кибелы. Скульптурки близки по стилю и времени изготовления тахти-сангинскому Марсию (II в. до н. э.), но александрийский Силен изображен чуть более молодым. На его плечах шкура, повязанная узлом, сзади хвостик. Схожи лысины, бороды и округлые животы⁴⁵.

Стилистически самую близкую аналогию тахти-сангинскому Марсию мы нашли в коллекции Британского музея — Марсий № 468⁴⁶. В руках он держит две флейты. У него козлиные уши. Уолтерс находит в нем сходство с изображением Марсия на монетах Апамеи во Фригии (эта аналогия нам неизвестна)⁴⁷. К сожалению, Силены и Марсии, раздельно опубликованные в каталоге, не имеют точных дат. Судя по хронологическому распределению, эти фигурки должны датироваться эллинистическим временем⁴⁸.

Статуэтки из бронзы римского периода⁴⁹ сильно отличаются от тахти-сангинской грубостью и большей обобщенностью, более жесткой передачей деталей, выполненных менее умело, резкой углубленной светотеневой

⁴⁰ Ibid., p. 27, № 27; Comstock M., Vermeule C. Greek, Etruscan and Roman Bronzes in the Museum of Fine Arts. Boston, 1971, p. 73, № 75.

⁴¹ Höckman U. Antike Bronzen. Kassel, 1972, № 23.

⁴² Ibid., № 55.

⁴³ Bieber M. Die antiken Skulpturen und Bronzen des Königl. Museum Fridericum in Cassel. Marburg, 1915, № 171.

⁴⁴ Cp.: Walters H. B. Select Bronzes, Greek, Roman and Etruscan. Department of Antiquities. British Museum. L., 1915, № 269.

⁴⁵ Charbonneau J. Les bronzes grecs. P., 1958, Pl. XXX; Charbonneau J., Martin R., Villard S. Grèce hellénistique (330—50 avant J. C.). P., 1970, p. 315—316, Pl. 346.

⁴⁶ Walters. Op. cit., № 468, p. 65.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ В переизданном каталоге Уолтерса (op. cit.) также нет хронологических уточнений. Последующие издания этого материала нам неизвестны.

⁴⁹ Наиболее схож с нашим Марсием Силен с гроздьем винограда в поднятой руке, найденный в Геркулануме (№ 377). По композиции близок Силен с выпяченным животом (№ 409), но он выполнен как аппликация. Другие тридцать Силенов из Национальной Библиотеки в Париже (№ 376, 378—408) менее похожи — Babelon E., Blanchet J. A. Catalogue des bronzes antiques de la Bibliothèque Nationale. P., 1895, p. 168, № 376—409.

трактовкой. Да и качество бронзы для изготовления малой пластики и посуды стало хуже: больше раковин, менее тщательная последующая доработка и шлифовка ⁵⁰.

Приведенные аналогии и сопоставительный анализ статуэтки Силеня Марсия показали, что ее нельзя датировать более точно, чем III—II вв. до н. э. Для этого времени статуэтку на постаменте из храма Окса отличает тщательная и высокохудожественная самобытная манера исполнения. Связь этой фигурки с посвященной надписью речному божеству Оксу в результате анализа семантики подобных изображений несомненна. После работы над этим небольшим и, казалось бы, не заслуживающим столь пристального внимания сюжетом стала отчетливо выявляться необходимость более осторожной и внимательной атрибуции открываемых в Бактрии произведений искусства.

Идея отождествления бога реки Окса с Марсием могла появиться в первую очередь у жителей Малой Азии: ионийских греков, в том числе милетян, лидийцев, ликийцев (Curt., VII, 5, 29; VI, 6, 35; VII, 10, 11—12), контингенты которых упоминаются античными авторами неоднократно в составе войск Александра Македонского и в пополнениях, пришедших в Среднюю Азию накануне похода Александра в Индию.

В эллинистический период греки-ионийцы из Малой Азии переселялись в Бактрию и Согдиану. Пока еще нельзя говорить о вторичных волнах колонизационного процесса периода эллинизации Бактрии, но отдельных разрозненных фактов собрано много ⁵¹. В этой связи существен один важный исторический факт, одновременный надписи Атросока. Антиох III, выигравший битву с Эвтидемом, но потерявший от удара копьем несколько зубов, на переговоры с Эвтидемом посылал Телейя. Выбор парламентаря был сделан не случайно: он, как и Эвтидем, был гражданином города Магнесии (Polyb., XI, 34, 1—11). Надежды Антиоха оправдались: мир был заключен. Для нас существенно, что во главе Бактрии стоял уроженец Магнесии — Эвтидем. В данном случае не имеет значения, какая из Магнесий (на Меандре или Герме) была родиной бактрийского царя: это соседние города Малой Азии ⁵². Важно, что Эвтидем был малоазийского происхождения и, узурпировав власть, по-видимому, со своими сподвижниками, успешно правил Бактрией, опираясь на поддержку бактрийской знати ⁵³. Это позволяет считать, что волны переселенцев из Малой Азии в Бактрию не прекращались и в эллинистическое время. О том же свидетельствуют произведения искусства, выполненные в Бактрии, но в малоазийских традициях.

Возможной причиной отождествления речных божеств Окса и Марсия было сходство в золотоносности рек, низвержении их вод под землю и наличии на их берегах пригодного для изготовления флейт тростника (используемого на эти цели и в настоящее время). Особенно должна была поразить греков золотоносность рек Окса и Политимнета-Зеравшана (Золотоносного). Слова Овидия о мелких блестях золотоносного песка до сих пор вспоминаются на берегу около храма Окса. Самый примитивный сбор золотых крупинок методом «золотого руна», как свидетельствовал Д. Н. Логофет, применялся неподалеку от храма еще в начале этого века ⁵⁴. Описание Окса у Полибия (X, 48, 3—7) почти в точности соответствует рассказам о реке Марсий у Страбона (XII, 8, 15), Курция Руфа (III, 2) и других названных выше авторов.

⁵⁰ Menzel H. Römische Bronzen aus Deutschland. T. I, II. Mainz am Rein. 1960, 1966; Rolland H. Bronzes antiques de Haut Provence. P., 1965; Boube-Piccolt Ch. Les bronzes antiques du Maroc. V. I—III. Rabat, 1975, 1980.

⁵¹ Tarn W. The Greeks in Bactria and India. Camb., 1951, p. 3—33.

⁵² Ibid., p. 74; Narain A. K. The Indo-Greeks. Oxf., 1957, p. 17.

⁵³ Tarn. Op. cit., p. 125.

⁵⁴ Логофет Д. Н. На границах Средней Азии. Путевые очерки в трех книгах. Кн. 3. СПб., 1909, с. 57. Д. Н. Логофет считал, что разработку золотых россыпей начали тут еще греки.

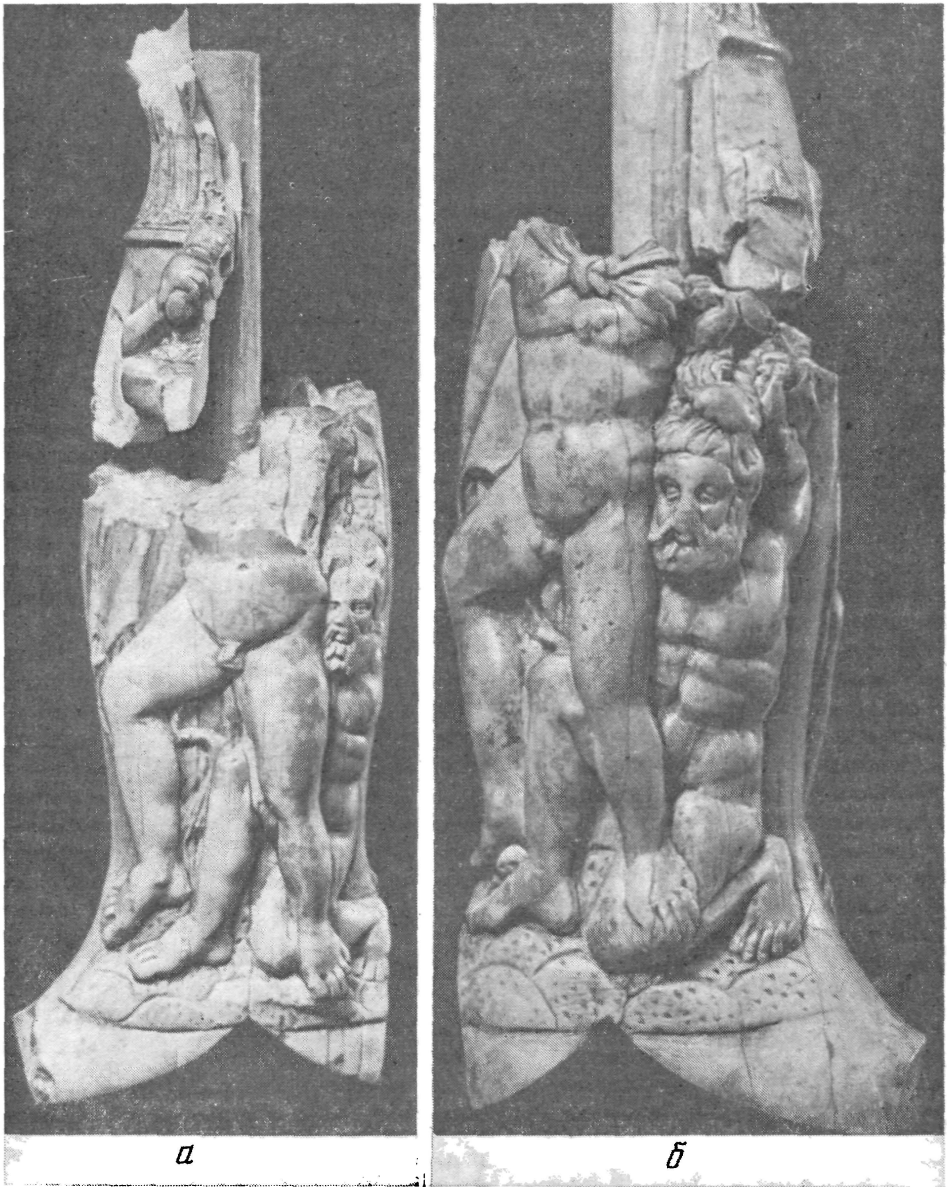

Рис. 4 а, б. Рукоять меча с изображением борьбы Геракла и Ахелоя. Конец IV—III в. до н. э., слоновая кость

Заслуживают внимания и иные свидетельства о культе речного божества, найденные в храме Окса. Только в одном из коридоров (№ 6) было открыто более 40 костяных звеньев от сложносоставных флейт. Такое количество флейт необычно для греческих и тем более восточных храмов и вряд ли случайно. Посвящение флейт в храм Окса, несомненно, связано с отправлением культа, сопровождавшимся игрой на флейтах.

Култ речного божества в облике Силеня был известен и другим, более ранним, чем Атросок, дедикантам храма. Это показывает уникальный для античного времени дважды повторяющийся рельеф с совершенно одинаковым изображением борьбы Геракла с Силенем (Ахелоем) на рукояти из слоновой кости греческого меча — ксифоса, — найденного в том же ко-

ридоре, что и вотив Атросока. Теперь правильное понимание семантики этого памятника в сильной степени прояснилось, хотя подобные изображения крайне редки (рис. 4, а, б).

II

На фасовой плоской грани миниатюрного постамента статуэтки вырезаны четыре строки надписи на греческом языке, читаемые без труда (рис. 3):

Εὐχῆν	По обету
ἀνέδθηκεν	Атросок
Ἀτροσωκῆς	посвятил
᾽Οξωι	Оксу

Надпись не вырезана резцом, а процарапана в мягком известняке, что сближает ее по технике исполнения не с лапидарными надписями, а скорее с граффити на керамике. Тем не менее буквы выполнены достаточно тщательно, хотя и без предварительной разлиновки; во всей манере резчика заметно явное стремление к монументальности (см. ниже). Буквы в разных строках имеют неодинаковые размеры и неодинаковую плотность. В сткк. 1, 2 и 4 средняя высота их равняется 7 мм, в стк. 3—5 мм, *омикрон*, первая *сигма* и *омега* — 4 мм. В этой строке соответственно наблюдается наибольшая плотность букв, которая разрежается в стк. 2, еще более — в стк. 1 и достигает максимальной степени разреженности в последней строке. Оба отмеченных явления были вызваны необходимостью вместить в заранее заданное поле неодинаковые по количеству букв лексемы, соответственно: стк. 1—5 букв, 2—8 букв, 3—9 букв, 4—4 буквы. При этом расстояния между строками практически выдержаны по ширине 3—4 мм, достаточной для того, чтобы создать эффект просторной композиции надписи, характерной для большинства эпитафических памятников данного региона, приводимых ниже⁵⁵.

Орфография надписи, выдержанная в нормах койна, безупречна. Единственную претензию, казалось бы, можно предъявить написанию имени божества Окса, форму которого большинство современных справочных изданий и лексиконов дает через начальную *омегу* — Ὡξος⁵⁶. Естественнее всего было бы отнести подобную фонетическую передачу за счет утери гласными своего количества в позднеэллинистическую и особенно римскую эпохи, неоднократно зарегистрированной в эпитафических текстах этого времени⁵⁷; однако более продуктивным представляется другой путь решения. Как указывают, к примеру, авторитетные энциклопедии RE и Der Kleine Pauly, форма ᾽Οξωι встречается только у Полибия (X, 48, 2), все остальные античные источники передают начало имени этой среднеазиатской реки через *омегу*. Это утверждение, однако, не полностью соответствует истине. Если обратиться к рукописной традиции, то выясняется, что в соответствующих местах Страбона (II, 1, 15; XI, 6, 1; 7, 3 и 4; 8, 8; 11, 2 и 5) многочисленные рукописи наряду с обычной формой Ὡξος дают также ᾽Οξωι⁵⁸. Подобное фонетическое колебание зафиксировано в рукописи Арриана (Anab. III, 28, 9; 29, 2; IV, 15, 7; VII, 10, 6; 16, 3): Если у Плутарха (Alex. 57) имя реки передано через начальную *омегу*, то Фотий (Bibl. p. 396) дважды выписал его, поставив инициалом *омикрон*.

⁵⁵ Ср. Robert L. — JA, 1958, 246, p. 8; *idem.* — CRAI, 1964, p. 135; *idem.* Les inscriptions. — In: Fouilles d'Ai Khanoum. I. P., 1973, p. 210, not. 17.

⁵⁶ См. например: Pape-Benseler; RE; Oxford Classical Dictionary; Der Kleine Pauly, s. v. Oxos.

⁵⁷ См., например: Доватур А. И. Краткий очерк грамматики. — В кн.: Корпус боспорских надписей. М. — Л., 1965, с. 801 сл., § 4, 7, 8 (переход О в Ω и vice versa).

⁵⁸ См. Strabo, ed. Mueller-Duebner (1853), p. 1014 ad p. 435, 6; ᾽Οξωι codd. exc. Epit.; similiter in sqq. ο pro ω in plerisque codd.

Кроме того, как уже сказано, самый ранний литературный источник — Полибий (X, 48, 2), который сообщает интересующий нас гидроним, транскрибировал его через инициальный *омикрон*, что наводит на мысль: не было ли это, вопреки общепринятому мнению, первоначальной орфографией имени Амударьи/Вахша. В этой мысли укрепляет нас, помимо всего прочего, синхронное Полибию и тахти-сангинской надписи дипинто II в. до н. э. из раскопок Ай-Ханума, содержащее теофорное имя Ὀξυβαζος, родственные которому *composita* Ὀξυδαττης, Ὀξοδαττης, Ὀξυαρτης имеют первой основой имя речного божества Окса⁵⁹. Все перечисленное, вместе взятое, позволяет утверждать, что первоначальной, исконой формой греческой транскрипции слова «Окс» было Ὀξος а не Ὠξος. С течением времени она могла местами трансформироваться, возможно, в результате стяжения в *омега* начального дифтонга бактр. OAXSO, засвидетельствованного, к примеру, на кушанских монетах⁶⁰.

Формула тахти-сангинского посвящения весьма типична для греческих votivных надписей. Употребленное в ней уточнение — εὐχῆν («по обету, ex voto») великое множество раз встречалось в tituli dedicatorii. Оно приходит в IV в. до н. э. на смену своему архаическому эквиваленту εὐχολή и, будучи крайне редко засвидетельствовано в VI и V вв.⁶¹, становится постоянным атрибутом votивов как эллинистического, так и римского времени⁶². К сожалению, ввиду лаконичности текста нельзя сказать, по какому поводу Атросок дал обет совершить приношение божеству Оксу: ничто в самой надписи, ни в облике памятника на это не указывает⁶³.

Очень важен вопрос о датировке votива Атросока. К сожалению, археологические критерии здесь помочь не могут, поскольку культовый заклад № 4, в котором была найдена статуэтка, содержал разновременный материал, среди которого наряду со столь ранними вещами, как ножны меча ахеменидского времени, попало много фрагментов скульптуры как эллинистического, так бактрийского и парфянского стилей⁶⁴. Поэтому единственно реальным средством для выяснения даты остается палеографический анализ надписи. Изучение палеографических особенностей, как я постараюсь показать ниже, может привести, кроме того, к немаловажным выводам культурно-исторического плана.

Как уже говорилось, надпись выполнена довольно старательно, и хотя она вырезана на миниатюрном предмете, явно заметно стремление резчика подражать лапидарным мастерам-монументалистам. Стиль палеографии смешанный: она содержит наряду с обычным угловатым *эпсилон*-ном курсивные и лунарные формы *ро*, *сигмы* и *омеги*. По нашим общим представлениям о генеральном развитии всей греческой лапидарной палеографии такие буквы, как лунарные *омега* и *сигма*, а особенно *тета* с горизонталью, смыкающейся по диаметру с окружностью, должны указывать на время не ранее конца II — начала I в. до н. э.

⁵⁹ См. Grenet F. L'onomastique iranienne à Aï Khanoum. — ВСН, 1983, 107, p. 376—378.

⁶⁰ Ibid., p. 377, not. 19.

⁶¹ М. Л. Ладзарини приводит всего два исключения (Lazzarini M. L. Le formule delle dediche votive nella Grecia archaica. — Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Cl. sc. mor., stor. e filol., 1976, v. XIX, 2, p. 101, 282; № 744; p. 283, № 749): 1) votив конца VI — начала V в. из святилища Малофоры в Селинунте: Manni-Piraino M. T. Iscrizione greche lapidarie del museo di Palermo. Palermo, 1973, № 56 (εὐχῆν *эмендировано* из *εὐραν*); 2) посвящение начала V в. из Беотии, близ Феспий (IG, VII, 1749).

⁶² Lazzarini. Op. cit., p. 101.

⁶³ В греческой эпиграфике встречаются более счастливые случаи. Например, на некоторых малоазийских рельефах, надписи которых содержат εὐχῆν, изображены исцеленные части тела: ступни, нога и ухо (Guarducci M. Epigrafia greca. III. Roma, 1974, p. 58, sg., fig. 28, 29). На одной votивной стеле из Лидии помещено изображение исцеленных женских грудей, которое поясняет и сама надпись: ...ὑπὲρ τῶν μαστῶν εὐχῆν ἀνέστηκεν (ibid., p. 60, fig. 30). Ср. Herrmann P., Varinlioglu E. Theoi Pe-reudenoi. — Epigraphica Anatolica. Ht. 3, 1984, S. 2, Taf. I, № 1.

⁶⁴ См. Litvinskij B. A., Pitchikjan I. R. — RA, 1981, № 2, p. 204.

Однако подобная датировка противоречит прежде всего историко-политической ситуации, которую пришлось пережить святилищу Окса в Тахти-Сангине. Как известно, вскоре после середины II в. до н. э. Греко-Бактрийское царство окончательно погибает от нашествия племен юэджей — Великих кушан. Храм Окса не разделил участь соседнего, расположенного на противоположном берегу Амударьи города Ай-Ханум, покинутого жителями и полностью разрушенного кушанами, однако и в нем обнаруживаются перестройки и инновации, с которыми, очевидно, была связана и смена культового персонала. Этот коренной переломный момент в истории Центральной Азии повлек за собой и резкие изменения в культуре: в частности, во всей Бактриане и сопредельных с нею областях практически полностью исчезают памятники как большой лапидарной⁶⁵, так и малой (граффити и дипинти) греческой эпиграфики (исключения составляют традиционные монетные легенды) — все известные нам надписи на греческом языке датируются временем не позже первой половины II в. до н. э. (см. ниже). При таких обстоятельствах казалось бы крайне невероятным, чтобы тахти-сангинское святилище составляло исключение, сохранив культуру греческого письма и после кушанского завоевания.

Для того чтобы разобраться в возникшем парадоксальном противоречии, необходимо еще раз вернуться к детальному палеографическому анализу вотива Атросока, сопоставив его вслед за тем с другими эпиграфическими документами из этого региона⁶⁶. Прежде всего обращает на себя внимание, что при всем стремлении резчика к монументализации, тахти-сангинская надпись выдает ряд черт, не укладывающихся в рамки этого лапидарного стиля (см. рис. 2). Так, поперечина *альфы* не просто прогибается, но и еще заметно задрана кверху с правого края; вертикаль *эпсилона* выходит снизу за габариты литеры; его горизонтالي постоянно выгнуты так, что крайние приобретают форму, напоминающую клешни рака, а средняя — дает заметный прогиб книзу. *Эта* в сткк. 1 и 3 плавно выгибает вертикальные гасты книзу и дает заметный уклон горизонтали вправо; *тета* выгибает диаметр; *каппа* в одном случае (стк. 3) далеко отрывает уголок от вертикали; *кси* плавно, манерно выгибает все три параллельные гасты; *ро* и *ипсилон* имеют непропорционально маленькие соответственно кружочки и уголок; *ли* также изящно, плавно изгибает свои линии. Наконец, все буквы, содержащие прямолинейные элементы, обнаруживают ярко выраженный наклон вправо. Полностью отсутствует апицирование или другие украшения концов гаст.

Подробный анализ палеографии тахти-сангинского вотива заставляет прийти к однозначному выводу: вырезавший его мастер, всячески стремясь к монументализации и старательно подражая каким-то знакомым ему лапидарным образцам, сам не был искушен в монументальной лапидарной технике вырезания надписей. Он явно привык работать в другом материале и другими средствами: ими скорее всего были, с одной стороны, папирус и керамика, а с другой — чернила или краска, которыми наносился текст на папирусы и острака, а также острое, вырезавшее граффити на керамических предметах. В этом всецело убеждает сопоставление шрифта вотива Атросока с изданными недавно дипинти из сокровищницы в Ай-

⁶⁵ Исключение, как может показаться, составляет приписка под кушанской надписью из Сурх-Котала: *δὲ Παλαμ ἱδου* (*Schlumberger D., Le Berre M., Fussman G. Surkh Kotal en Bactriane I. P., 1983, p. 135 suiv., pl. 71, 247—SK 3*). Однако, во-первых, она выполнена лицом явно греческого происхождения, осуществившим постройку святилища, а, во-вторых, представляет собой типичный поздний курсив, но использующий уже абсолютно идентичные знаки кушанского алфавита, возникшего на основе греческого.

⁶⁶ Именно этот методический путь как наиболее продуктивный был предложен в свое время Л. Робером (*JA, 1958, 246, p. 8*).

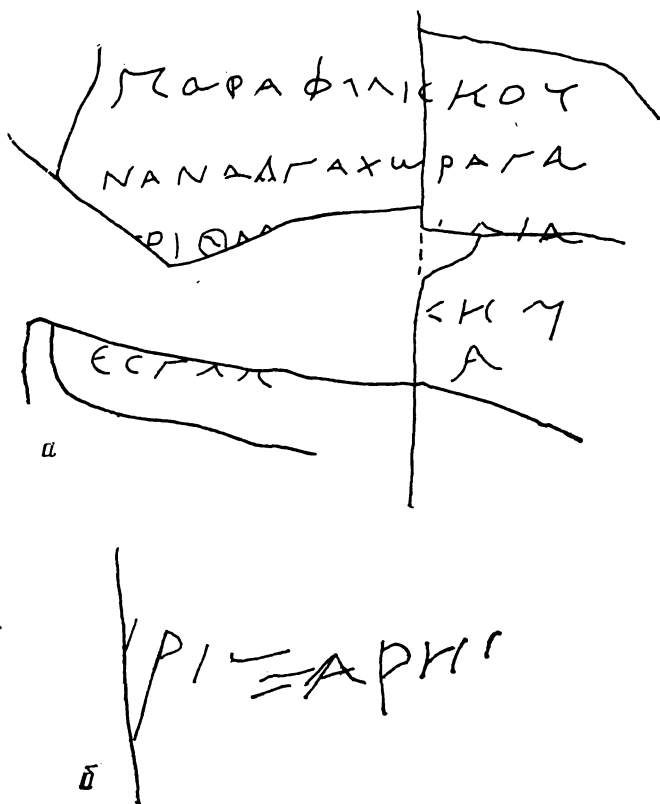

Рис. 5 а. Дишнто из Ай-Ханума, около 150 г. до н. э.; б — граффито из Ай-Ханума

Хануме ⁶⁷, многие буквы которых, нанесенные чернилами, по своим формам аналогичны тахти-сангинским (рис. 5, а). Особенно близки последним, наряду с прочим, в силу одинаковой твердости материала, формы литер опубликованного там же граффито (*ibid.*, p. 379, fig. 38), а именно: *альфа*, *эта*, *кси*, *ро*, *сигма* (рис. 5, б). Важно отметить, что документы из Ай-Ханума датируются временем около середины II в. до н. э. — незадолго до оставления города жителями (*ibid.*, p. 369, et not. 106).

На основании всего сказанного я берусь утверждать, что доморощенные резчики, подобные тахти-сангинскому, произвольно выработали новый стиль лапидарной палеографии, который может быть определен как «монументально-курсивный». В том, что у нашего мастера были коллеги и в других городах, поселениях и святилищах Центральной Азии, заставляет убедиться сопоставление греческих надписей на камнях, происходящих из этого региона — с территории древнего Ирана, Бактрианы, Мидии Атропатены, Гиркании ⁶⁸. Сведенный в единую таблицу (рис. 6) шрифт этих эпиграфических текстов позволяет выделить три синхронных направления в развитии лапидарной палеографии отдаленных уголков эллинской цивилизации; краткая характеристика всех трех вместе с необходимым историческим комментарием дается ниже.

⁶⁷ *Rapin Cl.* Les inscriptions économiques de la trésorerie hellénistique d’Aï Khanoum (Afghanistan). — ВСН, 1983, 107, p. 315—381. Пользуясь случаем, замечу, что в стк. 4 документа 4с явно читается εσφράγισ[ται].

⁶⁸ Издание *Corpus Inscriptionum Iranicarum* — давнишний desiderat эпиграфики, заявленный Л. Робером (*Les inscriptions*, p. 213). Я, к сожалению, известными мне памятниками, не ручаясь за полноту собранного материала.

Α	Α	Α	ΑΒ	Α	ΑΑ	ΑΔ	ΑΔ	ΑΑ	ΑΑ	ΑΑ	
Β	Β	Β	ΒΓ	Β	ΒΒ	ΒΒ	ΒΒ	ΒΒΒ	ΒΒ	ΒΒ	
Δ	Δ	Δ	ΔΕ	Δ	ΔΔ	Δ	Δ	ΔΔ	ΔΔ	ΔΔ	
Ε	Ε	Ε	ΕΗ	Ε	ΕΕ	Ε	ΕΕ	ΕΕ	ΕΕ	ΕΕ	
Η	Η	Η	ΗΘ	Η	Η	Η	Η	Η	Η	Η	
Θ	Θ	Θ	ΘΙ	Θ	Θ	Θ	Θ	Θ	Θ	Θ	
Κ	Κ	Κ	ΚΛ	Κ	ΚΚ	Κ	Κ	ΚΚ	ΚΚ	ΚΚ	
Λ	Λ	Λ	ΛΜ	Λ	ΛΛ	Λ	Λ	ΛΛ	ΛΛ	ΛΛ	
Μ	Μ	Μ	ΜΝ	Μ	ΜΜ	Μ	Μ	ΜΜ	ΜΜ	ΜΜ	
Ν	Ν	Ν	ΝΞ	Ν	ΝΝ	Ν	Ν	ΝΝ	ΝΝ	ΝΝ	
Ξ	Ξ	Ξ	ΞΟ	Ξ	Ξ	Ξ	Ξ	Ξ	Ξ	Ξ	
Ο	Ο	Ο	ΟΠ	Ο	Ο	Ο	Ο	Ο	Ο	Ο	
Ρ	Ρ	Ρ	ΡΣ	Ρ	Ρ	Ρ	Ρ	Ρ	Ρ	Ρ	
Σ	Σ	Σ	ΣΤ	Σ	ΣΣ	Σ	Σ	ΣΣ	ΣΣ	ΣΣ	
Τ	Τ	Τ	ΤΥ	Τ	ΤΤ	Τ	Τ	ΤΤ	ΤΤ	ΤΤ	
Υ	Υ	Υ	ΥΦ	Υ	ΥΥ	Υ	Υ	ΥΥ	ΥΥ	ΥΥ	
Χ	Χ	Χ	ΧΨ	Χ	Χ	Χ	Χ	Χ	Χ	Χ	
Ω	Ω	Ω	Ω	Ω	Ω	Ω	Ω	Ω	Ω	Ω	
1	2	3	4	5	1	2	3	1	2	3	
I			II			III					

Рис. 6. Палеография лапидарных греческих надписей Восточного Ирана и Центральной Азии

1. *Монументальное письмо*. Нам известно пока всего пять памятников, выполненных в этом стиле (рис. 6, I; нижеследующие номера соответствуют колонкам на таблице).

1. Надпись в скальном комплексе в Карафто (Мидия Атропатена; близ Такаба, совр. провинция Западный Азербайджан в Иране), датируемая первой половиной III в. до н. э. (CIG, 4673; von Gall H. — *Archäologische Mitteilungen aus Iran*, 1978, 11, S. 91 ff.; Bernard P. — *Studia Iranica*, 1980, 9, p. 301 suiv.; SEG, XXX, 1980, 1662; ср. Гаибов В. А. О некоторых проблемах культа Геракла на эллинистическом Востоке. — В кн.: *Второй Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тезисы докладов*. Ереван, 1984, с. 14 сл. Мнение П. Бернара о гражданском апотропеическом характере надписи с эпиграфической точки зрения выглядит более убедительным, чем ее культовая атрибуция).

2. Посвящение Гермесу и Гераклу от Трибалла и Стратона из гимнасия в Ай-Хануме; около середины III в. до н. э. (Robert L. — *Les fouilles d'Aï Khanoum*, I, p. 208 suiv., pl. 109a).

3. Эпиграмма из Кандагара (Бактриана, совр. Афганистан), около 275 г. до н. э. (Fraser P. M. — *Afghan Studies*, 1979, 2, p. 9 ff.; SEG, XXX, 1980, 1664).

4. Эдикт Антиоха III Великого из Навахенда (Мидия), 193 г. до н. э. (Robert L. — *Hellenica*, 1949, VII, p. 5 suiv., pl. I—IV).

5. Почетная надпись из Навахенда (Мидия) 183/2 г. до н. э. (Robert L. — Ibid., p. 22 suiv., pl. V).

Все приведенные надписи выполнены в лучших традициях эллинистического шрифта, синхронно развивавшегося в средиземноморских и причерноморских центрах. Один из характерных признаков их — заметное апицирование, отличительная особенность — свободная расстановка букв. Не заметно никакой тенденции ни к курсивности, ни к наклону букв вправо.

II. *Монументально-курсивное письмо*. К нему удается отнести пока четыре памятника из этого региона, включая публикуемый на этих страницах (рис. 6, II).

1. Первый эдикт Ашоки из Кандагара, ок. 259/8 г. до н. э. (Pugliese-Caratelli G., Levi Della Vida G. Un editto bilingue greco-aramaico di Ašoka. R., 1958; Schlumberger D., Robert L. — JA, 1958, p. 1 suiv.; Pouilloux J. Choix d'inscriptions grecques. P., 1960, № 53; Pugliese-Caratelli G., Garbini G. A Bilingual Graeco-Aramaic Edict by Ašoka. R., 1964; Pfohl G. Griechische Inschriften als Zeugnisse des privaten und öffentlichen Lebens. München, 1965, № 111; Guarducci M. Epigrafia greca. II. Roma, 1969, p. 90 sg., App. 1).

2. Надпись из Ай-Ханума с дельфийскими максимами, начало III в. до н. э. (Robert L. — Les fouilles d'Aï Khanoum, I, p. 213 suiv., pl. 108; Guarducci M. Epigrafia greca, III, p. 79, fig. 38).

3. Надпись на керамической плитке из Жига-Тепе (Бактриана, совр. Афганистан), конец III — начало II в. до н. э. (Kruglikova I. T. — CRAI, 1977, p. 425 suiv., fig. 16; Пугаченкова Г. А. Древняя Бактрия. М., 1979, с. 74 сл., рис. 12, 2; Bull. ép., 1979, 606; SEG, XXVII, 1977, 972 bis). Поскольку эта надпись не стала пока объектом специального исследования, имеет смысл остановиться на ней подробнее. Сохранившиеся на фрагменте левого верхнего угла довольно толстой керамической плитки 6 строк (которых могло быть и больше) греческого текста вырезаны после обжига (а не до него, как отмечает И. Т. Кругликова). Между сткк. 5 и 6 с левой стороны расположено отверстие для крепления, по-видимому, на каменной (?) стеле. Сохранившиеся лексемы и обороты заставляют видеть в тексте надгробную эпитаграмму (а не посвящение, как предполагала Г. А. Пугаченкова), исполненную, видимо, элегическим дистихом. Исходя из этого, издатель SEG предложили дополнить в стк. 1: οἶος ἀνὸς θα[νάτου], хотя нельзя считать вовсе исключенными и другие варианты, например: οἶος ἀν εἰ θα[νάτου] или οἶος ἀν εἰθ' α — — —. Глагол. в стк. 2 можно принимать либо за 3-е л. ἀξίησει σ[ε] — «тебя укрепит, возвысит», либо за 2-е л. ἀξίησεις — «ты приумножишь, возвеличишь». В стк. 3 крайне маловероятно чтение Г. А. Пугаченковой — «богородный»; здесь, скорее, стоит личное имя Διογένης в ном. или асс. Стк. 4 содержит эп. форму οἴχηται — «уходит, умирает», что хорошо коррелирует с дополнением в стк. 6 стандартного тропа эпитафий: εἰς Αἰδ[αο δόμον] — «в обитель Аида»; наконец, в стк. 5: παῖρος — «отца».

Надпись из Жига-Тепе — типичный образец монументально-курсивного письма. Наряду с чисто курсивными *дельтой*, *пи* и лунарной *сигмой* (стк. 1) она содержит признаки монументализма, проявляющиеся в «квадратной» *сигме* (четыре раза) и в стремлении вписать *тету* и *омикрон* в габариты строки. Однако в ней ярче всего проявляют себя рудименты писцового курсива мастера, привыкшего работать с каламом: *альфа* с изогнутой и слегка поднятой справа перекладной; *эпсилон* (стк. 3) с нижней гостой, выступающей за вертикаль; *эта*, имеющая на верхних и нижних концах обеих вертикалей чуть загибающиеся вправо крючки; *ро* с маленьким кружочком; плавные изогнутые линии *ипсилона* и *хи*. Наконец, большинству букв свойствен общий характерный для всей группы признак — наклон вправо, безошибочно выдающий руку профессионального писца; при этом апицирование и прочие украшения концов гаск полностью отсут-

ствуют⁶⁹. Отметим также, что у всех надписей этой группы, при всем разнообразии их содержания, заметна упорная тенденция резчиков оканчивать строки на полные слова; силлабический перенос — редчайшее исключение⁷⁰.

III. *Курсивное письмо*. Этот стиль представлен пока тремя памятниками (рис. 6, III).

1. Манумиссия, найденная близ Горгана (Иран, древ. Гиркания), 281—261 гг. (Robert L.— *Hellenica* 1960, XI—XII, p. 85—91, pl. V). Интересно отметить, что все строки оканчиваются на полные слова.

2. Второй эдикт Ашоки из Кандагара, около 259/8 г. до н. э. (Schlumberger D.— *CRAI*, 1964, p. 126 suiv.; Robert L.— *Ibid.*, p. 134 suiv.; Benveniste E.— *JA*, 1964, p. 137 suiv.; Harmatta J.— *Acta Antiqua*, 1966, 14, p. 77 suiv.).

3. Эпиграмма Клеарха из Ай-Ханума, начало III в. до н. э. (Robert L.— *Fouilles d'Aï Khanoum*, I, p. 211 suiv., pl. 108). Л. Робер (p. 213, 215) отмечает, что шрифт этого памятника напоминает рукописный и должен быть сопоставлен с письмом папирусов.

Стиль письма резчиков, работавших в курсивной манере, полностью повторяет писцовый с небольшими отличиями, вызванными разностью в твердости материала. Буквы всегда мелкие, убористые; интерлинии непропорционально превышают высоту строк; последние часто «пляшут». Литеры изобилуют лунарными формами и имеют явный наклон вправо.

Разумеется, не во всех случаях можно стопроцентно атрибутировать конкретную надпись тому или иному стилю палеографии: некоторые из них сочетают в себе признаки двух или даже всех трех разрядов. Однако уже на данном этапе выделение своеобразного монументально-курсивного письма среди эпиграфических памятников, происходящих с территории Таджикистана, Афганистана и Ирана, следует признать весьма продуктивным. Выделяемый лапидарный стиль был оригинальным, хотя и непроизвольным творением мастеров, вырезавших надписи в глубинных районах Азии, на периферии эллинской ойкумены. В этом убеждает просмотр достаточно большого числа эпиграфических памятников из приморских малоазийских городов, таких центров эллинистической культуры, как Приена, Пергам, Милет, Магнезия на Меандре, Теос и др., в которых монументально-курсивное письмо полностью отсутствует, тогда как и монументальное и курсивное хорошо засвидетельствовано сотнями находок. При этом следует отметить, что предпочтение в этих центрах отдавалось монументальной палеографии, курсивная же появляется достаточно поздно⁷¹.

Так, целая серия документов, вырезанных на стене так называемого «северного зала» или «священной стои» в Приене, исполнена типичным курсивным письмом с характерными признаками: «пляшущими» буквами, постоянным наклоном вправо и т. п. Все эти надписи датируются последней третью II — началом I в. до н. э.⁷² Подобным же курсивом вырезана магнезийская надпись, датированная временем около 138 г. до н. э.⁷³ Число примеров легко было бы умножить, но они едва бы изменили общую картину; курсивное письмо входит в широкое употребление в малоазийских полисах в конце II в. до н. э. Таким образом, в отношении применения курсива резчики Центральной Азии в целом опережали своих коллег из приморских центров, коль скоро этот стиль вошел у первых

⁶⁹ Ср. Robert L.— *JA*, 1958, 246, p. 9.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 8.

⁷¹ Имеется в виду массовая практика, а не отдельные случаи, фиксируемые в греческих надписях уже даже в IV в. до н. э. См. *Guarducci*. Epigrafia greca, I, p. 377 (с литературой).

⁷² *Hiller von Gaertringen* F. Inschriften von Priene. В., 1906, № 107, 111—114.

⁷³ *Kern* O. Inschriften von Magnesia am Maeander. В., 1900, № 105.

в обиход по крайней мере с начала III в. до н. э., в отношении же монументально-курсивного шрифта они и подавно выступают «монополистами».

Однако в поле зрения автора этих строк попал один эпиграфический документ, который позволяет если не опровергнуть последнее наблюдение, то внести в него известные коррективы с вытекающими отсюда существенно важными выводами. Не так давно был опубликован интереснейший документ, найденный вдали от крупных административных и культурных центров Селевкидской державы — в Денизли (Турция)⁷⁴. Во-первых, его важное значение состоит в том, что это декрет, изданный не от имени буле и демоса одного из анатолийских полисов, а двумя общинами — Неутейхос и Киддиу коме, который датируется 268/7 г. до н. э.⁷⁵ Во-вторых, его палеография дает нам типичный пример монументально-курсивного письма, близкого по времени и манере исполнения таким вышеназванным памятникам, как дельфийские максимы из Ай-Ханума (II, 2) или Первый эдикт Ашоки (II, 1). Он являет собой то же стремление к монументальности при сохранении писцовых рудиментов. Исходя из характера документа, следует думать, что он вырезался на месте и местным резчиком, также специализировавшимся преимущественно на работе каламом и чернилами, но подражавшим известным ему «классическим» образцам эллинистической палеографии.

Сопоставление декрета из Денизли с центральноазиатскими надписями позволяет поставить вопрос о причинах возникновения столь странного на первый взгляд феномена, как монументально-курсивное письмо. Основываясь на ряде соображений, я склонен предложить следующее решение этой проблемы.

В своей блестящей публикации надписей из Ай-Ханума Л. Робер поставил очень важный вопрос об аспектах и степени эллинизации Востока⁷⁶. На примере великолепно распознанного им в надписи из этого бактрийского города философа перипатетической школы Клеарха Солийского, ученика Аристотеля, который совершил из Греции столь далекое путешествие и поставил на берегах Окса памятник с речениями греческих мудрецов и сочиненной им самим эпиграммой, исследователь показал, что подобные периферийные города не были заселены одними лишь солдатами и их офицерами. Нет — в них существовали гимнасии с эфебами, педотрибами; сюда заезжали из Греции философы, читавшие здесь лекции, преподавая слушателям учения эллинских мудрецов⁷⁷. Счастливая находка в Ай-Хануме оттиска на глине листов греческого папируса, вероятнее всего философского содержания, — свидетельство того, что его обитатели были в курсе культурных и научных новинок⁷⁸. Как показывают многочисленные памятники архитектуры и скульптуры, эти города культурно обогащались также за счет приезжих художников и ремесленников. Обнаруженные археологами зрелищные сооружения позволяют предполагать визиты сюда артистов и техников.

Как верно отмечает Л. Робер, в Ай-Хануме работали и резчики надписей, поддерживавшие контакты со своими коллегами в Селевкидской державе и в остальном греческом мире; они-то и вырезали для Клеарха надпись с его эпиграммой и дельфийскими максимами⁷⁹. К этому бесспорному наблюдению следует сделать одно лишь добавление. Несмотря на все тесные контакты с ведущими центрами эллинистического мира,

⁷⁴ Wörle M. Antiochos I., Achaïos der Ältere und die Galater. — Chiron, 1975, 5, S. 59 ff., Taf. 17.

⁷⁵ Ср. также Свенцицкая И. С. Полис и община: к вопросу о формировании общинного самоуправления в эллинистический период. — В кн.: Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984, с. 71—80.

⁷⁶ Robert. Les inscriptions, p. 235 suiv.

⁷⁷ Ср. также Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979, с. 154—156.

⁷⁸ Bernard P. — CRAI, 1978, p. 457, suiv., fig. 20.

⁷⁹ Robert. Les inscriptions, p. 236.

обогащавшими их культурно, местные резчики не имели за плечами непрерывной традиции лапидарной палеографии: их техника и мастерство возникли в новых, удаленных на сотни километров от Греции местах совершенно на новой почве — на почве культуры писцового письма, письма каламом и чернилами на папирусах и острака. В пользу этого мог бы свидетельствовать уже сам факт той огромной роли, которую играли в этих периферийных городах административная переписка, учетно-хозяйственные и финансовые документы, фиксировавшиеся, понятно, не на мраморе или известняке. Я беру на себя смелость утверждать, что большинство найденных в этом регионе памятников монументального шрифта исполнены приезжими из Средиземноморья или из крупных центров Селевкидского царства резчиками. И как бы ни старались местные мастера тянуться за этими исполненными на месте или, не исключено, увиденными ими в «метрополии» образцами, натренированная на другом материале и в другой технике рука непроизвольно делала свое дело, спонтанно выводя монументально-курсивный шрифт, либо вовсе сбиваясь на простой курсив с ярко выраженными писцовыми элементами.

В итоге возник удивительный, парадоксальный феномен. В палеографии хорошо известен тот факт, что письмо острием на более мягких материалах — навощенных табличках, свинце, керамике, не говоря уже о надписях, выполненных краской или чернилами, опережало в своем развитии по внедрению «прогрессивных» форм букв и их лигатур лапидарный шрифт, вырезанный в камне или в твердом металле. Так вот, периферийные греческие резчики, базировавшиеся на собственных писцовых традициях, опережали коллег, творивших в развитых культурных центрах с их вековыми традициями лапидарной палеографии! Едва ли в истории культуры можно подыскать другой подобный пример, когда окраина опережала центр. Темпы и хронологическую дистанцию подобного опережения трудно подвести под какую-либо жесткую формулу: вероятно, они колебались в зависимости от места и времени, однако их нельзя не учитывать при датировании конкретных эпиграфических памятников.

Все сделанные выше наблюдения возвращают нас к вопросу о дате тахти-сангинского погоста. Учитывая выведенное выше правило «опережения», наличие в посвящении Атросока таких развитых эллинистических форм букв, как *альфа*, *тета*, *сигма* и *омега*, сопоставляя это с массовым применением курсивной палеографии в анатолийских «центральных» полисах начиная с конца II в. до н. э., а также сравнивая шрифт нашего памятника с дипинти и граффити из Ай-Ханума, мы едва ли ошибемся, отнеся посвятельную надпись божеству Оксу к первой половине II в., вероятнее всего, ближе к середине столетия. В таком случае окажется, что обетное приношение в храм было совершено Атросоком незадолго до переломного момента в истории Центральной Азии — нашествия Великих Кушан.

III

Для историко-культурной интерпретации публикуемого памятника представляет большой интерес имя автора надписи — Атросок (Ατροσω-κης) — и тот факт, что он посвятил алтарь Оксу (Ἰουξωι).

Ατροσωκης — греческая передача иранского, по мнению В. А. Лившица⁸⁰, скорее всего, бактрийского, имени *Ātrosōk* или *Ātrusōk*, которое образовано от хорошо известной в иранской антропонимике модели сложных (двухосновных) имен. Первая его часть продолжает древнеиранское **ātr* — «огонь», «бог огня». Термины для «огня» в «Авесте» — это *ātar-*, *ātərə*, *āθr*, *ātr*. Они применяются как для обозначения огня вообще, так и в спе-

⁸⁰ В. А. Лившицу мы обязаны ценными замечаниями и соображениями лингвистического характера, за которые приносим ему благодарность (их использование специально оговаривается).

циальном смысле: священный огонь, жертвенный огонь и, наконец, огонь как божество (язата) — сын Ахурамазды (AiW, Sp. 312—316)⁸¹. Это божество было распространено как в дозороастрийских, так и в зороастрийских иранских верованиях, функционально соответствуя древнеиндийскому Агни.

В «Авесте» Атар носит, в частности, титул *amawant* — «сильный», «могущественный», причем он оказывает помощь благочестивому зороастрийцу, от него зависят все блага жизни. «Дай мне, о Атар, сын Ахурамазды, быстро благоденствие, быстро защиту, быстро жизнь, обильное счастье, крепкую защиту, богатую жизнь» (Y, 62, 4)⁸². В древнейшем из известных эпиграфических древнеиранских текстов, в надписи из Арбсуна (Каппадокия), содержится обращение к Огню: «Воскликнем (?), о Ахурамазда, принеси нам помощь! О могучий (?) Огонь, заботься! О могучий Огонь, заботься!»⁸³.

Антропонимы с **atr-*, **atar-*, **āθr* (древнеиранские варианты основы) засвидетельствованы в «Авесте», где есть восемь имен с Атар: *Ātəraēiθra*, *Ātəradāiḥu-*, *Ātəradāta-*, *Ātərapāta-*, *Ātərasauuah-*, *Ātərauuanu-*, *Ātəra-x^varənah-*, *Ātərazantu-*. Все эти имена появляются в Yt., 13, 102 (вероятно, их носители были родственниками) и прилагаются к праведным зороастрийцам⁸⁴. Как полагает М. Майрхофер, в этих именах «Атар» заменяет почти исчезнувшего на иранской почве «Агни»⁸⁵. Известны эламские, аккадские и греческие передачи таких древнеперсидских и древнемидийских имен, а также более поздние имена такого типа — парфянские, среднеперсидские и новоперсидские⁸⁶. Конечный *омикрон* первой части тахтисангинского имени передает краткий гласный -о- или -и-. По сообщению В. А. Лившица, эта особенность, как можно предположить, «отражает фонетический вариант, возникший под влиянием авестийской традиции, скорее всего устной. При этом древнеиранское *r* (**atr-*), по крайней мере, реализовалось в жреческом произношении авестийского текста как сочетание согласного *r* + краткой гласной типа *ō* или *ī*». Следует также сопоставить эту часть имени с именем божества огня на монетах Хувишки — *ΑΘΡΟ* (или *ΑΘΡΟ*)⁸⁷.

⁸¹ Литература о божестве огня в «Авесте» и его культе огромна. Назовем лишь несколько исследований: *Hertel J.* Die arisché Feuerlehre. I. Teil. Lpz., 1925, S. 63—168; *Gray L. H.* The Foundations of the Iranian Religions. Bombay, 1929, p. 66—70; *Hertel J.* Die awestischen Herrschafts- und Siegesfeuer. Lpz., 1931; *Wikander S.* Feuerpriester in Kleinasien und Iran. Lund, 1946; *Kramers J. H.* Iranian Fire-Worship.— *Analecta Orientalia*, I, Leiden, 1945; *Duchesne-Guillemin J.* Fire in Iran and in Greece.— *East and West*, N. S., v. 13, № 2—3, 1962, p. 201 f.; *Widengren G.* Die Religionen Irans. Stuttgart, 1965, S. 19, 33 ff., 82, 128, 336; *Nyberg H. S.* Die Religionen des Alten Iran. Osnabrück, 1966, S. 123, 145, 219, 281 ff., 299, 308; *Boyce M.* A History of Zoroastrianism, V. I. Leiden — Köln, 1975, p. 28 f., 35 f., 70 f., 140—142, 154—156, 212, 219, 242, 258.

⁸² *Avesta. Die heiligen Bücher der Parsen.* Übersetzt von F. Wolff. Strassburg, 1910, S. 86. Далее древнеиранские и древнеиндийские источники сокращаются следующим образом: AiB — *Aitareya-Brāhmana*; Dk. — *Dinkard*; GBd. — *The Greater (or Iranian) Bundahisn*; RV — *Rigveda*; Vd. — *Vendidad*; Y — *Yasna*; Yt. — *Yast*.

⁸³ Перевод М. Н. Боголюбова (*Боголюбов М. Н.* Молитва Ахурамазде на древнеиранском языке среди арамейских надписей из Арбсуна.— Сб.: *История Иранского государства и культуры.* М., 1971, с. 283).

⁸⁴ *Mayrhofer M.* Die awestischen Namen. Wien, 1977 (*Iranisches Personennamenbuch*, B. I, fasc. 1), S. 28—30, 67—74.

⁸⁵ *Idem.* Zum Namengut des Awesta.— *Stzb.* Wien, 1977, Bd. 308, 5, S. 21, 34 f.

⁸⁶ *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, passim; *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. B., 1961, Sp. 318 f.; *Mayrhofer M.* Onomastica Persopolitana. Das altiranische Namengut der Persepolis-Täfelchen. Wien, 1973, S. 158, § 502; *Gignoux Ph.* Problèmes d'interprétation historique et philologique de titres et noms propres Sasanides.— AA, t. XXIV, fasc. 1—4. Budapest, 1976, p. 106; *Mayrhofer M.* Zum Namengut..., S. 21, Anm. 90; *idem.* Die awestischen Namen..., S. 28—30, № 67—73; *Gignoux Ph.* Les noms propres en moyen-perse épigraphique. Étude typologique.— In: *Pad nām ī yazdan.* P., 1979, p. 73—76.

⁸⁷ Лингвистический анализ см.: *Harmatta J.* Cusanica.— *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1960, v. XI, p. 203; *idem.* Late Bactrian Inscriptions.— AA, XVII, 3—4, 1969, p. 335.

Что касается второй части имени «Атросок», то здесь возможны три альтернативных толкования.

1. -sōk из древнеиранского *sauka — «жар, зной», в «Авесте» saoka — в том же значении и производное от этих двух слов ātrə saoka — «головня». В среднеперсидском переводе «Авесты» последнее слово понимается в специальном смысле, а именно как благоухающие куски дерева, применяемые для поддержания священного огня⁸⁸. Если принять эту этимологию, то имя Ātrosōk можно было бы интерпретировать как «горящий священным огнем» или «обладающий пламенем священного огня».

2. -sōk из древнеиранского *saukā — «польза, выгода, преимущество». В «Авесте», в форме saokā — это женское божество⁸⁹. Оно упоминается в Yt., I, 21; 12; 4; Vd., 19, 37; 22, 3—5. Из Vd., 22, 3—5 явствует, что Saokā — инкарнация блага, богатства, вместе с тем помогает выздоровлению больных, делая их вновь здоровыми. В среднеперсидском «Бундахишне» (GBd., XVI, 13, 22) это божество Sōk, оно помещается между солнцем и луной, через него поступают людям все богатства земли⁹⁰. Такое сочетание двух теонимов хорошо известно в иранской, в частности в парфянской и среднеперсидской, ономастике⁹¹. При такой интерпретации имя Атросок означало бы «обладающий пользой божества огня» или же «(находящийся под покровительством) божеств огня и пользы».

3. -sōk из древнеиранского *savaka — «сила, мощь». Как нам сообщил В. А. Лившиц, «такая интерпретация кажется наиболее вероятной, поскольку в этом случае Ātrosōk имело бы точное соответствие в авестийском Ātərəsavah-, выступающем в «Фравадин-яште» (Yt. 13, 102) среди имен первых последователей Заратустры... Написание Ατροσωκης с *омегой*, передающей долгий гласный, показывает, что в период, к которому относится рассматриваемая надпись, древнеиранское -ava- превратилось в гласный ō: -sōk из *-savaka-, древнеиранского суффиксального варианта savah-. Развитие -ava>>-o- в иранских языках завершилось, очевидно, уже к концу ахеменидского периода». Как показал М. Майрхофер, авестийское Ātərəsavah- следует интерпретировать как «обладающий силой божества огня»⁹². Следовательно, имя Атросок воспринималось таким же образом.

Итак, Атросок — теофорное имя, смысл которого, скорее всего: «обладающий силой божества огня». Мы не знаем, был ли он жрецом огня, хотя это исключить, конечно, нельзя. Важно, что этот человек, носящий типично зороастрийское имя, в котором прославляется божество огня, в этой надписи фигурирует в связи с Оксом, причем, очевидно, подразумевался храм Окса, которому делалось подношение.

Окс античных памятников, как явствует из их анализа, по современной географической терминологии — это течение р. Амударьи вместе с ее притоками, в том числе с р. Вахш⁹³. Греческое Ὀξος (Оксос) — закономерная передача гидронима «Вахш» (древнеиранское *Vaχšu) — названия Амударьи у ираноязычного населения Средней Азии. «Вахш» в качестве наименования Амударьи зафиксирован (в соответствующей передаче) в древнеиндийских и древнекитайских источниках. Лишь позже, может быть после VII—VIII вв., наименование «Вахш» начинает применяться

⁸⁸ Bartholomae. Op. cit., Sp. 319.

⁸⁹ Ibid., Sp. 1549.

⁹⁰ Gray. Op. cit., p. 158 f.; Avesta. Die heiligen Bücher der Parsen. Übersetzt von F. Wolff. B., 1960 (Nachdruck), S. 438; The Zend-Avesta, pt. I. Transl. by J. Darmsteter. Delhi-Varanasi-Patna, 1974 (SBE, v. IV; reprint), p. 230 f.

⁹¹ Лившиц В. А. Парфянские остраки из Коша-депе.— СА, 1980, № 4, с. 236; Gignoux. Problème..., p. 106.

⁹² Mayrhofer. Zum Namengut..., S. 21, *idem*. Die awestischen Namen, S. 29.

⁹³ Пьянков И. В. Бактрия в античной традиции (Общие данные о стране: название и территория). Душанбе, 1982, с. 49—50, 53.

исключительно к одному из главных притоков Амударьи — современной реке Вахш⁹⁴.

Вахш обозначало название реки и божество. В среднеазиатской ономастике это слово отмечено, как сообщил нам В. А. Лившиц, в раннем (около IV в. до н. э.) арамейском или древнехорезмийском по языку остраконе из Калалы-гыр 2 (раскопки Б. И. Вайнберг), содержащем имя со значением «созданный богом Вахшу». На одном перстне, вероятно, IV в. до н. э. из Амударьинского клада имеется арамейская надпись wḥšw — «Вахшу»⁹⁵. В греческих источниках засвидетельствовано несколько лиц, в том числе связанных с Бактрией, в состав имен которых входит Вахш. В греческих финансовых документах из Ай-Ханума есть имя Ὀξυβαζος — передача имени Waxsuwazd — от древнеиранского *Вахш-вазда — «опора (божества) Вахшу»⁹⁶. «Вахшу», очевидно, обозначало и божество реки. Так, на монетах Хувишки на оборотной стороне — стоящий влево мужской персонаж, держащий в левой руке рыбу, а в правой — жезл. Иконографически это реминисценция изображения Посейдона на монетах Мауса. Надпись OAXPO, т. е. «Вахш»⁹⁷. Имя OAXSO зафиксировано на одной гемме IV в. из Калькуттского музея⁹⁸.

В очень древнем санскритском источнике «Mahāmāyūri», первые частичные переводы которого на китайский относятся к IV в. н. э., а полный — к началу VI в. н. э., в списке якш упоминается Vaiśravaṇa — якши Тухара. По словам С. Леви, под Тухарой следует понимать «народ Тохаристана с его рекой Оксом»⁹⁹. Как известно, в древних индийских верованиях якши в целом были благожелательными гениями, обладающими сверхчеловеческим могуществом. Часто они контаминируются с местными охранительными духами. Нередко они выступают как гении-хранители областей или царств. Для нас существенно, что они часто являются духами вод¹⁰⁰.

Божество «Вахш» было известно и согдийцам. В согдийских надписях в Тхоре (верхняя часть долины Инда, Пакистан) пять раз встречается имя wxwšwβntk/wxwšβntk/wxšβntk — «слуга (буквально — раб) Вахша»¹⁰¹.

Рассказывая о праздниках хорезмийцев, Бируни (XI в.) сообщает, что десятый день месяца *аспидармици* — «праздник у хорезмийцев, называемый Вахш-Ангам. Вахш — имя ангела, поставленного (наблюдать) над водами, в частности над рекой Джейхуном»¹⁰². Жители Хорезма сохраняли эти верования до самого недавнего прошлого¹⁰³. Пережитки таких

⁹⁴ Markwart J. Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938, S. 31, 52. Cp. *Harmatta*. Cusanica..., p. 198.

⁹⁵ Henning W. B. Mitteliranisch.— Handbuch der Orientalistik, I, VI, 1. Leiden — Köln, 1958, S. 24; *Зеймаль* Е. В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979, с. 61 (с литературой вопроса).

⁹⁶ Grenet. Op. cit., p. 376—378.

⁹⁷ Rosenfield J. M. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley, Los Angeles, 1967, p. 92, pl. VIII/155.

⁹⁸ Grenet. Op. cit., p. 381.

⁹⁹ Lévi S. Le catalogue géographique des yaksa dans la Mahāmāyūri.— JA, ser. 11, t. V. P., 1915, Janvier-Février, p. 53/86, 102.

¹⁰⁰ Coomarswamy A. K. Yaksas, I—II. Washington, 1928, 1931; Gonda J. Die Religionen Indiens. I. Veda und älterer Hinduismus. Stuttgart, 1960, S. 323 f.

¹⁰¹ Humbach H. Die sogdischen Inschriftenfunde vom oberen Indus (Pakistan).— Allgemeine und vergleichende Archäologie. Beiträge, Bd. 2. München, 1980, S. 204.

¹⁰² Бируни. Памятники минувших поколений. Пер. М. А. Салье.— Избр. произведения. I. Ташкент, 1957, с. 258. Название месяца — по В. А. Лившицу (*Лившиц В. А.* «Зороастрийский» календарь.— В кн.: *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975, с. 330).

¹⁰³ Снесарев Г. П. Обряд жертвоприношения воде у узбеков Хорезма, генетически связанный с древним культом плодородия.— В кн.: *Материалы Хорезмской экспедиции.* IV. М., 1960, с. 200—201; *он же.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 231—239.

представлений сохранились и у населения Памира — в Язгулеме, Вахане и Ишкешиме ¹⁰⁴.

Эти верования уходят в глубокую древность, восходя к индоевропейскому прошлому. Культ речных потоков, в частности с жертвоприношениями, был известен в Греции ¹⁰⁵. Индийский Варуна теснейшим образом связан с водой. Он живет в реках, они его сестры ¹⁰⁶. Четыре гимна Ригведе посвящены Араһ (мн. ч.) — водам, причем подчеркивается их священный характер. В эпосе есть представление, что все реки — священные ¹⁰⁷. В древней Индии был обширный цикл таких верований ¹⁰⁸. Существовали и храмы, связанные с реками. Так, в Греции известен храм, посвященный водному божеству, раскопанный шведской экспедицией Н. Валмина у деревни Nagios Flogos в долине Мессении рядом с рекой Памис на скале, изобилующей источниками ¹⁰⁹.

Обожествленные воды в Индии и Иране почитались (соответственно) под именем Араһ и Ар. Слово Ар — женского рода, и в среднеперсидском Бундахишне (GBd., XV, a, 1) вода, наряду с землей, растениями и рыбами, причисляется к числу четырех основополагающих женских существ в мире ¹¹⁰. «Воды» неоднократно упоминаются в «Авесте», иногда они связываются с Митрой (Yt., X, 100). Жертвы им должны приноситься от восхода до заката солнца, в другое время это страшный грех ¹¹¹.

В «Ясне» воды прямо называются «женами Ахурамазды» (Y, 38, 1). Верующие почитали вытекающие из источников, затем соединяющиеся и текущие дальше воды, которые легко пересекать и в которых хорошо можно плавать (плыть?) и хорошо мыться (Y, 38, 3). Воды сравниваются с молочными коровами (Y, 38, 5) ¹¹². При этом, как отметила М. Бойс, и в авестийских, и в ведических верованиях Ар одновременно и божественное существо, и реальная физическая субстанция. В этом их отличие от Апам-Напат — он бог, который живет в воде, но в отличие от Ар не слит с водою и не идентичен ей ¹¹³.

Величайшим божеством рек являлась Ардви Сура Анахита. Помимо всех своих других функций ¹¹⁴, она выступала как мифическая река *Nahahdātī, текущая вниз с высокой Нага. Эта мифическая река, с которой отождествлялась Анахита, «была так велика в размерах, как все воды, текущие на земле» (Yt., 5, 3). Не случайно в позднее время посвященный ей

¹⁰⁴ Богомолова К. А. Следы древнего культа воды у маджиров. — Изв. Отд. общ. наук АН ТаджССР, № 2. Сталинабад, 1952, с. 112; *Муриддинов И.* Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкешима в XIX — начале XX в. (Историко-этнографический очерк). М., 1975, с. 101 сл.; *Кисляков Н. А.* Язгулемцы. — Изв. ВГО, т. 8, в. 4, 1948, с. 369; *Моногарова Л. Ф.* Материалы по этнографии язгулемцев (Западный Памир). — Тр. Ин-та этнографии АН СССР, н. с., т. XLVII. М., 1959, с. 75; *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф (верховья Амударья), вып. II. Сталинабад, 1958 (Тр. АН Тадж. ССР, т. XI), с. 70—72.

¹⁰⁵ *Farnell L. R.* The Cults of the Greek States. V. Oxf., 1909, p. 421—424; *Nils-son M. P.* Geschichte der griechischen Religion. Bd. I. München 1955, S. 236—240.

¹⁰⁶ *Gonda.* Op. cit., S. 80.

¹⁰⁷ *Ibid.*, S. 80.

¹⁰⁸ *Viennot O.* Les divinités fluviales Gangā et Jamuna aux portes sanctuaires de l'Inde. P., 1964.

¹⁰⁹ *Valmin N.* The Swedisch Messenia Expedition. Lund, 1938, p. 419—465, figs. 81—96, pl. XXXI—XXXVII, plan VII.

¹¹⁰ *Boyce.* History..., p. 71.

¹¹¹ Сводку свидетельств «Авесты» см. *Gray.* Op. cit., p. 136.

¹¹² Так, по Ф. Вольфу — *Avesta. Die heiligen Bücher der Parsen.* Strassburg, 1910, S. 68, Ср. *Mills L. H.* The Zend-Avesta, pt. III. Delhi—Varanasi—Patna, 1974, p. 286 f. Впрочем, согласно Агафию (II, 24), иранцы так почитали воду, что избегали мыть лица водой. Фактически, конечно, они мылись в воде, но предварительно приняв меры, чтобы вода при этом не подверглась ритуальному загрязнению; см. об этом *Boyce.* History..., p. 296 f.

¹¹³ *Boyce.* History..., p. 71.

¹¹⁴ *Gray.* Op. cit., p. 55—62; *Lommel.* Anahita-Sarasvati. — In: *Asiatica. Festschrift F. Weller.* Lpz., 1954; *Ringbon L.-I.* Zur Ikonographie der Göttin Ardvi Sura Anahita. Abo, 1957.

яшт стал называться *Ābān Yašt* — «Гимн водам». Что же касается реальных рек и водоемов, то они рассматривались как связанные с «водой мироздания», так как исходным и в то же время конечным пунктом на течении считалось озеро Воурукаша ¹¹⁵.

Апам-Напат — «дитя вод», он делит на части воды (*Yt.*, VIII, 34). Он же создал и сформировал человечество (*Yt.*, XIX, 52). В среднеперсидских источниках он называется *Būgī*. В этих источниках он — помощник *Arēdvīsūr*, его главная функция — распределение вод среди областей земли (*GBd.*, XXVI, 27). Он ассоциируется с водами (*Dk.*, IX, IX, 9) ¹¹⁶.

В авестийском календаре восьмой месяц назывался по божеству *Ārānām*. Такое же наименование носил десятый день месяца ¹¹⁷. Это наименование в закономерной согдийской форме — *ʾr'nč*, является наименованием восьмого месяца и в согдийском календаре ¹¹⁸. В хорезмийской ономастике имя этого божества входило в состав имени *Ārwxaxan* (*ʾrwxsn*) ¹¹⁹.

В этой связи необходимо также упомянуть божества Хаурватат и Амэрэватат. Ахурамазда создал корову, воду, растения, Амэрэватат и Хаурватат (*Y*, II, 7). В «Младшей Авесте» их имена синонимичны с водой и растительностью. В среднеперсидских текстах они приносят растениям воду и соответственно управляют водой и растительностью ¹²⁰. Вода рассматривается как третий член мироздания, причем «вода повсюду остается под землей» (*GBd.*, Ia, 10).

В среднеперсидских текстах духи рек *Arag*, *Magv* и *Veh* молятся Ахурамазде ¹²¹. Эти сведения «Авесты» и поздних зороастрийских сочинений находят подтверждение в других источниках. Так, в эламских персепольских документах в двух случаях речь идет о божествах рек. В документе PF 339 жрец *Dargama* приносит в жертву вино Ахурамазде, эламскому божеству *Humban* и трем божествам рек — *Hubaudiš*, *Ranakara* и *Čauša-niš*. В документе 1955 маг *Auriš* получает 12 мер ячменя: три из них предназначены для культовой жертвы, три — для *Visai Baga*, три — для горы *Ayuagatana* и три — для реки *Aiharišda* ¹²².

Античные авторы сообщают немало сведений о почитании воды иранцами ¹²³. Так, по Геродоту (I, 131), персы совершают жертвоприношения солнцу, луне, огню, воде и ветрам. Маги во время похода Ксеркса на Элладу принесли в жертву реке Стримон белых коней и совершили много других обрядов в честь этой реки (*Herod.*, VII, 113—114). Река Бактр, согласно Квинту Курцию, «дала имя городу и области» (*Curt.*, VII, 4, 31; см. также *Plin.*, NH, VI, 48). Согласно Страбону (XV, 3, 13—14), персы почитают огонь, землю, ветры и воду: «Жертвы они приносят преимущественно огню и воде». Около озера, реки или источника они роют яму и закалывают жертвенное животное. Кровь стекает в яму. Следят за тем, чтобы кровь не попала в воду и не осквернила ее. Затем маги, положив куски мяса на миртовую или лавровую ветвь, долго произносят заклинания, совершают возлияния оливковым маслом, смешанным с молоком и медом, — но не в воду, а на землю». «Персы избегают мочиться, не моются и не купаются в реке; они не бросают туда покойников и ничего другого, что у них считается нечистым» (*Strabo*, XV, 3, 16).

¹¹⁵ *Boyce. History...*, p. 156.

¹¹⁶ *Gray. Op. cit.*, p. 133—135.

¹¹⁷ *Лившиц. «Зороастрийский» календарь*, с. 326.

¹¹⁸ Там же, с. 332.

¹¹⁹ *Livshits V. A. New Parthian documents from South Turkmenistan.*— AA, 1977, XXV, p. 185.

¹²⁰ *Gray. Op. cit.*, p. 51 f.

¹²¹ *Ibid.*, p. 61.

¹²² *Koch H. Die Religionenverhältnisse der Dareioszeit. Untersuchungen an Hand der elamischen Persepolisstempelchen.* Wiesbaden, 1977, S. 29, 62 f.

¹²³ См. об этом: *Benveniste E. The Persian Religion According to the Chief Greek texts.* P., 1929, p. 32.

Согласно Полиэну (VII, 12), Дарий поклонялся «бессмертному огню и священной воде». Максим Тирский писал: «Каппадокийцы считают гору божеством, клянутся ею и кланяются как священному изображению, у меотов такую же роль играет их озеро, а у массагетов — Танаис» (Maxim. Tur., Orat. VIII, 8). По Тациту, Тиридат пожертвовал коня Евфрату (Тас., Ann. IV, 37)¹²⁴. Диоген Лаэртский (I, 6) воду (наряду с Землей и Огнем) называет богом. Агафий (II, 24) писал про иранцев: «Они почитают воду больше чего-либо еще, доходя до того, что не моют в воде свои лица и воздерживаются от соприкосновения с ней, исключая того, что пьют ее и употребляют (для поливки) посаженного». «Жертва воде» — *āb-zōhr* — дожила до современности в некоторых церемониях у парсов, хотя утратила в целом свое былое значение¹²⁵.

Все вышеизложенное показывает, сколь глубоко у древних иранцев было распространено почитание воды, водных потоков и повелевающих ими духов. В Средней Азии эти верования сохранялись в средневековье и дожили до нового времени. Имеются данные о верованиях такого рода, связанных непосредственно с Оксом-Вахшем.

Однако Оксу-Вахшу, т. е. его храму или его божеству, посвящает вотив лицо, имя которого связано не с культом воды, а с культом огня. Случайно ли это? В Ясне (Y, XV, 12) при перечислении группы благих божеств Атар и Апам-Напат стоят рядом. В приведенных выше сообщениях античных авторов Вода и Огонь как божества обычно соседствуют. Апам-Напат испускает лучи небесного света (Yt., 19, 52); он — «обладатель священного огня» (Yt., 19, 53) и т. д. В поздних зороастрийских сочинениях об огне и воде, говорится, как о мужчине и женщине, брате и сестре, муже и жене, и что после их соединения «все совершилось, созрело и пришло в порядок». В *Ayātkār-i-Zarērān* (§ 23) упоминаются маги, «которые почитают и охраняют Огонь-Бахрам и Воду».

Для зрванитской мифологии характерно представление о том, что Зрван «создал огонь и воду, когда он их соединил, возник Ормузд»¹²⁶. В древней Армении практиковалось поклонение «огню-сестре» и «источнику-брату», которое происходило в пещере, у подошвы горы¹²⁷; иногда в древнеармянских источниках они называются братьями (Лазар П'ариеци, I, 28, 39). Соединение в одном комплексе озера и храма огня известно (для сасанидского времени) в Тахти-Сулейман¹²⁸.

Существенно важны и сведения о соединении двух культов в ритуале. М. Бойс пишет: «Ритуальная церемония „жертвы воде“ (*āb-zōhr*) — постоянно, как представляется, ассоциируется с „жертвой огню“ (*ātaš-zōhr*) и, следовательно, с кровавыми жертвоприношениями. Эта тесная ритуальная ассоциация засвидетельствована в древней *Yasna Hartaṇ nāiti*, которая должна была быть зороастрийской переработкой литургии, сопровождающей это сдвоенное жертвоприношение». Огонь и Вода получали свою порцию при каждой ритуальной церемонии Ясны, хотя каждая служба в целом была посвящена индивидуальному божеству¹²⁹. Все это имеет очень древние корни. Об этом свидетельствует, в частности, индийский материал¹³⁰. Агни — одно из центральных божеств Ригведы —

¹²⁴ Речь идет о Тиридате III. Жертва, согласно мнению Л. А. Кемпбелла, приносилась не самой воде (или реке), а божеству воды — Апам-Напату (*Campbell L. A. Mithraic Iconography and Ideology. Leiden, 1968, p. 328*).

¹²⁵ См. *Boyce M. Atas-zohr and Ab-zohr. — JRAS, 1966, October.*

¹²⁶ *Wikander S. Feuerpriester in Kleinasien und Iran. Lund, 1946, S. 110 f.; Zaehner R. C. Zurvan. A Zoroastrian Dilemma. Oxf., 1955, p. 79 (n), 410; idem. The Dawn and Twilight of Zoroastrianism. N. Y., 1961, p. 215, 231.*

¹²⁷ *Эмин Н. О.* Исследования и статьи по армянской мифологии, археологии и истории литературы (за 1858—1884 гг.). М., 1896, с. 29.

¹²⁸ *Naumann R. Die Ruinen von Tacht-e Suleiman und Zendan-e Suleiman und Umgebung. B., 1977, S. 39—41.*

¹²⁹ *Boyce. History..., p. 160.*

¹³⁰ «Ритуальная связь Огня и Воды основывается на индо-иранском фундаменте», — пишет Г. Виденгрэн (op. cit., S. 34).

связан не только с огнем, но и с водой. По одному представлению, он родился на небесах, по другому — в водах (RV, X, 41, 1 и др.). В «Брахманах» жрец, освящающий водой царя, призывает всех Агни, которые в ней находятся (AiB, 8, 6) ¹³¹.

Индийское божество Апам-Напат, как и одноименное иранское божество, имеет «водную» и «огненную» сущность. Его имя буквально означает «дитя вод», вместе с тем в нескольких гимнах Ригведы оно сравнивается с Агни (RV, I, 143, 1) или идентифицируется с огнем (RV, X, 8, 5) ¹³². Индийское божество Arām Narāt и иранское Aram Narāt, помимо первого элемента «вода» (во множественном числе), содержат слово, восходящее к индоевропейскому *perot/*per̥t — «сын сестры» (племянник) или «сын дочери» (внук). Этимологически с Апам-Напат связаны латинское имя божества Нептун и староирландское имя божества Нехтун. Циклы мифологии, связанные с этими божествами, при всех различиях имеют, как показал Г. Дюмезиль, общее сущностное ядро, которое входило в индоевропейский протомиф. Важнейшим элементом его является огненный элемент, скрытый в глубине вод ¹³³.

Подведем некоторые итоги.

1. Вотив был посвящен Оксу (Вахшу) и, несомненно, был поднесен в храм этого божества. Культ воды, рек и связанных с ними божеств был широко распространен у иранцев, в том числе и у бактрийцев. Однотипные бактрийским верования и храмы, посвященные реке, существовали и у эллинов. Вполне вероятно, что в Бактрии происходила контаминация этих изоморфных верований.

2. Имя донатора «Атросок» связано с культом огня; это теофорное имя, возможно (но совсем не обязательно!), принадлежало какому-то жрецу огня. План храма восходит к композиционной схеме иранского храма огня, в нем были обнаружены алтари огня. Если учесть при этом и засвидетельствованную письменными источниками в иранских (как и индийских) верованиях и ритуале бинарность вода — огонь, нельзя исключить, что храм Окса был одновременно и храмом огня.

3. Вотив сочетает в себе эллинскую и бактрийскую традиции. Язык, формула и шрифт надписи — греческие, содержащиеся в ней имена — бактрийские. На постаменте, посвященном бактрийскому божеству Окс-Вахш, помещена эллинская скульптурная фигурка греческого божества Марсия, одна из функций которого — покровительство речным потокам. Таким образом, одна и та же семантическая идея получила двойное воплощение: письменное (Окс-Вахш) и скульптурное (Марсий). Такое удвоение, сделанное к тому же соединением в вотиве мифологических образов разных религий, образов, совпадающих в одной из своих ипостасей, не только увеличило его сакральную силу, не только свидетельствовало о культурном синтезе, но и было обращено к смешанной (культурно или этнически) бактрийско-эллинской среде.

¹³¹ *Agravala V. S.* Fire in the Rigveda.— EW, v. XI, № 1, 1960, p. 30 f.; *Gonda.* Op. cit., S. 68.

¹³² Подробно об этом *Findly E. B.* The «Child of the Waters», a Revaluation of Vedic Arām Narāt.— *Numen*, v. XXVI, fasc. 2, 1979, December. Сопоставительный анализ древнеиндийских и древнеиранских текстов см. *Hertel.* Die awestischen Herrschafts- und Siegesfeuer, S. 118—129.

¹³³ *Dumézil G.* Mythe et époque III, P., 1973, p. 21—62. См. также *Littleton C. S.* Poseidon as a Reflex of the Indo-European «Source of Waters God».— *The Journal of the Indo-European Studies*, t. I, pt. 4, 1973; *Campbell.* Op. cit., p. 202 f. Ср. также *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974, с. 99 сл.

THE VOTIVE OFFERING OF ATROSOKES,
FROM THE TEMPLE OF OXUS IN NORTHERN BACTRIA

B. A. Litvinsky, Yu. G. Vinogradov, I. R. Pichikyan

In the course of excavation on the site of the temple complex at Takhti-Sangin (Tadzhikistan) more than 5000 votive offerings were found, among them that of Atrosokes to the river god Oxus (Vakhsh), which makes it possible to identify the temple. The offering of Atrosokes is a bronze figurine of the Silenus Marsyas with his double flute. He stands on a miniature stone pedestal in imitation of a monumental altar in a temple forecourt. *Pichikyan* discusses the Marsyas figure in mythology and art and concludes that the identification of Marsyas with the deity of the Oxus river may have been suggested by the gold-bearing properties of both rivers, Maeander and Oxus, also by the narrow depths of their courses and the abundance of reefs on their shores, which are used to this day for making flutes. The idea of such an identification appears to have come from people of Asia Minor: Milesians, Lydians, Lycians for example, who took part in the Central Asiatic campaign of Alexander the Great. *Vinogradov* considers the characteristics of the letters inscribed on the pedestal. Comparison of this inscription with the Hellenistic Greek lapidary inscriptions of Central Asia led him to regard the offering of Atrosokes as the earliest known example of the monumental-cursive tendency in palaeography. The unconscious initiators of this tendency were local cutters trying to copy monumental models, but since they were accustomed to work with reed-pen and ink, rudiments of their scribal habits tended to get into their script. The paradoxical consequence of these «lapses» for the evolution of letter forms was that the local masters were well ahead of stone-cutters from the big Hellenistic centres — a consequence that should not be ignored when dating inscriptions from this region. In short, the votive offering of Atrosokes should be dated in the first half (nearer the middle) of the 2nd century B. C., i. e. not long before the incursion of the Great Kushans. *Litvinsky* discusses the name Ἀτροσωκῆς, proposing several Iranian etymological parallels all of which are connected with Iranian fire-worship. The most likely candidate is the theophoric etymology «possessing the strength of the fire-god», for which there is an exact parallel in *Yt.* 13, 102: Ātərəsavah-. This, taken together with observations on the architecture of the Takhti-Sangin shrine, allows the conjecture that the god of the shrine was also Fire. *Litvinsky* adduces a wide range of mythological and ethnographic material on the worship of river streams in the East and its connection with fire-worship. The double embodiment of one and the same semantic idea — in writing (Oxus — Vakhsh) and in sculpture Marsyas — and its association with mythological figures of various religions go to strengthen the sacral force of this offering, which as a monument of cultural synthesis was directed towards a mixed Bactrio-Hellenic environment.

К. А. Абдуллаев, В. А. Завьялов

БУДДИЙСКИЕ МОТИВЫ В ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПОЗДНЕКУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ

(По материалам Зар-тепе)

Широко известна роль кушанского государства в распространении буддизма и становлении его как одной из трех мировых религий. Несмотря на то, что буддизм, по-видимому, так и не стал официальной и единственной религией Кушанской империи, он тем не менее достаточно далеко проник в самые отдаленные северные ее пределы. Наглядным примером распространения буддизма могут служить многочисленные памятники кушанского времени на юге Узбекистана, характер которых позволяет рассматривать появление здесь буддизма как вторжение целого разработанного религиозно-культурного комплекса, нашедшего отражение в архитектуре, живописи, терракоте и керамике. Интересно отметить, что в крупных древних городах, таких, как Дальверзин¹, Дильберджин², Зар-тепе³, Айртам⁴, обнаружены буддийские святилища, а в ряде случаев и ступы. Особое значение имеет Старый Термез с его ансамблем связанных с буддизмом сооружений, в числе которых пещерный монастырь Кара-тепе⁵, комплекс Фаяз-тепе⁶, ступа Зурмала⁷, что, возможно, указывает на ведущую роль этого городского центра в распространении буддизма в этом регионе. В пользу такого предположения свидетельствует также уменьшение количества находок буддийского характера на более удаленных от Термеза городищах и поселениях.

Начиная с 1975 г. на городище Зар-тепе проводятся исследования жилого квартала, расположенного в юго-восточной части памятника. Жилая застройка изучается одновременно по двум верхним строительным горизонтам, относящимся к финальному периоду обживания этого участка древнего города⁸. В процессе раскопок квартала и некоторых других

¹ Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзин-тепекушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1979, с. 90—97.

² Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин. М., 1977, с. 61—90.

³ Пилипко В. Н. Раскопки святилища позднекушанского времени на городище Зар-тепе. — В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 59—68.

⁴ Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии. — В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с. 97, 99—103.

⁵ Ставицкий Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977, с. 183, 185—191; он же, основные итоги изучения Кара-тепе в 1974—1977 гг. — В кн.: Буддийские памятники Кара-тепе в 1974—1977 гг. — В кн.: Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1982, с. 7—49.

⁶ Альбаум Л. И. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе (По материалам 1968—1972 гг.). — В кн.: Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 55—58; он же. Исследование Фаяз-тепе в 1973 г. — В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 43—45.

⁷ Пугаченкова Г. А., Хакимов З. Два ступа на юге Узбекистана. — СА, 1967, № 3, с. 257—264.

⁸ Завьялов В. А. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зар-тепе в 1975—1976 гг. — СА, 1979, № 3, с. 141—154.

объектов городища был обнаружен ряд изделий, так или иначе связанных с буддийской традицией и свидетельствующих о распространении данной религии среди городского населения. В числе обнаруженных материалов — скульптурная головка Будды из алебастра, две терракотовые фигурки стоящего Будды и терракотовое изображение его в сидячей позе. С буддизмом можно связать мотив украшения ручек керамических сосудов изображением обезьянок, стенок сосудов — штампами в виде «ступни» Будды, а также изображение цветка лотоса на керамической крышке. Непосредственное отношение к буддийской традиции имеют четыре фрагмента моделей ступ.

Алебастровая головка Будды найдена в 1980 г. на глубине 10 см под третьим уровнем пола помещения жилого квартала 92 (раскоп 6), относящегося ко II строительному горизонту (рис. 1). Учитывая то обстоятельство, что северо-северо-западная стена помещения, близ которой была обнаружена головка, заканчивается на уровне третьего пола, можно полагать, что находка относится к строительным остаткам III строительного горизонта, лежащего ниже.

Головка Будды оттиснута в глубокой матрице. Сохранившаяся ее высота — 8 см. Сохранность головки удовлетворительная, отколоты кончик носа и верхняя часть правого уха. На лицевой поверхности сохранились следы светло-коричневой краски, поверх которой был нанесен тонкий слой позолоты. За ушными раковинами наблюдаются тонкие рельефные линии, образованные в результате тиснения. Затылочная часть обработана вручную и имеет форму двух полушарий. За ушницей на темени — довольно глубокое отверстие, возникшее в результате недостаточной проработки тыльной стороны. На тыльной стороне слева выступает валик, образованный краем заготовки. Лицо удлиненное, округлый, несколько сглаженный подбородок выражен слабо, маленький рот чуть приоткрыт, в уголках губ небольшие углубления, крылья носа подчеркнуты тонкой линией, спускающейся на верхние губы. Слегка выделенные дугообразные брови почти сходятся на переносице, продолжая линию носа. Четко проработаны верхние веки, глазное яблоко с нижними веками навывкате. Лицо обрамляет прическа с выступающей на темени ушницей, переданная наколами. Уши удлиненной формы, с вытянутыми мочками и слабо проработанными ушными раковинами, мочка правого уха немного короче мочки левого.

По тыльной стороне головки видно, что она была частью пристенной скульптуры. Как показывают раскопки в Хадде, где были найдены многочисленные головки будд и бодисатв, изготовленные из гипса при помощи матриц, они, как правило, применялись для оформления культовых сооружений типа ступа или постамента статуи Будды⁹. По всей вероятности, и наша головка использовалась для этой же цели. При раскопках Кара-тепе были найдены фрагменты фигурок из мергелистого известняка, окрашенных красной краской и позолотой, которые Б. Я. Ставиский рассматривает как часть одного и того же барельефа, возможно украшавшего нижнюю часть ступа¹⁰. Как полагает Г. А. Пугаченкова, широкое применение гипсовой скульптуры наиболее характерно для позднегандхарского искусства¹¹.

Новый иконографический тип в короπλαстике Кушанской Бактрии демонстрируют два фрагмента терракотовых фигурок стоящего Будды в позе абхайя-мудра¹². Среди терракот данного региона этот иконографи-

⁹ *Barthoux J.* Les fouilles de Hadda. Paris — Bruxelles, 1930, p. 7 suiv.

¹⁰ *Ставиский Б. Я.* Фрагменты каменных рельефов и деталей архитектурного убранства из раскопок Кара-тепе 1961—1964 гг. — В кн.: Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969, с. 146.

¹¹ *Пугаченкова Г. А.* Искусство Гандхара. М., 1982, с. 174.

¹² *Завьялов В. А.* Позднекушанская антропоморфная терракота Зар-тепе. — КСИА, 1981, 167, с. 65—69, рис. 1, 2.

Рис. 1. Голова Будды из алебастра

Рис. 2. Терракотовое изображение стоящего Будды (раскоп 6)

Рис. 3. Стоящий Будда (раскоп 5)

Рис. 4. Будда в сидячей позе (раскоп 9)

ческий тип (рис. 2, 3) встречен впервые. Исходя из этого, приходится обращаться к аналогиям в области монументальной скульптуры. Наиболее близка по деталям одежды и позе скульптура Будды из кварца, хранящаяся в коллекции Института имени Хераса и датируемая III в. н. э. По манере изображения издатель относит скульптуру к произведениям гандхарской школы¹³. Однако следует отметить, что терракотовые фигурки стоящего Будды находят аналогии среди штукковых фигурок из Хотана, одежда которых трактована в иной манере¹⁴.

В ходе исследования стратиграфии уличных напластований на раскопе 9, на дне мусорной ямы, впущенной со II или III строительного горизонта, найдена терракотовая фигурка сидящего Будды (рис. 4). Статуэтка оттиснута в матрице, изготовлена из тонко отмученной глины с примесью песка и незначительной примесью гипса. Обжиг равномерный, излом светло-коричневого цвета. Следов ангоба не наблюдается. Тыльная — плоская сторона обработана вручную, в нижней ее части по углам — отпечатки пальцев мастера. Бока и основание подрезаны инструментом. Голова фигурки отбита. Насколько можно судить по нижней части статуэтки, она представляет собой иконографический тип Будды, сидящего в позе лотоса. Ноги показаны сплошной рельефной линией, и лишь на правой ноге заметно неглубокое вдавление, возможно выделяющее ступню. Правая рука согнута в локте, кисть ее, лежащая на колене правой ноги, охватывает предмет округлой формы, по всей вероятности чашу. Левая

¹³ Desai K. Treasures of the Heras Institute. New Delhi, 1976, p. 49.

¹⁴ Дьяконова Н. В., Сорокин С. С. Хотанские древности. Л., 1960, с. 43, табл. 44.

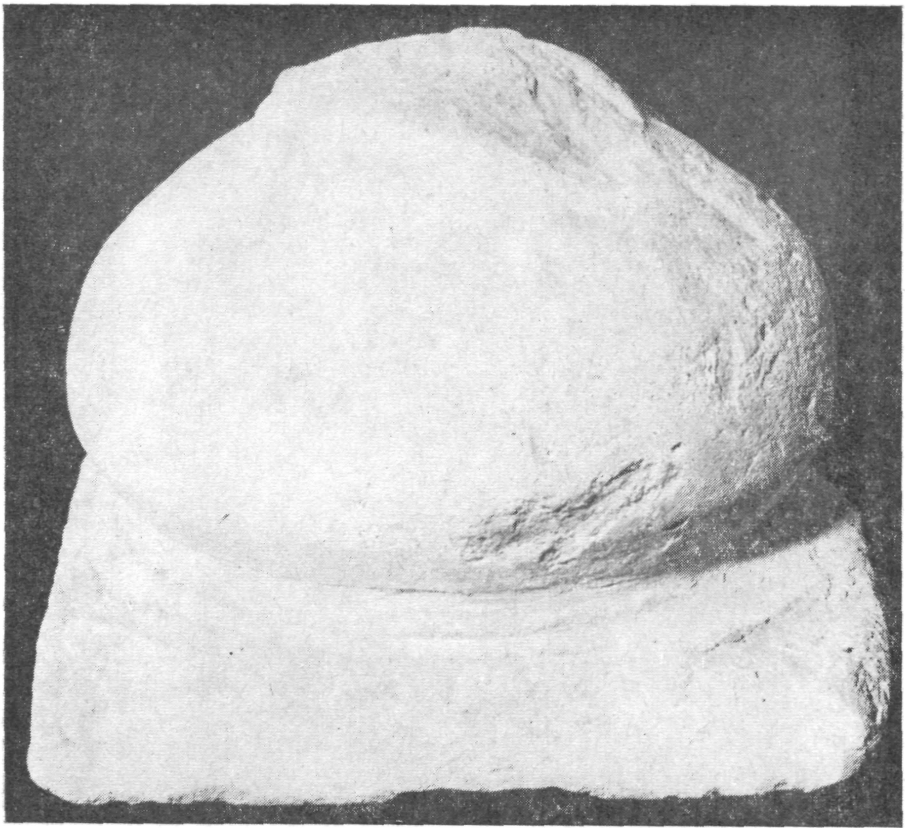

Рис. 5. Керамическая модель ступы (раскоп 4)

рука опущена на ступни ног. Будда одет в просторную одежду, запахивающаяся справа налево. Края одежды образуют на груди треугольный вырез, подчеркнутый рельефными линиями, пересекающимися в районе грудины. Основание статуэтки устойчиво, нижний его край орнаментирован косыми вдавлениями, возможно передающими детали трона. Судя по сглаженным контурам и слабой проработке деталей, можно предполагать, что оттиск изготовлен после многократного использования матрицы.

В качестве ближайшей аналогии можно привлечь терракотовое изображение Будды в сидячей позе из Кара-тепе, но правая его рука здесь, в отличие от описанной выше фигурки, по-видимому, поднята в жесте абхайя-мудра¹⁵.

Как уже указывалось, непосредственное отношение к буддийской традиции имеют модели ступ. Четыре их фрагмента найдены на городище Зар-тепе. Фрагмент первой модели обнаружен при вскрытии внутреннего помещения башни № 3, расположенной на северо-восточном фесе оборонительной стены городища (рис. 5). Модель была изготовлена из грубо отмученной глины с примесью песка и гипса и, по-видимому, сформирована в матрице с использованием подсышки песка, следы которой сохранились на основании, обжиг равномерный, черепок в изломе светло-красный. На одноступенчатом квадратном основании (11 × 11 × 2 см) располагается купол, вписывающийся в квадрат основания. Нижняя часть основания купола после формовки выбрана инструментом. По окружности основания купола местами наблюдается невысокий валик. В верхней

¹⁵ *Мешкерис В. А.* Терракоты из Кара-тепе.— В кн.: Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969, с. 131—136, рис. 23б.

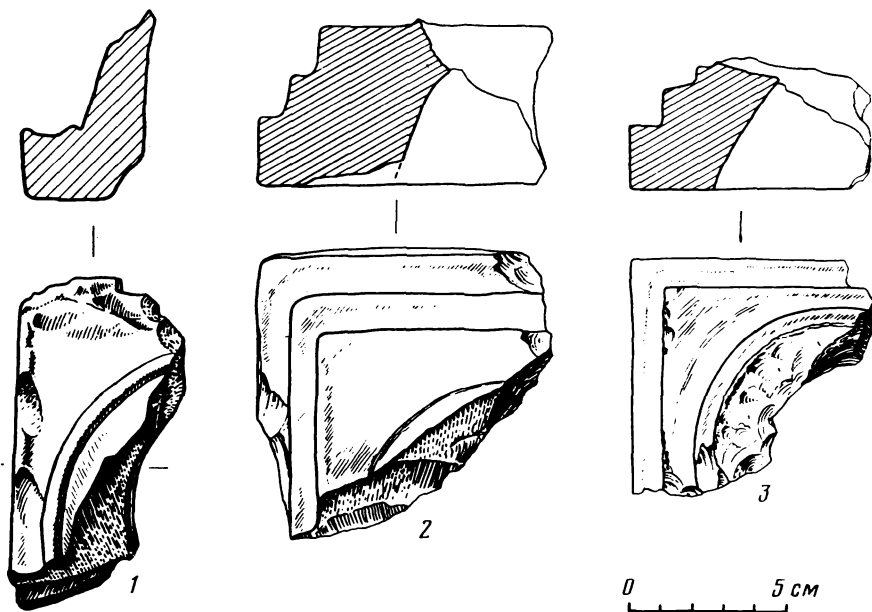

Рис. 6. Модели ступ: 1 — из двора А раскопа 6; 2 — из раскопа 6; 3 — подъемная

части модели скол округлых очертаний с выделенной рельефной линией, идущей по окружности и обозначающей, возможно, венчающую деталь ступа (Чатру?). Изнутри модель полая, со следами выбранной инструментом глины. Сохранившаяся высота ступа — 9 см.

Второй фрагмент одноступенчатой модели с валиком у основания купола обнаружен в слое II культурных напластований двора А (раскопки 1975 г.), на раскопе 6 (рис. 6, 1). В отличие от первой модели диаметр купола меньше основания, форма которого вследствие фрагментарности остается неясной. Вертикальная грань основания подправлена после формовки в матрице острым инструментом. Высота сохранившейся части модели — 2,3, валика — 0,5 см.

Третий фрагмент, найденный на поверхности городища, — двухступенчатый (рис. 6, 3). Выше ступенек, судя по излому, располагался барабан или свод. Об этом же свидетельствует выбранная полость внутри модели. Технология изготовления изделия аналогична вышеописанным. Высота сохранившейся части — 4, высота валика — 0,5 см.

Четвертый фрагмент происходит из культурных напластований улицы «Внутриквартальной», прорезающей жилой квартал по длинной его оси. Он трехступенчатый, причем на верхней ступени сохранился едва заметный след перехода к барабану или своду (рис. 6, 2). По технологическим признакам данная модель не отличается от трех приведенных образцов. Высота фрагмента — 5, высота нижней ступени — 2,2, средней — 1,5, верхней — 1,3 см.

По ряду технологических признаков (состав теста, следы подсыпки песка на основании, а также подправки острым инструментом боковых сторон основания после формовки), находящих полное соответствие в технологии изготовления антропоморфной терракоты и некоторых форм керамики, происходящих из синхронных слоев, можно высказать предположение о тиражировании моделей в самом Зар-тепе. Из-за фрагментарности изделий установление их типологии представляется несколько затруднительным. Предварительно их можно подразделить на три типа: с одно-, двух- и трехступенчатым основанием.

Рис. 7. Крышка с изображением лотоса

Помимо Зар-тепе фрагменты моделей ступ были найдены в пещерной келье монаха комплекса Б на Каре-тепе вместе с зонтиками-чатрами¹⁶ в слое, предположительно датированном керамическим комплексом конца III — начала IV в.¹⁷ Кроме того, три глиняные необожженные модели ступ иного типа зафиксированы при раскопках Аджина-тепе, датированного исследователями второй половиной VII — первой половиной VIII в.¹⁸ Таким образом, материал с городища Зар-тепе наряду с находками моделей ступ из мергелистого известняка на Кара-тепе частично заполняет хронологическую лакуну в эволюции этой категории культовых изделий для рассматриваемого региона. Семантика моделей ступ весьма подробно рассмотрена в работе Б. А. Литвинского и Т. И. Зеймаль¹⁹, основные выводы которой вполне применимы к нашему материалу.

В помещении 93 жилого квартала, на уровне третьего пола была обнаружена керамическая крышка, возможно, реликвария (рис. 7). Нижняя ее поверхность плоская, со следами подсыпки песка. Вся поверхность, включая и основание, покрыта красным ангобом. Крышка украшена нарезным изображением лотоса, лепестки которого заострены. Цветок лотоса передан тремя находящими друг на друга рядами лепестков. Два верхних ряда орнаментированы глубокими продольными канавками. По краям лепестков нанесена насечка, повторяющая контур лепестка. Их расположение следует схеме заполнения свободного пространства таким

¹⁶ Ставиский Б. Я. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг. — В кн.: Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972, с. 42.

¹⁷ Сычева Н. С. Керамика Кара-тепе. — В кн.: Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975, с. 126.

¹⁸ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Некоторые аспекты иерархии и семантики ступа в Средней Азии и Индии. — В кн.: Древняя Индия. М., 1982, с. 164—186.

¹⁹ Там же, с. 174—182.

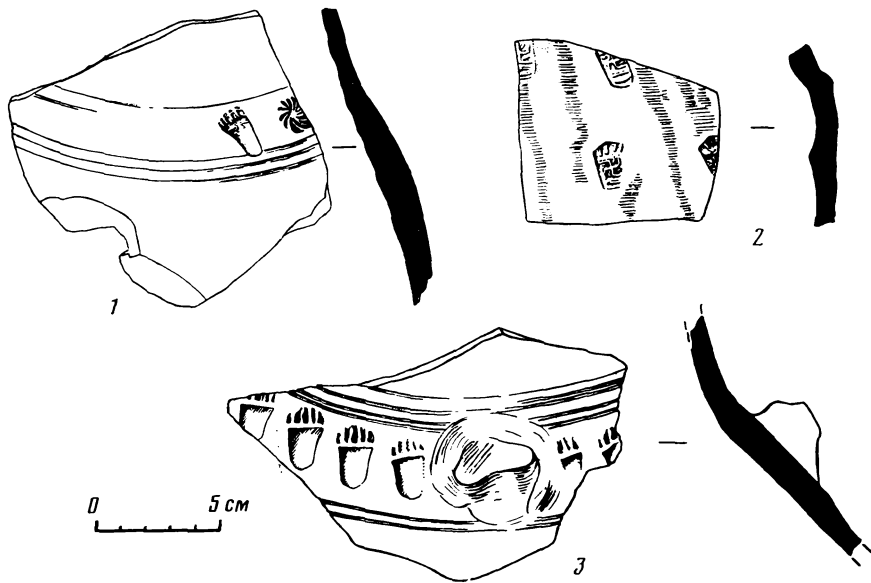

Рис. 8. Штампы в виде ступни Будды

образом, что лепестки второго ряда выступают между лепестками верхнего ряда, между тем как лепестки третьего (нижнего) ряда заполняют пространство двух верхних рядов. В первом и втором ряду по 9 лепестков, а в нижнем — 18. Крышку венчает ручка округлой формы, расширяющаяся кверху. У основания ручки имеется полочка. Диаметр основания крышки — 15, высота — 7,6 см. Буддийская символика изображения лотоса в данном случае не вызывает никаких сомнений, тем более что большое количество аналогичных крышек было найдено при раскопках монастыря Кара-тепе²⁰. Следует отметить, что подобные находки встречаются и на сельских поселениях, примером тому может служить фрагмент крышки, обнаруженный при раскопках Ак-кургана²¹.

Среди многообразных штампов, украшающих стенки сосудов, обращает на себя внимание штамп в виде «ступни» Будды. Этот штамп встречается в керамическом материале Айртама²², Фаяз-тепе²³, Зар-тепе (рис. 8, 1—3). До сих пор оттиски данного штампа наблюдались только на шейках и стенках кувшинов. Все встреченные штампы различны по изображению. Различно также их расположение — в один ряд по окружности шейки (рис. 8, 2), группами по два в сочетании с вихревой розеткой (рис. 8, 1). Особый интерес представляет штамп, изображающий «ступню», поверх которой нанесена свастика (рис. 8, 2). Более усложненный сюжет, включающий элементы буддийской символики на «ступне» Будды, встречается в Амаравати, где помимо свастики изображено колесо закона и щит с завитками и острием²⁴.

²⁰ Ставиский. Итоги раскопок..., с. 43—44, табл. 15; Сычева Н. С., Сычев В. Л. К проблеме семантики изобразительных и декоративных мотивов на Кара-тепе.— В кн.: Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1982, с. 83 сл.

²¹ Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978, с. 68 сл., рис. 25, 7.

²² Тураунов Б. А. К изучению Айртама.— В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с. 75.

²³ Альбаум Л. И. О толковании кара-тепинских комплексов (В свете раскопок Фаяз-тепе).— В кн.: Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1982, с. 59.

²⁴ Hallade M. Arts de l'Asie ancienne. Thèmes et motifs, I: L'Inde. P., 1954, p. 22—25, pl. III, fig. 26, 29.

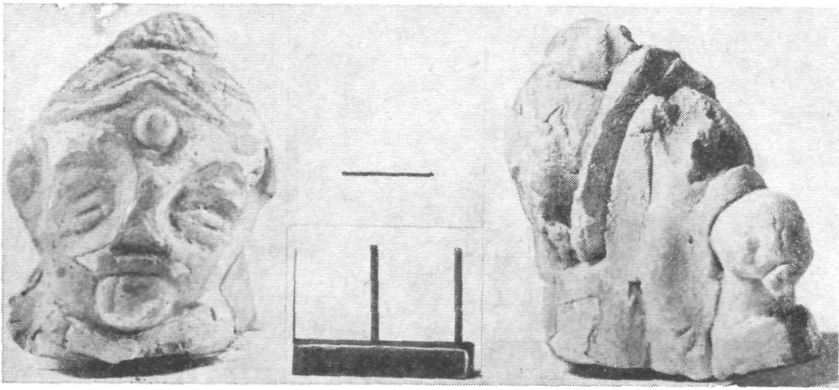

Рис. 9 Головка бодисатвы (?)

Возможно, к буддийскому кругу относится фрагмент головки статуэтки, изготовленной вручную из тонко отмученной глины с незначительной примесью песка. Обжиг равномерный, черепок в изломе светло-коричневого цвета. Поверхность статуэтки покрыта ангобом красного оттенка. Основные рельефы лица — нос, глазные впадины и скулы — переданы защипом. Глаза трактованы в условной манере в виде двух слабовыраженных удлинённых рельефов, которые приспущены на среднюю часть лица. Подбородок выделен округлым налепом. Торчащие уши переданы также приемом защипа. В центре лба небольшой округлый налеп — «урна». Волосы, разделенные прямым пробором, показаны прочерченными линиями, уходящими к затылку. На темени волосы собраны в округлый пучок, по-видимому, изображающий ушнишу. Короткая шея охвачена тонким налепным жгутиком глины, скорее всего передающим шейное украшение. К затылочной части прикреплена плоская, оббитая по краям лепешка глины, на которую в свою очередь налеплен жгутик округлой формы. Далее следует налеп, имеющий в верхней части скол неопределённых очертаний. И последним налепом, прикрепленным к предшествующему, является головка птицы. Головка с округленными налепами глаз и коротким загнутым клювом напоминает головку попугая. Затылочная часть головки птицы прикреплена тонким жгутиком к остову статуэтки, такой же жгутик охватывает ее грудь (рис. 9).

В отличие от большинства антропоморфных терракот Бактрии кушанского времени, следующего принципу фронтальности, данный экземпляр выполнен в технике круглой пластики. Вследствие того, что статуэтка изготовлена не матричным способом, вряд ли следует ожидать прямых аналогий, но тем не менее наличие таких признаков, как ушниша, «урна» в центре лба, а также шейное украшение, позволяет отнести головку к изображениям буддийского круга, вероятно, бодисатвы. Можно отметить также, что в гандхарских рельефах встречаются сюжеты, включающие в композиции длиннохвостых попугаев²⁵. Вышеупомянутые рельефы относятся автором к группе III и датируются 300—400 гг.²⁶ Кроме того, изображения попугаев встречаются на терракотах, обнаруженных при исследовании помещений, примыкающих к северной оборонительной стене городища Дильберджин и относящихся к последнему периоду обживания древнего города; при этом одна терракота подъемная²⁷. Сохранность нашей статуэтки не дает полной уверенности в определении видовой принадлежности образа птицы. Не исключено, что это изображение павлина,

²⁵ Ingholt H. Gandharan Art of Pakistan. N. Y., 1957, fig. 844, 231.

²⁶ Ibid., p. 30.

²⁷ Кругликова И. Т. Дильберджин. М., 1974, с. 83, рис. 57.

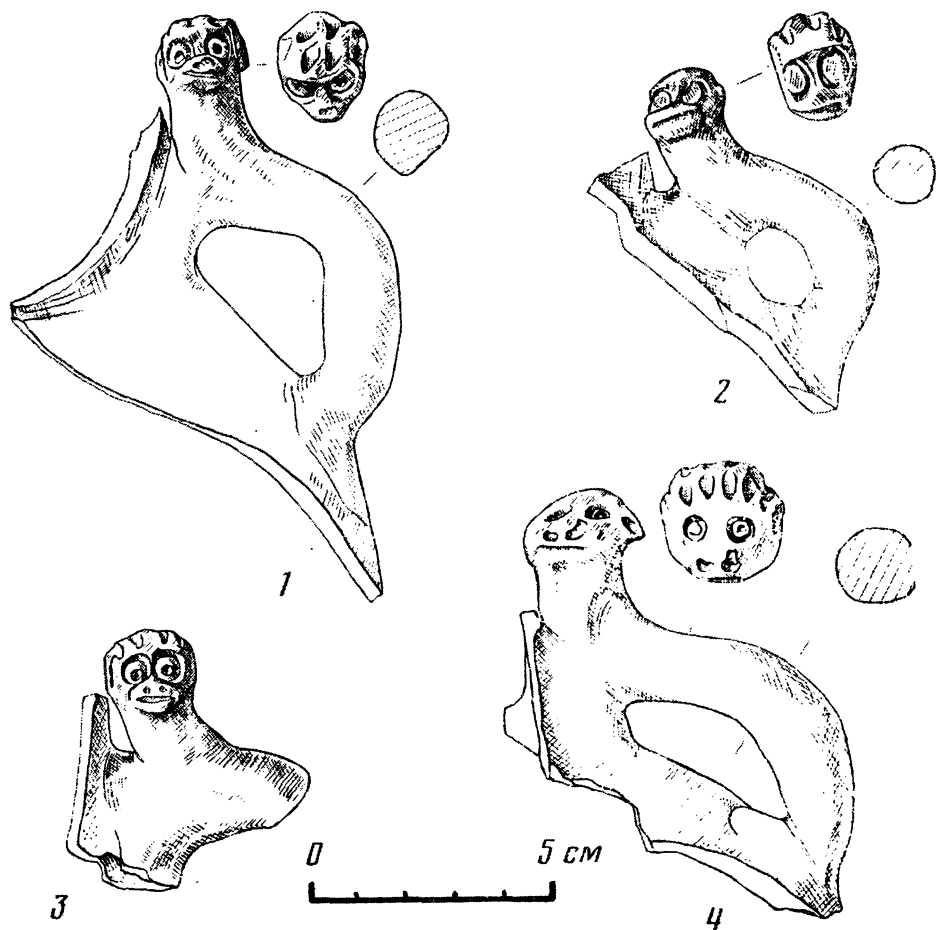

Рис. 10. Головки обезьян

который также выступал в качестве зооморфного символа в мифологии буддизма ²⁸.

С зооморфной буддийской символикой обычно связывают широко распространенный на территории Кушанской Бактрии образ обезьянки ²⁹. Изображение этого животного часто использовалось как украшение ручек небольших кувшинов и кружек. На городище Зар-тепе четыре такие ручки найдены при раскопках жилого квартала (раскоп 6), при этом три из них (рис. 10, 2—4) относятся к верхнему строительному горизонту (I) и одна (рис. 10, 1) принадлежит к нижележащему горизонту II. Судя по изгибу фрагментов стенок сосудов, ручки крепились на стенках кувшинов, изготовленных на гончарном круге, покрытых снаружи ангобом красного и коричневого оттенков. Лепные ручки представляют собой круглый в поперечном сечении жгутик глины, крепившийся нижней своей частью к тулову кувшина, а верхней — к его шейке. Верхнюю часть ручки венчает небольшая головка обезьяны, как правило касавшаяся правым ухом или щекой горловины сосуда, о чем свидетельствуют следы, оставшиеся

²⁸ Мифы народов мира. Т. I. М., 1980, с. 192.

²⁹ Пугаченкова. Новые данные..., с. 121 сл.; она же. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М., 1979, с. 186; Ставиский. Итоги раскопок..., с. 61; Сычева, Сычев. Ук. соч., с. 82.

на головках. Тело обезьяны, выгнутое дугой, передано без проработки конечностей; головка обычно обращена к зрителю, глаза переданы наколом полой трубочки, зрачки и ноздри, за одним исключением (рис. 10, 2), нанесены наколом острого инструмента. На двух изображениях (рис. 10, 1, 3) уши обозначены с помощью вдавления пальцем, а ушные отверстия — наколом острого инструмента. Волосистой покров передан с помощью продольных вдавлений в один и два ряда, а ротовое отверстие — горизонтальным вдавлением.

Ручки-обезьянки обнаружены также при исследовании остатков жилого комплекса на раскопе 3, относящегося к верхнему строительному горизонту ³⁰, и в подъемном материале при изучении городища Зар-тепе Л. И. Альбаумом ³¹. Аналогичные материалы зафиксированы и при раскопках буддийского монастыря в Кара-тепе, в пещерной келье храма, а также в завале южного коридора пещерного храма II комплекса Б. Находки датируются концом III — началом IV в. ³² На поселении Шортепе кувшин с ручкой, украшенной головкой обезьянки, обнаружен в слое, датируемом монетами Канишки. На ручке имеются насечки, передающие шерсть животного ³³. Здесь же найдена отколотая ручка также относящаяся ко II в. ³⁴ На сельском поселении Ак-курган изображение обезьянки обнаружено в верхнем строительном горизонте, относимом издателем к концу III — первой половине IV в. ³⁵ Фигурки обезьян, использовавшиеся в качестве украшений ручек, обнаружены также и в кушанских памятниках Левобережной Бактрии; при раскопках городища Дильберджин на раскопе 5 (сардоба) была найдена подобная ручка на кружке, которая относится к комплексу керамики, датируемому I—III вв. т. е. «временем Великих Кушан» ³⁶.

Два верхних строительных горизонта жилого квартала Зар-тепе на основании комплекса находок датируются IV — серединой V в. Верхняя дата подкрепляется находкой монеты кушан-шаха Пероза. Многочисленный нумизматический материал (около 500 экз.) в настоящее время находится в стадии обработки, и, возможно, скоро позволит уточнить предложенную дату. Стратиграфические условия залегания находок не во всех случаях дают полную уверенность в принадлежности вышеописанных изделий ко времени обживания двух верхних строительных горизонтов. Это касается находок, обнаруженных в заполнении над верхним полом помещений (статуэтка стоящего Будды — рис. 2, головка бодисатвы? — рис. 9), и находок, поднятых с поверхности городища (рис. 6, 3). Учитывая то обстоятельство, что строительная традиция предполагала частичный снос обветшавших строений и возведение на их остатках новых, следует иметь в виду, что может быть переотложена какая-то часть находок. Модель ступы из башни № 3 (рис. 5) найдена в сопровождении комплекса керамики, относящейся ко времени, по-видимому, более раннему, чем заключительный период существования жилого квартала (раскоп 6) ³⁷.

Относительная многочисленность и разнообразие изделий, обнаруженных в достоверных стратиграфических условиях, в жилой застройке, принадлежавшей, по некоторым признакам, рядовому городскому населению, могут указывать на проникновение буддизма в его среду. Находки на сельских поселениях в основном терракотовых фигурок будд и бо-

³⁰ Завьялов В. А., Осипов В. И. Раскопки жилого комплекса на городище Зар-тепе в 1973 г. — В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 57, рис. 3.

³¹ Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, с. 20, рис. 7.

³² Сычева. Керамнка..., с. 110, 126.

³³ Пугаченкова. Новые данные..., с. 122, 124, рис. 40.

³⁴ Она же. Искусство Бактрии..., с. 183, рис. 221.

³⁵ Пидаев. Поселения кушанского времени..., с. 94, рис. 25, 2.

³⁶ Пугаченкова Г. А. Сардоба. — В кн.: Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин. М., 1977, с. 52—55, рис. 47, 7.

³⁷ Сабиров К. Новые данные о крепостных стенах кушанского городища Зар-тепе. — ИМКУ, 1979, вып. 15, с. 65, рис. 2, 22.

дисать свидетельствуют о том, что буддизм, по-видимому, нашел приверженцев и в среде сельского населения.

Известно, что буддийские монастыри Кара-тепе и Фаяз-тепе прекратили свое существование к концу правления Васудевы I³⁸; во всяком случае, во второй половине IV в. в Кара-тепе появляются погребения, содержащие керамический и нумизматический материал, синхронный материалу строительных горизонтов I и II жилого квартала Зар-тепе. Несмотря на запустение монастырей, буддийские традиции сохраняются, по-видимому, среди некоторой части городского, а может быть, и сельского населения. Этот вывод подтверждается не только всеми вышеизложенными данными, но также и устройством на северо-северо-западной оборонительной стене городища Зар-тепе, утратившей к тому времени свои функции, буддийского святилища, датированного III—IV вв.³⁹ К этому следует присовокупить также и то обстоятельство, что буддийские монастыри существовали на территории Бактрии-Тохаристана до VII в., вплоть до арабского завоевания⁴⁰.

Истории известно немало примеров, когда в покоренных областях и государствах еще долгое время не утрачивали своих позиций прежние культы и религиозные верования. Достаточно упомянуть, например, что процесс исламизации населения Ирана после арабского завоевания затянулся на весьма длительный срок. Так, еще в X в. в провинции Парс половину населения составляли зороастрийцы⁴¹.

BUDDHIST MOTIFS IN THE URBAN CULTURE OF THE LATE KUSHAN PERIOD

K. A. Abdullayev, V. A. Zavyalov

The article is concerned with recent finds which are one way or another connected with Buddhist tradition. Some of the material was found in the course of excavating the town site of Zar-tepe (Kirgizia) and most of it belongs to the late Kushan period. Among the objects found are a small alabaster head, two terracotta figurines of a standing Buddha, another of a seated Buddha, a cliché of a Buddha's foot, a lid decorated with a painted lotus, ceramic models of mortars, and pot handles in the form of little monkeys. That Buddhism took root among the urban population is indicated by the relatively large number and variety of the objects found in a house belonging to ordinary people. The chronological unity of the ceramic and numismatic material found in levels I and II in the residential area of Zar-tepe with similar material from burials in Kara-tepe, which are dated in the second half of the 4th century, led the authors to conclude that Buddhism maintained its position in some part of the urban and possibly also rural population even after the obliteration of the cult centres in Kara-tepe and Fayaz-tepe.

³⁸ Альбаум. Исследование Фаяз-тепе в 1973 г., с. 45.

³⁹ Пилипко. Раскопки святилища..., с. 67.

⁴⁰ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепе. М., 1971.

⁴¹ Колесников А. И. Завоевание Ирана арабами. М., 1982, с. 222 сл.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

*(Искусство Передневожточных государств. Вопросы методики)**

Художественная культура древнего Востока — область исключительно интересная и важная для понимания специфики развития ранних цивилизаций. Аспекты ее изучения, многочисленные и прежде, становятся все более сложными с развитием разных областей науки. Существует множество аспектов не только в пределах определенного периода и определенного искусства (древнеегипетского, шумерского, вавилонского, иранского и т. д.), но и в изучении художественной культуры древнего Востока в целом как сложной совокупности. Специфика древневосточного искусства столь велика, что оно требует особого подхода и особых мер оценки, и тем не менее вряд ли возможно его изолированное рассмотрение вне связи с общим ходом развития мирового искусства, с общими его закономерностями.

Памятники древней архитектуры, скульптуры, живописи, произведения малых форм часто оказываются для нас не менее информативными, чем письменные источники. Подобно текстам, они нуждаются в правильном прочтении, но, будучи прочитанными, дают чрезвычайно много для общей картины исторической реконструкции, дополняя собой то, что открывают другие отрасли знания.

Неравномерность изучения этой области, кажущаяся объективно обусловленной, не может не обратить на себя внимания современного исследователя. Число белых пятен по-прежнему слишком велико. Все еще недостаточно изучено, например, искусство Шумера и Аккада (даже на том материале, которым мы располагаем), искусство Ассирии, искусство хеттов и хурритов (в том числе и Урарту), искусство провинций Ахеменидского Ирана, протоахеменидское искусство и т. д. Сделано чрезвычайно много интересного, но многое не сделано вовсе.

Древний Восток, как и древний мир в целом, представляется теперь исторической целостностью, а не суммой независимо существующих регионов. Контакты между отдельными государствами и территориями, естественно, имели разный характер и значение в зависимости от исторической ситуации, но контакты эти существовали и развивались с очень раннего времени, что видно и на материале искусства. Важен не только факт заимствования, если он имел место, но и его результат, ставший возможным в конкретной исторической обстановке. В то же время многое в культуре древневосточных государств, как мы знаем, зарождалось и развивалось совершенно независимо, параллельно, что объясняется общ-

* Доклад, прочитанный в Московском государственном университете на конференции «Вторые Сергеевские чтения» в январе 1983 г.

ностью природно-исторических условий, социально-экономических основ, путей художественного развития.

Сейчас, кажется, уже исчерпывает себя метод противопоставления и изолированного исследования, оправданный на ранних стадиях развития науки, когда важнее всего было выявить особенности, специфику изучаемого явления. Уже трудно, например, рассматривать историю египетского искусства в полном отрыве от древнего Двуречья и, наоборот, историю шумеро-аккадского искусства изолированно от Египта. Более плодотворен метод параллельного изучения и сравнительного анализа, хотя это и сопряжено с множеством трудностей разного порядка. Различия в характере двух этих цивилизаций не мешают такому сопоставлению¹. Теперь при рассмотрении специфического, локального все более рельефно выступает общее, то, что объединяет, а не разграничивает, создает единую, законченную картину исторического развития.

Может быть, еще не наступила пора широких стадийных исследований и создания новых историй древневосточного искусства, построенных по принципу синхронности, однако потребность в этом уже давно определилась². Так, например, уже сейчас очевидно, что искусство IV тыс. до н. э., искусство додинастического этапа в развитии ранних государств должно рассматриваться параллельно на территориях Двуречья и Египта. Очень хотелось бы иметь такую картину параллельного развития искусства в основных исторических центрах древневосточного мира и для III тыс. до н. э., хотя очевидно, что здесь мы будем иметь известные хронологические несовпадения³. Вместе с тем очень важно было бы представить одновременно и художественную культуру соседствующих «периферийных» районов, в том числе того племенного окружения, которое воспринимало воздействие ранних цивилизаций и само оказывало на них влияние⁴.

Симптоматичным для данного этапа развития науки является повышение интереса к вопросам методики исследования памятников древнего искусства, т. е. к выявлению основных принципов подхода, приемов освоения этого специфического объекта.

Первое условие, которое, на наш взгляд, во многом определяет успех исследования, — это «чувство материала», «чувство памятника», рациональный выбор метода в согласовании с ним и последовательное его проведение в работе. Метод исследования может быть разным: культурно-историческим, историко-археологическим, историко-филологическим, иконографическим, формально-стилевым, — важно, чтобы он находился в соответствии с характером материала. В отношении одного круга памятников интересен историко-филологический метод, в отношении другого круга памятников он неприемлем, так как этот материал располагает к использованию иконографического или формально-стилевого метода. При

¹ Работы Г. Франкфорта, Е. Порады, Е. Кантор и др. дают прекрасные образцы такого параллельного анализа двух древнейших культур древнего Востока, египетской и древнемесопотамской. Одним из примеров может служить книга, созданная еще в 50-е годы по инициативе Г. Франкфорта, выдержавшая уже много изданий, — *Frankfort H. and H. A., Wilson J. A., Jacobsen Th. Before Philosophy. The Intellectual Adventure of Ancient Man.* Baltimore — Maryland, 1967. Она не касается непосредственно вопросов древневосточной художественной культуры, искусства, но подводит к пониманию его природы и сущности.

² Очень хорошим примером такой работы является известная книга Сетона Ллойда (*Lloyd S. The Art of the Ancient Near East, Thames and Hudson.* 1961 (2 ed., 1974).

³ В области древней истории уже существует этот опыт. Недавно он очень плодотворно реализован коллективом авторов новой, трехтомной «Истории древнего мира» (М., 1982), вышедшей под редакцией И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой и И. С. Свенцицкой.

⁴ В своей известной монографии «Культура и искусство Двуречья и соседних стран» (Л. — М., 1958) Н. Д. Флигтнер уже проложила пути такому исследованию. Однако в 50—60-е годы это было еще трудно осуществимо. Теперь в большей мере доступны ранний, дошумерский материал соседних первобытных территорий и соседних древних государств.

изучении художественного материала часто оказывается наиболее плодотворным комплексный метод, соединяющий вместе разные аспекты исследования. В известном смысле он универсален и дает необходимую многоплановость охвата, позволяет рассматривать художественные явления и памятники как с позиций целого, так и с позиций частного, изнутри и извне, — как продукт художественного процесса и как продукт культурно-исторического развития в определенный период. Формально-стилевой анализ нередко является основой такого исследования, однако базируется он на данных иконографического, культурно-исторического, историко-археологического, историко-филологического изучения памятника (в зависимости от характера материала и реальной в этом потребности). Именно к такой широте охвата в изучении явлений художественной культуры всегда стремились лучшие исследователи древнего искусства, работы которых до сих пор сохраняют свое исключительное значение (Т. Шефер, В. Андрэ, Л. Курциус, Г. Франкфорт, А. Моортгат и др.).

Художественная культура, искусство стран древнего Востока не может изучаться в отрыве от всего породившего ее, от общего культурно-исторического процесса, в русле которого она развивалась. Она подчинена его основным закономерностям, хотя связь эта достаточно сложна. Не всегда, как мы знаем, она бывает прямой, чаще опосредованной и даже обратной. Каждый период истории древневосточных государств демонстрирует свои нюансы во взаимоотношениях искусства с религиозной и мифологической традицией, с развитием языка и письменности, с областью общественных отношений, развитием экономики. Можно говорить и о локальных своеобразиях (например, Египет эпохи Древнего царства, Шумер раннединастического периода и т. д.) и об определенной общности (III и II тысячелетия до н. э. дают разные картины для разных территорий древнего мира).

Однако художественная культура есть специфическая сфера духовной жизни общества. Религиозная программа древневосточного искусства, его общественная роль не объясняет полностью его явлений, ибо они, подобно самим памятникам искусства, представляют собой единство содержания и формы. Но форма, как известно, порой столь же ценна и возвышенна, как и сама мысль, и это в полной мере относится и к шедеврам древневосточного искусства, при всей их исключительной культовой обусловленности и значимости. Египетские пирамиды и храмы не перестают быть памятниками мировой архитектуры, а портретные статуи египетских фараонов и вельмож, созданные на разных этапах истории древнеегипетского государства, — определенным этапом в развитии мирового портретного искусства и искусства скульптуры.

Проблемы иконографии, символики изображения, интересующие подавляющее большинство современных ученых, не могут оттеснить и полностью снять стилиевых проблем: они столь же существенны для понимания произведений древневосточного искусства⁵. Комплексный метод исследования состоит именно в многоплановости, многоаспектности подхода к материалу, поэтому он позволяет гармонично соединять в пределах исследования и анализ содержания, и анализ формы (в широком и узком значении этого понятия). Сейчас как никогда важны исследования внутри художественного процесса, уточнения этого процесса в пределах каждой исторической эпохи, каждого из ее этапов, что невозможно без тщательного исследования стилистических вопросов.

Специфика мировоззрения рождает специфику метода в искусстве.

⁵ Когда-то это блестяще показали в своих работах немецкие исследователи (достаточно вспомнить труды Г. Шефера, Л. Курциуса или работу Б. Швейцера, хотя она и базируется на античном материале, — *Schweitzer B. Das Problem der Form in der Kunst des Altertums. Handbuch der Altertumswissenschaft. Bd. I. München, 1939, S. 363—399*). Задача современного этапа — сохранить, использовать и продолжить уже сделанное в науке о древнем искусстве.

Этой спецификой метода в искусстве древневосточных государств следует заниматься так же серьезно, как и другими общими вопросами древневосточной культуры.

Комплексный метод исследования, включающий в себя и формально-стилевой аспект, не только раскрывает характер художественной формы (в широком значении этого понятия): через нее он раскрывает существенные особенности сознания древнего человека, породившие эти художественные образы. От содержания — к анализу формы, от анализа формы — к интерпретации содержания и к синтезу — таков путь этого исследования⁶. Историко-археологический и культурно-исторический методы интерпретируют содержание художественного памятника, касаясь лишь отдельных особенностей его формы, не углубляясь в существо самого процесса художественного воплощения. Комплексный метод синтезирует и потому представляется более всеобъемлющим. Он исходит из общего в анализе конкретного и возвращается к проблематике общего в итоге исследования.

Результаты анализа стиля и метода в художественной культуре выводят нас порой к серьезнейшим историческим проблемам, заставляют вносить поправки в уже сложившиеся представления. Часто такая ситуация складывается, когда речь идет о ранних этапах развития человеческого общества. Весьма показательна в этом смысле проблема хронологии и периодизации так называемого додинастического периода. В истории художественной культуры древнего Двуречья, так же как и древнего Египта, этот первый этап имеет чрезвычайно важное значение как основополагающий. К концу его культурный комплекс имел уже явно выраженные специфические особенности и несомненные достижения, выделившие его в ряду других древних культур. Изобразительный стиль этого периода, имеющего более чем тысячелетнюю протяженность, естественно, не представляет собой того единства, которое может быть определено однозначно. Он имеет свои истоки — начальный период, стадию формирования, следующий затем период зрелости и, наконец, позднюю переходную стадию, в пределах которой завершает себя, исчерпывая, художественная система раннего периода и в соответствии с новыми историко-культурными посылами закладываются основы следующего исторического этапа. Хронологически это, на наш взгляд, может быть представлено следующим образом: начальный период — ранний Убайд, вторая половина V — начало IV тыс. до н. э., стадия формирования — средний и поздний Убайд, ранний Урук (примерно до 3400 г. до н. э.), стадия зрелости — средний и поздний Урук — Джемдет-Наср (примерно до 2950 г. до н. э.) и, наконец, поздний период — поздний Джемдет-Наср (примерно до 2900 г. до н. э.).

Существующее хронологическое деление в пределах додинастического периода (аль-Убайд, Урук, Джемдет-Наср) — деление по археологическим культурам и представляющим их поселениям Двуречья — не вполне совпадает с той картиной, которую дает материал изобразительного творчества и архитектуры⁷. Процесс художественного развития, как и процесс

⁶ Зорко увиденное и отмеченное историками и историками культуры при их работе с художественными памятниками должно быть не просто использовано пишущими об истории искусства, но и развернуто тщательным анализом материала. Отдельные положения, касающиеся самой природы древневосточного искусства, имеют в этой связи особую ценность. В отечественной литературе это не только интересные наблюдения М. Э. Матье, Н. Д. Флиттнер или И. М. Дьяконова, писавших и непосредственно об искусстве, но и наблюдения, встречающиеся в собственно исторических исследованиях, — см., например, сравнительно недавнюю и очень важную по своему значению работу: Берлев О. Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978, с. 7—16.

⁷ SAN, v. I, Camb., 1962. Rev. Ed., «Chronology»; Perkins A. L. The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. — SAOC, 1949, № 25; Ehrich R. W. Chronologies in Old World Archaeology. 2 ed. Chicago — London, 1965; Porada E. The Relative Chronology of Mesopotamia. P. I. Seals and Trade (6000—1600 B. C.), p. 133—181 (коррекции, вносимые Э. Порадой, базируются на анализе именно художественного материала); Trigger B. G. Beyond History: the Methods of Prehistory. N. Y., 1968.

культурного развития в целом, не может быть разграничен археологически: он шире, сложнее и свободнее. Медленно и последовательно складывающийся стиль этого художественного периода не уместается основными своими этапами в узких рамках какой-то одной из названных археологических культур. Самая ранняя стадия художественного развития не захватывает полностью всего периода Убайд, а стадия формирования, которой пока еще не было уделено в силу известных трудностей должного внимания, занимает собой не только большую часть времени Убайд, но, по-видимому, и половину следующего периода Урук. В работах по истории шумерского искусства встречаются оговорки, что время Урук IV — Джемдет-Наср не имеет в искусстве никакой реальной разграниченности (это относится и к другим областям его духовной культуры⁸). Такие оговорки, конечно, не случайны и объясняются именно определенной выше причиной. Период наибольшей художественной зрелости, оригинальности, совпадающий с расцветом и в других областях, вряд ли может быть так резко и жестко очерчен только временем Джемдет-Наср, как это представлялось раньше. Процесс художественного развития непрерывен, он связан во всех своих частях и имеет обусловленные логические переходы. В этой связи особого внимания заслуживает поздний период Джемдет-Наср — заключительный этап в развитии всего додинастического искусства. Являясь переходным временем, он соединяет стилистические признаки прошедшего периода и периода будущего, раннединастического. Со временем это можно будет, наверное, показать, не только опираясь на материал глиптики (так называемый «брокатный стиль»), но и на материал других памятников.

Если для других этапов историческая периодизация и периодизация в области искусства, как правило, полностью совпадают, то для этого раннего додинастического этапа возникают определенные трудности. По-видимому, все еще нужны некоторые дополнения и уточнения внутренней хронологии этого периода. В культуре древнего Египта с его двухчастным делением додинастического этапа (додинастический I — Бадари, Негада I, додинастический II — Негада II) не возникает столь острой потребности, однако и здесь картина представляется более сложной.

Тщательное исследование самих художественных памятников в их стилистике, стадияльное изучение этого материала на разных территориях и внимательное его сопоставление позволяют судить об очень многом даже в тех случаях, когда прочие источники весьма ограничены. Такой подход может быть очень плодотворен, например, для разработки проблемы древнейших контактов. Так, например, анализ рельефной пластики додинастического Египта — известных церемониальных палеток конца IV тыс. до н. э. (и самой среди них совершенной — палетки фараона нулевой династии Нармера) — показывает, что в изобразительном контексте египетского произведения могут быть выявлены не только отдельные мотивы и образы, навеянные искусством соседних восточных территорий (фантастические пантеры с перевитыми шеями, изображение крепости неегипетского типа и др.), но и в целом новые приемы (в области рельефа и живописи — имеется в виду и расписная керамика), не характерные прежде для египетского искусства. Эти приемы — и прежде всего линейная регистровая система построения — были с легкостью восприняты египетским искусством, поскольку совпадали с основной направленностью в его собственном развитии⁹. Не случайно они получили за-

⁸ См., например, *Moortgat A. Die Kunst des alten Mesopotamien. Köln, 1967, S. 19*, а также указанную выше работу Э. Порады.

⁹ *Petrie F. Ceremonial Slate Palettes. L., 1953; Frankfort H. Cylinder Seals. L., 1939, p. I, etc. p. 293 f.; Lloyd. The Art of the Ancient Near East. 1974, p. 28 etc.; Kantor H. The Relative Chronology of Egypt and Other Parts of the Near East through the Middle Bronze Period, Fig. 3 etc.; Bénédite G. A. «Le Couteau de Gebel el Arak» Commission de la Fondation Piot. Monuments et mémoires, XXII, 1916, p. 1—34.*

тем дальнейшее использование, стали частью канонических принципов этого искусства, чего не произошло с заимствованными образами. Подробный анализ композиционного строя церемониальных палеток и выделяющейся среди них палетки Нармера позволяет сделать выводы о творческом характере художественного заимствования, который подтверждается и другими наблюдениями.

Разговор о каноне и каноничности в искусстве древнего Востока также возможен по существу только на основе очень подробного стиливого анализа и стадийных культурно-исторических сопоставлений. Только такой подход позволит объяснить, наконец, необходимость и последовательное сложение строгой канонической системы в искусстве древнего Египта и, наоборот, отсутствие ее (при несомненном наличии определенных канонических тенденций) в искусстве шумеро-аккадского государства.

Детальное изучение художественного процесса не только расширяет наши представления об общей картине культурного развития в тот или иной период, более того, оно позволяет возрождать утраченное, восполнять уже несуществующее. Прием реконструктивного исследования может быть одним из интереснейших вариантов комплексного метода. Он не применялся широко ни в отечественной, ни в зарубежной науке, но представляется очень продуктивным в отдельных случаях. К необходимости его использования побуждает, в частности, работа с материалом древнего Двуречья. Ссылаясь на плохую сохранность памятников, на бесконечные лакуны, действительно существующие в процессе развития искусства Двуречья, в том виде, как оно представлено нам уцелевшими до наших дней памятниками, мы все же забываем о наличии косвенных данных, которые вполне могут быть использованы. В использовании этих косвенных доказательств и состоит существо реконструктивного исследования. Мы можем, хотя и умозрительно, восполнить имеющиеся пробелы, расширить наши представления об отдельных видах художественного творчества, воссоздать более полную картину общего художественного развития. Примеров можно привести немало, они встречаются в пределах каждого из периодов художественной культуры Двуречья. Так, например, очень развитая металлопластика и тореvetica раннединастического периода, представленные не только памятниками знаменитых урских гробниц, но и материалами других шумерских центров, не просто вызывают удивление, но и невольно заставляют думать о вероятном продолжении каких-то более ранних традиций, о возможном использовании опыта соседних территорий (Анатолия, Элам). Поскольку мы не сомневаемся в шумерском происхождении большей части этих вещей, то вынуждены признать возможность и того, и другого пути. Что же это дает для общей картины шумерского искусства? Уже сейчас это позволяет дополнить имеющиеся представления о додинастической шумерской пластике, как известно, очень развитой и в своих видах, и в художественной стилистике, дополнить еще одной интересной гранью, лишней раз подтверждающей особое значение пластического искусства, его выразительных средств в данную эпоху истории древнего Двуречья. Напрашивается вывод: тореvetica и ювелирное искусство уже в додинастический период (на позднем его этапе, вне всякого сомнения) развивались в Шумере весьма интересно и перспективно. Анализ и сопоставления самого материала подтверждают это мнение. Любопытно использовать в связи с этим не только памятники урских гробниц, но и разные типы рельефных сосудов додинастического времени¹⁰.

Подобные косвенные доказательства возникают и в связи с другими областями художественной культуры древнего Шумера. С их помощью можно реконструировать, например, наличие первых, не дошедших до нас

¹⁰ О ювелирном искусстве Шумера в памятниках урских гробниц см. — *Maxwell-Hyslop R. K. The Ur Jewellery.* — Iraq, 1960, XXII, 105—115.

зиккуратов, появившихся, по-видимому, уже в конце раннединастического периода, но получивших свое название как определенный тип постройки во времена Аккадской династии (слово *зиккурат*, как известно, аккадского происхождения). Тем же путем можно подтвердить существование развитой живописной традиции еще в додинастическом искусстве, предположить существование официальных портретных статуй еще в аккадский период (до того как они появились во времена Гудеи) и многое другое¹¹. В тех областях, где имеется достаточное количество хорошо сохранившихся памятников, представляющих разные виды искусства, использование реконструктивного приема исследования, разумеется, мало оправдано (хотя и здесь он иногда продуктивен). Однако в некоторых случаях (например для Двуречья) применение его бывает просто необходимо. Древняя художественная культура есть процесс сложного развития, имеющего несколько этапов в пределах каждой цивилизации. Но сменяющие друг друга художественные стили, характеризующие исторические этапы, не всегда являются логическим продолжением и развитием того, что им предшествовало. Иногда они представляются отрицанием этого предшествующего, так как художественные традиции не только взаимопродолжаются, но и взаимоотталкиваются. Таким отрицанием, отталкиванием выглядит, например, условный изобразительный стиль раннединастического Шумера, по сравнению с полнокровным, экспрессивным стилем предшествующего ему этапа додинастики, а также сложный пластический стиль аккадского периода, по сравнению с раннединастическим. В Египте в этой связи можно сопоставить художественный стиль Среднего и Нового царств (индивидуализированный портрет XII династии и вновь стилизованный, более декоративный, хотя и более одухотворенный портрет XVIII династии) и т. д. Художественные традиции того или иного периода могут активизироваться спустя продолжительное время, что всегда находит исторические и художественные объяснения (например, искусство ранне- и позднешумерского периодов, египетское искусство Древнего и Нового царств). Только рассмотрение памятника в кругу других произведений эпохи, в совокупности со всем художественным материалом позволяет правильно его интерпретировать. Только глубокое проникновение в сам художественно-исторический процесс дает возможность выявить общую линию развития, при сложной противоречивости отдельных направлений связать воедино звенья как будто бы разорванной цепи.

Каждый период истории древнего искусства имеет свою собственную значимость, свои художественные достижения. Однако осознать и оценить это можно только сопоставлениями с предшествующим. Сопоставления с последующими периодами развития, преобладающие в литературе, не всегда правомерны и возможны скорее лишь во вторую очередь. При таком «традиционном» подходе египетское искусство времени Древнего царства, в частности, непременно окажется «менее совершенным, менее реалистичным, более примитивным и более условным, чем искусство Нового царства». Оно утратит и свою силу, глубокую выразительность, масштабность и свою реальную значимость, воспринимаясь лишь как преддверие будущих достижений. Сами же египтяне считали иначе: Древнее царство было для них «золотым веком» их культуры, образцом для последующего подражания. Модернизируя, мы уходим от истины, приближая к себе, отдаляемся от подлинной картины исторического развития.

¹¹ Некоторые из этих положений уже подтверждены специальными исследованиями, другие, возможно, будут раскрываться по мере дальнейшего изучения памятников этого искусства. См., например, *Lenzen H. J. Die Entwicklung der Zikkurat von ihrer Anfängen bis zur Zeit der III Dynastie von Ur. Ausgrabungen der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka. Bd. 4. Lpz, 1941; idem. Zur Datierung der Anu-Zikkurat in Warka. — Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft, 83, S. 1—32; Barrelet M.-Th. Notes sur quelques sculptures mesopotamiennes de l'époque d'Akkad. — Syria, 1959, XXXVI, p. 20—37; Christian V. Altertumskunde des Zweistromlandes von der Vorzeit bis zum Ende der Achämenidenherrschaft. Bd. I—II. Lpz, 1940, Taf. 364, 367.*

Наука об искусстве выявляет устойчивые закономерности в формировании, сущностные принципы, лежащие в основе широкого художественного производства (если можно воспользоваться этим термином применительно к древности). Интересны и внутренние закономерности конкретных художественных периодов, и закономерности целых эпох, т. е. общие стилистические закономерности.

На всех этапах исторического развития древневосточных цивилизаций существовала определенная стилевая общность, в пределах каждой эпохи властно подчинявшая себе различные художественные индивидуальности (мы говорим о художественном стиле древневавилонского и нововавилонского периодов, о раннеахеменидском и зрело-ахеменидском стиле иранского искусства и т. д.). Стилль, господствовавший в тот или иной период, был результатом определенного художественного мировосприятия, соответствовавшего представлениям данной эпохи о красоте, религиозной значимости и общественной пользе создаваемого. Момент строгой религиозной заданности, определенной канонической ориентированности, присутствовавший на разных территориях с самого раннего времени и сохраняемый затем инерционностью художественных традиций, начинает несколько смягчаться с течением времени. Египетский канон в эпоху Древнего и Нового царств — понятия не идентичные, каноничность в шумерском раннединастическом и ассирийском искусстве — также. Интерес к природе, к живым и конкретным формам окружающего мира — в каких бы выражениях он ни существовал — все более нарастает, что связано и с эволюцией самих религиозных представлений. Элементы светского, определенные историческим процессом, придают религиозному содержанию новые формы. Не случайно так увеличивается в этом искусстве роль атрибута, пейзажного фона, натюрморта, многофигурных сцен и даже панорамных изображений. Не случайно усиливается в нем момент декоративного. Строгий торжественно-репрезентативный стиль ранних периодов сменяется стилем роскошно-репрезентативным, имеющим прокламативный пафос. Таково искусство Египта эпохи Рамессидов, Ассирии, Нового Вавилона и Ахеменидского Ирана.

Стилевой поток становится все шире и многообразнее, в него вовлекаются иноземные художественные традиции, различные варианты их интерпретации (хетто-хурритское в контексте ассирийского, месопотамское, хетто-хурритское и эллинское в искусстве древнего Ирана и т. д.). Когда мы говорим об искусстве второй половины II — I тыс. до н. э. (т. е. о времени существования крупнейших древневосточных государств), мы говорим не только о стилевом единстве, но и о стилевом множестве, подразумевая и искусство официальное, придворное и искусство провинций, искусство разных школ и даже разных мастеров. Роль индивидуальности, нивелированная на раннем этапе, начинает все более проявляться. Увеличивается число имен, сохраненных письменной традицией, хотя имперсональность остается особенностью этого искусства. Заданное религиозной программой, официальное искусство всегда получало оригинальную трактовку в пределах, допускаемых нормой. Устойчивость традиции в известном смысле даже активизировала творческое начало, однако I тыс. до н. э. дает примеры и активизирующей и тормозящей силы художественной традиции. Эта противоречивость внутри самого художественного процесса, сочетание нового и ретроспективного — явление весьма интересное и симптоматичное для поздних периодов. Примером может служить искусство Египта позднего времени (XXII, XXV и особенно XXVI династий). Видоизменяются мировоззренческие основы и меняется художественный метод, принципы художественного видения и художественной выразительности. Старое читается и произносится по-новому, с иным пафосом и иными акцентами (пример тому — египетские культовые статуэтки саисского периода).

Специфика древневосточного искусства обусловлена прежде всего вре-

менем и характером самого культурно-исторического развития. Оставаясь частью сложного синкретического единства, в котором развивалось сознание древнего человека, подчиняясь религиозным требованиям и задачам практическим, древнее художественное творчество веками продолжало сохранять значение ремесла, не становясь индивидуализированным процессом в современном смысле. Отнюдь не созерцательная ценность определяла цели этого творческого процесса и его результат, поэтому современное понятие искусства, как и современное понятие эстетического, сложившиеся исторически, лишь условно, в весьма расширительном значении могут быть приемлемы для определения этого сложного явления, отдаленного от нас пятью-четырьмя или тремя тысячелетиями. Эстетическое выступает здесь в самом начальном его виде: как выражение внутреннего во внешнем, но эстетическое присутствует, развивается и приобретает все большую значимость. Мы продолжаем называть это искусством, хотя на ранних стадиях это почти «художественная религия». Это искусство, потому что одновременно это и область художественного творчества. Подобно тому как искусством является византийская и русская иконопись, византийская и древнерусская архитектура, искусством является и египетская гробничная статуя, месопотамский рельеф. Древневосточное искусство — не просто иллюстрация определенных религиозных положений для тех, кто не может прочесть и понять написанное, это образ религиозной идеи, оказывающий определенное эмоциональное воздействие, находящий адекватную идее форму выразительности. Древневосточное государство с большой заинтересованностью пользовалось им в процессе своего самоутверждения. Оно было обращено и к миру богов и к миру смертных, к миру живых и миру мертвых; в этом смысле это искусство имеет известную всеобщность.

Чувство художественного качества непременно присутствует даже в самых условных и символических изображениях древневосточного искусства, имеющих явно магический смысл (прекрасный пример — древнемесопотамские изображения богов из района Диялы). Оно то возрастает, то ослабевает, в зависимости от функции и значимости памятника. Понятие образной выразительности всегда включает не только момент художественно-технического совершенства, но и момент выразительности формы, материала, масштаба. По существу именно это и отличает памятники в пределах каждого из периодов той или иной исторической эпохи. Их назначение и сакральный смысл могут быть едины (гробничные статуи египетского вельможи и египетского фараона, шумерские статуи адорантов, жертвованные в храм самими правителями и их приближенными и т. д.), едины и стилевые принципы, распространяющиеся на широкий круг произведений этой эпохи. Различие заключается как раз не столько в способе, сколько в средствах воплощения художественной идеи. Природа образной выразительности, как и природа самого древневосточного искусства, очень сложна. Помимо эстетического начала она имеет в своей основе и религиозно-культовую и социально-общественную значимость, играющую огромную роль.

Всякое произведение художественного творчества — в том числе и древневосточного, поскольку оно является нерасторжимым единством содержания и формы, — не только обладает явной активностью содержания, но и явной активностью формы. Она значительно сильнее в искусстве древнего Востока, чем это может показаться с первого взгляда. Влияние формы на сложение художественного образа, культового по своему значению (архитектурного и изобразительного), здесь поистине огромно. Составляющие формы нерасчленимы и по-разному связаны с содержанием, проникающим всюду.

Материал и форма (на этот раз уже в узком значении этого понятия) — первое звено в сложной системе взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов художественного образа в древневосточном искусстве. Природ-

ные условия той или иной территории и функциональная роль памятника определяют выбор конкретного материала (известняк, гранит, алебастр, дерево, сырец, золото, глина и т. д.). Материал, особенности его структуры, фактура обуславливают характер формы в пределах данного вида изобразительного, прикладного искусства или архитектуры; он же диктует ее масштаб, разумеется, в соответствии с назначением. Кубки из камня, глины и золота никогда не будут одинаковыми, потому что материал непременно внесет свои коррективы в сложение этой формы. Тип и назначение сосуда останутся сходными, но масштаб, пропорции, очертания, пластическая характеристика будут различными (сравним, например, знаменитую рельефную алебастровую вазу из Урука, близкий ей по форме луврский расписной керамический кубок из Суз и золотой кубок из царских гробниц в Уре).

Отношение к материалу в искусстве древнего Востока в известной степени сходно с тем, что наблюдается и в искусстве первобытном. Материал — это и определенная сакрализованная сущность, которая не должна быть разрушена или резко искажена. Не только неумением, отсутствием определенных технических навыков объясняются некоторые художественные решения этого искусства, особенно на ранних его стадиях. Инертность материала в древнейших памятниках искусства не только сковывает, но и рождает удивительное качество, ощущение монолитности, монументальности формы. Форма словно накладывается на блок материала, служит его оболочкой. Это особенно ощутимо в дереве и камне (достаточно вспомнить египетские каменные сосуды времени III—IV династий Древнего царства или статуи того же периода).

Материал, отношение к нему, владение им влияют на стилистику древневосточного искусства, на его изобразительные принципы, а изобразительные принципы в свою очередь подсказывают определенное отношение к материалу. Взаимосвязь эта весьма интересна. Семантически форма едина в различных материалах, практическое же ее воплощение зависимо от материала и функциональности. Чувство материала всегда передается форме, сообщая ей удивительную потенциальную энергию и выразительность (см., например, царские статуи Египта из диорита или базальта и алебастровые статуи адорантов из Северного Двуречья).

В архитектуре материал не только определяет типологию сооружения, но и дальнейшее развитие самой конструкции. Шумерский сырцовый храм на платформе и египетский каменный храм — не просто разные варианты простейшей стоечно-балочной конструкции, это сооружения, имеющие разные перспективы развития.

Тип древнешумерского храма на платформе открытого типа, сложившийся уже к середине IV тыс. до н. э. на основе типологии шумерского жилища (южного — с открытым внутренним двором и плоским перекрытием и северного — с внешним двором и двускатной кровлей), — ярчайший пример интересного взаимодействия материала и конструкции, материала и архитектурно-пластической формы, образа. Идея субструкции — специальной платформы из сырца, облицованной для прочности камнем, возникшая в конкретных климатических условиях (сильно заболоченные почвы), связана с определенным материалом. Платформа выравнивала строительную площадку (при наличии естественного, природного возвышения это было тем более существенно), служила целям дополнительной гидроизоляции, давала возможность свободного кругового обхода и, что не менее важно, являлась своеобразным постаментом, поднимавшим вверх постройку святилища, бывшего в представлениях древних жилищем божества. Сырцовый кирпич как главный строительный материал на этой территории (камень и дерево в Двуречье всегда были привозными материалами) сыграл огромную роль в развитии конструкции шумерского храма. Сырцовый кирпич создал архитектуру Месопотамии, точно так же как камень создал архитектуру древнего Египта. Не удивительно, что при

отсутствии дерева сырцовый кирпич рано начали использовать в Шумере и для создания дополнительных опор, и для возведения перекрытий. Материал диктовал сводчатую систему, поэтому вполне закономерен переход шумерийцев к своду и арке. То, что потом ляжет в основу прославленной архитектуры древнего Рима и будет доведено ею до вершин развития, появилось еще в конце IV—III тыс. до н. э. (достаточно вспомнить полукруглые столбы Красной постройки в Уруке и своды царских гробниц в Уре). Балки из гранита, известняка и кварцита (песчаника), применявшиеся в архитектуре древнего Египта — архитектуре исключительно каменной на развитом этапе, были чаще всего большого сечения, им соответствовала развитая система мощных, часто поставленных опор, всегда бравшихся с дополнительным запасом прочности. В Двуречье же ограниченность возможностей, как это ни парадоксально, необычайно активизировала архитектурную мысль, вызывая к жизни остроумнейшие решения.

Сравнивая египетский и месопотамский варианты стоично-балочной конструкции, трудно говорить о превосходстве одного над другим. Египетская архитектура приобрела масштабность и размах позднее, чем архитектура Шумера, где большие храмы появились еще в конце IV тыс. до н. э., однако, перейдя в эпоху Древнего царства к камню, египетская архитектура получила большие преимущества¹². Месопотамская архитектура более многообразна и сложна в разработке конструкции, но постройки ее, к сожалению, почти не сохранились или сохранились плохо в силу непрочности ее материала. Античная традиция отдавала должное и той и другой архитектуре, что весьма показательно. Первым из «семи чудес света» греки эллинистического периода считали египетские пирамиды (подразумевая, конечно, царские пирамиды в Гизе), вторым и третьим — постройки Вавилона (зиккурат Этеменанки «Дом основания небес и земли» — так называемую Вавилонскую башню и висячие сады из царского дворца Навуходоносора II, известные под названием «Садов Семирамиды»).

Следующее важное звено в структуре художественного образа: форма (опять-таки в узком значении) и композиция. Структуру самой формы и структуру декора определяет предназначение памятника, масштаб и материал. Одна форма, малая в масштабе, требует одного соотношения частей и построения декора, другая, иная по характеру и масштабу, — совсем от нее отличного. Бесконечная и конечная фризовая композиция, центрическая, круговая геральдическая композиция всегда связаны с определенной поверхностью и определенным пространством, — будь то плоскость стены, сферическая поверхность малого или большого сосуда или цилиндрической печати. Тип композиции в древневосточном изобразительном искусстве всегда укладывается в требования строгого религиозного канона или определенной суммы религиозных и художественных правил, существовавших на данной территории, он согласуется с ними, но продиктован изначально исключительно характером выбранной формы. То же мы видим и в архитектуре. Тип башнеобразного святилища — зиккурата, существовавший в Шумере уже к концу раннединастического периода, является логическим завершением идеи ярусной постройки, возникшей, как уже говорилось, в определенных природно-исторических условиях этой территории. Этот вариант построения тоже обусловлен исходной формой, материалом и моментами образной выразительности, которые непременно присутствуют в архитектуре, так же как и в изобразительном творчестве. Так намечается другой аспект — зависимость композиции и от определенных представлений времени, и от его вкусов и норм. Композиция как составляющая формы (в широком, общем значении этого

¹² Архитектура эпохи Среднего царства известна лишь фрагментарно, тем не менее заупокойный комплекс Менгухотепа III в Дейр-эль-Бахари дает вполне определенное представление об ее возможностях. Что касается огромных храмовых ансамблей и гробничных построек эпохи Нового царства, то они широко известны в своих характеристиках.

понятия) оказывается чрезвычайно активной в формировании архитектурного и художественного образа, его типологии. Канонические принципы, обнаруживающие себя и в раннем искусстве Египта, и в раннем искусстве Двуречья, своеобразно развивавшиеся затем на этих территориях, подсказаны не только соображениями чисто религиозными. Они подсказаны существовавшими на данном этапе принципами видения, конкретными техническими возможностями и задачами. Это прекрасно выражают и памятники древней скульптуры (статуи и рельефы).

Не только материал, строительная техника и конструкция были активны в формировании типологии и образа шумерского храма на платформе, в осуществлении функциональных задач этой постройки. Здесь присутствовал и момент собственно эстетический, момент композиционной выразительности. Более того, он в согласии с религиозными представлениями даже диктовал дальнейшее направление в развитии шумерской архитектуры, подводя ее к другой строительной идее. Эта идея и была реализована затем в новом, производном архитектурном типе, типе зиккурата. Увеличение числа платформ, наблюдаемое в шумерской архитектуре раннединастического периода, и некоторое изменение в их конфигурации (что можно видеть в овальном храме в Хафадже) отнюдь не объясняются только потребностями строительной техники и моментами чисто функциональными. Увеличение числа платформ до двух, а в дальнейшем, к концу раннединастического периода, до трех было необходимо зрительно, поскольку оно соответствовало определенным представлениям этого народа о красоте, имевшим свое религиозное обоснование. Самым лучшим, значительным в архитектуре (в представлениях и шумерийцев, и египтян) считается то, что может быть сопоставимо с наиболее выразительной и грандиозной формой в самой природе — с горой, вершина которой возносится к небу. «Лестница — гора» в шумерской архитектуре имеет параллелью гигантскую лестницу в египетской архитектуре (первая ступенчатая пирамида фараона Джосера времени III династии Древнего царства). Исходные того и другого архитектурного образа (шумерская платформа и египетская мастаба) рождены одним и тем же материалом — сырцовым кирпичом. Именно этот материал и подсказал строителям наиболее удобную и устойчивую форму усеченной пирамиды, которой затем пользуются на обеих территориях. Комбинируя, наращивая данные объемы, т. е. совершенствуя композицию, можно было прийти к весьма оригинальным пластическим решениям¹³.

Наращивание высотности шумерских храмовых сооружений не только сообщало им напряженную динамичность, центростремительность, развивало далее архитектурный образ, усложняло композиционное пластическое решение. Точный пропорциональный расчет, соответствующее оформление каждой из частей, согласование всех этих частей в декоре — эти задачи становятся все более и более важными в архитектуре Двуречья¹⁴.

¹³ Не будем говорить о возможности каких-либо контактов, — хотя эта тема представляет сейчас несомненный интерес, — потому что далее египетские и шумерские постройки все более расходятся и в своих задачах, и в своих технических возможностях. В Египте развивается тип масштабной царской гробницы, с переходом к камню закономерно приближающийся к правильной геометрической форме пирамиды, в Шумере по-прежнему доминирует сырцовый ступенчатый храм на платформах.

¹⁴ Храмы на трех платформах и были началом нового, производного типа в шумерской архитектуре. Укрупнение наращиваемых объемов, увеличение высоты платформ привело к уменьшению и затем доведению до минимального масштаба собственно святилища. Оно превратилось в итоге в некий символ. Естественно, появилась потребность и в большем числе лестничных маршей, приобретавших организующую роль в общей композиции храма. Так развивался новый архитектурный тип, новый пластический образ. Хорошо известно, что зиккураты всегда сопровождалась храмом более древнего типа, посвященным тому же самому божеству (храм и *зиккурат* бога Луны Нана в Уре). Это соединение было обусловлено и функционально. Возносящееся в небо жилище божества сопровождалось дополняющим его культовым сооружением, дававшим внутреннее пространство, более значительное по площади, предназначенное для разнообразных потребностей культа.

С течением времени тип зиккурата заметно менялся. Он не только нарастает в высоту (самый большой из известных нам зиккуратов, «Вавилонская башня», поднимался на 90 м), но и переходит к несколько более легким геометрическим объемам и формам с четко выраженной вертикальной направленностью граней и сложной профилированностью плоскостей (см. реконструкции «Вавилонской башни»). Функциональное и эстетическое взаимосвязаны. Материал и строительная техника соотнесены с задачами композиционной выразительности и наоборот. Это составляет нерасторжимое единство.

Композиция, представления о пространстве и времени — важнейшая и завершающая часть в системе художественного образа. Композиция, обусловленная принципами видения эпохи, религиозными ее представлениями определяет характер собственно пластического, архитектурно-пластического или живописного образа, связанного с особенностями конкретной формы, материала и возможностями техники его обработки. Представления о пространстве и времени играют в этой связи важнейшую роль. Подчиненная материалу статическая форма ранних произведений, имеющая условно-символический характер, существует в символическом времени и пространстве. Реально подвижная форма более поздних памятников, ориентированная на натуру с большим к ней приближением, утрачивает символическую беспредельность пространства и времени древних образцов и приобретает известную конкретность.

Степень абстрактности, имперсональности передаваемых форм, характерная для искусства первобытности (особенно в эпоху развитого неолита) с его особой символическостью, знаковостью постепенно снижается. Возрастает наивно-конкретное, подражающее природе. Стремление к жизнеподобию постепенно усиливается. Реальное, собственно-индивидуальное и наиндивидуальное, обобщенно-символическое соединяются и в пластике, и в живописи, но соединяются на иной основе. Образ приобретает живую выразительность, одухотворенность.

Раскраска культовых статуй, непременная и в древнем Египте, и в древнем Шумере, имела, разумеется, не столько эстетические, сколько религиозно-магические посылки, хотя внешней выразительности образа и уделялось все большее внимание. Наивно-конкретное, подражательное как бы усиливало в представлениях древних сакральную значимость образа, то же можно сказать отчасти и о техническом совершенстве исполнения. Чем выше мастерство исполнения, чем дороже и прочнее материал, чем законченнее раскраска статуи, условно повторяющая все особенности живой природы, тем сильнее воздействие образа. «Тиражирование» — многократное повторение образа в одном или различных иконографических вариантах — имело ту же цель (множественность гробничных изображений в древнем Египте). Форма подчинена религиозной идее, но она уже приобретает и некоторую самостоятельность. Она не утрачивает своей жизненной активности даже теперь, по прошествии столетий, с утратой истинного своего религиозного содержания. Само техническое совершенство, разумеется, не является еще залогом исключительной религиозной и художественной значимости образа. Для этого необходимы соподчиненность и взаимообусловленность всех частей изображения. Техническое развитие открывало новые изобразительные возможности, а меняющиеся изобразительные средства вызвали усовершенствование техники.

Итак, художественный образ связан и с определенными принципами видения эпохи, и с определенным характером данной композиции, особенностями формы и материала, возможностями техники его обработки. Будет ли это высокий или низкий барельеф, контрельеф или горельеф, живописный, т. е. раскрашенный рельеф, или собственно живопись — зависит от всех этих факторов вместе. От этого зависит и степень выявления и моделировки основных объемов. Если вернуться к древнешумерским храмам, то можно констатировать следующее. Идея субструкции, т. е. форма, рож-

денная определенными климатическими условиями и материалом, определила характер архитектурной композиции, архитектурная композиция и материал в свою очередь определили особенности пластического образа, развивавшегося исключительно оригинально на протяжении многих столетий не только на данной, но и соседних территориях, в соответствии с определенными религиозными представлениями.

Интеллектуальное и художественно-интуитивное, исполнительское, психологическое и техническое органично соединены в творческом процессе (в древнейшем искусстве, так же как и в современном, хотя существо его определяет коллективный, а не индивидуальный метод работы). Это единство и взаимопроникновение объясняются самой природой творческого процесса. Современная психология восприятия и художественного творчества, несомненно, отличается от того, что было несколько тысячелетий назад, но существуют и какие-то общие закономерности, верные для разных эпох. Эта проблема, разрабатывавшаяся еще в 30-е годы нашего века, требует дальнейшего развития применительно к искусству древности¹⁵. Художник, например, всегда масштабно увеличивает то, что считает особо важным, или то, что должно быть особо важным в его изображении по традиции. Он всегда размещает особо важное там, где человеческий глаз способен увидеть это в первую очередь, вычленив из всего изображения в целом. И древнешумерские, и древнеегипетские изображения, подобно надписям, читались в определенном порядке. Однако изображения тем и отличаются от письменности, что имеют более широкие и разнообразные выразительные средства чисто визуального свойства. Выразительные силы художественного образа становятся столь действенными, что оказывают значительное впечатление на воспринимающего. И он реагирует на это ответным своим участием, т. е. эмоционально. Этим и отличается художественное восприятие от простого получения информации.

Каждое решение древнего мастера (хотя оно и имперсонально) отличается индивидуальностью подхода. В нем всегда есть то главное, ради чего создается данная композиция. Главное усваивается сразу, затем человеческий глаз внимательно и последовательно осваивает остальное, постепенно поднимаясь снизу вверх. Сказанное может подтвердить, в частности, анализ хорошо известной шумерской алебастровой вазы из Урука, о которой уже говорилось выше (Багдад, Иракский музей). Тема «священного брака», представленная в изображениях этого культового сосуда, несомненно, имеет свой смысловой, а, следовательно, и композиционный, художественный акцент. Сцена помещается на определенной части изображения, которая должна быть более емкой и в своей содержательности, и в свой образительности. Этой частью является сцена верхнего регистра, представляющая урукского правителя перед богиней плодородия Инна-ной (ее знак — связка тростника с лентой-косой). Все остальное подчинено этой сцене, «работает» на нее в художественном решении, — хотя в чем-то это решение и создается интуитивно. Важен еще один момент, также связанный с психологией зрительного восприятия. Охватив глазом предмет, его форму, мы не только устремляемся к тому, что специально для нас выделено художником, но и к тому, что находится в центральной части декорируемой поверхности, — будь то стена или поверхность вазы, костяная пластинка или стела. Если находящееся в средней зоне не имеет специального выделения, если изображение членится на одинаковые полосы — регистры-строки (как это бывает в египетском или шумерском искусстве), мы уходим зрительно от центра, но подсознательно фиксируем его, начи-

¹⁵ Из обширной литературы по этой теме приведем в качестве примера работу А. В. Бакушинского, которая в некоторой степени касается памятников древне-восточного искусства (*Бакушинский А. В. Линейная перспектива в искусстве и зрительном восприятии реального пространства.* — Искусство, 1923, № 1, с. 213—261).

ная последовательное прочтение всех частей изображения в установленном традицией порядке — снизу-вверх или сверху-вниз.

Особая роль центральной, средней части поверхности всегда, во все времена использовалась художниками — и в малых, и в монументальных формах. Не случайно греческие вазописцы, столь прославленные своим искусством, всегда располагали свои наиболее важные композиции в плечевой части амфор, находившейся как раз в центральной зоне. В урукской вазе на эту зону приходится самая важная часть процессии, следующей к святилищу богини, — юноши, несущие дары. Прочие регистры этого сосуда более декоративны и символичны, они почти подобны орнаменту и объединены художником в нижней зоне сосуда. Таким образом, верхняя часть вазы оказывается в поле нашего зрения дважды: сразу, т. е. в начале рассмотрения, и уже в конце, в итоге последовательного прочтения ее регистров. И это совсем не случайно.

Древневосточные художественные традиции, их связанность с определенными народами и определенными территориями, где они удерживаются на протяжении столетий и продолжают существовать даже за пределами древности (например, традиции древневосточной, в частности — иранской, тореветики и ювелирного искусства), служа другим народам через два, три, четыре тысячелетия, — еще одна интереснейшая проблема, возникающая в связи с древневосточным искусством и культурой на современном этапе. Решить ее можно также только глубоким проникновением в существо художественного процесса.

Н. М. Никулина

ARTISTIC CULTURE IN THE ANCIENT ORIENT

N. M. Nikulina

The art of the ancient orient is a sphere of great importance for understanding the specifics of the evolution of early civilisations. If read correctly a monument of art is no less informative than are literary texts. At the present time the most fruitful method is that of parallel study and comparative analysis of the art of various cultures, a method excellently presented by the works of, for example, G. Frankfort, E. Porada and H. Kantor. Plainly there is a demand for further stage-studies and synchronic histories of art like those already published, of which S. Lloyd's *History of Art in the Ancient World* is a distinguished example. A rational research method would depend on the nature and particular characteristics of the material. Besides the historico-cultural, historico-archeological, historico-philological, iconographic and formal-stylistic approaches there is also the complex method, uniting all aspects of study and therefore providing the necessary many-faceted approach in evaluating the monument. The results of an analysis of style and artistic method in ancient works of art confront us with a very serious problem, forcing us to make corrections in settled notions (the problem of the chronology and periodisation of the so-called predynastic epoch). Detailed study of the artistic process not only broadens our ideas of the general cultural picture in this or that period, it also enables us to revive what has been lost. Reconstructive research, the essence of which lies in the use of indirect evidence, is an interesting variant of the complex method and can be used effectively in, for example, a study of ancient Mesopotamian art. Historico-cultural and iconographic studies have not eliminated the need for careful stylistic research. Also interesting is the internal development of particular art periods and whole historical epochs (the art of the III, II, I millennia). Since the unity of content and form is indissoluble, monuments of art in the Ancient Orient obviously possess not only an active and all-pervading content but also an active form. Thorough study of the monuments of Near Eastern culture brings out the active qualities of all the elements in the complex system of imagery in ancient art: material and form; form and composition; composition and a sense of time and space.

НАЗВАНИЯ И ФОРМЫ БУКВ В СЕМИТСКИХ КОНСОНАНТНЫХ АЛФАВИТАХ

Названия букв семитских консонантных алфавитов, особенно финикийского, привлекают внимание ученых на протяжении многих лет. Еще В. Гезениус выдвинул идею о взаимной связи названия и формы буквы, и до сих пор эта идея служит предметом дискуссии, возобновляющейся с каждым значительным открытием новых памятников раннего алфавитного письма. Отношение к этой идее определяет, часто решающим образом, общее понимание проблемы происхождения алфавитного письма. Признание связи названия и формы буквы обычно связано с признанием независимого изобретения алфавита (может быть, на базе иной, структурно отличающейся системы письма), а представление об эволюционном развитии письма и постепенном вызревании алфавитного (фонематического) письма в рамках слоговой системы приводит к отрицанию какой-либо связи между формой буквы, ее названием и значением.

Начало изучению названий букв положили работы двух корифеев семитологии, Т. Нельдеке и М. Лидзбарского¹. Нельдеке дал фонетическое исследование названий букв по всем имеющимся источникам — древнееврейским, греческим, сирийским и эфиопским — и установил их общее происхождение и глубокую древность. Он реконструировал исходную финикийскую форму названий, односложных с гласной *a* (*alp, gaml, dalt* и т. п.), и тем самым дал неопровержимое доказательство происхождения греческого алфавита от финикийского. М. Лидзбарский исследовал значения названий букв и их соотношение с формами знаков и пришел к выводу, что «чем больше выясняется связь между рисунком и названием (знака. — *А. Л.*), тем больше мы приходим к вероятному выводу, что они не случайно совпадают, но тесно связаны друг с другом, и что рисунок действительно представляет собой предмет, который обозначает название»². Этот вывод оказал на последующее развитие науки не меньшее влияние, чем работа Нельдеке, хотя и оказался гораздо более спорным и уязвимым. По современному ему состоянию источников Лидзбарский мог использовать лишь поздние эпиграфические памятники: древнейшей финикийской надписью для него была надпись моавитского царя Меша (IX в. до н. э.). Поэтому исходные формы букв часто оставались неясными. Стремясь истолковать их как рисуночные, Лидзбарский в ряде случаев предполагал искажения и изменения названий и толковал, например, знак *qof* «ушко иглы», как *qob* «шлем, колпак», и *tet* «клубок» — как *t'n* «пакет, мешок»³ и т. п.

На базе исследований Нельдеке и Лидзбарского после открытия протосинайских текстов А. Гардинер создал акрофоническую теорию алфавита⁴. По этой теории буквы алфавита представляют собой египетские иероглифы, получившие название на семитском языке и фонетическое значение по акрофоническому принципу, т. е. по первой букве названия. При последующих многочисленных попытках дешифровки протосинайского письма на базе теории Гардинера в качестве исходных предлагались самые различные египетские иероглифы (а также знаки иератического или демотического письма) и различные варианты их семитских переводов⁵. При этом сторонники акрофонической теории широко использовали пред-

¹ *Nöldeke Th.* Die semitischen Buchstabennamen. — Beiträge zur semitischen Sprachwissenschaft. Strassburg, 1904, S. 124—136; *Lidzbarski M.* Die Namen der Alphabetbuchstaben. — Ephemeris für semitische Epigraphik, II, Giessen, 1908, S. 125—139.

² *Lidzbarski.* Die Namen..., S. 139.

³ *Ibid.*, S. 128—131.

⁴ *Gardiner A. H.* The Egyptian Origin of the Semitic Alphabet. — JEA, 1913, 3, p. 1—16.

⁵ См. об этом *Лундин А. Г.* Дешифровка протосинайской письменности. — ВДИ, 1983, № 1, 79—81.

положение Лидзбарского о возможных искажениях и изменениях первоначальных названий, так что их интерпретации как знаков, так и названий носят зачастую совершенно произвольный характер, никак не связанный с имеющимся материалом и даже резко противоречащий ему. Так, В. Олбрайт, интерпретируя протосинайский знак «рыба», дает ему название *dig* «рыба» и фонетическое значение *d*⁶, хотя буква *d* в семитских алфавитах носит совсем иное название — *dalt* 'дверь', а название «рыба» может быть приписано двум другим буквам: *n* — *nin* «рыба»⁷ и *s* — *samk* «рыба»⁸. Толкование данного протосинайского знака, предложенное Олбрайтом, несмотря на его явную произвольность, принято рядом ученых⁹. А. Ван ден Бранден, сторонник акрофонической теории, сам применяющий аналогичные приемы, так характеризует сложившуюся практику: «Традиция не сохранила всех первоначальных названий, и эту потерю восполняют кто во что горазд (*tant bien que mal*)»¹⁰. Так же произвольно в качестве форм букв, которые принимаются за первоначальные и сравниваются с названиями, берутся то финикийские, то южносемитские, то протосинайские формы.

Такое обращение с материалом вызвало решительные возражения как против самой идеи о рисуночном характере знаков, так и против произвольных и необоснованных интерпретаций названий¹¹. Таким образом, в настоящее время поставлены под сомнение как аутентичность и древность существующих названий букв, так и значение этих названий, и даже сама связь названия и формы знака. При этом по поводу почти каждой буквы высказано такое количество разноречивых мнений, что их невозможно не только проанализировать, но даже и просто перечислить. Общепризнанных результатов почти нет. Поэтому представляется необходимым полное комплексное исследование всей проблемы с самого начала, со строгим разделением этапов работы: анализ источников, реконструкция древнейших фонетических форм названий, выявление их значений, независимая реконструкция древнейших форм букв и лишь после этого — сравнение форм и названий для букв, имеющих одинаковое фонетическое значение.

Следует, однако, отметить, что абсолютное соблюдение такой последовательности невозможно. В ряде случаев названия букв по форме несколько отличаются от соответствующих значащих слов, например, кар «буква *k*» и *карр* «ладонь, кисть руки» или *šn* «буква *š*» и *šinn* «зуб». Такие отклонения дают даже возможность вообще отрицать за названиями букв какое-либо предметное значение. Однако в любом случае название буквы должно восходить в какому-то реальному слову языка. Поэтому такие отклонения, вероятно, представляют собой лишь орфографические или фонетические варианты, отражающие процесс расхождения омонимов; учитывая это, при реконструкции древних фонетических форм названий букв мы будем исходить не из орфографических вариантов, а из реальных слов,

⁶ *Albright W. F. The Proto-Sinaitic Inscriptions and their Decipherment. Camb. Mass., 1966, fig. 1.*

⁷ В действительности «змея», «рыба». В эфиопском алфавите тот же знак носит название *nahas* «змея».

⁸ Название *samk* имеет и другие толкования; см., например, *Driver G. R. Semitic Writing from Pictograph to Alphabet. L., 1948, S. 165 f.*

⁹ Например, *Cross F. M. Newly Found Inscriptions in Old Canaanite and Early Phoenician Scripts. — BASOR, 1980, 238, p. 9—10, 16.*

¹⁰ *Branden A. van den Nouvel essai du déchiffrement des inscriptions protosinaitiques. — Bibbia e Oriente, 1979, v. 121, p. 176, not. 68.*

¹¹ Так, например, И. Гельб писал: «Ни один из знаков семитского письма не имеет формы, которая бы ясно указывала на его первоначальный рисуночный характер» (*Гельб И. Западносемитские силлабарии. — В кн.: Тайны древних писем. Проблемы дешифровки. М., 1976, с. 273*), а также: «...стандартные названия западносемитских знаков являются поздним искусственным нововведением» (там же, с. 298), ср. И. М. Дьяконов: «...большинство названий финикийских букв, в противоположность требованиям „акрофонической“ теории, по-видимому, ничего не значат» (*Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 367*).

имеющих предметное значение, — разумеется, лишь в наиболее ясных случаях и с соблюдением должной осторожности.

Названия букв известны только по поздним памятникам, и не для самого финикийского алфавита, а для производных от него древнееврейского, арамейского (сирийского) и греческого. Т. Нельдеке привлек также названия букв эфиопского письма, которое он считал производным от финикийского. Этим кругом источников практически ограничивается материал и в настоящее время.

В наиболее древних памятниках, восходящих к VI—V вв. до н. э., представлены греческие названия. Древнееврейские зафиксированы масоретской традицией в VIII—IX вв. н. э., хотя эта традиция сохранила, несомненно, очень ранние формы. Иной вариант названий, очень близкий к масоретскому, содержит Септуагинта, греческий перевод Библии, сделанный в III в. до н. э. Названия букв сирийского алфавита зафиксированы примерно в V в. н. э. и восходят, вероятно, не к древнему арамейскому алфавиту VIII—V вв. до н. э., а к иудео-христианской традиции I—II вв. н. э.¹² Однако нет сомнения, что все эти формы названий восходят к гораздо более раннему времени: греческие — к моменту заимствования алфавита греками у финикийцев, т. е. не позднее чем к VIII в. до н. э., еврейские — к принятию в Палестине финикийского алфавита, т. е. не позднее чем к X в. до н. э. Аналогично и время создания эфиопского письма принимается не позднее V в. до н. э.¹³

Э. Уллендорф установил, что эфиопские названия букв отсутствуют в письменной эфиопской традиции и впервые появляются в европейских изданиях эфиопских памятников в XVI в. н. э. На этом основании он предположил, что названия были чужды эфиопской традиции и введены европейскими учеными XVI в. на основе библейской традиции¹⁴. Это ставит под сомнение возможность использования эфиопских названий букв для реконструкции исходных форм.

Однако сравнение эфиопских названий с названиями, известными по другим источникам, показывает, что они представляют собой не заимствование традиционных древнееврейских форм, а самостоятельную версию, значительно отличающуюся от всех остальных, гораздо больше, чем, например, греческая от сирийской. Совпадает, даже приблизительно, не более половины названий. При этом варианты, содержащиеся в эфиопских формах, иногда совпадают с греческими (gaml) или с вариантом Септуагинты (zau), но не с традиционными древнееврейскими. В ряде случаев финикийские и эфиопские названия не совпадают, хотя и близки фонетически: ср. финикийские lamd, samk, šin и эфиопские law, sat, šawt. При этом эфиопские формы производят впечатление стершихся, фонетически изменившихся в результате долгого бытования в языке слов, не имевших предметного значения (см. табл. I). Во всяком случае, такие варианты совершенно необъяснимы, если считать эфиопские названия букв результатом простого заимствования древнееврейской традиции.

Особенно интересны те отклонения, где финикийские названия букв заменяются синонимичными: эфиопское uamaп «десница» для uad «рука» и pahas «змея» для p̄np «рыба». Однако для еврейского p̄np, обозначающего рыбу, запретную для еды, т. е., согласно традиции, не имеющую чешуи (змееподобная рыба типа угря или миноги¹⁵), реконструируется древнее значение «змея», а первоначальная форма знака, как будет показано ниже,

¹² Nöldeke. Op. cit., p. 126—129; Driver. Semitic Writing..., p. 152.

¹³ Современное эфиопское письмо представляет собой слоговую систему, созданную в IV—V вв. н. э. на базе южноаравийского консонантного алфавита, вероятно, под греческим влиянием. Южноаравийское письмо известно в Эфиопии с V в. до н. э.

¹⁴ Ullendorff E. Studies in the Ethiopic Syllabary.— Africa, 1951, 21, p. 211—214. См. также: Ryckmans J. L'ordre des lettres de l'alphabet sud-sémitique.— L'Antiquité Classique, 1981, t. L, p. 699.

¹⁵ Driver. Semitic Writing..., p. 165.

Названия букв семитских алфавитов

	Греч.	LXX	Еврейск.	Сирийск.	Эфиоп.	Финик.	Исходные
ʾ	alfa	alf	ʾalep	ʾalp	ʾalf	ʾalp	ʾalp
b	beta	bet	bēt	bēt	bēt	bēt	bayt
g	gamma	giml	gimēl	gimel	gaml	gaml	gaml
h	—	—	—	—	ḥarm	—	ḥarm
d	delta	dalet	dalet	dalet	dant	dalt	dalt
h	—	ei	hē	hē	hoy	hē	hay?
w	—	wau	wāw	wāw	wawi	waw	waw
z	zeta	zay	zayn	zayin	zay	zay(t)	zay(t)
h	ela	et	hēt	hēt	hawt	hēt	hayt/ḥawt
t	teta	tet	tēt	tēt	ṭayt	ṭēt	ṭayt
y	yota	yod	yōd	yōd	yaman	yad	yad/yaman
k	kappa	kap	kap	kap	kaf	kapp	kapp
š	san	sēn	šīn	šīn	šawt	šann	šann
l	lambda	labd	lamed	lamed	law	lamd	lamd
m	mu	mēm	mēm	mēm	may	mēm	may
n	nu	nun	nūn	nūn	nahas	nūn	nūn/nahas
z	—	—	—	—	—	—	—
s	—	samk	samek	semkat	sat	samk	samk
c	—	ain	ʿain	ʿayin	ʿayn	ʿayn	ʿayn
p	pi	pē	pē	pē	ʾaf	pē	pū
š	—	šade	šādē	šādē	šaday	šade	šaday
q	qoppa	qōp	qōp	qōp	qōf	qōp	qawp
r	rō	res	reš	riš	ra's	rōš/reš	ra's
t	sigma	—	—	—	—	šikm	šikm
g	—	—	—	—	—	—	—
t	tau	tau	taw	taw	tawi	taw	taw
š	—	—	—	—	—	—	—
d	—	—	—	—	ḍapa	—	—

представляет собой рисунок змеи. Это обстоятельство не было известно европейским ученым XVI в. и исключает возможность рассматривать эфиопские названия как прямое заимствование.

Таким образом, можно прийти к выводу, что эфиопские названия букв хотя и не засвидетельствованы в эфиопских письменных памятниках, несомненно, восходят к подлинной древней южносемитской традиции. Эта традиция сохранялась в Эфиопии, вероятно, в устной форме на протяжении многих веков и была впервые зафиксирована европейскими учеными XVI в., но сохранила подлинные, очень древние формы названий.

Нельдеке реконструировал финикийские формы названий (см. табл. I). Эфиопские формы отличаются от финикийских, причем прослеживается фонетическая закономерность, отмеченная И. М. Дьяконовым: финикийскому долговому гласному в эфиопском соответствует дифтонг: hē — hoy, hēt — ḥawt, tēt — ṭayt и т. д. (Языки..., с. 367, прим. 22). Эта закономерность отражает процесс монофтонгизации дифтонгов, прошедший в северосемитских языках в середине II тыс. до н. э., но не распространившийся на южносемитские языки. Отметим, что эта закономерность также не была известна эфиопистам XVI в. и еще раз подтверждает аутентичность эфиопских названий букв.

Это позволяет сделать два существенных вывода: во-первых, названия букв восходят не к финикийскому языку, а к языку предшествующей стадии — древнеханаанскому; во-вторых, южносемитские названия были заимствованы из древнеханаанского еще до монофтонгизации дифтонгов, т. е. до XV в. до н. э. Таким образом, можно говорить о глубокой древности названий букв, существовавших уже на самой ранней стадии развития алфавита, до разделения северо- и южносемитской ветви. Это разделение проходило на очень раннем этапе, так как каждая из ветвей

самостоятельно и независимо выработала свой порядок знаков¹⁶. Между тем северосемитский порядок знаков засвидетельствован уже памятниками угаритской письменности, т. е. не позднее XIV в. до н. э.

К сожалению, и этот довод основывается на использовании данных эфиопского письма и нуждается в подкреплении независимым материалом. Такой материал следует искать в системах, предшествующих финикийскому, т. е. в полном северосемитском алфавите в 27—29 знаков¹⁷. Попытаемся доказать, что этой системе уже были известны названия букв.

Обратимся к поискам названий букв, существовавших в полном алфавите, но не сохранившихся в кратком (финикийском). В эфиопском алфавите сохранилась лишь одна из этих букв, *h* с названием *harm* «шило, игла»¹⁸. Второе название, видимо, можно обнаружить в греческом алфавите, где содержатся две буквы, имевшие первоначально одно фонетическое значение — *s*, сигма и сан. По форме они, несомненно, восходят к одной финикийской букве *š* и различаются лишь поворотом в строке¹⁹. Название сан явно восходит к финикийскому *sinn*, арабскому *saṇṇ* «зуб», т. е. к названию соответствующей финикийской буквы²⁰.

Название *sigma* также, несомненно, восходит к финикийскому языку и соответствующее финикийское слово реконструируется как *šikm* или *šakm*²¹, еврейское *šekem* «плечо». Это слово на предшествующем этапе состояния фонологической системы семитских языков, при консонантном составе, соответствующем составу полного консонантного алфавита, реконструируется как *tikm*²². По-видимому, его можно рассматривать как название буквы *t* полного консонантного алфавита. Впоследствии при слиянии звуков *š* и *t* в финикийском сохранилась лишь одна буква *š*²³. Однако в одном из вариантов финикийского она, несомненно, сохранила название *šikm* < *tikm*, которое и было заимствовано одним из вариантов греческого алфавита²⁴.

По-видимому, можно показать, что названия букв были и непосредственно известны в Угарите. Буква *t*, изображаемая в угаритском алфавите горизонтальным клином, судя по всему, не имеет линейного прототипа ни в одном из известных алфавитов. Это тем более странно, что финикийская и южносемитская формы буквы совпадают: это единственный случай, когда финикийский алфавит сближается с южносемитским, но противопоставляется угаритскому, тогда как обратные примеры совпадения финикийских и угаритских знаков в противопоставлении южносемитским довольно часты²⁵.

Объяснение этому факту дает название буквы *t*: *taw* «знак, метка». По-видимому, угаритская форма передает не внешнюю форму линейного

¹⁶ *Ryckmans*. L'ordre des lettres... p. 705—706; *Лундин А. Г.* О происхождении алфавита. — ВДИ, 1982, № 2, с. 20—21.

¹⁷ *Лундин*. О происхождении алфавита, с. 20, 24.

¹⁸ *Biberstein-Kazimirski A., de*. Dictionnaire arabe-français. I. P., 1846, p. 565; *Cross F. M., Lambdin O.* A Ugaritic Abecedar and the Origins of the Proto-Canaanite Alphabet. — BASOR, 1960, 160, p. 22.

¹⁹ Поворот знака был частым явлением в ранних консонантных алфавитах II тыс. до н. э., применявших различные направления письма (*Лундин*. О происхождении алфавита, с. 22, прим. 39). В финикийском письме на раннем этапе также применялись разные направления: слева направо на остраконе из Избет Сарта и вертикальное на наконечниках копий.

²⁰ Рамки статьи не позволяют рассмотреть различные, иногда весьма фантастические взгляды о происхождении форм и названий букв *san* и *sigma*: *Jeffery L.* The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf., 1961, p. 25—27; *idem.* — САН, III, 1, p. 882.

²¹ См. *Гельб*. Западносемитские силлабарии, с. 273.

²² Ср. угаритское *tkm* и южноаравийское *tkm̄t*: *Aistleitner J.* Wörterbuch der Ugaritischen Sprache. B., 1963, S. 334; *Beeston A., Ghul M., Müller W. W., Ryckmans J.* Dictionnaire sabéen (anglais-français-arabe). Louvain, 1982, p. 150.

²³ Отметим, что финикийский *šinn* занимает в алфавитном порядке букв то место, которое в угаритском занимает *t*.

²⁴ Ниже мы увидим и другие примеры переноса названия одного знака на другой

²⁵ *Лундин*. О происхождении алфавита, с. 24—25.

знака, а его название: буква *tau* «знак» передана простейшим знаком клинописной графики — горизонтальным клином.

В этом плане представляет особый интерес угаритская табличка с записью алфавита, изданная в 1955 г., в которой угаритские буквы сопровождаются знаками аккадской слоговой клинописи. Эта табличка продолжает хорошо известную в клинописной культуре традицию двуязычных словарей, где шумерские знаки сопровождались аккадскими соответствиями: переводами для словесных знаков и транслитерациями для фонетических (слоговых). Впоследствии составлялись по тому же принципу и аккадско-хеттские, аккадско-хурритские и многоязычные словари. По этому же принципу построена и исследуемая табличка, где аккадские слоговые знаки дают соответствия угаритским буквам, что имеет большое значение для выяснения фонетического значения букв. Табличка, поврежденная в середине, сохранила 20 знаков из 30 знаков угаритского алфавита и имеет следующий текст:

ʾa	a	p	{p}u
b	be	ṣ	ṣa
g	ga	q	qu
ḥ	ḥa	r	ra
d	di	t	ša
h	u	g	ḥa
w	wa/wi/wu	t	tu
z	zi	ʾi	i
ḫ	ku	ʾu	u
t	ti	ś(s ₂)	zu

Передача согласных вполне соответствует возможностям аккадского письма, не имевшего в этот период знаков для точной передачи *ḥ*, *g*, *t*, *ś*. Гораздо сложнее вопрос о гласных аккадских соответствий. Аккадское слоговое письмо имело богатые возможности точной передачи гласных, но не могло передавать согласный без гласного. Поэтому возникает вопрос: являются ли гласные в аккадских знаках случайными, неизбежными при слоговом характере аккадской письменности или они отражают какую-то особенность угаритских знаков. Однако если бы гласные в названии знаков были случайными, естественно было бы ожидать какого-то их единообразия: *ba*, *ga*, *ḥa* или *bi*, *gi*, *ḥi*, но этого не наблюдается, поэтому первое предположение не получило поддержки исследователей.

Ф. Кросс и Т. Ламбдин высказали предположение, что гласные аккадских знаков отражают гласные угаритских названий букв²⁶. Но их аргументация, оперирующая такими формами названий букв, как *dilt* и *hū*, не засвидетельствованными в имеющихся памятниках (см. табл. I)²⁷, и такими названиями, как *ṭann*, реконструированное В. Олбрайтом на основе формы протосинайской буквы с неясным значением²⁸, была весьма неубедительной и подвергалась резкой критике²⁹.

И. Гельб, который считал семитские консонантные алфавиты слоговым письмом со знаками «согласный + любой гласный», видел в гласных аккадских соответствиях исследуемой таблички отражение «основных или первичных» чтений угаритских знаков. Однако такая точка зрения

²⁶ Cross, *Lambdin*. A Ugaritic Abecedary..., p. 21—26.

²⁷ Авторы ссылаются на эфиопские формы *dent*, *dilt* и греческие *delta*, *dilt* (Cross, *Lambdin*. A Ugaritic Abecedary..., p. 25, not. 27). Однако форма *dilt* не встречается ни в греческом, ни в эфиопском, а формы *dent* и *delt* восходят, несомненно, к первоначальному *dant* и *dalt*.

²⁸ Олбрайт толкует название как «сложный лук» (The Proto-Sinaitic Inscriptions..., fig. 1), но такое толкование рисунка весьма спорно. Название явно не соответствует рисунку угаритской и южносемитской буквы (см. ниже, табл. II). Сама буква, вероятно, имеет значение не *t*, а *ś*: Лундин. Дешифровка протосинайской письменности, с. 89 и табл. II.

²⁹ См. Гельб. Западное семитские силлабарии, с. 296—299; Garbini G. Storia e problemi dell'epigrafia semitica. Napoli, 1979, p. 45—46.

не может объяснить, почему аккадские соответствия имеют различные гласные, и явно неубедительна ³⁰.

Закономерности в выборе гласных аккадских соответствий можно уловить, если провести систематическое сравнение этих соответствий с семитскими названиями букв. Прежде всего, выделяются три знака, обозначающие гортанный взрыв + гласная; 'а, 'i, 'u. Они закономерно передаются соответствующими гласными, так как аккадская клинопись не имеет средств для передачи гортанного взрыва. Из остающихся букв для трех (h, ġ, ś) неизвестны семитские названия ³¹, а еще для одной, w — гласная аккадского соответствия ³². Остается 13 знаков, для которых известны семитские названия. Сгруппируем их по гласной аккадского знака.

Пять букв имеют в соответствии гласную a, причем четыре из них в названии также имеют a: ga — gaml; ħa — ħarm, ša — šaday, ga — ga' š. Лишь для t реконструируется название tikm при соответствии ša.

Четыре буквы имеют в соответствии u, которому в названии параллельны ū или дифтонг aw, при стяжении дающий гласную ū > ō: ru — rū ³³, ħu — ħawt ³⁴, tu — taw, qu — qawp (см. табл. I).

Еще три соответствия имеют гласную i и одно — e; трем из них соответствуют названия с дифтонгом ay, который при стяжении дает ē/i: be — bayt, zi — zait, ti — tayt. Выпадет из системы только соответствие di при надежно реконструируемом названии dalt «дверь». Таким образом, из 13 случаев в 11 гласная аккадского соответствия и гласная семитского названия совпадают. По-видимому, этого достаточно, чтобы сделать уверенный вывод, что гласные аккадских соответствий передают гласный семитского названия и что, следовательно, в угаритском алфавите существовали названия букв, очень близкие к финикийским и эфиопским.

В двух случаях гласные не совпадают: ša — tikm, di — dalt, причем в первом названии имеет i вместо ожидаемого a, во втором — a вместо i. Однако такой же перебой a/i, не поддающийся объяснению, можно обнаружить еще в двух названиях финикийских букв: g, где древнееврейская форма gimel восходит к giml при хорошо реконструируемой и представленной в значащем слове исходной gaml «верблюд», и r, где древнееврейская форма rēš < ri's соседствует с эфиопской ra's и финикийской rōš (по греческой ro) из rāš ³⁵. Это явление, видимо, можно связать с известными случаями, когда общесемитская гласная a в некоторых языках превращается в i: общесемитское lašan «язык», но аккадское lišan, арабское lisan; общесемитское ragl, еврейское ragl, но арабское riġl ³⁶.

Угаритские названия букв отражают зашедший процесс монофтонгизации дифтонгов и, следовательно, являются более поздними, чем эфиопские, сохранившие дифтонги. Это позволяет датировать возникновение семитских названий букв XVI—XV вв. до н. э. — периодом, очень близким ко времени возникновения консонантного алфавита.

Реконструкция исходных названий букв не позволяет возвести их к какому-то определенному диалекту северосемитских языков или даже просто к северосемитскому, а не южносемитскому. Значительное число реконструированных форм сохраняет варианты, прежде всего в огласов-

³⁰ Сам же Гельб пишет: «Причин подобной вариации (гласных. — А. Л.) мы еще не знаем» (Западносемитские силлабарии, с. 298; ср. примечания переводчика и редактора, с. 303).

³¹ Название hē, эфиопское hoу, вероятно, деформировано, так что неясны ни значение, ни корень слова.

³² Аккадский знак может иметь чтения wa/wi/wu.

³³ Слово rū «рот», по-видимому, не восходит к корню raw, но гласная ū — общесемитская, ср. арамейское rum, аккадское ru, арабское fū.

³⁴ Эфиопская форма. Финикийская het, несомненно, восходит к ħayt, как bēt < bayt. О соотношении форм ħayt/ħawt см. ниже.

³⁵ С переходом ā > ū > ō, свойственным финикийскому, ср. yōd < yad (Дьяконов. Языки ..., с. 307, прим. 22). Отметим, что угаритское название буквы реконструируется га'š, тогда как слово «голова» в угаритском языке имеет форму ri's.

³⁶ Дьяконов. Языки..., с. 195.

ке а/і, но диалекты с такой разницей в огласовке не прослеживаются. Можно, видимо, отметить и варианты иного типа, ḥayt/ḥawt и даже ra^ʿn/riḡl (о нем см. ниже). Два последних варианта, как кажется, соответствуют северо- и южносемитским различиям, однако варианты ḥayt/ḥawt, вероятно, различаются и по смыслу.

Может быть, реконструированные формы не одновременны и появились в результате бытования различных вариантов протоалфавита или северо-семитского алфавита в среде разных диалектов северо-западных и южных семитских языков, как позднее в финикийском алфавите выделяются арамейские и древнееврейские формы отдельных названий (zayin, dalet). В результате сложных взаимодействий и взаимовлияний названия букв часто заимствовались в форме, отличающейся от формы соответствующего диалекта и совпадающей с формой какого-то иного (как угаритское название га^ʿš или древнееврейское финикизированное uōd).

Значение названий семитских букв ясно далеко не всегда. Многие, названия не сохранились как значащие слова в соответствующем языке, а некоторые и вообще в северо-западных семитских языках. Другие слова утратили или изменили свое первоначальное значение. Корни, к которым восходят названия, зачастую многозначны и открывают простор для различных толкований. Единственным «контекстом», позволяющим проверить толкование названия, является рисунок буквы, но некритическое использование рисунка зачастую приводит к самым фантастическим толкованиям, как sadau «кузнечик» или qōr «обезьяна»³⁷. Столь же часто кажущееся «несоответствие» названия рисунку приводит к отказу от вполне очевидных толкований названия, как gaml «верблюд»³⁸.

Попытаемся установить значение названий независимо от форм букв; при этом будем отдавать предпочтение основным значениям корня, особенно именным. Учитывая древность названий, предпочтение оказывается также более древним, общесемитским значениям. Предварительно нужно отметить поразительную устойчивость названий. Хотя первоначальные предметные значения названий букв были, видимо, очень рано забыты и слова воспринимались только как обозначения букв алфавита³⁹, тем не менее лишь одно из финикийских названий, hē, полностью утратило исходную форму и значение, которые не удается восстановить. Даже в эфиопском языке, где многие названия не существуют и никогда не существовали как значащие слова (ʿapl «бык», dalt «дверь» и т. д.) и, вероятно, являются заимствованиями из ханаанейско-аморейского, даже там традиция, на протяжении двух тысячелетий сохранявшаяся лишь в устной форме, донесла без искажений, во вполне узнаваемой форме больше половины названий букв. Впрочем, не исключено, что некоторые «стершиеся» эфиопские названия (например, sat, šawt) в действительности восходят к исходным названиям букв, отличавшимся от финикийских, т. е. к вариантам названий. Но выявить такие варианты и установить их значение не удается.

При непредвзятом подходе значение большинства названий легко определяется и вырисовывается даже их общая характеристика. Большинство названий семитских букв очень конкретны и предметны, в отличие от названий букв кириллицы типа «глаголь», «добро» или рунического алфавита типа fē «скот, имущество», reid «верховая езда» и т. п. Все они относятся к кругу предметов, непосредственно окружавших человека. Это названия животных (ʿalp «бык», gaml «верблюд», nūn/pahas «змея», samk «рыба») или растений (zay/zayt «олива»), частей тела (kapp «ладонь, кисть

³⁷ Driver. *Semitic Writing...*, p. 166 f.

³⁸ Как отмечает Драйвер, только М. Дюнан считал букву изображением горба верблюда, тогда как все остальные исследователи предлагали интерпретации типа «копьеметалка» (throw-stick): *ibid.*, p. 155, 163—164.

³⁹ Это показывает уже угаритское га^ʿš при слове ri^ʿs «голова». Однако это не исключает позднейших ошибочных этимологий типа zayin «оружие».

руки», *yad* «рука», *yaman* «десница», *ʿayn* «глаз», *pū* «рот», *gaʿš* «голова», *šinn* «зуб», *ṭaktm* «плечо»), предметов быта или домашнего обихода (*bayt* «дом», *dalt* «дверь», *ḥarm* «шило, игла», *ṭayt* «клубок», *lamd* «посох», *qawr* «ушко иглы», *ḥayt* «забор», *waw* «крюк»). Лишь два названия отличаются более абстрактным характером (*may* «вода» и *taw* «знак; метка») ⁴⁰, так что их рисуночное изображение вызывает затруднения, однако в обоих случаях символика знака достаточно ясна.

Остается неясным название только одного знака, хорошо сохранившее форму, *ṣaday*. Оно, несомненно, восходит к корню *ṣud* «охотиться, ловить рыбу», но конкретное (предметное) значение слова не сохранилось в языке и вряд ли может быть реконструировано без помощи рисунка.

Переходя к риункам букв, следует специально отметить, что между рисунком и знаком рисуночного характера существует значительная разница. Рисунок дает индивидуальное изображение предмета и обязательно отмечает в той или иной мере его детали и индивидуальные черты. Напротив, рисуночный знак дает лишь общие, характерные признаки предмета, отвлекаясь от индивидуальных деталей. Для рисуночного знака иногда достаточно лишь одной, наиболее характерной части или детали предмета. На этом основан весьма распространенный в разных системах знаков принцип *pars pro toto*, когда, например, изображение животного ограничивается лишь рисунком его головы (голова быка — в протосинайском алфавите или голова оленя в системах дорожных знаков). Поэтому определение того или иного изображения как условной линейной фигуры или рисунка прямо зависит от того, входит это изображение в систему знаков или нет, и более того, считаем мы данную систему знаков линейной или рисуночной. Например, круг или прямоугольник — сами по себе просто геометрические фигуры, не имеющие никакого предметного значения, однако в рамках иероглифической системы знаков прямоугольник — достаточно четкий рисуночный знак дома, а круг — рисуночный знак глаза; оба эти рисунка и другие того же характера достаточно часто встречаются в различных, не связанных между собой иероглифических системах письма.

Реконструкция формы знаков семитского консонантного алфавита была проведена автором путем сравнения трех алфавитных систем II тыс. до н. э. — финикийского, угаритского и южносемитского ⁴¹. Позднее удалось восстановить также значение большинства знаков протосинайского письма ⁴². Изучение названий знаков также позволило внести некоторые коррективы в реконструкцию знаков протоалфавита. Все эти данные сведены в табл. II.

Соответствие названия и рисунка буквы очевидно для целого ряда знаков даже в отдельных алфавитах, например в финикийских буквах *ʿalp* — голова быка, *yad* — рука, согнутая в локте, *ʿayn* — глаз, *qawr* — ушко иглы с продернутой ниткой, в южносемитских буквах *ʿalf* — бык, *dalt* — дверь, *fū* — рот и т. д., не говоря уже о протосинайском, где рисуночный элемент ряда знаков, видимо, намеренно усилен: глаз, голова, голова быка и т. п. ⁴³. Но соответствия становятся еще заметнее, если обратиться к формам, общим для всех четырех алфавитов (см. табл. II.)

⁴⁰ Большинство этих толкований и раньше предлагалось различными учеными, иногда неоднократно, наряду с другими, более искусственными, когда понимание рисунка определяло интерпретацию названия, например *samk* «опора» и т. п. Различные перечни см. *Driver. Semitic Writing...*, p. 161—169; *Albright. The Proto-Sinaitic Inscriptions...*, fig. 1; *Дирингер Д.* Алфавит. М., 1963, с. 263—266; *Фридрих И.* История письма. М., 1979, с. 96 и т. д. Все толкования, предложенные ранее, невозможно не только разобрать, но и перечислить. Поэтому невозможно и указать, кто первым предложил правильную интерпретацию, тем более что для ряда букв она совпадает с традиционной. Насколько мне известно, впервые предложены автором лишь интерпретация *qawr* «ушко иглы», *ṭaktm* «плечо» и *ḥarm* «шило».

⁴¹ *Лундин.* О происхождении алфавита, с. 23, табл. I.

⁴² *Он же.* Дешифровка протосинайской письменности, с. 87, табл. II.

⁴³ Там же, с. 86—89.

Знак	Ф	Ф(арх.)	ИС	ПС	У	У(лин.)	ЮС	ПА	Название
ʕ	𐤛	𐤛	𐤛	𐤛	𐤛	𐤛	𐤛	𐤛	ʕalp бык
ḅ	𐤁		𐤁	𐤁	𐤁	𐤁	𐤁	𐤁	ḅayt дом
g	𐤂		𐤂		𐤂	𐤂	𐤂	𐤂	gaml верблюд giml
ḥ					𐤃	𐤃	𐤃	𐤃	ḥarm шила, изла
d	𐤄	𐤄	𐤄	𐤄	𐤄	𐤄	𐤄	𐤄	dalt dilt дверь
h	𐤅		𐤅		𐤅	𐤅	𐤅	𐤅	hay?
w	𐤆		𐤆		𐤆	𐤆	𐤆	𐤆	waw крюк
z	𐤇	𐤇	𐤇?	=	𐤇	𐤇	𐤇	𐤇	zayt олива
ḥ	𐤈	𐤈	𐤈	𐤈	𐤈	𐤈		𐤈	ḥayt забор ḥawt вилы
t	𐤉		𐤉	∞?	𐤉	𐤉	𐤉	𐤉	ṭayt клубок
y	𐤊		𐤊		𐤊	𐤊	𐤊	𐤊	yad рука yatan десница
k	𐤋			𐤋	𐤋	𐤋		𐤋	karр кисть руки
š	𐤌	𐤌	𐤌	𐤌	𐤌	𐤌	𐤌	𐤌	šann šinn зуб
l	𐤍	𐤍	𐤍	𐤍	𐤍	𐤍	𐤍	𐤍	latd посох
m	𐤎	𐤎		𐤎	𐤎	𐤎	𐤎	𐤎	may вода
d					𐤏	𐤏	𐤏	𐤏	[darw] грабли [dary] ограда

Таблица II. Семитские консонантные алфавиты II тыс. до н. э.

Примечание. Знаки расположены в порядке букв угаритского (северосемитского) алфавита: Ф — финикийский — содержит знаки стандартного (нормализованного) письма X в. до н. э. (по надписи Ахирама и близким к ней текстам); Ф (арх.) приводит выборочно отличающиеся формы букв по надписям XII—XI вв. (наконечники копий и остраконы); ИС — остракон из Избет-Сарта; ПС—

Таблица II

знак	Ф (арх.)	ИС	ПС	У	У(лин.)	ЮС	ПА	Название
n	𐤍	𐤍	𐤍	𐤍	𐤍	𐤍	𐤍	nūn рыба, змея nahas змея
z				𐤌	𐤌	𐤌	𐤌	
s				𐤋	𐤋	𐤋	𐤋	sat?
ś/s	𐤑	𐤑	𐤑	𐤑	𐤑	𐤑	𐤑	satk рыба
c	𐤒	𐤒	𐤒	𐤒	𐤒	𐤒	𐤒	ṣayn глаз
p	𐤓	𐤓	𐤓	𐤓	𐤓	𐤓	𐤓	pū рот [paṣn] нога
s	𐤔	𐤔	𐤔	𐤔	𐤔	𐤔	𐤔	ṣaday серп мотыга [ṣagir] малыш
q	𐤕	𐤕	𐤕	𐤕	𐤕	𐤕	𐤕	qawp ушко целлы
r	𐤖	𐤖	𐤖	𐤖	𐤖	𐤖	𐤖	raṣṣ голова riṣ [ragl] нога
t				𐤗	𐤗	𐤗	𐤗	takt плечо
g				𐤘	𐤘	𐤘	𐤘	[galm] юноша
t	𐤙	𐤙	𐤙	𐤙	𐤙	𐤙	𐤙	taw знак, метка

протосинайское письмо; У — угаритское; У (лин.) — реконструированные линейные праформы угаритского письма; ЮС — южносемитское письмо; ПА — реконструированные формы протоалфавита (исходные формы)

Реконструированные названия букв заключены в квадратные скобки

Тем не менее толкование рисунков (внешней формы знаков) представляет собой не меньшие трудности, чем толкование названий, потому что все они предельно схематичны и упрощены, так что от изображения предмета остается лишь одна характерная деталь или общая идея, и только принятие гипотезы о рисуночном характере знаковой системы позволяет опознать в этих знаках изображаемый предмет. Исключение представляют лишь некоторые буквы протосинайского алфавита, которые выглядят как настоящие, легко узнаваемые рисунки.

Толкование рисунков требует учета всего круга культурных навыков и представлений населения Ближнего Востока II тыс. до н. э. Так, рисунок двери узнаваем лишь в том случае, если знать, что двери устанавливались на подпятниках, а не навешивались на петлях. Только наскальные изображения Аравии, на которых верблюд всегда изображается с прямой, вытянутой шеей⁴⁴, позволяют установить, что буква gaml есть изображение головы быка. Реконструкция линейной формы угаритского z и единичная архаическая форма буквы в протосинайской надписи на кинжале из Лахиса⁴⁵ позволяют опознать в этой букве схематичное изображение дерева и понять название буквы zaʔ(t) «олива». Линейная форма угаритской буквы Is двойным завитком и длинной хостой, а также протосинайская форма буквы объясняют и название знака lamd «пастушеский посох».

Единые схематично-рисуночные формы, общие для угаритского, финикийского и южносемитского алфавитов⁴⁶, соответствующие названиям букв, имеют следующие знаки: b, g, h (буква отсутствует в финикийском), d, z, t, š, l, m, n, ʿ, q, s — 13 букв из 22, названия которых известны, т. е. более 60%. К ним можно присоединить и угаритско-южносемитскую букву t с реконструированным названием, которую можно рассматривать как очень схематичное изображение плеча (см. табл. II). Сюда же следует отнести случаи, когда знаки разных алфавитов восходят к разным рисункам, отражающим одно понятие⁴⁷: таковы финикийский ʾ, угаритский ʾa — голова быка и южносемитский ʾ, угаритские ʾi, ʾu⁴⁸ — бык; финикийско-угаритский y — рука, согнутая в локте, и южносемитский y — вытянутая рука со сжатым кулаком. Впрочем, в последнем случае разным рисункам соответствуют и два синонимичных названия — «рука» и «десница». Вероятно, это же явление можно проследить и в знаке k, где финикийская и угаритская формы изображают ладонь, а южносемитская и ряд финикийских надписей (надпись Мешы и некоторые тексты на наконечниках копий XII — XI вв.⁴⁹) — руку с растопыренными пальцами (см. табл. II).

В трех случаях рисуночные формы, совпадающие с названием, не являются общими для трех привлекаемых алфавитов: финикийско-угаритское g «голова», финикийско-южносемитское t «знак» и южносемитское f «рот». Финикийско-угаритский знак waw «крюк» и финикийский hayt «забор» имеют маловыразительные формы, не позволяющие определить их как изображения какого-то предмета. Однако если исходить из названия, то рисунок двузубца (waw) можно считать за изображение крючка (де-

⁴⁴ См. *Anati E. Rock-Art in Central Arabia. V. 3—4.* — Publication de l'Institut Orientaliste de Louvain, 1972, v. 4; 1974, v. 6, passim; *Oxtoby W. G. Some Inscriptions of the Safaitic Bedouin.* New Haven, 1968, pl. VIII, IX, XVII, XX.

⁴⁵ См. *Лундин А. Г. Бронзовый кинжал из Лахиса с протосинайской надписью.* — Палестинский сборник, 1985, 28. См. также *Driver. Semitic Writing...*, pl. 39.

⁴⁶ Поскольку предложенная автором дешифровка протосинайского письма еще не получила оценки в научной литературе и является спорной, данные этого письма привлекаются лишь в особых случаях, когда другие алфавитные системы не дают необходимого материала.

⁴⁷ Такие случаи особенно часты в протосинайском, см. буквы ʾ, ʿ, g (табл. II).

⁴⁸ Угаритские буквы ʾi и ʾu различаются лишь поворотом в строке. Фактически это один знак, но повернутый на 90°.

⁴⁹ См. *Martin M. F. A Twelfth Century Bronze Palimpsest.* — *RdSO*, 1962, XXXVI, p. 194, f., fig. 1, 3.

ревянной рогульки для подвешивания), а рисунок решетки (ḥayt) — за изображение забора.

Отметим также явно рисуночные формы трех знаков, название которых неизвестно, либо не совпадает с названием буквы: протосинайский рисуночный знак «нога» с вероятным значением p⁵⁰ и знак «человек» со значением s в южносемитском и, вероятно, протосинайском и со значением g в угаритском (см. табл. II).

Таким образом, схематично-рисуночная форма, связанная с названием, является с большей или меньшей надежностью для 24 знаков из 28 или 29 букв протоалфавита. Все остальные знаки — h, d, z, s, q — очень плохо документированы. Ни для одного из них неизвестно название, а исходные формы не имеют четкого рисуночного характера и реконструируются недостаточно надежно, по одной-двум формам. Например, знак d имеется только в южносемитских алфавитах и, возможно, не существовал в протоалфавите, а является более поздней инновацией южносемитского алфавита⁵¹. Знак q сохранился лишь в угаритском и южносемитском, но имеет в них разные, не сводимые к одному прототипу формы. Угаритско-южносемитский знак s был вытеснен финикийским samk, и его эфиопское название sāt остается непонятым.

Таким образом, соответствие названия и рисунка прослеживается практически для всех знаков, названия которых сохранились, в том числе и для знаков полного алфавита, не сохранившихся в финикийском — ḥaym и takm. Все случаи, когда не удается установить это соответствие, объясняются лишь недостатком материала. Это позволяет уверенно говорить, что исходные знаки протоалфавита имели схематично-рисуночный характер и названия, в которых первая согласная совпадает с фонетическим значением буквы.

Комплекс признаков, характеризующих букву алфавита, — рисунок фонетическое значение и название — существует уже на самом раннем этапе истории алфавита, доступном исследованию. Все эти признаки неразрывно связаны между собой, так что выделить среди них исходный или определяющий не удастся. Акрофонический принцип выступает как связывающий между собой отдельные признаки знака, но не как принцип создания знака.

Согласно традиционной «акрофонической» теории, исходным элементом выступает рисунок знака, заимствованный из египетской иероглифики (или из другой системы письма). Рисунок определяет название, а название — фонетическое значение буквы. По-видимому, создание алфавитного письма шло противоположным путем: после выделения звука для него подбиралось название, начинающееся с этого звука, и создавался рисуночный знак — изображение этого предмета. Этот путь представляется наиболее простым и естественным; им и сейчас широко пользуются при создании различных стихотворных азбук для детей.

Обычно считается, что выделение звуков речи представляет собой очень большие трудности и вряд ли могло быть произведено в такой ранний период путем сознательного акта, а не в результате долгого и постепенного процесса приспособления системы письма к нуждам конкретного языка. Однако трудности этого процесса, видимо, сильно преувеличены. Много более поздние исторические примеры «изобретения» кириллицы, армянского и грузинского алфавитов показывают, что само по себе выделение фонем не представляло, вероятно, больших трудностей. Все три алфавита отличаются большой точностью и полнотой в передаче звуковых единиц языка, давая почти однозначное равенство звук = буква. То же можно сказать и о позднейшем арабском алфавите, созданном на базе арамейско-

⁵⁰ Лундин. Дешифровка протосинайской письменности, с. 87, табл. II.

⁵¹ Звук d очень рано исчез в северо-западных семитских языках, вероятно, еще до создания алфавитного письма. В эфиопском соответствующий знак выражает уже звуки d и z, а его название fara не поддается интерпретации.

го, который в это время имел почти в два раза меньше знаков, чем требовалось для арабского. В комплексе признаков буквы название имело вторичный характер и учебное, в основном мнемоническое, значение, облегчая преподавание, а также запоминание как чтения, так и написания буквы. Однако оно занимало и центральное положение, связывая и определяя как рисунок, так и фонетическое значение знака.

Рисунок знака выступает как свободное творчество, ограниченное лишь потребностями легкости и удобства письма и различимости знаков системы. Впрочем, последнее требование проявилось, вероятно, только в дальнейшем, в процессе пользования алфавитом. Требованием различимости знаков можно объяснить, видимо, исчезновение в финикийском знака *rē* «рот», близкого по форме к *'aun* «глаз», или замену рисунка *uāp* «десница», очень близкого к *gaš* «голова», рисунком *uad* «рука» и, напротив, исчезновение *gaš* в южносемитском при сохранении *uāp*.

В дальнейшем, по мере функционирования алфавита, элементы комплекса вступают в сложные отношения взаимных влияний и воздействий, с различными результатами для разных букв. Изменение формы знака в процессе письма могло влиять на его название и даже, через название, на значение. Изменение или переосмысление названия также могло отражаться как на форме, так и на значении буквы. Эти процессы, вероятно, усиливались тем, что консонантный алфавит существовал в обширном регионе с этнически однородным населением и общими культурными традициями, но политически раздробленном на мелкие государственные образования, то объединявшиеся в союзы, то вновь распадавшиеся на отдельные города и владения, чтобы вновь объединиться в ином сочетании. Эти государства то попадали под политическое и культурное влияние Египта, хурритов или хеттов, то вновь обретали независимость. В результате алфавитное письмо существовало, несомненно, не как единая система, а как сумма вариантов с непрекращающимся изменчивым переплетением взаимодействий. Аналогичную картину суммы вариантов рисует и гораздо лучше изученная ранняя история греческого алфавита, существовавшего в очень схожей обстановке⁵².

Совпадение значения, названия и формы буквы оставалось живым элементом системы алфавита очень недолго, лишь на самой начальной стадии его развития. Ни одна из известных ветвей алфавита — финикийская, угаритская, южносемитская, даже протосинайская — не сохранила полностью соответствия названия и формы. Так, в угаритском письме с его клинописной графикой связь названия и рисунка исчезла полностью. В финикийском алфавите даже в наиболее ранних памятниках XII—XI вв. лишь отдельные буквы сохраняют прежнюю схематично-рисуночную форму. Но даже и для таких знаков связь названия и рисунка, видимо, уже не сознавалась. Так, финикийский *'alp* сохранил форму схематичного изображения головы быка, но был повернут на 90° и писался уже горизонтально, что делало его опознание весьма сложным. В южносемитском алфавите буквы приобретали геометрические формы, подчиненные строгим правилам симметрии, что лишило их рисуночного характера даже тогда, когда форма почти сохранилась. Так, например, южноаравийские

буквы *'*, *h*, *n* () явно представляют собой условные геометри-

ческие фигуры, согласованные между собой, составленные из стандартных элементов в подчинении единому эстетическому канону. В них невозможно узнать исходные изображения быка, шила и змеи (*'alf*, *harm*, *naḥas*), хотя сами по себе изображения изменились очень мало (см. табл. II)

Однако в семитской среде названия, оставаясь более или менее понятными, оказывали вторичное (обратное) влияние на систему, сохраняя и возрождая соответствие названия и формы, во всяком случае в некото-

⁵² Jeffery. *The Local Scripts...*; Guarducci M. *Epigrafia Graeca*. I. Rome, 1967.

рых языках. Такое обратное воздействие ярко проявилось в протосинайском письме, где рисуночный характер ряда знаков резко усилен, рисунки детализированы и приобрели реалистический характер, особенно рисунки головы человека, быка, змеи, иногда — кисти руки (например, на остраконе из Гезера), тогда как другие знаки полностью схематичны и утратили всякую связь с изображением (z, š) или даже приобрели ложно-рисуночный вид, как изображение человека для буквы ḥayt (см. табл. II)⁵³.

В таких условиях исследование отдельных форм букв представляется весьма сложным. Предлагаемые выводы, несомненно, окажутся во многом гипотетичными и, может быть, подвергнутся дальнейшим уточнениям и изменениям. Но только такие исследования могут дать представление о конкретной истории алфавита во II тыс. до н. э., о характере происходивших в нем процессов и о различиях между отдельными ветвями и вариантами письма.

Рассмотрим прежде всего буквы, не имеющие единой исходной формы, а только формы, различающиеся в северо- и южносемитских алфавитах.

Южносемитские знаки f и г представлены единичными формами, не имеющими параллелей в северосемитских алфавитах. При этом знак f имеет рисуночный характер, соответствующий названию буквы fū «рот», а знак г — форму, не связанную с рисунком головы. Соответствующие знаки северосемитского носят такой же характер, но рисуночную форму, соответствующую названию, имеет знак г, а р явно не связан с рисунком рта (см. табл. II). Однако по форме южносемитское г и северосемитское р совпадают.

Этот знак не имеет рисуночного характера, и, даже учитывая предельную схематичность знаков семитского консонантного алфавита, не удается реконструировать его исходную рисуночную форму. Однако в протосинайском алфавите знак р имеет отчетливую рисуночную форму «нога», хотя и не совпадающую с южносемитским г и финикийско-угаритским р⁵⁴. Для этого знака можно, видимо, реконструировать и название: ра'п/ра'm «нога».

После этого финикийско-угаритский знак р можно определить как схематичный рисунок ноги (> цз >), однотипный с финикийским рисунком руки (см. табл. II).

Соотношение финикийско-угаритского и протосинайского рисунков оказывается таким же, как и для буквы га'š «голова»: знаки представляют собой разные рисунки одного предмета, причем предельно схематичному рисунку финикийско-угаритского соответствует более реалистичный и детализированный рисунок протосинайского.

Получает объяснение и рисунок знака г южносемитского алфавита: в южносемитских языках слово ра'п не встречается и распространено другое обозначение ноги — rīg⁵⁵. Соответственно и знак «нога» имеет в южносемитских языках фонетическое значение г.

Все три знака следует возводить к исходной форме, протоалфавиту, так как они представлены в обеих ветвях, южно- и северосемитской. Знак «голова» сохранил название и форму в северосемитском и название — в южносемитском; знак «рот» — название в северосемитском, название и форму — в южносемитском и знак «нога» — форму и в северо- и в южносемитском, но с разными значениями. Следовательно, в протоалфавите существовало три знака: «рот», «голова» и «нога». В зависимости от диалекта, к которому применялась система, знак «нога» получал разные

⁵³ Лундин. Дешифровка протосинайской письменности, с. 86—89.

⁵⁴ Там же, с. 88 и табл. I.

⁵⁵ Biberstein-Kazimírski. Dictionnaire arabe-français, I, p. 830—832; Beeston, Ghul, Müller, Ryckmans. Op. cit., p. 116.

фонетические значения и становился дублетным либо к знаку «рот» (в северосемитском), либо к знаку «голова» (в южносемитском). Соответственно не вытесняет в северосемитском знак r^{e} , а в южносемитском — знак ga^{s} . Однако неоднозначность его названия оказалась неудобной, и в обеих ветвях сохранились старые названия.

Для буквы $\text{ḥawt}/\text{ḥawt}$ финикийская и южносемитская формы различаются, а реконструкция угаритской очень сложна и невозможна без контрольных форм. Протосинайская форма также сильно отличается от финикийской и южносемитской. Однако протосинайская форма позволяет реконструировать угаритскую; в ней имеются точные соответствия всем элементам угаритского знака; двум угловым клиньям соответствуют два круга, а сочетанию горизонтального и вертикального клиньев — пересечение линий⁵⁶. Следовательно, угаритская форма совпадает с протосинайской. Архаическая надпись на наконечнике копья XII в. содержит промежуточную форму, показывающую, что финикийский знак совпадает с угаритско-протосинайским⁵⁷, отличаясь лишь угловатым характером рисунка, и даже имеет более архаичную форму, соответствующую названию буквы ḥawt «забор». Таким образом, знак ḥ имеет две формы, северной и южносемитскую, причем первая соответствует рисунку буквы (см. табл. II). В южносемитском этот знак имеет форму трезубца. Учитывая крайнюю схематичность рисунков букв протоалфавита, в этой форме можно видеть рисунок «вилы».

Название буквы также имеет две формы — северосемитскую ḥawt и южносемитскую (эфиопскую) ḥawt , но обе отражают одно слово с частым соответствием северосемитского у южносемитскому w . Это слово восходит к корню ḥwu с основным значением «соединять, сгребать» и вторым значением (вероятно, производным) «сохранять, хранить»⁵⁸. От этого значения легко реконструируются отыменные производные: от второго значения — «ограда, забор» (ḥut), но также от основного — «орудие для сгребания — грабли, вилы» (ḥwt), вполне отвечающее южносемитской форме знака.

По-видимому, название $\text{ḥawt}/\text{ḥawt}$ оказалось двусмысленным: оно могло значить, вероятно, в разных местах, соответственно местному диалекту, или «ограда, забор», или «грабли, вилы» и стало прилагаться к двум рисункам (знакам), получившим одинаковое значение ḥ . Однако в разных ветвях алфавита сохранилось лишь по одному из этих знаков, «забор» в северосемитском (угаритском, финикийском, протосинайском) и «вилы, грабли» в южносемитском. Это вызвало, как будет показано ниже, соответствующую перестройку системы алфавита, отразившуюся на других знаках.

Знак «трезубца» можно обнаружить и в угаритском алфавите с фонетическим значением d (звук и буква отсутствуют в финикийском и протосинайском). Южносемитский знак с тем же фонетическим значением не совпадает по форме с угаритским, но совпадает с финикийским знаком ḥ «забор». Таким образом, в протоалфавите для звуков ḥ и d обнаруживаются две буквы, с рисунками «забор» и «вилы», но с обратным или «зеркальным» распределением значений по ветвям алфавита: «забор» — северосемитское ḥ и южносемитское d , и «вилы» — северосемитское d и южносемитское ḥ ⁵⁹.

Названия буквы d не сохранились ни в угаритском, ни в южносемитском, так как соответствующий знак отсутствует в эфиопском письме. Попытаемся предложить попытку их гипотетической реконструкции. Обращение к словарям позволяет обнаружить общесемитский корень

⁵⁶ О принципах соответствий между клинописными и линейными формами см. *Лундин*. О происхождении алфавита, с. 22.

⁵⁷ *Martin*. Op. cit., p. 194, fig. 2.

⁵⁸ *Biberstein-Kazimirski*. Dictionnaire arabe-français, I, p. 522.

⁵⁹ *Лундин*. О происхождении алфавита, с. 26—27 и табл. II.

ḏgḡ «веять (зерно)»⁶⁰, который дает очень подходящее название для угаритской буквы: ḏagw «вилы». Отметим также, что одно из наиболее распространенных сельскохозяйственных орудий традиционного земледелия Палестины, служащее для сгребания и веяния зерна, до сих пор называется ḏariyat⁶¹ и имеет форму трезубца (хотя число зубьев может достигать и пяти, и семи).

Продолжив поиск по словарям, можно обнаружить также корень ḏgy «защищать, охранять» и реконструировать название южносемитской буквы ḏagu «ограда, забор»⁶². Таким образом, для протоалфавита выявляются два знака: трезубец—северосемитское ḏ и южносемитское ḏ с названиями ḏagw/ḥawt «вилы, грабли», и решетка — северосемитское ḏ и южносемитское ḏ с названиями ḥayt/ḏagu «ограда, забор».

Аналогичная пара «зеркальных» знаков ṣ и ḡ представляет, пожалуй, наибольшие затруднения. В ней можно выделить один рисуночный знак, «человек» — южносемитское и протосинайское ṣ, а также угаритское ḡ, если объединить разные рисунки, изображающие человека (см. табл. II). Вторая форма не имеет рисуночного характера; ее можно условно назвать «ворота»; она представлена южносемитской буквой ḡ и единичной формой архаического финикийского знака ṣ (см. табл. II). Однако этим не исчерпывается разнообразие форм буквы; выделяются еще, по крайней мере, две независимые финикийские формы: стандартная для финикийских надписей X—VIII вв. и архаическая в надписях на конечниках копий из ал-Ḥадра (см. табл. II). Обе формы настолько схематичны, что выделить стоящий за ними рисунок не удастся без помощи названия.

Название буквы также совершенно неясно; достаточно сказать, что в качестве толкований предлагались такие разные значения, как «рыболовный крючок», «сеть» и даже «кузнечик»⁶³. Корень syd, к которому восходит название буквы, означает «охотиться, ловить рыбу», но предметное значение слова ṣadau остается неясным.

Значения «охотиться» и «ловить рыбу» встречаются в разных семитских языках и различаются, видимо, не по языкам, а скорее по типу хозяйства определенной группы населения. Так, в языке южноаравийских надписей засвидетельствовано лишь значение «охотиться», а в близко родственном ему языке острова Соко트라 — только значение «ловить рыбу»⁶⁴. В финикийском известно лишь значение «охотиться»⁶⁵, а значение «ловить рыбу» сохранилось только в названии приморского города Сидон. И лишь арабский язык, объединяющий лексику многочисленных диалектов, сохранил оба значения⁶⁶.

В качестве исходной семантики корня выступает, таким образом, общее значение «добывать, собирать пищу», конкретизирующееся в зависимости от типа хозяйства: «охотиться», «ловить рыбу» и, вероятно, «собирать плоды, злаки»⁶⁷. Следы этого общего значения сохранились в разных семитских языках: угаритское mṣd «жертва пищи», древнееврейское

⁶⁰ Koehler-Baumgartner. *Lexicon in Veteris Testamentum Libros*. Leiden, 1958, p. 265; Aistleitner. *Wörterbuch...*, p. 82; Biberstein-Kazimirski. *Dictionnaire arabe-français*, I, p. 771—772.

⁶¹ Dalman G. *Arbeit und Sitte in Palästina*. 1933, B. 3, S. 116, Taf. 27, 28.

⁶² Biberstein-Kazimirski. *Dictionnaire arabe-français*, I, p. 771—772.

⁶³ Driver. *Semitic Writing...*, p. 167 f.

⁶⁴ Beeston, Ghul, Müller, Ryckmans. *Op. cit.*, p. 146; Наумкин В. В., Порхомовский В. Я. *Очерки по этнолингвистике Сокотры*, М., 1981, с. 52.

⁶⁵ Jean Ch. F., Hoftijser I. *Dictionnaire des inscriptions sémitiques de l'ouest*. Leiden, 1965, p. 244.

⁶⁶ Biberstein-Kazimirski. *Dictionnaire arabe-français*, I, s. v.

⁶⁷ Примеры такого семантического развития хорошо известны в семитских языках, см. древнееврейское lehem «хлеб», арабское lahm «мясо» и сокоотрийское laham «мясо акулы, акула» (Наумкин, Порхомовский. *Ук. соч.*, с. 52—53). Ср. северосемитское digg «рыба» — Даган, бог зерна и урожая.

ṣadāh «дорожный провиант», аккадское ṣidūtu «пища, провиант»⁶⁸. Наличие такого значения в аккадском позволяет рассматривать значение «добывать, собирать пищу» как общесемитское. Для формы ṣadau можно, следовательно, реконструировать исходное значение «орудие для добы- вания (собирания) пищи».

Между тем обычную финикийскую форму буквы ṣadau можно опреде- лить как рисунок серпа. Это сходство особенно отчетливо видно в ранних надписях — в надписи из Гезера (X в.) и на наконечнике копья XII в.⁶⁹, где формы знака очень напоминают формы традиционных серпов Палес- тины. Соответственно форму знака на наконечниках копий из ал-Ḥадра можно интерпретировать как рисунок мотыги — орудия для собирания корней и клубней⁷⁰.

Название ṣadau выступает как многозначное слово со значениями «серп» и «мотыга», а в прибрежных диалектах даже «гарпун, острога», причем эта многозначность отражается и на форме знака, выражаясь в появлении вторичных форм под влиянием названия — таких, как форма остроги на наконечнике копья из музея в Бейруте или мотыги на нако- нечниках копий из ал-Ḥадра. Однако форма серпа, хотя она известна только по финикийским надписям, совпадает с названием буквы и, следо- вательно, восходит к протоалфавиту.

Рисуночный знак «человек» может, конечно, иметь много различных значений: «человек», «воин», «мужчина» и т. п. Исходя из того, что он применялся для букв ṣ и ḡ, можно предположить для него акрофоничес- кую пару названий ṣagīṣ «малыш, мальчик» и ḡulam «юноша, мальчик»⁷¹.

Соответствие названия и рисунка прослеживается практически для всех знаков протоалфавита и даже для вариантных знаков, встречающих- ся лишь в одной из ветвей алфавита. Исследование комплекса признаков, характеризующих букву, позволяет выявить состав знаков протоал- фавита, включая и дублетные знаки, и представить себе всю сложность ранней истории семитского консонантного алфавита, его распада на отдельные ветви и варианты и взаимного влияния этих вариантов.

С рисуночным характером знаков обычно связывается представление о самобытности системы письма, ее независимости от других систем. Так, М. Лидзбарский писал: «Таким образом, мы приходим к выводу, что зна- ки алфавита не заимствованы из другой системы письма, а созданы (ge- bildet) семитом»⁷². Действительно, несмотря на многочисленные попыт- ки, не удалось установить материального сходства знаков протоалфавита со знаками какой-либо другой системы. Однако сама система алфавит- ного письма, несомненно, была создана на основе уже существовавших письменностей, известных тогда на Ближнем Востоке. Из них было по- черпнуто представление о знаке как обозначении звука или слога с не- определенным гласным, так же как идея рисуночного характера знаков. Действительно, если рисуночное изображение естественно для идеогра- фической системы знаков, где знак обозначает понятие, оно явно чуждо системе звукового письма, где знак обозначает абстрактный звук или не менее абстрактный слог с любым гласным. Кажется наиболее вероятным, что две идеи, легшие в основу создания консонантного алфавита, представ- ление о фонетическом знаке и о рисуночном виде знака, были почерпнуты

⁶⁸ *Aistleitner. Wörterbuch...*, p. 264; *Koehler-Baumgartner. Lexicon...*, s. v.; *The Assyrian Dictionary. V. 16. Chicago, 1962*, p. 172—174; см. также *ibid.*, ṣuddu, p. 228 и ṣudu, p. 229.

⁶⁹ *Garbini. Storia e problemi...*, p. 50, fig. 1; *Martin. Op. cit.*, p. 194—195, fig. 2, 3.

⁷⁰ Единичная форма буквы на наконечнике копья из музея в Бейруте BM I пред- ставляет собой, несомненно, изображение многозубой остроги; см. *Martin. Op. cit.*, p. 195, fig. 3.

⁷¹ В угаритской табличке этот знак передается как ḥa < ga, но арабскому ḡulam соответствовало северосемитское ḡalm (ср. угаритское ḡm, древнееврейское 'elem «слу- га, раб»: *Aistleitner. Wörterbuch...*, p. 233).

⁷² *Lidzbarski. Die Namen...*, S. 139.

из разных систем письма; это лучше всего объясняет отсутствие материального сходства семитского алфавита с предшествующими системами письма.

Кажется, такая постановка вопроса позволяет разрешить и старый спор о характере нового письма, слоговом или алфавитном. Даже если предположить, что создатели алфавита представляли себе это письмо как слоговое со знаками «согласный + любой гласный», то при записи текста, когда на письме обозначены *только согласные*, знак неизбежно превращается в обозначение согласного, а письмо — в консонантный алфавит.

А. Г. Лундин

THE NAMES AND FORMS OF LETTERS IN SEMITIC CONSONANTAL ALPHABETS

A. G. Lundin

The correlation of names and forms in Semitic consonantal alphabets has been a subject of discussion for decades. In order to solve the problem the author puts forward separately a reconstruction of early forms, both the names and the shapes of the signs. The names of letters coincide in the Phoenician and Ethiopian alphabets and go back to a period before the separation of the North and South Semitic scripts. Phonetically reconstructed original forms are preserved in diphthongs and may be dated in the middle of the II millennium B. C. The meanings of the names are determined on a Common-Semitic level. All the names are very concrete and specific to a group of immediately surrounding objects. These are: the names of animals (*ʿalp* «ox», *gaml* «camel», *nun/nahas* «snake», *samk* «fish»), plants (*zay/zayt* «olive»), parts of the body (*kapp* «palm», *yad* «arm», *yaman* «right arm», *ʿayn* «eye», *pū* «mouth», *rʿaš* «head», *šann* «tooth», *takm* «shoulder»), objects of daily life or household use (*bayt* «house», *dalt* «door», *ḥarm* «awl, needle», *ṭayt* «ball of thread», *lamd* «staff», *qawp* «eye of a needle», *hayt* «fence», *waw* «hook») and also *may* «water» and *taw* «sign, mark». The letter-forms are reconstructed by comparing the signs of three alphabets, Phoenician, Ugaritic and South Semitic, with the addition of proto-Sinaitic. In all these cases the letter-forms represent schematic images of objects which correspond to names. In rare cases picture-signs, dislodging other signs, get new names, for example the sign for «leg» *paʿn/riḡl*. The whole complicated set of indicators characterising a letter of the alphabet — phonetic meaning, name and picture-sign — is synchronous with the creation of the alphabet. The acrophonic principle binds these elements into a single system, securing its stability and also simplifying the interpretation and use of the writing system. By determining the pictographic forms of the signs it becomes possible to establish their original forms more firmly and get more detailed information about the history of the Semitic consonantal alphabet.

ГРЕКИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ВАВИЛОНИИ

(По данным прозографии)

Эллинистическая Вавилония знала два поколения исследователей. Ученые-классики, первыми обратившиеся к изучению этого периода истории страны, видели в ней прежде всего греческую колонию и не сомневались в том, что степень эллинизации Вавилонии была высока. Пришедшие им на смену ассириологи утверждают, что влияние греков на жизнь и культуру Вавилонии не было значительным, а сводилось, в основном, к политической гегемонии, древняя же культура страны переживает своего

рода ренессанс¹. Существование столь разных точек зрения неудивительно, если вспомнить, что в глиптике этого времени чисто вавилонские астральные мотивы чередуются с изображениями греческих богов; в архитектуре Вавилона и Дура-Эвропос очевидно греческое влияние, в Уруке же в селевкидское время в традициях старой архитектуры построен целый комплекс храмов, посвященных ставшему в то время популярным местному богу небес Ану; число дошедших до нас клинописных табличек эллинистического времени только из Урука превышает 500, однако сотни глиняных булл и печатей с греческими надписями свидетельствуют о том, что документация велась и на греческом языке.

В Вавилонии, в отличие от многих других областей Селевкидского царства, греки столкнулись с культурой гораздо более древней, чем их собственная, но при этом чуждой им и совершенно неизвестной. Поэтому особенно интересно проследить, как складывались отношения завоевателей с местным населением, играли ли греки ведущую роль во всех сферах жизни страны, как считал М. Ростовцев², или Вавилония, находясь под политическим господством греков, «полонила своего победителя» и смогла не только противостоять влиянию греческой культуры, но и обогатить ее своими достижениями. Пролить свет на этот вопрос могут не только археологические находки, но и конкретные свидетельства об отдельных греках из эллинистической Вавилонии: времени и месте их жизни, роде занятий, статусе, связях с местным населением. Б. Осулье еще в 1909 г. призывал эпиграфистов составить просопографию греков на Востоке, в частности в Вавилонии³, с такой же просьбой обратился он и к ассириологам. Однако этот призыв многие десятилетия не находил отклика. Первая и, насколько нам известно, единственная работа, специально посвященная этому вопросу, принадлежит Г. Х. Саркисяну⁴, давшему исчерпывающий анализ сведений о греках, встречающихся в клинописных контрактах из Урука. Грекоязычный же материал, гораздо более обширный, чем клинописный, до сих пор почти не привлекал внимания исследователей. Источники по эллинистической Вавилонии скудны и одновременно разнообразны, поэтому необходимо объединить их. Наша работа и представляет собой попытку составить просопографию греков, живших в эллинистической Вавилонии, используя весь комплекс письменных источников, относящихся к этому периоду истории страны. К этим источникам относятся: свидетельства греческих и римских авторов, эпиграфический материал, найденные в Уруке и некоторых других городах клинописные тексты, значительную часть которых составляют документы социально-экономического характера (контракты). Контрастность двух основных групп источников (нарративных и клинописных) обуславливает и совершенно разный характер персоналий: историки, писавшие для потомков, упоминают правителей и людей, более или менее выдающихся; в клинописных же контрактах мы встречаем рядовых людей, имена которых по чистой случайности сохранились на века.

При составлении просопографии не включались цари-Селевкиды и члены их семей. В работе приведены сведения и о греках из Вавилонии, живших в первые века новой эры, т. е. за рамками эллинистического периода.

1. *Греки по античным источникам.* На фоне крайне скудных упоминаний о греках из Вавилонии выделяются свидетельства о *Диогене Вавилонянина* по прозвищу Стоик, несомненно, самой крупной фигуре среди

¹ Oelsner J. Gesellschaft und Wirtschaft des seleukidischen Babylonien.— Klio, 1981, 63/1, S. 39.

² Rostovtzeff M. The Social and Economic History of Hellenistic World. V. I. Oxf., 1941, p. V.

³ Haussoullier B. Inscriptions grecques de Babylone.— Klio, 1909, 9, p. 361.

⁴ Саркисян Г. Х. Греческая ономастика в Уруке и проблема Graeco-Babylonia-sa.— В сб.: Древний Восток, 1976, 2, с. 181—217.

вавилонских греков. Его имя встречается у многих, в том числе христианских, авторов⁵. Диоген (вторая половина III — первая половина II в. до н. э.), сын Артемидора (*Index stoicorum Herculaneensis*, 48), родился в Селевкии-на-Тигре⁶, однако покинул родину, связав свою жизнь с Афинами. Диоген, как видно из его прозвища, принадлежал к школе стоиков — *magnus et gravis stoicus* называет его Цицерон (*De offic.* III, 51). Ученик Хрисиппа⁷, он впоследствии сам возглавил стоическую школу (*Ind. stoic. Herc.*, 48) и был учителем знаменитого Панэтия⁸. Труды Диогена до нас не дошли, но, судя по сохранившимся названиям и фрагментам некоторых из них, круг интересов философа был довольно широк, особенно же значительное влияние оказал он на развитие грамматических учений. Несмотря на свое прозвище «Вавилонянин», Диоген был и воспринимался современниками и потомками как греческий философ, на связь его с вавилонской наукой указывает, быть может, лишь одно свидетельство. Цицерон, глубоко уважавший и часто цитировавший Вавилонянина, по его же собственным словам, был не в состоянии понять, как этот *vir optimus* мог соглашаться с «халдеями» в том, что природу человека определяют звезды (*Cic.*, *De divin.* II, 91). «Халдеями» греки первоначально называли вавилонских жрецов и ученых, и, хотя в римское время этот термин приобретает более широкое значение и относится ко всем астрологам и прорицателям, не исключено, что нить от этой уступки Диогена «халдеям» ведет в родную ему Вавилонию. Впрочем, в эллинистическое время, как известно, астрологические учения приобретают в Греции большую популярность, и Диоген был не первым и не единственным стойком, испытывавшим их влияние.

Среди многочисленных учеников Диогена был другой вавилонский грек *Аполлодор из Селевкии-на-Тигре* (II в. до н. э.), тоже стоик⁹, имевший, по свидетельству Диогена Лаэртца, собственную школу (*Diog. Laert.*, VII, 64, 84). Деятельность Аполлодора, как и его знаменитого учителя, была связана с Афинами.

Афиной называет неизвестного нам из других источников второго Диогена из Селевкии-на-Тигре (II в. до н. э.), завистливого, алчного и злоречивого философа-эпикурейца, поплатившегося за свой дурной нрав жизнью.

Из Селевкии-на-Тигре происходил и *Селевк* (II в. до н. э.)¹⁰, выдающийся астроном своего времени. Селевк утверждал, что вселенная бесконечна (*Plut.*, *De plac. philos.* II, 1), и был единственным сторонником гениальной, но не имевшей успеха у современников гелиоцентрической гипотезы Аристарха Самосского (*Plut.*, *Plat. quest.* VII, 1). В отличие от Диогена и Аполлодора, живших в Афинах и не имевших, по-видимому, ничего общего с Вавилонией кроме рождения, Селевк был связан с местными учеными. Страбон, рассказывая о «халдеях», т. е., как он сам тут же объясняет, вавилонских философах и астрономах, упоминает наряду с вавилонскими учеными и Селевка: «Селевк из Селевкии также халдей» (*Strabo*, XVI, 1, 6). Это замечание заставило многих исследователей видеть в Селевке жителя Вавилонии¹¹. Однако, хотя Страбон и имел смутное представление о существовании «какого-то племени халдеев», в данном

⁵ Свидетельства и фрагменты: SVF, v. III, Lipsiae, 1903, p. 210—243.

⁶ *Strabo*, XVI, 1, 16; *Ind. stoic. Herc.*, 48 (SVF, v. III, p. 210, № 3); *Diog. Laert.*, VI, 81.

⁷ *Cic.*, *De divin.* I, 6; *Ind. stoic. Herc.*, 48; *Galen.*, *Hist. phil.* 3 (DG, p. 600).

⁸ *Ind. stoic. Herc.*, 51 (SVF, v. III, p. 211, № 11).

⁹ Свидетельства и фрагменты: SVF, v. III, Lipsiae, 1903, p. 259—261.

¹⁰ Селевка называют Селевком из Селевкии (*Strabo*, XVI, 1, 6), Селевком Вавилонским (*Strabo*, I, 1, 9) и Селевком из области Красного моря (*Strabo*, III, 5, 9; *Aet. Plac.*, II, 1, 5 — DG, p. 328).

¹¹ История древнего мира. Т. II. М., 1982, с. 379; *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949, с. 268; *Meyer Ed. Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien.* В., 1925, S. 29.

случае, по его же собственным словам, халдей — вавилонский философ или ученый, и принадлежность Селевка к халдеям явно не этническая. По-видимому, занятия астрономией и математикой сблизили Селевка с вавилонской наукой, авторитет которой в этих областях греки всегда признавали, однако нет никаких оснований считать Селевка вавилонянином. Он родился в Селевкии-на-Тигре, носил греческое имя, в его смелых гипотезах видна органическая связь с греческой натурфилософией. Селевк писал по-гречески: ἀντιγεγραφεὶς Κράτησι (Aët., III, 17, 9)¹², ему были хорошо известны достижения греческих ученых: Аристарха Самосского, Кратета; с другой стороны, на него самого ссылается Гиппарх (Strabo, I, 1, 9), который, надо полагать, читал какие-то труды Селевка. Все имеющиеся в нашем распоряжении сведения о Селевке говорят в пользу его принадлежности к грекам и греческой науке, на связь же с вавилонянами указывает лишь туманное свидетельство Страбона.

Диоген Лаэртций упоминает скептика *Евфранора Селевкийского* (Diog. Laert., IX, 115, 116), который, возможно, не был вавилонянином, так как Селевкий известно несколько, а никакими другими сведениями об этом философе мы не располагаем. Евфранор, по словам Лаэртция, был учеником Тимона Флиунтского и, следовательно, жил во второй половине III в. до н. э.

Последний грек, которого мы упомянем в связи с Селевкией-на-Тигре, жил там очень недолго и был афинянином по происхождению, однако история, вскользь рассказанная о нем Плутархом, не лишена для нас интереса. В начале I в. до н. э. в Селевкию прибыл изгнанный из Афин ритор *Амфикрат* и в ответ на просьбу давать уроки красноречия «кичливо и презрительно» ответил: «В лохани дельфин не уместится»¹³ (Plut., Luc. XXII). Перед нами — яркий образец глубокого презрения афинских образованных кругов к провинциальной, «варварской» Селевкии. С другой стороны, этот рассказ служит свидетельством того, что в Селевкии были люди, тянувшиеся к греческой культуре и, в частности, к риторике — искусству чисто греческому, вавилонянам же почти неизвестному.

Сохранились имена нескольких греческих писателей из других городов Вавилонии и Месопотамии. Артемита была родиной историка *Аполлодора* (II в. до н. э.), автора «Парфянской истории», послужившей одним из источников «Географии» Страбона¹⁴. «Парфянская история» состояла по меньшей мере из четырех книг, так как четвертую книгу этого сочинения цитирует Афиней (XV, 682 с).

Из Харакса происходит географ и историк *Исидор Харакский* (I в. н. э.), автор дошедшего до нас небольшого сочинения «Парфянские стоянки»¹⁵ — описания пути от Зевгмы на Евфрате до Александрии в Арахосии. Вероятно, этого же автора упоминают Афиней (III, 93d—94d), Лукиан (Mastrob. 15, 17), Марциан из Гераклеи¹⁶ и особенно часто Плиний Старший¹⁷. Плиний называет и другого географа из Харакса — некоего Дионисия (Plin., NH, VI, 144).

Родной город остальных греческих писателей из Вавилонии неизвестен. Афинейю мы обязаны сведениями о грамматике *Геродике Вавилонском* (II в. до н. э.), авторе по крайней мере трех сочинений, посвященных греческой литературе, прежде всего комедии¹⁸. Афиней же сохранил для нас полную яда эпиграмму Геродика (Athen., V, 222a), направленную против последователей Аристарха Самофракийского, знаменитого алек-

¹² DG, p. 383.

¹³ Цитируется по изданию: *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. II. М., 1963, с. 190 сл.

¹⁴ *Strabo*. II, 5, 12; XI, 7, 3; 9, 1; 11, 1; 11, 7; 13, 6; XV, 1, 2.

¹⁵ *Geographi Graeci Minores*. T. I. Parisiis, 1855, p. 244—255.

¹⁶ *Ibid.*, p. 565.

¹⁷ *Plin.*, NH, II, 242, 245, 246; IV, 9, 102, 121; V, 40, 47, 127, 129, 132, 135, 136, 139, 150.

¹⁸ *Athen.*, V, 215f, 219c; VI, 234d; VIII, 340e; XIII, 586a, 591c.

сандрийского грамматика: пусть бегут из Эллады эти трусливые, «жужжащие по углам», «односложные» «аристарховцы», ему же, Геродику, пусть останется Эллада и «дита богов» Вавилон. Геродик, получивший у Афиней эпитет Κρατήσιος был последователем Кратета Малосского, главы враждебной александрийцам пергамской школы. Эта эпиграмма, столь ярко характеризующая Геродика, заставляет думать, что его родиной и был «дита богов» Вавилон¹⁹. Творчество же Геродика, как и многих его соотечественников, было тесно связано с греческой литературой, прежде всего Гомером и комедиографами, он известен схолиастам Гомера (Schol. ad II., XIII, 29; XX, 53; XXII, 385) и Аристофана (Schol. ad Ran., 1028).

Афиней упоминает и автора сочинения «О Кизике» Агафокла Вавилонского (Athen., I, 30a; IX, 375f; XII, 515a), отождествляемого обычно с историком Агафоклом Кизикским (Athen., XIV, 649f)²⁰, незначительные фрагменты сочинений которого дошли до наших дней²¹. Наконец, ученым, имя которого сохранилось на века, был Тевкр Вавилонский, лицо столь же загадочное, сколь и знаменитое. Тевкр, рассказавший грекам о знаках зодиака, известен нам лишь по фрагментам, дошедшим в переложении некоего Ритория Египетского, жившего в V—VI вв. н. э. Тевкра цитируют Порфирий и Пселл²², его труды были переведены на персидский язык²³, имя Тевкра встречается у арабских средневековых авторов²⁴, его влияние заметно в трудах Ибн Эзры²⁵. Однако о жизни Тевкра нам ничего не известно, условно время его жизни относят к I в. н. э. Не исключено, что этот ученый, носивший имя гомеровского героя, был тем не менее не греком, а вавилонянином, вторым Беросом, изложившим по-гречески восточные астрологические учения. Впрочем, был ли Тевкр греком, изучавшим астрологию, или вавилонянином, писавшим по-гречески, в любом случае для греков он — один из столь немногих известных нам ученых, объединивших достижения греческой и вавилонской науки.

Плутарх сообщает, что известный стоик Архедем Тарсийский (II в. до н. э.?) переехал из Афин в Вавилон и имел там последователей (Plut., De exil. 14, 605B). Ряд философов, «вавилонян» и «ассирийцев» (возможно, имелись в виду сирийцы), встречаются у Филострата. Личности эти, скорее всего полуполюгендарные, хотя и носили греко-латинские имена, возможно, не были греками, но упоминания о них служат косвенным свидетельством того, что философ — выходец из Вавилонии — не был в Риме, как и в Греции, явлением исключительным.

Не лишним будет упомянуть здесь о Ямвлихе (II в. н. э.), утверждавшем, что он происходит из Вавилонии (Iambli., X) и писавшем по-гречески. Благодаря Фотию нам известна «Вавилонская повесть» Ямвлиха²⁶, не имеющая, впрочем, с Вавилонией почти ничего общего, кроме своего названия.

¹⁹ Само прозвище «Вавилонский» указывает на его происхождение из Вавилонии, а не обязательно из Вавилона, так как Диоген Стоик и Селевк, родившиеся в Селевкии, тоже имели прозвище «Вавилонянин» (Strabo, XVI, 1, 16).

²⁰ RE, Agathokles, № 24. Автор этой статьи об Агафокле считает прозвище «Вавилонянин» случайным и относит время жизни историка к рубежу V—VI вв. до н. э. Это вызвало возражения Э. Мейера, считавшего, что Агафокл жил в III в. до н. э. в Вавилонии, а затем уехал в Кизик и написал там историю этого города: Meyer Ed. Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien. B., 1925, S. 24. Однако Афиней (XIV, 649f) называет родиной Агафокла Кизик, поэтому можно предположить, что родившийся в Кизике Агафокл впоследствии переехал в Вавилонию. Мнению о том, что Агафокл жил в конце V в. до н. э., противоречит, на наш взгляд, тот факт, что он посвятил одно из своих сочинений истории Рима (FHG, t. IV, p. 290). Такой труд, скорее всего, был предпринят в то время, когда Рим уже обратил на себя внимание всего эллинистического мира.

²¹ FHG, v. IV, p. 288—290.

²² Boll F. Sphaera. Lpz, 1903, S. 7—8.

²³ Ibid., S. 16.

²⁴ Ibid., S. 10, 413, 415.

²⁵ Ibid., S. 419.

²⁶ Habrich E. Iamblichi Babyloniacorum reliquiae. Lipsiae, 1960.

Нарративные источники, таким образом, свидетельствуют о существовании в эллинистической Вавилонии греческой науки и культуры. Материал, однако, не дает оснований для иллюзий: столица Вавилонии не идет ни в какое сравнение, например, с Александрией Египетской, ставшей благодаря целенаправленной политике Птолемея центром греческой науки и культуры эллинистического времени, куда съезжались многие выдающиеся поэты и ученые. Из Селевкии же, как из глубокой провинции, многие более или менее значительные ученые старались уехать. Относительно мировоззрения и интеллектуальных интересов образованных кругов эллинистической Вавилонии, при всей скудости наших сведений, можно сказать, что в их среде наиболее популярной философией был стоицизм. Стоиками были наиболее значительные философы из эллинистической Вавилонии: Диоген и Аполлодор из Селевкии, Геродик, принадлежавший к стоической школе Кратета Малосского; стоик Архедем Тарсийский нашел в Вавилоне почитателей. Афиней сообщает также, что Александр Балас окружил вниманием эпикурейца Диогена, хотя предпочитал стоицизм. Бросается в глаза то, что большинство упомянутых лиц происходит именно из основанной греками и македонянами Селевкии, остальные же — из других греческих городов: Артемиды, Харакса и, возможно, Вавилона, значительную часть населения которого, как мы ниже покажем, составляли греки. Основанные греками города, таким образом, становятся оазисами греческой культуры в Вавилонии, причем культура эта была частью эллинской культуры, и если ее нельзя назвать чисто греческой, то не потому, что в ней заметны конкретные следы вавилонского влияния, а потому, что греческая культура в эллинистическую эпоху вообще не была «чистой», она не могла не впитать в себя достижения восточной, в частности вавилонской, науки и культуры и прежде всего в области, особенно привлекательной для греков того времени — астрологии.

Большую группу греков, упомянутых в нарративных источниках в связи с Вавилонией, составляют стратеги войска Александра Македонского и диадохов. Александр мечтал сделать Вавилон столицей своей империи, именно сюда вернулся он с оставшимся войском после окончания похода. Внезапная смерть Александра в Вавилоне превратила город в арену многолетней борьбы диадохов, вследствие чего там продолжали находиться греческие войска. Эти обстоятельства вкупе с благожелательным отношением жителей Вавилона к воинам Александра и Селевка и славой большого и утопающего в роскоши города, по-видимому, способствовали концентрации там в конце IV в. до н. э. греков, хотя бы малая часть которых неминуемо должна была осесть в Вавилоне навсегда.

Александр вступил в Вавилон в октябре 331 г. до н. э. и примерно через месяц покинул город, назначив стратегами Вавилонии и всех областей до Киликии своего гетайра *Аполлодора из Амфиополя*²⁷ и *Менета из Пеллы* (Diod., XVII, 64, 5; Curt., V, 1, 43)²⁸, дав им две тысячи солдат. Для охраны цитадели был оставлен *Агафон из Пидны* с 700 солдатами (Diod., XVII, 64, 5) и 300 наемными командирами (Curt., V, 1, 43). *Асклепидору*, сыну Филона, Александр поручил сбор податей (Arr., Anab. III, 16, 4). Казна была доверена печально знаменитому *Гарпалу*, который до возвращения Александра успел промотать большую часть денег и, прихватив оставшиеся, бежал в Грецию²⁹. Во время своего пребывания в Вавилонии Гарпал пытался привить там вывезенные из Греции растения, в частности плющ, но здесь его преследовали неудачи³⁰. Ряд авторов³¹

²⁷ Arr. Anab. III, 16, 4; VII, 18, 1; Diod., XVII, 64, 5; Plut., Alex. 73; Curt., V, 1, 43.

²⁸ У Арриана (III, 16, 9) Менет назван гипархом Сирии, Финикии и Киликии, без упоминания Вавилонии.

²⁹ Diod., XVII, 108, 4—7; Arr., Anab. III, 19, 7; Plut., Alex. 41; Plut., Demoth. 25; Athen., XIII, 586c, 594d—595d.

³⁰ Plut., Alex. 35; Quest. conv. 648c, d; Theophr., Hist. plant. IV, 4, 1.

³¹ Arr., Anab. VII, 18; Plut., Alex. 73; App., Bel. civ. II, 152).

упоминают *Пифагора*, брата уже известного нам стратега Аполлодора из Амфиполя, который жил в Вавилоне (!) и предсказывал будущее по внутренностям животных. Гадая по просьбе Аполлодора, Пифагор предсказал смерть Гефестиону, Александру, а позже — Пердикке и Антигону. Дурным предзнаменованием было отсутствие части печени животного. Этому способу гадания Пифагор, скорее всего, научился у вавилонских прорицателей.

При разделе сатрапий в Вавилоне после смерти Александра Месопотамия получает *Аркесилая*, Вавилонию — *Арзон* (Diod., XVIII, 3, 3; Iust., XIII, 4, 23)³². При разделе империи в Трипарадесе (321 г. до н. э.) Месопотамия и Арбелита достались *Амфимаху* (Diod., XVIII, 39, 6; XIX, 27, 4; Arr., Succ. Alex. 35), в Вавилонии же утвердился Селевк. После бегства Селевка в Египет Антигон назначает наместником Вавилона *Пифона*, сына Агенора (Diod., XIX, 56, 4). Вернувшегося в 312 г. до н. э. в Вавилон Селевка вместе с местными жителями встречал и перешедший на его сторону диоикет *Полиарх* с более чем тысячным войском (Diod., XIX, 91, 3). Сторонники же Антигона скрылись в цитадели, охрана которой была поручена *Дифилу* (Diod., XIX, 91, 3). Антигон, узнав о том, что Селевк вновь овладел Вавилоном, послал туда своего сына Деметрия, который, взяв одну цитадель, ушел из города, оставив там во главе шеститысячного войска своего друга *Архелая* с приказом овладеть второй цитаделью (Diod., XIX, 100, 7).

Несколько греков более позднего времени, встречающиеся в нарративных источниках, — это правители городов. Полибий (V, 48, 12) упоминает эпистата Селевкии *Диомедонта*, бежавшего при приближении к городу мятежника Мелона, восставшего против Антиоха Великого. Аппиан (Syr. 45, 47) рассказывает о *Тимархе*, фаворите Антиоха Эпифана, назначенного им на должность правителя Вавилона. Впоследствии Тимарх при поддержке римского сената объявил себя царем, поднял восстание против преемника Антиоха Деметрия³³ и был казнен им (App., Syr. 47). Деметрий же по почину вавилонян, уставших от притеснений Тимарха, получил за это прозвище «Сотер» (ibid.). У Плутарха (Cras. 17) мы встречаем упоминание об *Аполлонии* (I в. до н. э.), правителе Зенодотиона, единственного, по словам автора, из месопотамских городов, оказавших сопротивление войску Красса.

Хорошо известно, что в эллинистической Вавилонии каждый город имел своего наместника-эпистата, это же подтверждают и надписи. Однако, вероятно, лишь *основанные греками* города имели эпистата-грека, так как известные из клинописных строительных надписей правители Урука Ану-убаллит-Никарх и Ану-убаллит-Кефалон принадлежали к древним урукским родам.

Источники называют еще одного греческого правителя в Месопотамии. Плиний Старший сообщает, что город Антиохия (Антиохия в Мигдонии)³⁴ был основан *Никанором*, *префектом Месопотамии* (Plin., NH, VI, 117). С другой стороны, Исидор Харакский упоминает Никанора, основателя Дура-Эвропос (Isid. Char., Mans. Parth. I), который, вполне вероятно, был тем же самым лицом. Этого Никанора обычно отождествляют с хорошо известным Никанором, военачальником времени борьбы диадохов³⁵. Историки сообщают, что Никанор-диадох при разделе империи в Трипарадесе получил Каппадокию³⁶, а позже в награду за помощь, оказанную Антигону, и Мидию³⁷. Источники, как мы видели, не только не называют этого Никанора префектом Месопотамии, но даже не связывают его с этой

³² Дексипп называет вместо Аркесилая — Архелая: FHG, t. III, p. 668, § 1.

³³ Фрагменты Диодора: FHG, t. II, p. XI, XIII.

³⁴ Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979, с. 86.

³⁵ The Cambridge Ancient History. V, VI. Cambr., 1927, p. 430.

³⁶ Diod., XVIII, 39, 6; App., Mithr. 8; Arr., Succ. Alex. 37.

³⁷ Diod., XIX, 100, 3; XIX, 92, 1; App., Syr. 55.

областью, сатрапами которой были Аркесилай и Амфимах. Кроме того, как остроумно заметил Ф. Кюмон, основание Антиохии не могло произойти до начала правления Селевка, так как город носил имя его наследника³⁸. О том же, что Никанор был префектом Месопотамии после окончательного утверждения Селевка в Вавилоне в 312 г. до н. э., не может быть и речи, так как, по свидетельству Аппиана (Суг. 55), он был убит в этом же году Селевком. Маловероятно поэтому, что Никанор, названный Плинием префектом Месопотамии и основавший там ряд городов, и военачальник IV в. до н. э., известный по сообщениям Диодора и Аппиана, — одно и то же лицо. Между тем в клинописном тексте из Вавилона встречается *Veī-ibni, šatammu* (управитель) храма Эсагила, названный *ragdu Nikanuru* — «доверенный Никанора» (СТ XLIX, 118 : 2). Текст датирован 50 г. селевкидской эры (262 г. до н. э.). Кто такой Никанор, неизвестно, но несомненно, что это лицо высокопоставленное, так как его заместителем назван глава крупнейшего вавилонского храма. На наш взгляд, не до конца исключена возможность того, что клинописный Никанор и упомянутый Плинием Никанор, префект Месопотамии, — одно и то же лицо, управлявшее этой областью Селевкидского царства в первой половине III в. до н. э. Разумеется, без более веских доказательств эта гипотеза остается не более чем предположением.

Афиней упоминает еще одного грека из Вавилонии — *Лисимаха* (I в. до н. э.), жившего в Селевкий-на-Тигре или в Вавилоне, человека сказочного богатства (Athen., XI, 466b, c). Лисимах, пригласив на пир парфянского наместника Вавилонии Гимера, подарил ему и каждому из его трехсот спутников по серебряному кубку.

II. *Греки по эпиграфическим источникам.* Греческие надписи, найденные на территории Вавилона, Дура-Эвропос, Селевкий-на-Тигре и в некоторых других местах, дополняют нарративные источники, приоткрывая завесу над повседневной жизнью этих городов.

Надписи из Вавилона. Все известные из Вавилона надписи на греческом языке относятся к концу селевкидского — парфянского периодам, точные даты в большинстве случаев не сохранились. *Демократу*, сыну Биттака, стратега и эпистата Вавилона, посвящена недатированная надпись³⁹, сообщающая о том, что за его достоинства полис доверил ему и должность коменданта цитадели. Демократ совмещал функции стратега и эпистата города, что, по-видимому, было в эллинистической Вавилонии обычным явлением. На гире, служившей эталоном веса, упомянуто еще одно должностное лицо — агораном *Феодосий*, сын Андромаха⁴⁰. К 109 г. до н. э. относится список победителей в соревнованиях и в греческом гимнасии⁴¹. Надпись содержит десять имен победителей, имя казначея гимнасии Ди . . ., сына Артемидора, пожертвовавшего деньги на награды, и гимнасиарха, от имени которого сохранился лишь один слог. Пожертвования богатых людей городу были, видимо, в эллинистическом Вавилоне нередким явлением. Так, во фрагментарной надписи 165 г. до н. э. сообщается, что некий *Филипп Диа . .* (OGIS, № 253) сделал пожертвование по случаю праздника харистирий. Во фрагменте надписи из Вавилона, датируемой по форме букв II в. до н. э.⁴², упоминается *Диоскуриад* в связи с театром и со сценой (по-видимому, Диоскуриад отремонтировал театр). Функционирование таких типично греческих учреждений, как гимнасий и театр, даже в парфянское время свидетельствует о том, что греческое население города на протяжении всего эллинистического периода было значительным и хранило свои обычаи. Сама традиция

³⁸ *Cumont F.* Fouilles de Doura-Europos. T. I. P., 1926, p. XVIII.

³⁹ OGIS, № 254.

⁴⁰ *Dumont A.* Sur poids Grec trouvé à Babylone.— Revue archéologique. Nouv. Sér., 1869, v. 20, p. 191—207.

⁴¹ *Haussoullier.* Inscriptions grecques..., № 1.

⁴² *Wetzel F., Schmidt E., Mallowitz A.* Das Babylon der Spätzeit. B., 1957, S. 50.

делать услуги городу, а затем увековечивать свое имя в надписях — тоже чисто греческая.

Еще больший интерес, чем эти официальные памятники, представляет происходящий из Вавилона черепок с нацарапанной на нем коротенькой надписью, которую издавший ее Б. Осулье считал эпитафией⁴³: Ἀριστέας ὡι ἄλλο ὄνομα Ἀρδουβήλτειος⁴⁴ (Аристей, другое имя которого Арду-Белти). Особого внимания заслуживает оборот «другое имя которого». Обычно второе имя в греческих текстах вводилось причастием ἐπικληθεὶς или выражением ὁ καί⁴⁵. Слова же ὡι ἄλλο ὄνομα — калька с аккадского ša šum-šu šanū, хорошо знакомого нам по урукским текстам, где нередко встречаются люди с двойным вавилонским и греческим именем. Выражение не было заимствовано из аккадского языка в греческий, а было переведено автором этой конкретной надписи, так как в надписях из Дура-Эвропос и даже в поздней надписи из храма Гареуса в Уруке (см. ниже) второе имя вводится причастием ἐπικληόμενος. Надпись таит в себе немало загадок. Удивительно, что едва ли не единственный известный нам грек со вторым, вавилонским, именем происходит не из старых городов, мало подвергшихся эллинизации, а из Вавилона, ставшего в какой-то степени греческим городом. Калька с аккадского предполагает знание этого (давно уже мертвого!) языка автором надписи. Аристей, по-видимому, был тесно связан с местным населением страны. Фрагмент еще одной надписи⁴⁶ упоминает некоего *Артемона* и его приближенных. Греческие имена на обломках найденных в Вавилоне сосудов⁴⁷ относятся, видимо, к ремесленникам с греческих островов, откуда была привезена керамика, и для нашей работы, следовательно, значения не имеют.

В *Селевкии-на-Тигре* найдена фрагментарная посвятельная надпись III в. до н. э.⁴⁸, содержащая имя казначея Отаса и названия должностей иеромнемона и агонотега (имена этих магистратов не сохранились). Еще несколько имен греков прочтено на предметах парфянского времени: штампе для кирпичей, гире, игровой кости и на ручках одиннадцати глиняных сосудов⁴⁹.

Неожиданным источником надписей с греческими именами оказалась *Ниневия*, где в храме бога Набу была найдена сделанная на камне цилиндрической формы надпись⁵⁰, в которой упомянут Аполлофан, сын Асклепиодора (по-видимому — посвятель), и Аполлоний, стратег и эпистат города. Не исключено, что тот же Аполлоний, названный на этот раз архонтом, встречается и в другой надписи⁵¹ из Ниневии, нацарапанной на обратной стороне алтаря, посвященного Салманасаром III семи богам. Видимо, на месте древней Ниневии существовало греческое поселение.

На двух буллах из *Урука*⁵² с надписью πλοίων Εὐφράτου (имеется в виду налог на суда на Евфрате) встречаем имена Аполлодора и Герак[лида], возможно, царских чиновников.

⁴³ Haussoullier. Inscriptions grecques..., № 3.

⁴⁴ Существует два варианта прочтения конца надписи. Сам Осулье интерпретировал его как Ἀρδουβήλ Τείος, считая Аристей ионийцем с Теоса. Ему возражал П. Кошкер, читавший имя как Ἀρδουβηλτειος: Koschaker P. Zu den griechischen Rechtsurkunden aus Dura in Mesopotamiam. — Zeitschrift der Savigny-stiftung. Rom. Abt., 46, 1926, S. 296, № 4. В дальнейшем мнения ученых разделились.

⁴⁵ Haussoullier. Inscriptions grecques..., p. 362.

⁴⁶ Wetzel, Schmidt, Mallowitz. Op. cit., S. 50.

⁴⁷ Ibid., S. 57—58.

⁴⁸ McDowell R. H. Stamped and Inscribed Objects from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935, p. 258 f.

⁴⁹ Ibid., p. 252—256.

⁵⁰ Thompson R. C., Hutchinson R. W. The Excavations on the Temple of Nabû at Nineveh. — Archaeologia, 1929, v. 79, p. 140—142.

⁵¹ Postgate J. N. An Assyrian Altar from Nineveh. — Sumer, 1970, v. 26, p. 133—136.

⁵² Rostovtzeff M. Seleucid Babylonia: Bullae and Seals on Clay with Greek Inscriptions. — JCS, 1932, s. III, p. 436 (№ 65, 66).

Надписи и документы из Дура-Эвропос. В отличие от прочих городов Вавилонии, откуда дошло лишь несколько эпиграфических памятников эллинистического времени, надписи, найденные в Дура-Эвропос, исчисляются сотнями. Кроме того, в этом же городе было обнаружено несколько десятков документов на папирусе и пергаменте. Размеры нашей работы не позволяют перечислить всех греков из Дура-Эвропос, поэтому мы ограничимся попыткой дать лишь общую характеристику положения греков в Дура-Эвропос на основании прозопографических данных. Надписи и документы из Дура-Эвропос охватывают период с начала II в. до н. э. до III в. н. э. и дают редкую возможность восстановить картину жизни города на протяжении многих веков. Подавляющее большинство надписей и документов относится уже к I—III вв. н. э., т. е. к тому времени, когда окончательно иссякают урукские клинописные тексты, умолкают греческие авторы, и надписи из Дура-Эвропос остаются едва ли не единственным источником, способным пролить свет на закат Вавилонии. Дура-Эвропос, расположенная на перекрестке торговых путей и привлекавшая торговцев из разных мест, естественно, отличалась от других городов Вавилонии, процессы смешения населения неизбежно должны были идти там гораздо интенсивнее, однако общие тенденции развития были, по-видимому, такими же, как и во всей Вавилонии.

Пергаменты и папирусы ⁵³. Персонажи единственного сохранившегося контракта начала II в. до н. э. ⁵⁴ — исключительно греки. Далее следует лагуна более чем в два века, за которые в жизни города, видимо, произошли значительные перемены. Известно лишь два контракта конца I в. н. э. В одном из них ⁵⁵ все действующие лица — греки, негреческие (арамейские) имена носят лишь рабы. В другом контракте ⁵⁶ тоже фигурируют греки, четверо сыновей потомственного гражданина города Полемократата, однако все они имеют вторые, арамейские имена. Во II в. н. э. происходят еще более разительные изменения. Участниками контрактов становятся лица с арамейскими и персидскими именами ⁵⁷, они заключают сделки с греками и даже между собой, оформляя их при этом на греческом языке. Свидетелями чаще всего остаются греки, но в тех случаях, когда контрагенты носят арамейские или персидские имена, свидетелями тоже могут быть персы и арамеи. Некоторые местные жители носят греческие имена ⁵⁸. По всей видимости, в замкнутую когда-то греческую общину проникли персы (парфяне?) и в основном арамеи. Однако греки и македоняне сохраняют за собой официальные должности и продолжают составлять высший слой общества. Почти исключительно греки названы телохранителями и «первыми и избранными друзьями» царя. Стратегами и эпис тагами города, чиновниками, жрецами-эпонимами тоже были греки. Документы из Дура-Эвропос показывают, что ситуация резко меняется в начале III в. н. э., а скорее всего, немного раньше, после того как город стал римским владением. Греки вообще исчезают из контрактов, действующими лицами в которых становятся римляне и арамеи. В III в. н. э. ономастика в документах из Дура-Эвропос представляет собой пеструю смесь латинских, арамейских, греческих имен, очень часто люди носят смешанные имена (римское и греческое, римское и арамейское и т. д.).

Греки — участники сделок обычно названы *εὐρωπαῖος*, что, по-видимому, следует понимать как «гражданин Эвропоса». В позднее время «гражданин Эвропоса» мог жить и за пределами города. Так, в документе да-

⁵³ Все найденные в Дура-Эвропос пергаменты и папирусы исследованы в работе: Welles C. B., Fink R. O., Gilliam J. F. The Excavations at Dura-Europos. Final Report, V, Pt. I. The Parchments and Papyri. New Haven, 1959 (далее — Fin. Rep., V).

⁵⁴ Ibid., № 15, p. 84—91.

⁵⁵ Ibid., № 18, p. 98—104.

⁵⁶ Ibid., № 19, p. 104—109.

⁵⁷ Ibid., № 17, p. 93—98; № 20, p. 109—116; № 23, p. 120—122.

⁵⁸ Ibid., № 20, p. 109—116; № 23, p. 120—122.

тированном 180 г. э. н.⁵⁹, встречаем грека Лисия, который назван гражданином Эвропоса, живущим в деревне. Гражданкой Эвропоса названа и женщина⁶⁰. Различие между гражданином города и жителем его можно наблюдать на примере контрагента с греческим именем Лисий⁶¹ (отец персонажа носит арамейское имя), который назван не Εὐρωπαῖος, а ἀπ' Εὐρωπῶς «из Эвропоса». Вполне логично, что греки были полноправными гражданами Дура-Эвропос, а негреки — неполноправными его жителями. Однако в более позднее время положение меняется. В не полностью сохранившемся документе конца II в. н. э. мы встречаем ряд людей с персидскими и арамейскими именами, которые названы Εὐρωπαῖοι⁶². В римское время термин Εὐρωπαῖος вытесняется обозначением Δουρτηνός «гражданин Дура». У греков — участников сделки II в. до н. э. (см. выше) приведено лишь имя отца, как и полагалось по греческому обычаю. Однако с I в. н. э. и позже греки-контрагенты (в отличие от свидетелей) обязательно называют имя не только отца, но и деда, а в ряде случаев и прадеда. По-видимому, это вызвано стремлением подчеркнуть свое греческое происхождение, сплотиться в то время, когда греческой общине грозило растворение среди негреческого окружения.

*Надписи из Дура-Эвропос*⁶³. Надписи, содержащие греческие имена, встречаются в храмах, на городских стенах и воротах, в жилых домах и на различных предметах. Впрочем, большинство надписей — это лишь имена без патронимии, представляющие интерес исключительно с точки зрения ономастики, поскольку установить этническое происхождение носителей этих имен по большей части невозможно. Датировка надписей часто условна, так как в большинстве случаев год в них не указан, несомненно лишь, что все надписи — поздние, многие относятся уже к римскому периоду. Самые ранние надписи датируются концом I в. до н. э.

Надписи из Дура-Эвропос подтверждают свидетельства документов из этого города. В последние годы I в. до н. э. и в начале I в. н. э. все имена в надписях — греческие, с конца I в. н. э. появляются арамейские имена и их количество с течением времени все увеличивается. Возможно, у некоторых греков были вторые, арамейские имена, а негреки часто имели греческие имена. Во II—III вв. н. э. греки и арамеи (иногда персы) часто стоят рядом в одних и тех же надписях. В позднее время нет и строгого разграничения местных и греческих храмов: на фресках из так называемого храма Пальмирских богов изображена семья потомственного жителя Эвропоса Конона⁶⁴, членов которой мы встречаем во многих надписях и документах из этого города, в храме же Артемиды встречаются надписи с арамейскими (иногда персидскими) именами, хотя основную массу «прихожан» составляли, по-видимому, женщины из старых греко-македонских семей. Негреческих имен в надписях встречается гораздо больше, чем в документах. Некоторые из них — персидские, подавляющее же большинство — арамейские. Многие из этих имен встречаются в пальмирских надписях⁶⁵. Существование тесных связей между Дура-Эвропос и Пальмирой не вызывает сомнения, однако не только пальмирские жители проникают в город в первые века новой эры. Встречаются такие же имена, как и в набатейских надписях⁶⁶, а кроме того, арабские

⁵⁹ Ibid., № 25, p. 126—133.

⁶⁰ Ibid., № 18, p. 98—104.

⁶¹ Ibid., № 23, p. 120—122.

⁶² Ibid., № 17 С, p. 94—95.

⁶³ Часть надписей из Дура-Эвропос сведена воедино и исследована в работе: *Cumont F. Fouilles de Douara-Europos (1922—1923)*. Т. I—II. Р., 1926 (далее — *Cum*). Надписи, обнаруженные после выхода в свет труда Кюмона, содержатся в предварительных отчетах о раскопках в Дура-Эвропос: *The Excavations at Dura-Europos, Conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters*. V. I—IX. New Haven, 1929—1952 (далее — *Prel. Rep*).

⁶⁴ *Cum.*, II, tabl. XXXII, XXXV, XXXVI.

⁶⁵ *Fin. Rep.*, V, p. 61.

⁶⁶ *Cum.*, I, p. 343.

имена и названия племен, живших на Аравийском полуострове. Видимо, с юга в Дура-Эвропос проникают бедуины из пустыни, оседают там, а потом, скорее всего, проникают и в глубь страны.

Другая особенность надписей по сравнению с пергаменами и папирусами — большое количество встречающихся в них женских имен. Почти все надписи с женскими именами происходят из храма Артемиды и, очевидно, касаются нескольких наиболее значительных семей города. Эти имена — ценный источник наших сведений о браках в Дура-Эвропос. Женских имен, точно так же как и мужских, в каждой семье употребляется лишь несколько, и они передаются из поколения в поколение. Однако если мужчины в этих семьях обязательно носят греческие или македонские имена, женщины часто имеют арамейские. В некоторых случаях речь может идти о смешанном браке грека с коренной жительницей страны, сыновья от таких браков получали обычно имя по родственникам с отцовской стороны, дочери — с материнской. Однако в надписи середины II в. н. э. ⁶⁷ фигурирует Миканная, принадлежавшая и по отцу, и по матери ⁶⁸ к старым греческим семьям города, восходящим, по-видимому, к первым македонским колонистам. Кроме того, Миканная имела бабуку с материнской стороны с тем же именем ⁶⁹, а та, в свою очередь, тетку с отцовской стороны, которую тоже звали Миканной ⁷⁰. Таким образом, имя Миканная встречается в этой семье в нескольких поколениях и явно передается по наследству, как у мужчин той же семьи имена Селевк или Лисаний. В семье уже упомянутого Конона, вероятно, так же обстояло дело с другим арамейским именем — Битнаная. По всей видимости, арамейские имена, встречающиеся в старых македонских семьях, — это имена жен первых македонских колонистов Дура-Эвропос, которые, как и имена их мужей, продолжали жить в семьях их потомков на протяжении веков.

Многочисленные надписи из Дура-Эвропос позволяют судить о репертуаре греческих имен в городе. Круг имен, встречающихся в семьях потомков первых колонистов города, очень узок, имя передается от деда к внуку, от бабушки к внучке. Большинство этих имен не собственно греческие, а македонские. Это обстоятельство подтверждает свидетельство Исидора Харакского о том, что Дура-Эвропос была основана македонянами (Isid. Char., Parth. Mans. I) ⁷¹. Вплоть до III в. н. э. остаются очень популярными имена царей Селевкидской династии — Селевка и Антиоха — и основателя города Никанора. Что же касается прочих имен, то, по-видимому, справедливо мнение о том, что наибольшим успехом пользуются те, значение которых совпадает с наиболее употребительными семитскими именами: Теодор, Диодот, Зенотот ⁷². Часто встречаются теофорные имена, в состав которых входят Аполлон, Артемиды, Афина. Большая популярность имени Гелиодор объясняется широким распространением культа Солнца в Сирии ⁷³. Репертуар греческих имен в Дура-Эвропос показывает, что греческое население города, во всяком случае в позднее время, разделяло религиозные верования местных жителей. Однако еще раз следует подчеркнуть, что такого рода имена редко встречаются среди членов старых македонских семей города, верных именам своих предков.

Надписи показывают стремление македонских семей подчеркнуть статус и «чистоту» своего рода. Термин *Εὐρωπῆος* встречается не только в официальных документах, что вполне понятно, но и в надписях из храмов и даже в надписях на воротах и укреплениях. Браки происходят, по-ви-

⁶⁷ Cum., I, № 78, p. 423.

⁶⁸ Мать Миканной встречается в другой надписи: Cum., I, № 76, p. 423.

⁶⁹ Cum., I, № 75, p. 422.

⁷⁰ Cum., I, № 74, p. 422.

⁷¹ Cum., I, p. 342; Fin. Rep., V, p. 58.

⁷² Fin. Rep., V, p. 61.

⁷³ Prel. Rep., V, p. 58.

димому, между узким кругом семей. Следует заметить, что нам не известно ни одного явного случая смешанного брака у членов старых семей, составлявших костяк греко-македонского населения города. В надписях часто встречается имя не только отца персонажа, но и деда, что было, видимо, вызвано желанием продемонстрировать древность своего рода. Однако несмотря на все эти усилия ориентализация греческих семей возрастает медленно, но верно. Наглядным свидетельством этой ориентализации может служить фреска с изображением членов уже известной нам семьи Конона. Ориентализация греков и их последующее растворение среди негреческого населения были неизбежны, но тот факт, что еще во II в. н. э., т. е. более чем через четыре века после основания города, ядро греческих семей Дура-Эвропос, состоявшее, по-видимому, из потомков первых колонистов, продолжало существовать, показывает, как велико было стремление поселенцев остаться греками и сохранить верность обычаям предков.

Надпись из храма Гареуса. Греческое имя встречается и в надписи из так называемого храма Гареуса⁷⁴, найденной в южной части Урука около маленького храма, снаружи напоминающего греческие строения, внутри — вавилонские. Надпись представляет собой почетный декрет, составленный на хорошем греческом языке. Артемидор, сын Диогена, называемый (*ἐπίχαλοβύμενος*) Миннанай, сын Туфая, следуя обычаям предков, посвятил богу Гареусу участок земли. Община же Долламенов (?) постановила вознаградить Артемидора: установить в храме Гареуса его статую и каждый год в день рождения Артемидора украшать ее венком. Сам же Артемидор должен принести в жертву животное, от которого получит лучшую часть за свое благочестие и благоразумие. Надпись относится к началу II в. н. э., т. е. более чем на сто лет отстоит от последних урукских клинописных документов. За это время в городе должны были произойти серьезные перемены, так как надпись не носит никаких следов местного урукского влияния, что, как мы скоро увидим, совершенно не характерно для Урука более раннего времени. С другой стороны, декрет свидетельствует о стойкости греческих элементов в Уруке: он составлен на греческом языке, найден в храме, снаружи напоминающем греческие постройки, посвяtitель носит греческое имя, обычай воздвигать в храме статую и увековечивать ее — тоже греческий. Однако имена Миннанай и Туфай — арамейского происхождения⁷⁵, корни имени бога Гареуса, вероятно, следует искать в набатейских надписях⁷⁶. Вполне возможно, что Артемидор-Миннанай и не был греком. Судя по этому практически единственному письменному памятнику из Урука первых веков новой эры, Урук постигла судьба Дура-Эвропос: сохранение внешних черт греческой культуры при арамеизации населения. Значение этой надписи из Урука неопределимо: она подтверждает, что Дура-Эвропос не была уникальна, арамеизация населения происходила и в глубине страны, охватывая даже древний центр традиционной вавилонской культуры, каким еще до начала парфянского периода оставался Урук. С другой стороны, здесь, как и в Дура-Эвропос, некоторые черты греческой культуры (имена, язык), по-видимому, усваивались достаточно широкими слоями негреческого населения.

Наконец, в официальной надписи с острова Андрос назван *Дромон, сын Фанодема*, вавилонянин, проксен и эвергет города⁷⁷.

⁷⁴ Meier Ch. Ein Griechisches Ehrendekret von Gareustempel in Uruk.— Baghda-der Mitteilungen, 1960, Bd. I, s. 104—114.

⁷⁵ Винников И. Н. Словарь арамейских надписей.— Палестинский сборник, 1965, вып. 13 (76), с. 261.

⁷⁶ Так считает И. Ш. Шифман, по мнению которого имя «Гареус», вероятно, имеет значение «патрон» (устное сообщение).

⁷⁷ IG, v. 12, fr. V, № 715.

№	Имя ⁷⁹	В какой связи упомянут	Дата ⁸⁰	Город	Источник
I	II	III	IV	V	VI
1.	Zu[ur]su (Зорос), сын Ni-iq-nu-gu (Никанора)	Раздел участка земли, с севера граничащего с домом Зороса	88 с.э. (224 г. до н.э.)	Урук	TCL XIII, 240: 7; Rut. IV: 7.
2.	A-ri-is-tu-ú-nu (Аристон), сын At-tu-nu	Раздел участка на земле храма Адада. Участок граничит с домом Аристона	94 с.э. (218 г. до н.э.)	Урук	VS XV, 50: 12, 15
3.	Ni-i-qa-nu-gu (Никанор) сын Is-[sar]-tu-ú-nu ⁸¹	Свидетель при заключении контракта по продаже части дома	120 с.э. (192 г. до н.э.)	Урук	VS XV, 47: 30
4.	An-ti-'i-ki-su (Антиохид), дочь Диофанта, жена Ану-убаллита- Кефалона ⁸²	Покупательница пребенды erib bití	начало II в. до н.э.	Урук	VS XV, 7: 5, 11, 14
5.	An-e-ga-am-ma-ta, другое имя которой Ka-ga-tu-ú, дочь Ar-te-mi-du-gu (Артемидора), жена Ta-te-di-du-us-su, сына Ip-ra-nu-ni-qu-su (Иппоника)	Посвящает в храм богов Урука свою рабыню и двух ее сыновей для гончарных работ, во имя Антиоха и Селевка и своей собственной жизни	вероятно, 189—187 до н.э. ⁸³	Урук	YBC 11633
6.	I-si-du-ur-su (Исидор), сын I-si-te-ú-su	Сосед продаваемого дома на земле храма Адада	144 с.э. (168 до н.э.)	Урук	VS XV, 30: 12
7.	Ni-in-nu-ú-gu (Ниннар?), сын An-dar-ni-qu-su (Андроника)	Сосед продаваемого дома таккур Ану на земле храма богов Урука	146 с.э. (166 до н.э.)	Урук	VS XV, 13: 14
8.	Di-i-ni-'i-si-'-a (Дионисия), дочь E-ga-aq-li-di-i (Гераклида), жена Ану-белшуну	Покупательница дома (возможно, раздел имущества)	146 с.э. (165 до н.э.)	Урук	VS XV, 13: 10, 13, 16, 18, 19
9.	Su-ú-sa-an-dar (Сосандр) сын Di-'-du-ur-e-su (Диодора), внук Is-sa-ru-ú-tu-nu (Стратона), урукит	Свидетель при продаже пребенды мясника	150 с.э. (161 г. до н.э.)	Урук	BRM II, 40: 34
10.	I-si-du-gu (Исидор), сын E-pe-su-ti-u-nu (Гефестиона)	Свидетель при продаже пребенды	162—150 г. до н.э. ⁸⁵	Урук	OM V, V: 29

№	Имя ⁷⁹	В какой связи упомянут	Дата ⁸⁰	Город	Источник
I	II	III	IV	V	VI
11.	Ni-iq-qu-ú-la-wu ₄ - -ú-su (Николай), сын A-pu-ul-lu-ú-ni-di- -e-su (Аполлонид)	Сосед продаваемого строения	160 с.э. (152 г. до н.э.)	Урук	BRM II 48 : 8
12.	An-ti-'-i-ra-at-ru- -su (Антипатр) сын Di-i-du-ur-su (Диодора)	Покупатель дома	161 с.э. (151 г. до н.э.)	Урук	TCL XIII, 246 : 12, 14, 16, 17; Rut VI
13.	Zu-ur-su (Зорос), сын Qe-er-lu-ú-nu (Кефалона), внук Zu-ur-su	см. № 14	161 с.э. (151 г. до н.э.)	Урук	Rut VII : 11
14.	Di-e-mit-ri-su (Деметрий), сын Ar-ki-'-a (Архия)	Покупатель участка земли, граничащего с его собственным участком. Назван раліћ ша Zu-ur-su «почитатель Зороса» (№ 13)	161 с.э. (151 г. до н.э.)	Урук	Rut VII : 3, 10, 13, 16, 18, 19
15.	A-ta-ni-e-du-su, (?Αθα'άδας?) сын A-lik-si-e-up-pu-su (Алексиппа)	Продавец недвижимости	возможно 128 г. до н.э. ⁸⁶	Урук	BRM II, 52 : 1
16.	A-ri-is-tu-un (Аристон), сын Di-ip-ra-tu-su (Диофанта)	Свидетель при посвящении Никанором (№ 17) рабыни в храм богов	Парфянский период (упомянуты царь Аршак и его мать)	Урук	BRM II, 53 : 21
17.	Ni-ka-nu-úr (Никанор), сын Di-e-mu-uk-ra-te-e (Демократа)	Посвящает храму богов Урука рабыню, ради жизни царя, своей собственной жизни и народа	То же	Урук	BRM II, 53 : 0, 18
18.	Keb-ru-su (Кеброс), сын Tu-ru-il-lu-su (Τορύλλος?)	Посвящает раба в храм Нергала	87 с.э. (225 г. до н.э.)	Селевгия -на-Тигре	S II—894 ⁸⁷
19.	Mi-in-an-dar (Менандр), сын ...tu-ú-nu	Упомянут в документе по распределению доходов от церемоний, связанных с культом богини Айа	вероятно 224 г. до н.э.	Ларса	ОЕСТ 9 26 : 21
20.	A-pu-lu-ni-qi-' (Аполлония?) сын ...tu-ú-nu	Упомянут в документе по распределению доходов от церемоний, связанных с культом богини Айа	То же	Ларса	ОЕСТ 9 26 : 21
21.	[Kur?]-ri-il-lu-su (Κυριλλος?), сын ...tu-ú-nu	То же	»	»	То же
22.	Mi-ni-in-ni-du-ru (Минодор), сын -'-du-ru	»	»	»	ОЕСТ 9 26 : 22

№	Имя ⁷⁹	В какой связи упомянут	Дата ⁸⁰	Город	Источник
I	II	III	IV	V	VI
23.	Ur-ru-'-da-mu-lu-su, сын Aq-qa-ta-'-su (Αγαθιας??)	Упомянут в документе по распределению доходов от церемоний, связанных с культом богини Айа	вероятно 224 г. до н.э.	Ларса	ОЕСТ 9 26 : 23
24.	La-a-ti-qi-ru, сын La-a-ti-qi-ru	То же	То же	»	ОЕСТ 9 26 : 22
25.	Ni-ru-tu(u)-su сын Zu-'i-lu-su (Зоила?)	Упомянут в письме Ану-балассу-икби (управляющего?) своим хозяевам (№ 113) и во фрагменте (№ 114)	?	Урук	Bag M II, 113 : 16; 114 : 3 ⁸⁸
26.	Ni-ka-nu-ru (Никанор)	См. разд. I статьи	50 с.э. (262 г. до н.э.)	Вавилон	СТ XLIX, 118 : 2
27.	Ik-se-nu-nu (Ксенов)	Вестник правителя страны	I в. до н.э.	Вавилон	AB 244 : 18 ⁸⁹

Греческое имя — далеко не всегда признак того, что перед вами грек, носителями греческих имен могли быть и вавилоняне ⁹⁰. Отличить греков от коренных жителей страны обычно нетрудно, так как у последних, начиная с нововавилонского периода, принято приводить имя не только отца, но и родоначальника. В селевкидское время урукиты (в отличие от жителей Вавилона!) обычно называют трех предков: отца, деда и родоначальника. Человек с греческим именем, но предками-вавилонянами и сам, несомненно, вавилонянин. У греков, как правило, назван лишь отец ⁹¹.

⁷⁸ В эту таблицу включены только персоналии из изданных текстов. Между тем ряд греков фигурирует в неопубликованных контрактах из коллекции Восточного института Чикагского университета и некоторых других коллекций; см. *Саркисян. Греческая ономастика...*, с. 185—190; *Doty L. T. Cuneiform Archives from Hellenistic Uruk. Diss., Yale University, 1977, p. 156, Table VI.*

⁷⁹ Греческая форма имени приводится только в том случае, если отождествление не вызывает сомнений, а само имя зарегистрировано в словаре В. Папе: *Pape W. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd. I—II. Braunschweig, 1863—1870.*

⁸⁰ Даты селевкидской эры (с.э.) указаны приблизительно, без учета месяцев.

⁸¹ Имя восстановлено Г. Х. Саркисяном (*Греческая ономастика...*, с. 186).

⁸² Имена мужа и отца в этом фрагменте не сохранились. Восстановлены по неопубликованному контракту А3678, хранящемуся в Восточном институте Чикагского университета: *Саркисян. Греческая ономастика...*, с. 187. См. также: *McEwan G. J. P. Priest and Temple in Hellenistic Babylonia. Wiesbaden, 1981, p. 118.*

⁸³ Дата не сохранилась, восстановлена издателем по содержанию (годы соправления Антиоха III и Селевка IV).

⁸⁴ Документ опубликован в работе: *Doty. Cuneiform Archives...*, p. 87—88.

⁸⁵ Дата не сохранилась, восстановлена издателями по содержанию (упомянуты статеры Деметрия).

⁸⁶ Дата сохранилась неполностью, восстановлена издателем.

⁸⁷ Документ опубликован в работе: *Doty L. T. A Cuneiform Tablet from Tell Umar. — Mesopotamia, 1978—1979, 13—14, p. 91—98.* Доти считает, что этот документ, найденный в Селевкии, был составлен в Куту, где находился главный храм бога Нергала — Эмеслам.

⁸⁸ *Dijk J. van, Mayer W. R. Texts aus dem Reġ-Heiligtum in Uruk-Warka. B., 1980. — Baghdader Mitteilungen, Bh. 2.*

⁸⁹ Документ опубликован в работе: *McEwan J. Arsacid Temple Records. — Iraq, 1981, XLIII, p. 132—136.*

⁹⁰ Вавилонянами мы называем здесь всех коренных жителей Вавилонии, имеющих аккадские имена. Об урукитах с греческими именами см.: *Саркисян. Греческая ономастика...*, с. 197—203. Один из эллинизированных урукитов, правитель города Ану-убаллит-Кефалон, муж гречанки Антиохида, встречается в нашей таблице (№ 4).

⁹¹ Сведения о лицах с греческими именами, но без патронимии в этой работе не учитываются.

Кроме двух текстов из Ларсы и Куту (см. прим. 87), все упомянутые здесь контракты происходят из Урука. Это неудивительно, так как подавляющее большинство клинописных документов эллинистического времени найдено именно там, поэтому и речь далее будет идти почти исключительно об этом городе. Таким образом, греки жили не только в основанных Селевкидами новых городах, не только в Вавилоне, бывшей столице государства, которую Александр мечтал сделать и своей столицей, но проникают и в самую глубь страны, в города древней и традиционной культуры. Первые документы, упоминающие греков, относятся к последней четверти III в. до н. э., однако, возможно, что греки появились в Уруке гораздо раньше. В одном из клинописных контрактов (NCBT 1942)⁹², датированном 270 г. до н. э., в качестве города, где был составлен контракт, названа Антиохия-на-Иштар-канале. Л. Доти, опубликовавший документ, считает, что этот город (по всей видимости, греческая колония) был расположен в окрестностях Урука, так как Иштар-канал был основной водной артерией Урука, а имя писца и других персонажей этого документа известны из урукских архивов. Эти факты навели ван дер Спека на остроумную мысль о том, что Антиохией-на-Иштар-канале греки называли Урук⁹³. Защищая свою точку зрения, ван дер Спек напоминает о том, что Сузы назывались Селевкией-на-Эвлее, а жители Иерусалима регистрировались как антиохийцы. Аргументы в пользу этой гипотезы можно найти и в самой Вавилонии. Так, македоняне, основав колонию на месте поселения Дура, назвали ее Эвропос. Город и его жители названы в контрактах Эвропос и *εὐρωπαῖος* (житель Эвропоса), а Исидор Харакский замечает: «Дура, которую греки называют Эвропос» (Isid. Char., Mans. Parth. I). У Плутарха по поводу другого города встречаем: *греки называли* этот город Зенодотион (Plut., Gras. 17). Обычно греки, основывая свои города на месте старых поселений, давали им новые, греческие названия. Однако новое имя, полученное, вероятно, Уруком, не прижилось, его не только продолжают называть по-старому в клинописных текстах, но и в надписях на глиняных буллах и даже в крайне редких упоминаниях античных авторов город назван *Ὀροῖ*. Тот факт, что название «Антиохия» встречается в клинописном тексте в 270 г. до н. э., может, на наш взгляд, указывать на то, что греки появляются в Уруке именно в это время, т. е. в правление Антиоха I, в честь которого и был, вероятно, назван город. Это подтверждают и археологические находки: самые ранние официальные печати из Урука относятся ко времени царствования Антиоха I⁹⁴. С другой стороны, тщательный анализ клинописных текстов привел Л. Доти к выводу о том, что в первые годы самостоятельного правления Антиоха I в Уруке происходят важные административные перемены, связанные с введением ряда налогов и ограничением употребления клинописи, так как сделки, облагаемые налогом, регистрируются теперь на пергаменте или папирусе при участии царского чиновника хреофилакса⁹⁵. Все эти факты заставляют думать, что Урук попадает в поле зрения Селевкидов именно в начале правления Антиоха I: там появляются царские чиновники, проводятся административные реформы, город получает греческое название.

По-видимому, первоначально греки жили в Уруке обособленно, во всяком случае до 224 г. до н. э. мы не находим никаких упоминаний о них в клинописных источниках. Возможно, неслучайно, что в III в. до н. э. греки упоминаются еще не как непосредственные участники сделок или свидетели, но лишь как владельцы участков, соседних с продаваемым

⁹² См. Doty. Cuneiform Archives..., p. 193—194.

⁹³ Spek R. J. van der. Рец. на: Die antike und die altorientalische Komponente im Hellenismus: Beiträge des Kolloquiums.— Bibliotheca Orientalis, 1980, XXXVII, № 3/4, S. 254.

⁹⁴ Rostovtzeff. Seleucid Babylonia..., p. 50.

⁹⁵ Doty. Cuneiform archives..., p. 323—335.

(№ 1, 2). Пик деловой активности греков в Уруке падает на 60-е — 50-е годы II в. до н. э. После завоевания Вавилонии парфянами греки почти исчезают из клинописных источников, впрочем, резко сокращается и количество самих контрактов.

Во II в. до н. э. греки выступают как участники (№ 4, 8, 12, 14, 15) и свидетели (№ 3, 9, 10) сделок, никак не выделяясь среди прочих контрагентов и свидетелей. Однако не все они имеют одинаковый статус. Привлекают внимание двое греков, которые отличаются от остальных тем, что называют имя не только своего отца, но и деда (№ 9, 13). Один из них — Сосандр, сын Диодора, внук Стратона, урукит (№ 9). «Урукит» здесь, по-видимому, употребляется в обычном для грека значении «гражданин Урука» (ср. *εὐρωπαῖος*). Быть может, именно поэтому Сосандр приводит имя своего деда: вероятно, уже тот был урукитом, время его жизни должно было приходиться на последнюю четверть III в. до н. э. Другой грек с «длинной» генеалогией — Зорос, сын Кефалона, внук Зороса (№ 13). Если «молодой» Зорос жил в середине II в. до н. э., то время жизни его деда должно падать на последнюю четверть III в. до н. э. В документе, датированном 224 г. до н. э., встречаем Зороса, сына Никанора (№ 1), который вполне мог быть дедом нашего Зороса⁹⁶. По-видимому, дед упоминается в тех случаях, когда уже он был жителем города, и внуки, вероятно, хотят подчеркнуть, что они являются потомственными урукитами. Этот вывод, как нам кажется, подтверждает выдвинутое Г. Х. Саркисяном предположение о том, что взрыв деловой активности греков в середине II в. до н. э. был вызван второй волной греческой колонизации Урука⁹⁷. В таком случае греки, ставшие уже «коренными» жителями Урука, пытались выделиться среди недавно пришедших колонистов, а быть может, что тоже немаловажно, уже переняли вавилонский обычай.

Зорос-младший представляет интерес и с другой точки зрения. Покупатель участка земли Деметрий назван *ra-li-ih ša Zu-ur-su* «почитатель Зороса». Причастие *rālihu* образовано от глагола *ra-lāhu*, который в аккадском языке имеет значение «бояться», «почитать» и употребляется по отношению к богам или царям, в других же семитских языках — значение «работать», «служить». М. Рютан считает, что *rālihu* имеет здесь тот же смысл, что и римское «клиент»⁹⁸. Г. Х. Саркисян переводит термин как «слуга», «работник»⁹⁹. Однако интересно, что этот «работник» был, по-видимому, человеком состоятельным, так как он покупает за 10 сиклей серебра еще один участок земли, соседний с его участком, как ясно из текста контракта. *Rālihu* не употреблялось ранее в клинописных текстах как социальный или социально-экономический термин, поэтому логично было бы видеть в нем перевод какого-либо греческого понятия, возможно нам неизвестного. Несмотря на то, что реальное значение термина *rālihu* неясно, — это намек на существование в Уруке середины II в. до н. э. расслоения между греками, расслоения, судя по данному тексту, не имущественного, а скорее социально-политического.

Целая группа греков упомянута в качестве соседей продаваемой недвижимости (№ 1, 2, 6, 7, 11). В нескольких случаях недвижимость эта находится на земле храмов (№ 2, 6, 7). В контрактах всегда указан район города, в котором находится недвижимость, и перечисляются владельцы строений, граничащих с объектом продажи. Из этих текстов видно, что в Уруке, во всяком случае с последней четверти III в. до н. э., не существовало греческой политевмы или квартала, а греки жили бок о бок с вавилонянами, причем часто на храмовой земле.

Особого внимания заслуживают женщины-гречанки, встречающиеся в клинописных документах. Антиохида (№ 4), дочь Диофанта, была же-

⁹⁶ Саркисян. Греческая ономастика..., с. 185.

⁹⁷ Там же, с. 212.

⁹⁸ Rut. p. 192.

⁹⁹ Саркисян. Греческая ономастика..., с. 189.

ной Ану-убаллита-Нефалона, правителя Урука. Сын Ану-убаллита и Антиохиды был назван в честь деда по матери (!) Диофантом (VAT 16488: : 4¹⁰⁰; BRM II, 53 : 21; 55 : 10, 13, 16). Не следует ли поэтому и в прочих урукитах с греческими именами видеть детей от смешанных браков? Контракт, покупательницей в котором выступает Дионисия, дочь Гераклида, жена Ану-бел-шуну (№ 8), датирован 165 г. до н. э. Имя «Герак[лид]» встречается и на глиняной булле из Урука, датированной 162 г. до н. э. (см. выше). Теоретически возможно, что упомянутый Гераклид и был отцом Дионисии. Мы видим из этих двух примеров, что в Уруке существовали смешанные браки. Однако ситуация здесь противоположна положению в Дура-Эвропос. Урукиты берут в жены гречанок, но нам не известно ни одной вавилонянки (а их в урукских клинописных текстах более двадцати), имеющей мужа-грека. Это, на наш взгляд, указывает на стремление урукитов сохранить некоторую замкнутость своей общины.

Особый интерес представляет документ № 5, где упоминается Анерамата-Карату (№ 5)¹⁰¹, дочь и жена грека, посвятившая в храм богов Урука сразу трех рабов. По-видимому, греки имели основание добиваться расположения храмов, так как кроме Анераматы мы знаем еще два случая посвящения греками рабов в храмы (№ 17, 18).

Нет никаких оснований считать, что греческое население Урука когда-либо было значительным. Судя по числу имен в клинописных документах, греки составляли ничтожный процент жителей города (менее половины процента). Примерно таким же было и число урукитов с греческими именами. Жизнь города в целом осталась прежней, перемены, происходившие там, были результатом внутреннего развития урукской общины, а не прихода греков в Урук. Греческое же влияние проявлялось в основном в области администрации и налогообложения.

Колонизация греками Урука в принципе отличается от предыдущих этапов греческой колонизации и, вероятно, от колонизации греками некоторых других частей Вавилонии. Греки, на протяжении веков даже на чужбине хранившие чистоту своих обычаев и с глубоким презрением относившиеся ко всему чужеземному, «варварскому», теперь практически растворились среди чужого им народа: ведь участвуя в деловой жизни урукитов, живя бок о бок и вступая в браки с ними, греки шли к неизбежной ассимиляции с местным населением.

Нетрудно заметить, что наши столь разные по своему характеру и языку источники и происходят из разных частей страны: греческие содержат сведения исключительно о греческих городах, клинописные — о вавилонских. Разумеется, это не случайно. В эллинистической Вавилонии, по-видимому, существовало несколько типов поселений. Наш материал дает возможность выделить два таких типа: новые, основанные греками города и старые, вавилонские. Каким было население других городов, расположенных на территории Вавилонии, можно лишь догадываться, но, видимо, оно хотя бы частично было арамейским или арамеизированным¹⁰². Основанные греками города — это Селевкия-на-Тигре, Дура-Эвропос и, надо полагать, некоторые другие, о которых нам не известно ничего, кроме их названий. К этим же городам в какой-то степени относился и

¹⁰⁰ Документ опубликован: *Sarkisian G. Kh. New Cuneiform Texts from Uruk of the Seleucid Period in the Staatliche Museen zu Berlin. — Staatliche Museen zu Berlin. Forschungen und Berichte. 1975, Bd. 16, 21 : 4.*

¹⁰¹ Р. Цадок считает имя Карату западносемитским: *Zadok R. New Documents from the Chaldean and Achaemenian Periods. — Orientalia Lovaniensia Periodica, 1984, № 15, p. 65.* Гораздо убедительнее, однако, мнение И. М. Дьяконова (устное сообщение) о том, что Ka-ra-^tu-u — это транслитерация какого-либо греческого имени с окончанием -φω.

¹⁰² В Дура-Эвропос, как уже указывалось, подавляющее большинство негреческих имен — именно арамейского происхождения. Кроме того, женские имена, восходившие, возможно, к именам жен первых колонистов из местного населения, т. е. III в. до н. э., — тоже арамейские.

древний Вавилон, где греки обосновались со времени Александра или, быть может, Антиоха Эпифана, которому приписывается заслуга возрождения города ¹⁰³. В этих городах греческое население было значительным, если не преобладающим, там господствовали греческие обычаи, поддерживалась, пусть на невысоком уровне, греческая наука и культура, там пытались сохранить полисный уклад жизни, который был для греков средством сохранить свои социальные и культурные устои, устоять среди негреческого окружения ¹⁰⁴. Селевкия сохраняет связи с материковой Грецией, как когда-то сохраняли связь с метрополией греческие колонисты. К сожалению, нам не известно, какими путями шла колонизация Вавилонии греками: были ли все греки в Вавилонии потомками первых колонистов, пришедших сюда с Александром, или колонизация продолжалась и после образования империи Селевкидов. Несомненно лишь, что Вавилония становится в принципе доступной для любого грека, ведь если философы и писатели уезжали из Селевкии в Грецию и на ионийское побережье, Амфиократ и Архедем смогли приехать в Вавилонию из Афин, а вавилонянин Дромон был проксеном Андроса, то дорога, протоптанная воинами Александра, не зарастала на протяжении нескольких веков. Все эти факты хорошо согласуются со знаменитыми высказываниями Плиния и Тацита о греческих нравах и обычаях Селевкии-на-Тигре (Plin., NH, VI, 122; Tacit., Ann., VI, 42). Однако не приходится сомневаться в том, что в греческих городах жило и коренное население страны. О том, что в основанную на месте древнего Описа Селевкию была переселена часть жителей Вавилона, общают античные и клинописные источники ¹⁰⁵. Невозможно даже предположить, что местных жителей не было в Дура-Эвропос. Что же касается Вавилона, то документы храмовой отчетности свидетельствуют о функционировании храмов и существовании народного собрания при храме. Как уже говорилось, каждый греческий город был, по-видимому, основан на месте какого-нибудь старого поселения, и, следовательно, часть жителей этого нового города составляли вавилоняне. Однако жили греки и вавилоняне, по всей видимости, обособленно, и о последних мы не имеем никаких сведений. Не случайно, впрочем, что в то время как официальные надписи из Вавилона не содержат даже намека на существование в городе местного населения, неофициальная надпись Аристея обнаруживает связи греков и вавилонян, которых не могло совсем не существовать в обыденной жизни. В этом отношении интересно свидетельство Иосифа Флавия о том, что в Селевкии живут в основном греки и македоняне, но также и сирийцы (видимо, имеются в виду местные жители Вавилонии), причем между двумя группами населения часто происходят раздоры (Joseph., Ant. Jud. 18, 372 sq.). Связи с местным населением должны были существовать со времен Селевка I хотя бы потому, что с Александром в Вавилонию пришли в основном мужчины и, надо думать, уже дети первых греческих колонистов не были чистокровными греками. Достаточно вспомнить, что даже сын и наследник Селевка — Антиох I был греком только наполовину. Со временем это привело к неизбежному результату: люди, старавшиеся сохранить внешние черты греческой культуры (имена, язык, обычаи), по сути дела давно уже не были греками.

Другой тип городов представлен Уруком. Сюда же, возможно, относятся такие города, как Ларса, Киш, Куту, Борсиппа, о которых мы располагаем чрезвычайно скудными сведениями, так как клинописных текстов оттуда дошло очень мало. Это — старые вавилонские города, в которых продолжают жить так, как жили веками, сохраняются старые обычаи

¹⁰³ Античные авторы единодушны в том, что после основания Селевкии Вавилон теряет свое значение и превращается в «пустыню» (Strabo, XVI, 1, 5; Paus., I, 16, 3; Plin., NH, VI, 122).

¹⁰⁴ Кошелевко. Греческий полис..., с. 290.

¹⁰⁵ Plin., LN, VI, 122; Paus., I, 16; 3; Smith S. Babylonian Historical Texts. L., 1924, p. 155, 156.

и жизнь катится по давно привычным рельсам. Неудивительно поэтому, что именно в Уруке не прижилось данное ему греческое название. Грекам, попавшим в Урук, приходится адаптироваться к существовавшему там укладу жизни. Однако греков встречается в урукских клинописных документах так мало, что, видимо, это проникновение и адаптация не были легкими для обеих сторон. Греческое воздействие на жизнь города осуществляется лишь в области административной (мы встречаем там чиновников-греков), но даже правителями Урука были местные жители.

Таким образом, два народа жили рядом, но каждый пытался сохранить устои своей привычной жизни. Так было при Селевкидах и, по-видимому, в начале парфянского периода. В надписях же и документах II—III вв. до н. э. из Дура-Эвропос и в декрете из храма Гарейуса в Уруке греческие имена тонут в море «варварских». Однако это не вавилоняне одержали победу над греками, они, как и их завоеватели, растворяются среди чужих племен, и мы уже нигде не находим даже упоминаний о них.

М. М. Дандамаева

GREEKS IN HELLENISTIC BABYLONIA

M. M. Dandamayeva

The varied and sometimes contradictory conclusion arrived at by classical scholars and Assyriologists specialising on Hellenistic Babylon is explained by the almost exclusive reliance of the former on Greek and Latin sources and of the latter on cuneiform texts. In this article an attempt is made to analyse the prosopographical material relating to Greeks domiciled in Hellenistic Babylon, making use of all the relevant literary sources, i. e. the testimony of classical authors, epigraphic material and cuneiform contracts. The listing (according to date and place of residence, occupation, status and ties with the local population) of Greeks living in Hellenistic Babylonia has been helpful in reconstructing the quality of their life in Babylon and the nature of the relations between Greeks and Babylonians.

Source analysis has shown that the Greeks who founded cities right down to the early centuries A. D., took pains to preserve a polis way of life, which was for them a means of preserving their identity in the midst of a non-Greek environment. In these cities the local population lived apart and are virtually left unnoticed in the Greek-language sources. In the old, Babylonian, cities life went on as usual, Greek influence making itself felt mainly in the spheres of administration and tax assessment. Individual Greeks who landed in these cities had to adapt themselves to prevailing life-styles. For the whole of the Seleucid and beginning of the Parthian period Greeks and Babylonians lived independently of one another, each group bent on preserving the basic principles of its traditional way of life. In the first centuries A. D. Greeks and Babylonians seem finally to have coalesced and merged with the Aramaic population. The outward features of Greek culture are artificially preserved for a time but the bearers of this culture have very little in common with Greeks.

ДРЕВНЕЙШИЙ МАНУСКРИПТ С ТЕРРИТОРИИ СССР.

ПИСЬМО ИЗ РИМСКОЙ КРЕПОСТИ АПСАР

На восточном побережье Черного моря во II—IV вв. н. э. располагалась цепь римских крепостей. В их задачу входило прежде всего удержание местных племен от занятия пиратством, и, таким образом, обеспечение возможности спокойного плавания и торговли вдоль черноморских берегов¹. Флавий Арриан, назначенный императором Адрианом в эти края наместником (в период между 131 и 138 гг. н. э.), упоминает в своем «Перипле» только о нескольких таких точках; несомненно, их существовало много больше: об этом свидетельствуют как археологические находки, так и перечень войск *Dux Armeniae*, приведенных в *Notitia Dignitatum*². Размеры и структура гарнизонов в подобных крепостях известны нам очень плохо, однако сравнение с другими пограничными укреплениями позволяет предполагать, что они могли вмещать в себя вспомогательную когорту или ее часть. Так, говоря о порте Гиссе, Арриан упоминает о «подразделении пехотинцев» (τάξις πεζῶν) и 20 всадниках, которые, весьма возможно, составляли вспомогательную когорту; говоря о Фасисе, упоминает об отряде в 400 «отборных людей». Эти сведения, а также перечень воинских частей в *Notitia Dignitatum* подтверждают предположение о том, что отдельная крепость вмещала, как правило, одно подразделение или равный ему по силе контингент.

Удивляет в связи со сказанным выше сообщение того же Арриана о том, что в крепости Апсар располагалось пять когорт. Идентификация последних, а также вопрос о причине их размещения дали повод для возникновения дискуссии. Понятен поэтому интерес, который вызывает появление нового документа, написанного, как представляется, в самом Апсаре и, более того, связанного с его гарнизоном. Речь идет о фрагменте римского папируса из Фаюма, который в настоящее время хранится в Берлине. В недавно вышедшей публикации³ он предстает перед нами в следующем виде:

Mar]tialis uet(eranus)[
]Omnium[
]i Apsarode[
]re eius M Ua[ll]er[
C]l[oh]·II Claudiana[
5 pr]l[oc]·feci·M·Iulius·[
p]l[oc] Aug (usti) Larti—[
]erogavit manda [
] s suas omnes [
]·get et auferre[
]id·s — dissolueret [
] endere []
]...[.]· []

Издатель не распознал в тексте названия Апсар. От также предположил, что II Клавдиева когорта была вплоть до настоящего времени не из-

¹ *Arr.*, Per. 9 (ed. G. Marengi, Arriano, Periplo del Ponto Eusino, Napoli, 1958): *πρὸς ἀσφάλειαν τῶν ταύτῃ πλεόντων. Ibid: καὶ ἄλλων ἐμπορικῶν ἀνθρώπων.*

² Арриан описывает только те места, к которым он обращается по ходу повествования, опуская, например, г. Ризос. Таким образом, ошибочно заключение о том, что «nördlich von Dioskurias haben offenbar unter Hadrian keine römischen Garnisonen mehr gelegen» (*Kienast D. Untersuchungen zu den Kriegsflotten der römischen Kaiserzeit. Bonn, 1966, S. 116*). Об археологических материалах см. *Леквинадзе В. А. Понтийский лимес.* — ВДИ, 1969, № 2, с. 75—93; что касается списка военных отрядов в *Notitia Dignitatum*, Or. 38 (изд. O. Seek, 1876), см. работу: *van Berchem D. L'armée de Diocletien et la réforme constantinienne. P., 1952, p. 30 suiv.*

³ *Bruckner A., Marichal R. Chartae Latinae Antiquiores, XI/II.* — Germany, II, 61 f., № 477.

вестной в науке воинской единицей, названной в честь императора Клавдия II (268—270 гг. н. э.). Однако подразделение с таким названием уже известно: это вспомогательная когорта римской армии, которая размещалась в середине II в. н. э. ⁴ в Каппадокии. Таким образом, наш папирус подтверждает правильность предположения, что буквы *Arsago* в третьей строке обозначают названием крепости Апсар на Черном море. Поскольку документ связан с военной тематикой, буквы *de[---]*, следующие за *Arsago*, должны принадлежать форме глагола *degere* «размещать»; все же выражение следует понимать как указание на то, что в названной крепости размещалось подразделение (или несколько подразделений), и относить это прежде всего ко II Клавдиевой когорте ⁵.

Документ представляет собой письмо, что вытекает из следующего: 1) глагол *fecit* употреблен в форме 1-го лица, 2) знаки в первой строке крупнее, чем в последующих, и 3) почерк охарактеризован издателем как *écriture epistolaire*. Автор — ветеран по имени Марциал, по-видимому, житель Апсара, поскольку информирует адресат о событиях, имевших там место. Содержание письма посвящено военным и правовым вопросам. К сожалению, суть их уяснить крайне трудно, так как документ очень испорчен и никто из лиц, в нем упомянутых, не известен по другим источникам. Судя по использованию латыни, упоминанию Апсара и II Клавдиевой когорты, адресат, вероятно, состоял на службе в римской армии. Может быть, он был всадником, переведенным в Египет ⁶, или же ветераном, вернувшимся домой после службы в Апсаре. Определить время написания письма трудно, однако употребление *praepositina* в именах прокураторов, так же как и предпочтение, отдаваемое автором форме *proc(urator) Aug(usti)* перед формами *proc(urator) Aug(usti) N(ostri)* или *proc(urator) Augg(ustorum) pp(ostkorum)*, предполагают в качестве даты скорее II, чем III в. н. э.

Очевидно, что письмо представляет большой интерес для изучения вопроса о гарнизоне в Апсаре. Оно показывает, что в последнем, как и в Фасисе (о котором есть сообщение Арриана ⁷), ветераны гарнизона становились колонистами и участвовали в гражданской жизни поселения. Более того, письмо помогает установить характер гарнизона. Считалось, что пять когорт, упомянутых Аррианом, были укомплектованы из легионеров ⁸. Если это так, то они должны были бы представлять собой одну четвертую часть всех легионерских сил в Каппадокии, оставляя на долю Милитены или Сатал лишь половину легиона. Так как наше письмо предполагает, что в Апсаре была расквартирована II Клавдиева когорта (вспомогательная), становится весьма вероятным, что четыре остальные когорты также были вспомогательными. Известна надпись из Нолы в честь *primipilaris*, который исполнял функции *praeposit(us) numero(rum) tendentium in Ponto Absago* ⁹. Этим *numeri* считали отличными от когорт, упомянутых Арриа-

⁴ AE, 1977, p. 802. Относительно II Клавдиевой когорты см. также: *Speidel M. Auxiliary Units Named after their Commanders: Four New Cases from Egypt.— Aegyptus, 1982.*

⁵ Относительно глагола *degere* в военных папирусах см. *Fink R. O. Roman Military Records on Papyrus. Cleveland, Ohio, 1974, index, p. 538.*

⁶ Похожий случай см. *Cavenaille R. Cohors II Hispanorum equitata et Cohors I Hispanorum veterana.— ZPE, 1975, 18, S. 179—191, особенно 185.*

⁷ *Arr.*, *Per.* 9: ἔξω τοῦ φρουρίου κατοικεῖτο ὑπὸ τῶν πεπαυμένων τῆς στρατίας.

⁸ *Mitford T. B. Cappadocia and Armenia Minor: Historical Setting of the Limes.— In: Aufstieg und Niedergang der römischen Welt, II, 7, 2, S. 1169—1228, особенно 1202; Rowell H. T. Numerus.— RE, 1937, XVII, Sp. 1327—1342, особенно 1328, 23; A. B. Bosworth правильно предполагал, что это были вспомогательные когорты — см. *Bosworth A. B. Arrian and the Alani.— Harvard Studies in Classical Philology, 1977, 81, p. 217—255, особенно 228.**

⁹ *CIL, X, 1202 = Dessau, ILS, 2660; ср. Ritterling E. Legio.— RE, 1924, XII, Sp. 1211—1829, особенно 1396 f. О его карьере см. Dobson B. Die Primipilares. Bonn, 1978, S. 234, Anm. 115; о том, что примипилар, кажется, командовал пятью вспомогательными подразделениями, см. *Tac., Ann. XIII, 36; XV, 12; Front., Strat. 4, 1, 21; о его карьере см. Dobson. Op. cit., p. 196, not. 64, Pacsius Orfitus.**

ном¹⁰. Однако термин *numerus* может означать любой тип подразделения, в том числе и вспомогательную когорту¹¹. Таким образом, весьма вероятно, что надпись из Нолы сообщает нам о тех же вспомогательных когортах.

Гарнизон, включающий пять когорт, должен считаться исключительно большим для любой крепости. Каково было стратегическое назначение Апсара? Ответ заключен в его географическом положении как а) наиболее удаленной римской крепости на Черном море¹² и б) места, обеспечивающего доступ к Иберийскому царству и охранявшего жизненно важный Дарьяльский проход через Кавказские горы. Плиний в «Естественной истории» (VI, 4) упоминает только два укрепления на восточном берегу Черного моря — Апсар и Себастополис, очевидно, наиболее важные в этом районе. Относительно Апсара он добавляет, что за его горами лежит Иберия: *In ora ante Trapezunta flumen est Puxites, ultra vero gens Sannorum Heniochorum flumen Absarrum cum castello cognomine in faucibus, a Trapezunte CXL. Eius loci a tergo montium Hiberia est.*

Можно рассматривать размещение пяти когорт в Апсаре как подготовку кампании против саннов, о которой сообщал Арриан. Кстати, среди его «римских писем» есть послание Адриану относительно пяти когорт, где обсуждается их возможное использование против саннов¹³. Но основной причиной присутствия римских когорт в указанном районе было осуществление стратегического наблюдения за Иберией и Кавказом (вне зависимости от того, были иберы и аланы дружественны или враждебны в настоящий момент)¹⁴. Если бы Рим не смог выставить значительных сил против Кавказа, то вторжение можно было бы организовать «местными» римскими силами. Непокорное царство, каковым была Иберия, могло быть сдерживаемо только с помощью находящейся под рукой военной силы, присутствие которой должно было им постоянно ощущаться¹⁵. Водным коммуникациям в римской пограничной стратегии отводилась весьма существенная роль. Совершенно понятен выбор Апсара — самой крайней восточной точки, которую могли достигнуть корабли, — место сосредоточения значительных стратегических сил для контроля за Кавказом. В этом отношении Апсар может быть сравним с Сиеной — крайней южной римской крепостью на Ниле, в которой было размещено три когорты, осуществлявшие контроль над зависимым Нубийским царством¹⁶. Примечательно, что в обоих случаях наблюдается необычно большая концентрация вспомогательных когорт.

Наш папирус может дать дополнительные сведения об Апсаре как о *Sperrfeste* против опасностей, исходящих из Кавказского региона. II Клавдиева когорта не числится среди тех военных частей, которые Арриан мобилизовал для участия в его кампании против аланов, хотя ему пришлось вызвать военные контингенты из Трапезунда, Ризоса и Колхиды¹⁷. Создается впечатление, что Арриан не желал ослабления апсарского гарнизона. Действительно, ныне известно пять или шесть когорт, которые

¹⁰ *Лекаинадзе*. Ук. соч., с. 77.

¹¹ AE, 1927, 95; CIL, III, 12257. Ср. *Speidel M.* The Rise of Ethnic Units in Roman Imperial Army.— In: *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*, II, 3, 1975, S. 202—231, особенно 204 ff.

¹² *Arr.*, Пер. 11: ὁ δὲ Ὑψαρος πέρας ἐφάνη μοι εἶναι κατὰ μῆκος τοῦ Πόντου. Относительно локализации Апсара см. также *Лекаинадзе В. А.* Материалы по истории и архитектуре Апсарской крепости.— ВВ, 1961, 20, с. 225—242; *Mitford*. Op., cit., p. 1192, 1202.

¹³ *Arr.*, Пер. 6, 11.

¹⁴ Относительно алан см. *Sherk R. K.* Roman Galatia: The Governors from 25 B. C. to A. D. 144.— In: *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*, II, 7, 2, S. 954—1052, Об аланах и иберах см. *Bosworth*. Op. cit., S. 992.

¹⁵ О непокорности иберов см. *Bosworth*. Op. cit.

¹⁶ *Speidel M.* Nubia's Roman Garrison.— In: *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*, II, 10, 1.

¹⁷ *Arr.*, Ektaxis, 7, 14, 29.

входили во II в. н.э. в каппадокийскую армию, однако они не были включены в Арриановы отряды особого назначения¹⁸. Возможно, это и было большинство или все пять когорт, размещенных в Апсаре. Они были там на своем месте, предотвращая продвижения алан к Трапезунду и обеспечивая спокойствие со стороны иберов.

Таким образом, несмотря на краткость, письмо из Апсара тем не менее представляет ценную информацию и дополняет наши сведения о владениях Римской империи на территории СССР и о древней истории Грузии.

М. П. Спейдел

A LETTER FROM A ROMAN FORTRESS
ON THE EASTERN BLACK SEA COAST

M. P. Speidel

The author offers a new interpretation of a papyrus of Roman times from the Fayum, now kept in Berlin. The document is the letter of a veteran stationed in Apsar, a Roman fortress on the Black Sea coast (Batumi district), from which, as Speidel shows, the letter was sent. Certain details in it suggest that it comes from the 2nd century B. C. The letter provides interesting information about the garrison in Apsar and about the strategic importance of this frontier fort on the easternmost edge of the Black Sea coast.

¹⁸ *Speigel M.* The Roman Army in Asia Minor. Recent Epigraphical Discoveries and Research.— In: *Armies and Frontiers in Roman and Byzantine Anatolia*. Oxf., 1983, p. 734.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. Н. ПОГРЕБОВА. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1984, 247 с., илл.

Рецензируемую монографию отличает прежде всего глубоко оправданный выбор ареала и периода, подлежащих исследованию в интересующем автора аспекте. На протяжении тысячелетий Кавказ и Закавказье играли роль пограничного рубежа между древнейшими цивилизациями Востока и Средиземноморья, с одной стороны, и миром евразийских степей — с другой. Не случайно ранняя античная традиция воспринимала Кавказ как северный предел обитаемого мира. Но одновременно Кавказ выступал в качестве своего рода моста, по которому осуществлялись контакты между названными регионами и через который проходили значительные массы мигрирующих народов, существенно менявшие этническую карту и культурный облик всех затронутых этими миграциями областей. Это пограничное положение Кавказа и Закавказья способствовало тому, что в их памятниках запечатлелись элементы многих различных по происхождению культурных традиций. Без всестороннего анализа этих элементов, без уяснения их происхождения и удельного веса в культуре того или иного этноса и периода невозможно полноценное воссоздание древней этнокультурной истории и южнорусских степей, и собственно Кавказа, и Ближнего Востока.

То обстоятельство, что связанные с Кавказом и Закавказьем события достаточно рано попали в поле зрения носителей раннеписьменных цивилизаций и получили определенное освещение в памятниках древней письменности, способствует иногда созданию впечатления, что история этих событий может быть достаточно полно воссоздана по данным одних письменных источников. Между тем вряд ли необходимо доказывать, что историческая информация, содержащаяся в этих источниках, крайне неполна, выборочна и специфична по содержанию прежде всего в силу самой типологии древнейших текстов, и что для воссоздания достаточно полной и объективной картины необходимо максимальное привлечение и иных данных. В этом плане важнейшее место принадлежит археологическому материалу. Конечно, исследоваться он должен с учетом всех письменных и историко-лингвистических свидетельств, которые в определенной мере «задают программу» изучения археологических памятников, но и самим этим памятникам в ходе исторического исследования принадлежит отнюдь не подсобно-иллюстративная роль.

Автор рецензируемой монографии вовсе не склонен переоценивать историческую информативность археологического материала или абсолютизировать ту картину, которая вырисовывается при его изучении, прекрасно понимая, к примеру, что «отсутствие археологического подтверждения еще не может служить основанием для категорического отрицания того или иного исторического факта, в частности эпизодических отношений между отдельными областями и народами» (с. 5; см. также с. 40). Но все содержание книги наглядно показывает, что если нельзя реконструировать древнюю историю только по археологии, то нельзя ее реконструировать и без археологии; по крайней мере панорама исторических и культурных взаимоотношений различных народов древности без полноценного исследования археологических данных вообще не может быть воссоздана.

Трудность, однако, состоит в том, что методы интерпретации археологического материала с точки зрения реконструкции истории межкультурных и межэтнических свя-

зей еще далеко не отработаны. Поэтому М. Н. Погребова начинает свое исследование с формулирования некоторых основополагающих принципов того, что она называет «сравнительной археологией». Сопоставляя культуру двух народов и констатируя наличие в их материальных памятниках сходных элементов, археолог прежде всего оказывается перед задачей определить, является ли это обстоятельство следствием межкультурных контактов или результатом конвергентного формирования сходных форм. Такой вопрос довольно часто можно встретить на страницах археологических работ, когда речь идет о культурных фактах крупного масштаба, о радикальных культурных открытиях, но его почти никогда не поднимают применительно к «частным» признакам культуры, к составляющим ее мелким элементам. Здесь М. Н. Погребова вполне правомерно обращается к аналогии из фольклористических исследований, где в значительно большей мере, чем в археологии, получил развитие принцип различения «историко-типологических, генетических и контактных связей», имеющий «значение, выходящее за пределы той отрасли науки, на базе которой это определение было сделано» (с. 5).

Следует заметить: то обстоятельство, что указанный принцип был заимствован автором из фольклористики, в известной мере оказало влияние на сферу его применения в рецензируемой работе. Вероятность конвергентного формирования М. Н. Погребова предполагает прежде всего для изобразительных сюжетов и мотивов, поскольку именно здесь наиболее эксплицитно проявляется содержание древней мифологии и, следовательно, наиболее ожидаемо проявление сходных по содержанию, но имеющих независимое происхождение концепций, относящихся к классу мифологических универсалий (с. 5—6, 138 и др.). Между тем такое ограничение вряд ли оправдано. Существование подобных универсалий может сказываться в археологическом материале гораздо множественнее и разнообразнее в силу определяющей роли мифологии в формировании облика древних культур. Так, космологические концепции, во многом близкие даже в совершенно не связанных между собой традициях, могут приводить к независимому появлению сходных конструкций погребальных сооружений и черт погребального обряда. Поэтому, вполне соглашаясь с автором, что при сравнении сходных сюжетов и мотивов изобразительного искусства для выявления подлинных межкультурных заимствований «на первый план выдвигаются стилистические особенности» (с. 6), следует распространить тот же принцип и на методику сравнения иных групп археологических источников, сопоставляя, к примеру, могильные памятники не на уровне определяющих их общий облик основных структурных конфигураций, а по всему набору признаков разных уровней, уделяя, пожалуй, наибольшее внимание чертам, семантически наименее значимым, или тем, семантика которых или способы ее выражения сугубо специфичны лишь для какой-то определенной традиции.

После отделения истинных культурных влияний от конвергентно возникающего сходства следует, по справедливому мнению М. Н. Погребовой, сугубо дифференцированно оценивать первые, различая проявления реального смещения разных этнических групп, распространение тех или иных предметов за пределы ареала породившей их культуры в качестве импорта и, наконец, местные подражания инокультурным образцам (с. 4). Именно такой аналитический подход к многочисленным фактам межкультурных схождений, рассматриваемым на фоне свидетельств письменных источников и данных историко-лингвистических реконструкций, превращает «сравнительную археологию» в полноценный инструмент исследования этнокультурных процессов древности.

С позиций, определяемых этими методическими постулатами, и подходит М. Н. Погребова к изучению взаимоотношений Закавказья с Ближним Востоком. Отделяя (не как несущественные, а лишь как имеющие особую природу) факты, свидетельствующие о локальных и кратковременных контактах тех или иных районов Закавказья с Передней Азией, она сосредотачивает основное внимание на исследовании двух важнейших событий в этнической истории этого региона — на проникновении иранцев на Иранское плато и на переднеазиатских походах скифов. Точнее, в рецензируемой книге освещено лишь второе из этих событий. Первому же — и всему связанному с ним периоду — была посвящена ее предыдущая монография¹, вышедшая несколько лет на-

¹ Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке М., 1977.

зад. То, что основные методологические принципы, которыми руководствуется в своих исследованиях автор, в наиболее полном виде были сформулированы именно теперь, не случайно — для этого понадобился весь опыт работы над первой книгой. Но не будет отклонением от истины сказать, что практически следование именно этим принципам определило характер и содержание и монографии автора 1977 г. Две книги, посвященные изучению в одинаковом ключе двух следующих друг за другом периодов истории одного и того же региона, составляют по существу две части одного исследования.

Как известно, вопрос о проникновении иранцев на территорию их исторического обитания остается еще достаточно дискуссионным. Спорят о путях этого продвижения — через Кавказ или Среднюю Азию, об исходной его зоне, о времени. В аргументации той или иной точки зрения важная роль непременно отводится и археологическому материалу; ведутся даже поиски археологической культуры, которую можно было бы связать с иранцами и проникновение которой на плато удалось бы проследить. Однако, как правило, выдвигающиеся гипотезы не выдерживают проверки на методическую обоснованность и плохо согласуются с историко-лингвистическими данными². Толкование, предложенное М. Н. Погребовой, опирается прежде всего на четкое осознание того, каким могло быть археологическое отражение процесса проникновения ираноязычных племен в области с более высоким, чем их собственный, уровнем развития материальной культуры. Поэтому автор не пытается проследить их продвижение по распространению тех или иных керамических форм или иных категорий массового археологического материала и вообще не разделяет мнения, что можно выявить определенную археологическую культуру, распространение которой соответствовало бы интересующему нас расселению. Ясное понимание характера межкультурных контактов в древности и способов их археологического выражения приводит М. Н. Погребову к поискам специфических культурных элементов, определенным образом группирующихся в инокультурном контексте, которые только и могут освещать процесс миграции иранцев. В результате ей удалось выявить ряд археологических фактов, свидетельствующих о проникновении в конце II тыс. до н. э. некоторых групп населения из евразийских степей в Закавказье и далее на территорию Ирана и интерпретировать эти факты как связанные с миграцией иранцев, и в частности как подтверждение концепции о ее кавказском, а не закаспийско-среднеазиатском пути³. На мой взгляд, именно эта интерпретация⁴ на сегодняшний день является наиболее серьезным из всех археологических аргументов, выдвигающихся в ходе обсуждения иранской проблемы.

Если появление ираноязычных племен к югу от Кавказа на рубеже II—I тыс. до н. э. привело в конечном итоге к коренному изменению этнической карты этого региона, то событие, разыгравшееся здесь несколькими столетиями позже, — скифские походы в Переднюю Азию — хотя и не имело столь радикальных последствий в сфере этнической истории, но все же оказало весьма существенное влияние и на политическую, и на культурную историю многих народов Кавказа, Закавказья, Ближнего Востока. Именно этому сложному для изучения периоду и посвящена новая монография М. Н. Погребовой, успех которой во многом определяется прекрасным знакомством автора с культурой Закавказья предшествующего периода, что позволило ей чутко улавливать любые, даже малозаметные культурные инновации на этой территории.

Переднеазиатские походы скифов как одно из самых ранних известных нам событий истории нашей страны давно привлекают внимание отечественных историков. Находятся они в поле зрения и специалистов по истории древнего Востока, поскольку сыграли в ней немаловажную роль. Однако изучение истории этих походов крайне затруднено малым количеством имеющихся источников. Наиболее связный и, казалось бы, полный рассказ о них сохранила античная традиция, прежде всего, конечно, Геродот. Чем далее, однако, продвигается вперед изучение этой традиции, тем больше

² Наиболее подробный анализ и критику этих гипотез в отечественной литературе см. Грантовский Э. А. «Серая керамика», «расписная керамика» и индоиранцы. — В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981, с. 245 сл.

³ См. Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.

⁴ См. также: Погребова М. Н. К вопросу о миграции ираноязычных племен в Восточное Закавказье в доскифскую эпоху. — СА, 1977, № 2.

выясняется влияние на содержащуюся в ней информацию концептуальных и типологических моментов, эту традицию характеризующих, и тем необходимее оказываются поиски дополнительных источников, сведения которых поддаются корреляции с данными этой традиции. Переднеазиатские письменные памятники, содержащие данные о скифских походах, столь скудны, что не позволяют реконструировать их историю даже пунктирно, и к тому же обладают спецификой, уже отмечавшейся выше. Тем закономернее обращение при анализе этой проблемы к археологическому материалу.

Здесь перед исследователем встают, впрочем, новые трудности, связанные с вопросом о времени и путях формирования скифской культуры. Как известно, существует мнение, что она сложилась именно в результате продвижения скифов в Переднюю Азию. Такой точки зрения придерживался, к примеру, в своих последних работах М. И. Артамонов⁵. О «доскифском облике» культуры скифов в период их переднеазиатских походов писал в свое время И. М. Дьяконов⁶. В таком случае археологически проследить продвижение скифов из Причерноморья через Кавказ и далее к югу достаточно сложно. Вещи же надежно опознаваемых собственно скифских типов на Кавказе, в Закавказье и Передней Азии обнаруживаются в достаточно малом количестве и рассеяны в комплексах с отчетливо выраженными инокультурными чертами. Проблематичной остается до сих пор и хронология этих находок. Таким образом привлечение археологических данных для реконструкции истории переднеазиатских походов скифов и для воссоздания всех вызванных этими походами процессов — задача методически достаточно сложная. Между тем без этих данных не могут быть освещены такие важные вопросы, как время и пути проникновения скифов через Кавказ, степень скифского культурного влияния на местное население Закавказья и наличие в среде этого населения собственно скифского компонента, существование в Закавказье так называемого Скифского царства и его возможная локализация.

Несомненной заслугой автора рецензируемой работы является по возможности полный охват материала, имеющего отношение к перечисленным вопросам, и дифференцированная интерпретация этого материала в соответствии с охарактеризованными выше методологическими принципами. При этом особенно существенно, что М. Н. Погребовой удалось значительно расширить тот круг археологических источников, который дает нам информацию о процессах, вызванных в Закавказье скифскими походами. Это расширение круга источников осуществлено в основном не за счет привлечения каких-то новых находок, хотя следует отметить, что интенсивные раскопки последних лет влекут за собой постоянное увеличение числа обнаруженных в Закавказье скифских древностей и практически все они находятся в поле зрения автора монографии. В данном же случае речь идет о другом. Тщательно проанализировав распределение разнокультурных вещей на территории исследуемого региона, М. Н. Погребова сумела показать определенные закономерности их взаимовстречаемости в пределах одного комплекса, продемонстрировать достаточно стабильную сопряженность предметов, имеющих различную культурную принадлежность. Тем самым в источник информации о межэтнических и межкультурных контактах, вызванных к жизни скифскими передвижениями в Закавказье, превратились не только собственно скифские древности, но и предметы иных синхронных культур. Так, интереснейшим фактом является показанное автором повторяющееся сочетание в одних и тех же комплексах находок скифского типа и вещей, принадлежащих к колхидо-кобанскому культурному кругу. Стабильность этого сочетания еще ждет полноценной исторической интерпретации: здесь речь может идти и о выяснении племенного состава отрядов, совершавших вместе со скифами далекие военные рейды, и об этническом характере среды, в которую наиболее активно внедрялись скифы в пределах Кавказского региона, и о целом ряде других интересных проблем, никак не освещенных письменными данными. Но уже сейчас очевидна специфическая тесная связь двух этих различных по происхождению комплексов древностей, и потому отныне находки колхидо-кобанских вещей вне пределов их исконного ареала должны рассматриваться если не как свидетельство собственно скифских походов, то как отражение каких-то этнокультурных процессов, этими походами стимулированных. Вряд ли случайно, что совершенно то же сочетание скифских и колхидо-ко-

⁵ Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 34 сл.

⁶ Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.—Л., 1956, с. 244.

банских древностей обнаруживается в регионе, весьма далеком и от Кавказа, и от Скифии, — в анаьинских памятниках Волго-Камья; идентичная модель сочетания разнокультурных элементов лишней раз подчеркивает неслучайность этого сочетания, его связь с определенными этнокультурными процессами второй четверти I тыс. до н. э.

Следует упомянуть и важность хронологических наблюдений, содержащихся в книге М. Н. Погребовой, построенных на корреляции данных о датировке степных и переднеазиатских древностей и весьма существенных для определения времени и зоны формирования скифской культуры.

Конечно, не все сопоставления разнокультурных предметов, предложенные в рецензируемой книге, одинаково убедительны. Некоторые из них, вероятно, в дальнейшем будут оспорены или уточнены. Но эти исправления, без сомнения, будут вестись уже в том ключе, который задан автором, они будут именно уточнениями разработанной им стройной и убедительной в целом концепции. Целью таких уточнений будет наиболее полное выявление тех культурно- и этноисторических процессов, ценнейшим источником для воссоздания которых является «сравнительная археология» Закавказья и Передней Азии скифской эпохи.

Д. С. Раевский

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ, А. В. СЕДОВ. Тепаи-шах. Культура и связи Кушанской Бактрии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983

Обзор научной литературы за два последних десятилетия позволяет говорить о качественно новом этапе археологического изучения Кушанской Бактрии. Основная черта этого этапа — появление фундаментальных обобщающих работ по различным проблемам истории и культуры. В этом заслуга как советских, так и зарубежных (в особенности французских) ученых. Однако степень археологической изученности кушанских памятников Бактрии все еще неравномерна.

Рецензируемая книга — первая монография, подводящая итоги археологическим исследованиям Южно-Таджикистанской археологической экспедиции, возглавляемой Б. А. Литвинским, на городище Тепаи-шах. Работа Б. А. Литвинского и А. В. Седова посвящена кушанскому поселению северо-востока Бактрии. Основной текст книги принадлежит Б. А. Литвинскому: предисловие, главы II (Некрополь Тепаи-шах и проблемы бактрийско-кушанских погребальных верований и обрядности) и III (Город в Средней Азии и Северной Индии кушанского времени — параллели). Глава I (Археологические памятники Тепаи-шах) написана Б. А. Литвинским и А. В. Седовым. Приложение I, включающее описание находок с городища и некрополя Тепаи-шах, принадлежат этим же авторам. Приложение II, составленное Е. В. Зеймалем, содержит комментированный реестр монетных находок 1972 г. из Шаартузского района Таджикской ССР. Монографию иллюстрируют 32 таблицы с фотографиями и чертежами раскопов, рисунками найденных предметов.

Даже из простого перечня названий глав и приложений очевидно, что в монографии затронуты многие важные проблемы истории и культуры Кушанской Бактрии. Среди них я бы выделил четыре: 1) датировка кушанских комплексов, 2) особенности денежного обращения, 3) погребальный обряд и его отношение к зороастризму, 4) кушанский город Бактрии и его связи с индийским городом. Рассмотрим мнения авторов по этим проблемам и тот вклад, который вносят в их решение археологические материалы Тепаи-шах.

Проблеме относительной и абсолютной хронологии керамических комплексов Кушанской Бактрии посвящен раздел I первой главы, написанный А. В. Седовым. Он предпринял попытку критического пересмотра стратиграфических колонок и датировки ряда кушанских памятников Северной Бактрии (Дальверзин, Кобаднан, Тулхар, Халчаян и др.), предложенных М. М. Дьяконовым, А. М. Мандельштамом, Г. А. Пугаченковой. Наиболее привлекательной, хотя и не свободной от недостатков, А. В. Седов считает керамику-стратиграфическую «колонку Вахшской долины»; пред-

лагаемая датировка керамических комплексов Тепаи-шах, по его мнению, не только подтверждает правильность основных положений вахшской схемы, но и позволяет несколько уточнить их (с. 36).

К сожалению, так называемая «вахшская» схема, построенная в основном на материалах Яванского городища и Болдай-тепе¹, несмотря на ее принципиально важное значение, не выглядит вполне убедительной, поскольку еще не опубликованы ни стратиграфия городища, ни сопутствующие находки, без чего рассуждения о датировке других кушанских памятников не поддаются проверке. А. В. Седов пишет, что материалы Яванского городища хотя и не опубликованы полностью, но доступны, а хронологическая схема их разработана и используется (с. 36). Эти материалы хранятся в фондах Института истории им. А. Дониша в Душанбе (с. 174, прим. 47). Но сможет ли посторонний исследователь без чертежей и описаний условий их находки разобраться, к какому из выделенных слоев Явана относится та или иная керамика? Вполне понятны поэтому высказанные рядом исследователей и разделяемые нами сомнения в обоснованности датировки стратиграфических слоев Явана². Иное дело, археологические материалы Тепаи-шах, они полностью изданы и доступны каждому исследователю. Приходится сожалеть только, что вместо чертежей археологических разрезов с соответствующими стратиграфическими заполнениями в книге помещены лишь архитектурные кроки помещений (см. рис. 4—5).

Для выявления относительной и абсолютной хронологии Тепаи-шах А. В. Седов использует два вида источников: для первой — монеты, для второй — керамику.

Стратиграфия Тепаи-шах установлена в основном при раскопках на центральном холме (раскоп 1 и 2), где определены два строительных периода. Первый из них, представленный комплексом помещений, соотносится с нижним уровнем пола, устроенным на материке (в раскопе 1 — середина V яруса, в раскопе 2 — середина VI яруса). Второй уровень пола соответствует в раскопе 1 — границе III—IV яруса, в раскопе 2 — середине III яруса. Заполнение помещений между полами — плотная забутовка из обломков пахсы и сырцового кирпича или рыхлый лёсс с золой и фрагментами керамики. Заполнения помещений второго строительного периода представляют собой завал из строительных остатков, возможно рухнувших стен. В ряде помещений второго строительного периода отмечены два уровня пола, расстояние между ними — 20—25 см. В раскопе 2 выявлен еще один период обживания холма, к которому отнесены две хозяйственные ямы, врезанные в стены помещения V-а второго строительного периода.

В раскопе 1 две монеты — подражания чекану Хувишки — найдены на полах помещений второго строительного периода, еще семь монет — подражания чекану Хувишки (6 экз.) и подражание чекану Канишки III — найдены в завале над полами. В раскопе 2 на полу второго строительного периода найдена монета Сотера Мегаса, а в завале над полами — монета Сотера Мегаса и подражание Хувишке. Монет на полах помещений первого строительного периода не обнаружено. Тем не менее А. В. Седов полагает, что разница во времени между первым и вторым периодами «была вряд ли значительной» (с. 28). Относительная же дата второго периода (а следовательно, и первого) отнесена к позднекушанскому времени. При этом А. В. Седов принимает во внимание только более поздние монеты — подражания Хувишке (2 экз.) — и совершенно игнорирует находку одной монеты Сотера Мегаса на полу помещения, поскольку халки Сотера Мегаса, так же как и другие кушанские монеты, будто бы не знали принудительного изъятия из обращения. Но даже при вероятности этого гипотетического положения Е. В. Зеймалю нельзя исключать и иную возможность совместного нахождения монеты Сотера Мегаса и двух подражаний Хувишки, а именно, что обживание помещений в ранний и в более поздний периоды происходило на одном и том же уровне пола, — явление, кстати сказать, достаточно распространенное.

¹ Зеймаль Т. И. Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе. — МКТ. Душанбе, 1971, вып. 2; она же. Позднекушанские слои в Южном Таджикистане. — ЦАКЭ, 1975, т. 2, с. 267—270.

² Массон В. М. Кушанские поселения и кушанская археология (Некоторые результаты работ Бактрийской экспедиции в 1973—1975 гг.). — В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 10; Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзиг-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978, с. 184 сл.

Другое важное обстоятельство. А. В. Седов указывает, что из кушанских памятников долины Сурхандарьи керамике Тепаи-шах во многом аналогичен комплекс керамики Мирзакул-тепе. «Совпадают многие типы бокалов, мисок, чаш, горшков, кувшинов, тагора, хумов» (с. 37). К сожалению, однако, он не обратил внимание на состав монетных находок на Мирзакул-тепе. А он достаточно показателен. На Мирзакул-тепе, где вскрыта уже большая часть поселения, обнаружено более 30 монет, относящихся к чекану «Варварского Гелиокла» и Сотера Мегаса³. Они датируются временем обживания этого памятника только докушанским и начальным этапом раннекушанского времени, поскольку монет более поздних кушанских царей здесь не найдено. Следовательно, относительная хронология Мирзакул-тепе очевидна, а так как керамические комплексы Мирзакул-тепе и Тепаи-шах во многом совпадают, то естествен был бы и вывод, что один из периодов обживания Тепаи-шах должен датироваться раннекушанским, а не только позднекушанским временем. Показательно в этом плане и совпадение ряда керамических форм в Тепаи-шах и Кампыр-тепе, обживание которого прекращается после Канишки I. В частности, своеобразной формы курильницы, найденные на Тепаи-шах в слое первого периода (табл. XIII, 25), при раскопках Кампыр-тепе обнаружены в слоях, датированных монетами Кадфиза II — Канишки I.

Мы сознательно ограничиваемся аналогиями только с этими двумя памятниками, поскольку они «стерильны», имеют определенные хронологические рамки обживания, подкрепленные обильными находками монет, так что относительная хронология их очевидна. В этом их преимущество перед археологическими памятниками со сложной, многослойной стратиграфией (Дальверзин, Кобадиян, Халчаян, Яван), где в силу долговременного обживания культурные слои и предметы могли быть сильно перемещены. Нам представляется, что выделение керамики-стратиграфических колонок на памятниках, подобных Мирзакул-тепе и Кампыр-тепе, это наиболее верный путь установления относительной хронологии кушанских памятников Северной Бактрии.

Автор отрицает датировочные возможности некоторых ранних групп монет «Варварского Гелиокла», считая, что они зависят от абсолютной даты кушанских монет (с. 35). Это не совсем так. В чеканке «Варварского Гелиокла» выделяются несколько хронологических групп. Датировка ранних эмиссий никак не связана с абсолютной датой кушанских монет, поскольку они непосредственно следуют подлинному чекану Гелиокла, время правления которого при всех хронологиях не выходит за пределы середины — третьей четверти II в. до н. э. Начало чеканки варварских подражаний не намного отделено от этого рубежа (ибо ранние экземпляры подражаний почти полностью копируют подлинный чекан) и может быть датировано третьей четвертью — концом II в. до н. э.⁴ Что касается времени прекращения их чеканки и обращения, то оно, очевидно, приходится на начальный период правления Сотера Мегаса⁵. Показательны в этом отношении клады кушанских монет, в составе которых нет ни одной монеты «Варварского Гелиокла». Таким образом, эти монеты могут служить надежным критерием для установления относительной, а в определенных условиях и абсолютной хронологии. Ряд других хронологических положений А. В. Седова, особенно в вопросе об абсолютной датировке, не представляются нам настолько бесспорными, чтобы на их основании пересматривать, как он предлагает, датировку Мирзакул-тепе, Айртама, Саксанохура, Дальверзин-тепе и других кушанских памятников. Конечно, в датировке всех кушанских памятников есть спорные положения и изъяны, но при пересмотре прежних дат следовало бы учитывать, исходя из полученных данных, все возможные хронологические варианты, как ранние, так и поздние.

Из более мелких замечаний к этому разделу книги отмечу два. Напрасно А. В. Седов упрекает Г. А. Пугаченкову в том, что она привлекла к датировке здания в Халчаяне архитектурные данные; автор сам подчеркивает, что предложенная им датировка тепаи-шахского комплекса II—III вв. н. э. (возможно, начало IV в. н. э.) не проти-

³ *Пидаев Ш.* Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978, с. 89—91; *он же.* Бактрийская надпись из Мирзакул-тепе.— ОНУ. Ташкент, 1982, 10, с. 42.

⁴ *Массон В. М.* Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла.— ЭВ, 1956, XI, с. 74.

⁵ *Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р.* Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 1981, с. 34.

воречит архитектурным сопоставлениям (с. 38). Касаясь датировки Дальверзинского науса, он считает маловероятным, что после первоначальных погребений наус простоял около двухсот лет неиспользованным, а затем был «дозаполнен и закрыт» (см. с. 35); однако факты захоронений в погребальном сооружении спустя много лет достаточно хорошо известны.

По вопросу о продолжительности обращения кушанских монет в рецензируемой книге Е. В. Зеймалем высказано мнение, что кушанские медные монеты не знали принудительного изъятия из обращения и циркулировали значительно позднее времени их выпуска и даже времени существования Кушанского царства (с. 162). Это положение могло бы быть весьма ценным не только для характеристики особенностей денежного обращения Кушанской Бактрии, но и для периодизации археолого-стратиграфических комплексов. Однако явная категоричность в далеком еще не ясном вопросе представляется нам поспешной. Е. В. Зеймаль обосновывает свой тезис в основном совместными находками монет в стратиграфических слоях. Однако эти данные поддаются субъективным истолкованиям, и только клады дают объективную картину, отражающую закономерное изменение состава денежного обращения.

Сейчас в Северной Бактрии выявлено уже 20 кладов, содержащих кушанские монеты. Из них 10 в Таджикистане, подробные сведения о которых опубликованы Е. В. Зеймалем⁶. 10 кладов обнаружено на юге Узбекистана: сведения о четырех из них (Термез, Дальверзин-тепе) опубликованы, шесть найдены в последние годы. Из них на Кампыр-тепе — четыре клада: клад I содержит четыре монеты Канишки I, клад II — 15 экз. халков Кадфиза II, клад III — 32 монеты (Кадфиз II — 7 экз., Канишка I — 25 экз.), клад IV — 49 монет (Кадфиз II — 11, Канишка — 38). Клад из Будрача содержит 6 монет Сотера Мегаса. Клад из Зар-тепе включает более 500 монет Васудевы и Канишки III.

Анализ состава этих кладов позволяет выделить несколько этапов денежного обращения в Северной Бактрии кушанского времени. Это вытекает, прежде всего, из хорошо прослеживаемой четкой закономерности: клады в большинстве своем содержат или монеты одного правителя, или монеты двух царей, правивших непосредственно один за другим. Клады первого этапа содержат только монеты Сотера Мегаса и никаких других предшествующего времени, в частности монет «Варварского Гелиокла». Зарытие их, судя по всему, относится к начальному периоду раннекушанского времени. Ко второму этапу относятся семь кладов, шесть из них содержат только монеты Кадфиза II и Канишки. Один (№ 13 по Е. В. Зеймалю): Кадфиза II — 5 экз., Канишки — 24 экз., Хувишки — 21 экз. Еще в одном (клад № 14 из храма Окса) имеются 8 монет Сотера Мегаса и две Кадфиза II. Примечательно, что в обоих этих кладах ранние монеты составляют незначительный процент. Фактически это означает, что монеты предшествующего времени в период правления Кадфиза II — Канишки уже не играли видной роли или вообще выпали из денежного обращения.

Ту же тенденцию смены старых монет новыми показывают клады третьего — позднекушанского этапа. К этому времени относятся пять кладов, в четырех из которых содержатся только монеты Васудевы и Канишки III и в одном — монеты Хувишки, Васудевы, Канишки II и подражания монетам Васудевы (клад из Кызыл-Кетмана). Время Хувишки, как представляется из анализа состава кладов, по-видимому, можно охарактеризовать как переходный этап к позднекушанскому этапу в денежном обращении, поскольку незначительная доля старых монет содержится в кладах как предшествующего, так и последующего этапов (клад монет Хувишки и Канишки из храма Окса и вышеупомянутый клад из Кызыл-Кетмана). Ни одной монеты раннекушанских правителей — Сотера Мегаса, Кадфиза II, Канишки I — в составе кладов позднекушанских царей пока не имеется. Поскольку все клады, как это видно из их состава, являются результатом кратковременного накопления, то они отражают непосредственную картину денежного обращения на том или ином этапе. Отсюда напрашивается вывод, что замена старой монеты новой в кушанской Бактрии происходила быстрее, чем предполагалось ранее, и что период циркуляции старых монет был ограничен. Иными словами, есть основание говорить о вероятности изъятия старых монет из обращения и постепенной замене их новыми. Возможно, что какая-то доля равных кушанских

⁶ Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983, с. 291—295.

монет сохранялась в денежном обращении, но анализ состава кладов пока не дает для этого данных.

Общеизвестны сведения некоторых письменных источников о происхождении Зороастра из Бактрии и вытекающие отсюда выводы ряда исследователей, признающих эту страну родиной зороастризма. Вопрос о зороастризме в Бактрии получил новый импульс после открытия, в основном в северной ее части, наземных погребальных сооружений — наусов, содержащих захоронения предварительно очищенных костей.

Вторая глава рецензируемой книги посвящена широкому кругу вопросов, связанных с интерпретацией этих сооружений и их связей с зороастризмом. Она написана Б. А. Литвинским в свойственном ему стиле: четкая, без излишней детализации, описательная характеристика и анализ предмета, явления, проблемы с привлечением всех видов источников. Основное внимание Б. А. Литвинский уделил генезису наземных погребальных сооружений в Бактрии и разнообразию типов захоронений в зороастрийской погребальной практике. Но попутно автор остановился и на других вопросах погребальной архитектуры и обрядности в Бактрии. Разумеется, разбор всех их в рамках рецензии невозможен, поэтому ограничимся лишь некоторыми.

В отношении генезиса бактрийско-кушанской наземной погребальной архитектуры автор больше склоняется к мнению Г. А. Пугаченковой, нежели П. Бернара. По мнению Б. А. Литвинского, айханумские сооружения не были «изобретены» греками Бактрии, а явились развитием каких-то местных (еще не обнаруженных) прототипов. Вместе с тем, отмечая слабые места в гипотезе П. Бернара о генезисе этих сооружений, он предполагает, что П. Бернар может оказаться прав, если удастся доказать, что «идея погруженности сооружения в грунт» была заимствована за пределами Бактрии. К сожалению, решить этот вопрос в пользу той или иной гипотезы еще невозможно, поскольку пока не найдены более ранние бактрийские прототипы этих мавзолеев. Лишь с обнаружением бактрийских погребальных сооружений ахеменидского времени возможно будет судить о том, когда появились в Бактрии наземные погребальные сооружения и обряд выставления трупов, поскольку предшествующие по времени памятники эпохи бронзы ничего общего с ними не имеют.

Важен вывод Б. А. Литвинского об органической связи бактрийско-кушанской и восточнопарфянской погребальной архитектуры. Автор объясняет это общими субстратными явлениями, «близостью (частично идентичностью) среднеазиатских истоков в обеих архитектурных традициях» (с. 106). Он приходит к выводу о том, что наличие различных планировочных решений позволяет говорить о нескольких истоках в бактрийско-кушанской погребальной архитектуре, как собственно бактрийских, так и среднеазиатских в целом (с. 106). Открытия новых типов наземных погребальных сооружений в Бандыхане и особенно в Кампыр-тепе не только подтверждают этот вывод, но и позволяют говорить о влиянии погребальной архитектуры Бактрии, в частности, на сложение согдийских наусов и даже видеть в бактрийских сооружениях истоки так называемых «длинных» мавзолеев Хорезма.

Рассмотрение другого типа погребальной архитектуры — склепов — на основе подробнейшего анализа месопотамской архитектуры привело Б. А. Литвинского к выводу о том, что идея помещения покойников в заглубленные в землю кирпичные склепы-саркофаги была заимствована бактрийскими греками в Месопотамии, привилась на бактрийской почве и получила местную трансформацию (с. 106). Эта гипотеза не лишена оснований, поскольку до сих пор не обнаружены более древние прототипы бактрийских погребальных сооружений подобного типа.

Значительное место в исследовании Б. А. Литвинского занимает важный и весьма сложный вопрос о соотношении терминов «наус» — *uzdāna* и о применении их к наземным бактрийским погребальным сооружениям. Поддержав гипотезу Э. В. Ртвеладзе и Ф. Грене о связи бактрийских склепов-костехранилищ с *uzdāna*, он дополнительно обосновал правильность приложения этого авестийского термина к тепаи-шахским, дальверзинским, бандыханским и другим костехранилищам Бактрии (с. 110). Кроме того, Б. А. Литвинский считает, что в Бактрии существовало два варианта захоронения костей: в специальном сооружении и без него (ссылался, вслед за Ф. Грене, на массовые захоронения костей в театре Ай-Ханум). В результате он пришел к выводу о том, что сочетание этих двух видов захоронений костей было характерной чертой бактрийского зороастризма. Однако, как полагает автор, бактрийский зороастрийский

погребальный обряд предполагал не только один способ захоронения. Ему присуще также массовое распространение других видов захоронений, к каковым Б. А. Литвинский относит погребение в грунтовых могилах разных типов и труположения в склепах (с. 111). Основания для этого он видит в данных «Видевдата» (в котором упоминаются три способа захоронения: положение трупов на землю, погребение трупов в земле и погребение в дахе — с. 109), подкрепляя их ссылками на изыскания современных исследователей. Гипотеза интересная, но мы не можем с ней согласиться, поскольку истоки погребального обряда в грунтовых ямах кушанского времени, на наш взгляд, уходят в субстратный незороастрийский погребальный обряд Бактрии эпохи бронзы⁷.

Основываясь на открытиях в Бактрии наусов-костехранилищ, Б. А. Литвинский считает, что известное сообщение Онесикрита (переданное Страбоном) о погребальных обычаях в Бактрии, вопреки скептическому мнению ряда исследователей, отражало действительное бытование здесь обряда выставления трупов. Наусы-костехранилища кушанского времени, как показывает их местоположение, в Тепаи-шах, Бандыхане, Дальверзин-тепе, Кампыр-тепе сконцентрированы за пределами основной территории города или поселения. Особенно показательны в этом отношении Кампыр-тепе, где к востоку и к западу от крепостной стены имеются две группы погребальных сооружений, причем скопления костей отмечены здесь и вне самих сооружений. Скопления костей вне специальных сооружений отмечены также на естественных холмиках в некрополе Ялантуш-тепе в Бандыхане. В последнее время находки отдельных человеческих костей отмечены внутри городищ ахеменидского времени в Северной Бактрии: Кызыл-тепе, Талашкан-тепе I, Широ́б. По-видимому, во времена Онесикрита (конец IV в. до н. э.) еще не было специальных костехранилищ типа кушанских наусов, и трупы выставлялись на естественных холмах как внутри, так и за пределами поселений. Быть может, по этой причине, несмотря на упорные поиски, при наличии большого числа поселений ахеменидо-бактрийского времени (VI—IV вв. до н. э.) в Бактрии до сих пор не обнаружено ни одного современного им погребального сооружения.

Нам хотелось бы отметить также принципиально важный вывод Б. А. Литвинского, который, отметив значение и роль буддизма в Бактрии, вместе с тем указал на то, что бактрийцы, «приняв некоторые принципы буддийской религии... могли продолжать в определенных и даже значительных сферах идеологии оставаться зороастрийцами и следовать — опять же в определенных отношениях — предписаниям зороастрийской религии» (с. 116). Это положение представляется нам весьма убедительным.

Проблеме кушанских городов Средней Азии и Индии Б. А. Литвинский уже посвятил ряд статей⁸, расширенный текст которых вошел в рецензируемую книгу. Подробно рассмотрев сведения индийских письменных и эпиграфических источников, Б. А. Литвинский наметил несколько основных параллелей между кушанским городом Средней Азии и Северной Индии. Они, по его мнению, выражаются в следующем: в общем подъеме урбанизации, увеличении количества городов и поселений; в сходстве отдельных элементов внешней и внутренней структуры индийских и среднеазиатских городов; в характере и конструктивных особенностях элементов городского благоустройства; в буддистских сооружениях; в определенном соответствии идеологических представлений и ритуальных действий, связанных с жилищем; в составе населения; в наличии индийской письменности (кхароштки и брахми) в городах Бактрии.

К решению многих из этих вопросов автор подошел достаточно осторожно, без конкретизации прямых индийских влияний на сложение определенных элементов городской культуры Средней Азии кушанского времени, указав на то, что данные параллели объясняются общим субстратом, одинаковыми внешними воздействиями, типологически сходной социально-экономической ситуацией и взаимовлияниями (с. 136—137). Вместе с тем он справедливо отметил, что индийско-среднеазиатские параллели — это лишь одна из особенностей истории древнего города Средней Азии. Другая его особенность состоит «в наличии сильных эллинистических и эллинистическо-римских традиций и элементов» (с. 137). Добавим еще, что в сложении среднеазиатского города

⁷ Ртвеладзе Э. В. Могильник кушанского времени у Ялантуш-тепе.— СА, 1983, № 2, с. 141 сл.

⁸ Литвинский Б. А. Кушанский город Средней Азии и Индии (Параллели).— НАА, 1979, № 3; он же. Кушанский город. Индийско-среднеазиатские параллели. Древний Восток и мировая культура. М., 1981, с. 121—125.

кушанского времени, в частности в Бактрии, наряду с этими двумя компонентами, большая роль, по всей вероятности, принадлежит автохтонной градостроительной культуре. Во всяком случае, в городах Бактрии уже преахеменидского и ахеменидо-бактрийского времени выявлены многие структурные элементы, получившие дальнейшее развитие в городах кушанской эпохи: трехчастное деление, регулярность внешнего абриса, сложная оборонительная система вокруг собственно города и цитадели (рвы, башни и стены с бойницами), монументальные постройки внутри и за пределами города, ремесленные кварталы, специальные некрополи.

В заключение нам бы хотелось отметить, как весьма ценное новшество прилагаемые к основному тексту несколько каталогов, включающих описания керамики и других находок из Тепаи-шах и Кызлар-калы. Они не занимают много места, но дают ясное и четкое представление о всех находках. Это начинание представляется весьма полезным — оно освобождает основной текст от излишне подробных описаний предметов, как то нередко бывает во многих археологических изданиях, в результате чего порой весьма сложно извлечь из них основные идеи и мысли авторов.

В целом рецензируемая книга является, бесспорно, важным и значительным вкладом в археологию и историю Бактрии кушанского времени. Среди высказанных нами замечаний есть дискуссионные, касающиеся вопросов, которые на современном этапе наших знаний вряд ли могут быть решены однозначно. В археологии и истории Бактрии кушанского времени по-прежнему остается много темных мест и нерешенных проблем, на изучение которых должны быть направлены общие усилия всех ученых, занимающихся этими проблемами, несмотря на различия во взглядах и методах исследования.

Э. В. Ртвеладзе

Kölner Papyri (P. Köln). Bd. 3. Bearb. von B. Kramer, M. Erler, D. Hagedorn, R. Hübner. [Opladen]: Westdeutscher Verlag, 1980, 218 S. + 35 Taf.; Bd. 4. Bearb. von B. Kramer, C. Römer, D. Hagedorn mit Beiträgen von U. Hagedorn, M. Erler, M. Gronewald, E. Livrea, M. Weber. [Opladen]: Westdeutscher Verlag, [1982], 242 S. + 27 Taf. (Papyrologica Coloniensia, VII, 3,4)

Данная рецензия является продолжением нашего разбора первых двух томов серии¹, где читатель найдет необходимые сведения о Кельнской коллекции папирусов и об издательском коллективе. Как и предыдущие, рецензируемые тома содержат публикацию литературных и документальных текстов, первые преобладают в четвертом томе, вторые — в третьем.

Литературные тексты изданы Б. Крамер (№ III, 125—134; IV, 176—178; 181—185), М. Эрлером (№ III, 135—136; IV, 180), К. Рэмер (№ IV, 167—168; 170—175), Д. Хагедорном и М. Вебером (№ IV, 169) и Э. Ливреа (№ IV, 179), документальные — в основном Д. Хагедорном (№ III, 138—140; 142—144; 148; 149; 157; 160; 162; IV, 188; 190—199, 201—202) и Р. Хюбнером (№ III, 137; 141; 145—147; 150—156; 158, 159; 161; 163—166), а также М. Гроневальдом (№ IV, 189); Б. Крамер (№ IV, 187), У. Хагедорн (№ IV, 189) и К. Рэмер (№ IV, 200). Все тексты, за исключением билингв (№ III, 160, 169), греческие. Как и в предыдущих томах, они публикуются с подробнейшими палеографическими, филологическими, историко-экономическими и юридическими введениями, с обстоятельными подстрочными комментариями, с переводом документов. В конце каждого тома помещены указатели, таблицы с фотографиями публикуемых текстов (в IV томе в табл. XVII приводится и фотография Р. Оху. XV, 1807). В III томе (с. 217—218) сообщаются исправления и дополнения ко II тому, а в IV томе (с. 241—242) дается переиздание сткк. 28—45 из № III, 157 (см. подробнее ниже).

Литературные тексты делятся на тексты, известные по данным литературной традиции, и тексты, засвидетельствованные только папирусами, среди которых ряд *adespota*.

¹ См. ВДИ, 1982, № 3, с. 175—182.

К известным, включая те, атрибуция которых установлена издателями, относятся: Аполлодор (№ III, 126), Арат (№ IV, 185)², Гомер (№ III, 134, 181, 182)³, Демосфев (№ III, 136; IV, 183, 184), Платон (№ III, 135) и Эсхил (№ III, 125)⁴. Как *adespota* опубликованы: № III, 127—133; IV, 176—180)⁵, особо выделена группа «христианских текстов» (№ IV, 167—175), среди которых № IV, 169 представляет собой греко-коптский текст из пророка Исаии.

Переходим к подробному рассмотрению документальных текстов, которые распределены нами по трем основным хронологическим периодам.

К *птолемеевскому периоду* относятся: III, 140 (Арх. ном, 244—242 или 219—217 гг.). Жалоба на потраву урожая, весьма распространенного вида проступка в Египте⁶, адресованная некоему Онесандру, эпистату Темистовой мериды Арсиноитского нома. Как это часто бывало, нарушитель, стремясь помешать задержанию скота, избил работника владельца земли — клеруха-семидесятиарурника. III, 144 (Арх. ном. 152 г. до н. э.). Трудовой договор⁷, оформленный в виде так называемого двойного документа (см. о нем: ВДИ, 1982, № 3, с. 178, прим. 21), предусматривавший, что иудей Симон, сын Федора, с соговарищами (также иудеями) выполняет определенные работы в винограднике, принадлежавшем представителю титулованной элиты. III, 145. (Окс. ном, I в. до н. э.). Договор о сдаче в аренду земли сроком на год двум жителям метрополии, обозначенным как *πέρσαι τῆς ἐπιτροπῆς*. Впервые упоминается *πυρός ἀρσινοϊτικός*, который, по мнению издателя, следует отождествить с *πυρός εὔριος*⁸. III, 186 (? II в. до н. э.). Письмо, относящееся к шестой Сирийской войне? В письме сообщается об успешной операции, завершившейся пленением 120 врагов, и предпринимается, возможно, попытка добиться отмены смертного приговора одному из воинов. III, 187 (Ираклеуполь, 146 г. до н. э.). Документ о покупке раба, третий по счету документ такого рода птолемеевского времени. Раба покупает 15-летний александриец, обозначенный, несмотря на возраст, *ἰκπαρχῆς ἐπ' ἀνδρῶν* (титулатура, по-видимому, почетная). Юридическим ассистентом выступает некий Архин, сын Архина (вероятно, дядя покупателя), из подразделения всадников «Дионисия и его сыновей». Продавец принадлежит к той же воинской части. Раб-сириец по имени Карп отмечен как доморожденный (*οἰκογενής*), что не совсем понятно (см. комм. к стк. 19). Цена не сохранилась. Документ содержит ряд особенностей формуляра, подробно рассмотренных во введении к тексту⁹.

К *римскому периоду* относятся: III, 137 (Окс. ном, 88 г.). Распоряжение о выдаче 25¼ арта посевного зерна ситологами деревни Талао четырем братьям (один из них нетрудоспособен) для засева 25¼ арур (обычная норма) царской и иной принадлежности земли. Посевное зерно должно быть возвращено при уплате налогов, поэтому должностным лицам вменяется в обязанность проследить за посевом. Впервые упоминаются

² Phain. 918—929 со схолиями (Р. Оху.' XV, 1807 + P. Colon. inv., 7612).

³ № IV, 180 содержит парафразу к «Илиаде» (II, 394—418 и 459—471).

⁴ О тексте см.: Snell B. Zu Pap. Colon. III 125.— ZPE, 1980, XL, S. 32; Lloyd-Jones H. Notes on P. Köln III, 125 (Aeschylus, Psychagogoi?).

⁵ № III, 131 был идентифицирован как отрывок из «Ореста» Еврипида, см.: Gronewald M. P. Köln III 131 Adespota: Euripides, Orestes 134—142.— ZPE, 1980, XXXIX, S. 35—36; O'Callaghan J. Dos nuevos papiros de Euripides (Orestes 134—142 y 290—300. 321—330).— St. P., 1981, XX, p. 15—19; Musso O. Euripide, Oreste v. v., 134—142 (= Pap. Köln III 131).— ZPE, 1982, XLVI, S. 43—46.

⁶ Список аналогичных документов: P. Köln, III, S. 71. Подробное рассмотрение вопроса: Taubenschlag R. Die actio de pastu, de pauperie und de arboribus caesis in Rechte der Papyri.— ArOr, 1952, XX, S. 65—68 = Taubenschlag R. Opera minor. II. Warszawa, 1959, p. 567—571; Melèze-Modrzejewski J. Papyrologie et histoire der droits de l'antiquité.— Ecole Pratique des Hautes Etudes. IVe section, Annuaire. P., 1974, p. 231—235; idem. Ulpian et la nature des animaux.— Problemi attuali di scienza e di cultura. Quaderno 221. Colloquio italo-francese «La filosofia e il diritto romano», I, Roma, 1976, p. 117—199.

⁷ См. также Hagedorn D. Ein dritter Zeuge für Melankomas, den Archisomatophylax und Strategen des Arsinoites.— ZPE, 1980, XXXVIII, S. 190.

⁸ О нем: Thompson H. A. Syrian Wheat in Hellenistic Egypt.— APF, 1930, IX, p. 207—213.

⁹ Списки документов о купле-продаже рабов приводятся издателем (с. 164, прим. 1); см. также Scholl R. Sklaverei in den Zenonpapyri. Eine Untersuchung zu den Sklaventermini, zum Sklavenerwerb und zur Sklavenflucht. Trier, 1983, S. 15—140 (Trierer historische Forschungen, 4).

χωρὸν πρᾶκτορες. III, 138 (Окс., 163—165 гг.). Расписка в получении налогов. Имеются в виду поголовный, свиной и впервые упоминаемый мерсидос ва(ύλου) λιθγγῶν. III, 141 (Окс. ном, 57—58 гг.). Предложение купить негодную землю (ὀπβλογος). Земля была расположена в семи местностях (эпикий Ἐρμοκράτους засвидетельствован впервые)¹⁰, покупатель получал трехлетнее освобождение от уплаты налогов с последующей уплатой одной артабы с аруры и наубия. Покупка земли ὀπβλογος была одним из средств роста частновладельческих земель. III, 143 (Окс. ном, 190 г.). Донесение о краже скота стратегу нома, поданное Диоскуридом, сыном Зоила, гимнасиархом г. Оксиринха, в связи с кражей ночью двух быков в имении императорского прокуратора Клавдия Севера, он же Диодор, чьими делами управлял Диоскурид. III, 146 (Арс. ном? 10 г. до н. э.). Расписка в получении τμήτῃ χλωρῶν. III, 147 (? , время Августа). Договор об аренде лодки; сохранилась только часть папируса, содержащая обязательства арендатора и подробнейшим образом разработанные штрафные клаузулы. III, 148 (Окс., II в.). Договорное обязательство не покидать Оксиринх. Совершенно необычный тип одностороннего обязательства в интересах ряда лиц, по всей вероятности родственников, с целью обезопасить их от посягательств властей в их попытке взыскать с родственников налоги беглых жителей. Блестящая иллюстрация бедствий населения в связи с налоговым гнетом и вызванным им бегством населения (ἔναχῳρησας). III, 149 (первая половина III в.). Договор об аренде земли. Землю сдают несовершеннолетние братья, представленные матерью, выступающей без юридического ассистента и в то же время без ссылки на ius trium liberorum¹¹. Мать — «Аврелия», дети — «Марки Аврелии». Следовательно, это более почетное обозначение¹² — они могли унаследовать только от отца, но странным образом его имя опущено. Ономастика в семье арендодателя греческая, имя отца арендатора (имя матери не сохранилось) — египетское, явление довольно распространенное и легко объяснимое. Натуральная арендная плата, как отмечено издателем, низкая. III, 150 (Окс. ном, 226 или 242 г.). Арендный договор: два брата сдают дом женщине, владеющей ius trium liberorum. Договор оформлен в виде частного протокола¹³, характерного для оксиринхской документации. III, 160 (? I—II вв.). Латинское письмо с частичным греческим переводом. III, 161 (? II в.). Письмо. III, 162 (? II в.). Письмо с просьбой снять копию заявления, поданного другим лицом стратегу Оксиринхского нома. III, 163 (III в.). Письмо хозяйственного содержания. III, 164 (? III—IV вв.). Письмо. IV, 188 (Окс. ном, I в. н. э.). Донесение стратегу о наличии мелкого рогатого скота. IV, 194 (? I в. н. э.). Перечисление земель. IV, 195 (Арс. ном? II—III вв.). Список поступлений от рыночных торговцев¹⁴. IV, 196 (? середина III в.). Список поступлений со сданных в аренду складов. IV, 198 (? III в.). Деловое письмо, касающееся продажи вина. IV, 201 (Сокнопеу Нес, II в.). Запрос богам по поводу вступления в брак, свидетельствует об идентификации богов Сокопная и Аммона. IV, 202 (Окс., II в.). Запрос богу Фонису по поводу деловых отношений.

К византийскому периоду относятся: № III, 139 (Окс. ном, 387 г.). Расписка, выданная диадотом Дионисием с. Фониса некоему Диоскору, сыну Евлогия, в получении 540 артаб пшеницы и 320 артаб ячменя в качестве анноны для воинов укрепленного пункта. Взнос большой, но неясно, был ли Диоскор сборщиком налогов или платил от имени группы односельчан. IV, 151 (Киноп. ном, 423 г.). Договор о предостав-

¹⁰ О населенных пунктах Оксиринхского нома см. *Pruneti P.* I centri abitati dell'Ossirinichite. Repertorio toponomastico. Firenze, 1981 (Pap. Flor. 9).

¹¹ Об этой привилегии см. *Taubenschlag R.* The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri 332 B. C.—640 A. D. ²Warszawa, 1955, p. 177 (и указанную там литературу); *Sijpesteijn P. J.* Die χωρίς κυρίου χρηματίζουσαι δικαίω τέκνων in den Papyri.—Aeg., 1965, XLV, S. 171—189 + *Sijpesteijn P. J.*, *Worp K. A.* Einige Papyri aus den Giessener Papyrussammlungen IV.—Aeg., 1976, LVI, p. 44—46; *P. Mich.* XV, p. 158—171.

¹² См. *Hagedorn D.* Marci Aurelii in Ägypten nach der Constitutio Antoniniana.—BASP, 1979, XVI, p. 47—59.

¹³ О нем см. *Wolff H.-J.* Das Recht der griechischen Papyri Ägyptens in der Zeit der Ptolemaer und des Prinzipats. II Organisation und Kontrolle des privaten Rechtssverkehrs. München, [1978], S. 122—127 (Handbuch der Altertumswissenschaft, X, 5,2) (там и литература).

¹⁴ См. также *Rea J.* P Lond. inv. 1562 verso. Market Taxes in Oxyrhynchus.—ZPE, 1982, XLVI, p. 191—209.

лении ссуды на условиях поставки текстильного сырья в счет половины выданной суммы. Житель деревни Терифис Кинопольского нома занял у монаха две номизмы с тем, что одну номизму отдаст в виде льна (στύππιον) во время сбора маслин в соответствии с рыночной ценой, вторую же — к новому году. В случае невыполнения обязательств ему следовало платить до полного погашения ссуды предусмотренные договором проценты. Документ подкрепляет кредитную интерпретацию так называемых договоров с предварительной оплатой поставки¹⁵ и пополняет папирусные данные о хозяйственной активности монахов. III, 152 (Арс. ном, 477 г.). Предварительная оплата фуража. Колон Арсиноитской церкви Ирины и Евлогии, возглавляемой епископом Элладием, получает 3 солида без 10¹/₂ кератия, которые обязан вернуть в виде фуража соответственно рыночной цене. Документ дополняет наши сведения о церковном имуществе¹⁶ и о взаимоотношениях церкви с зависимым населением¹⁷. III, 153 (Антиноя, V—VI вв.). Долговая расписка. Земледелец родом из деревни Ермупольского нома, но проживавший в Антиное, снял в аренду землю у монастыря. Предвидя, что не будет в состоянии внести в срок арендную плату, он оформил продление срока в виде долговой расписки. Монастырь «Северной скалы», ранее не засвидетельствованный папирусами, первоначально принадлежал двум частным лицам (апе Сабину и апе Афанасию). В момент заключения сделки руководство (δίκαιον) было юридически представлено пресвитером и настоятелем Коллуфом. III, 154 (Ерм. ном, VI в.). Ссудный договор: торговый работник из деревни Ермупольского нома берет краткосрочную ссуду в одну номизму. III, 155 (? VI в.). Апа Илья, иконом монастыря Апрея, продает одноименному пресвитеру церкви деревни Ориокелькаали дом с соответствующими принадлежностями. За продавца подписывается пресвитер другой деревенской церкви. Документ свидетельствует не только о наличии имущества у монаха, но и о его неграмотности, во всяком случае в том, что касается греческого языка; незнание греческого языка в монашеской среде не было редкостью, но в данном случае речь идет об иконе, т. е. о лице, ведавшем хозяйственными делами и выступавшем от имени монастыря при заключении письменных сделок. III, 156 (Антиноя? 582—602 гг.). Ссуда, гарантированная ипотекой. III, 157 (Аполлонополь, 589 г.)¹⁸. Редчайший и интереснейший во многих отношениях документ, первый текст манумиссии поздневизантийского времени. Документ назван ἐλευθερία (сткк. 22, 28, 31, 40, 42, 43—44, Ve), раб обозначен как οἰκέτης (стк. 6), хотя, когда речь шла о статусе, чаще всего использовалось обозначение δοῦλος¹⁹. Необычны и участники документа, и оформление. В роли манумиссора выступает монах монастыря апы Макровия, фигура отнюдь не подходящая для господина раба. О рабе вместо указания имени матери и господина сообщаются все данные, которые обычно приводятся в отношении свободных: имя отца, матери, οἶγο. Такие подробности, невероятно редкие в папирусах, можно объяснить только тем, что речь идет о порабощенном свободном²⁰. Документ трудно отнести к определенному типу манумиссии. Манумиссор не только объявляет об освобождении икета из уз рабства, но и гарантирует от своего имени и имени наследников неизбежность манумиссии, обязуясь

¹⁵ См. *Bagnall R. S. Price in «Sales on Delivery»*. — GRBS, 1977, XVIII, p. 85—96. В отписке, который автор получил, когда рецензия уже была готова, Х.-А. Руппрехт выдвигает предположение, что речь идет о договоре «смешанного типа», см. *Rupprecht H.-A. Vertragliche Mischtypen in den Papyri*. — «Μνήμη» G. A. Petropoulos, Athènes, 1984, II, S. 273—280.

¹⁶ О церковном имуществе см.: *Левченко М. В. Церковные имущества V—VII вв. Восточно-римской империи*. — ВВ, 1949, II (XXVII), с. 11—59, и особенно: *Wipszycka E. Les ressources et les activités économiques des églises en Egypte du IVe au VIIIe siècle*. Bruxelles, 1972 (Pap. Brux. 10) и нашу рецензию: Bsl, 1976, XXXVII, с. 65—69.

¹⁷ См. *Физман И. Ф. Приписные колонны (адскрипции — энапографы) по данным папирусов*. — В сб.: Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М., 1984, с. 170, 201—202, 207, где использован и данный текст.

¹⁸ Текст неполный, восстановлен по мере возможности из фрагментов. Как уже отмечено, в Р. Köln, IV, S. 241—242 дается переиздание сткк. 28—44 на основании четырех вновь приобретенных отрывков.

¹⁹ О рабской терминологии в византийском Египте см. *Физман И. Ф. Оксиринх — город папирусов*. М., 1976, с. 190—194.

²⁰ О порабощении свободных см. *Физман И. Ф. Экономические аспекты индивидуальной зависимости в римском и поздне-римском Египте*. — ВДИ, 1981, № 1, с. 77—90, где приводится и литература вопроса; о рабах с указанием имени отца и матери см. там же, с. 84.

в случае нарушения уплатить в качестве штрафа неизвестное число унций золота. Другими словами, манумиссия оформлена не как акт односторонней милости, а как договорное обязательство, хотя ничего не говорится о выкупной плате, а в качестве обоснования манумиссии приводится страх перед страшным судом. *III, 158* (Ираклеуполь, 599 г.). Ссудный договор. Два брата занимают под взаимную ответственность две номизмы, из которых одну надо вернуть через 10, другую — через 11 месяцев. Ссудополучатели обозначают себя в качестве съемщиков пекарни, именуемой «Сенпий», по-видимому, речь идет о государственной или муниципальной пекарне²¹, так как частная пекарня обозначалась бы именем собственника. *III, 159* (Окс. ном, V—VI вв.). Список задолженностей. *III, 165* (? , VI—VII вв.). Письмо по поводу возвращения ссуды. *III, 166* (? , VI—VII вв.). Деловое письмо по поводу покупки и оплаты ювелирного изделия. *IV, 189* (Окс. ном, IV—V вв.). Распоряжение о приводе (текст сохранился частично). *IV, 190* (? , IV в.). Расписки в получении стихариев в счет ἀναβολικόν. Поставляет их корпорация торговцев шерстью (ἐλεγοτολῶν = ἐρεοπωλῶν) через некоего Апиона, главу корпорации или, как полагает издатель, секретаря корпорации²². *IV, 191*, (? , V—VI вв.). набросок прошения женщины, адресованного, вероятно, духовному лицу, с просьбой помочь преодолеть препятствия, чинимые другой женщине в отношении продажи какого-то предмета. *IV, 192* (Арс. ном? V—VI вв.). Документ о предвзятельно оплаченной поставке вина. В тексте используются некоторые до сих пор не известные формулировки при обозначении количества вина (о типе документа см. выше: *III, 151, 152*). *IV, 193* (Арс. ? V—VI вв.). Отрывки из договора о продаже недвижимости. *IV, 197* (Верхнекиноп. ном, V—VI вв.). Список расходов на ремонт общественной бани. *IV, 199* (Окс. ном? ок. 311 г.?). Письмо стратега сыну с приказом загрузить зерном суда и отправить их до приезда католикоса. Еще одно свидетельство того огромного значения, которое придавалось оперативной отправке зерна в Александрию и далее. *IV, 200* (? V—VI вв.). Письмо, по-видимому, Феона (см. Р. Оху, XVIII, 2193 и 2194) к некоему Аффу, избилующее цитатами из Ветхого завета и содержащее отдельные латинские слова и обороты.

Очередные тома кельнского издания существенно дополняют наши сведения о социально-экономической истории эллинистического, римского и византийского Египта и содержат некоторые тексты уникального характера. Будем ждать дальнейшей публикации текстов этого собрания.

И. Ф. Физман

²¹ Об общественных пекарнях в византийском Египте см. Физман. Оксирих..., с. 104—103.

²² О профессиональных корпорациях византийского Египта см. Физман И. Ф. Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV — середине VII в. М., 1965, с. 124—205; он же Оксирих..., с. 158—179.

P. ZAZOFF. *Die antiken Gemmen. Handbuch der Archäologie*. München: C. H. Beck, 1983, 446 S., 132 Taf., 82 Abb. im Text

Работа профессора Гамбургского университета Петера Цацова «Античные геммы» продолжает публикацию новой серии «Руководства по археологии», издаваемой У. Хаусманном. В этой серии каждый том предполагается посвятить какому-то археологическому региону или одному виду древнего искусства: стеклотелию, торевтике, декоративной живописи, мозаике, резьбе по кости и т. д.¹ Труды П. Цацова о древней глиптике предшествовала более чем 10-летняя подготовительная работа автора: ее плодом стали четыре тома серии «Античные геммы в немецких собраниях»² и созданная в сотрудничестве с Хильдой Цацовой монография о собирателях и исследователях древ-

¹ Уже увидели свет: *Allgemeine Grundlagen der Archäologie* (1969); *Hrouda B. Vorderasien*. I (1971); *Koch G., Sichtermann H. Römische Sarkophage* (1982).

² Издание «Antike Gemmen in deutschen Sammlungen» (AGD) в четырех томах, инициатором которого был П. Цацов, завершено в 1968—1975 гг., посвящено собраниям в Берлине, Мюнхене, Касселе, Брауншвейге, Ганновере, Гамбурге.

них гемм³. Последняя монография, опубликованная в том же издательстве, что и рецензируемый том «Руководства по археологии», может рассматриваться, по мнению У. Хаусманна, «если не как часть „Руководства“, то все-таки — как его дополнение» (с. XIV).

В 16 главах «Античных гемм» П. Цацов обрисовывает историю исследования и сегодняшнее состояние знаний о крупнейших эпохах развития глиптики. Главы его труда либо посвящаются одному временному отрезку — минойской и микенской эпохе, времени греческой «геометрики», архаики, классики, эллинизма, республиканскому и императорскому периодам Рима, либо отнесены к одному локальному явлению — кипрской глиптике, «островным» геммам, финикийским, греко-персидским, этрусским, сасанидским. Отдельные главы отведены магическим амулетам («гностическим» геммам), христианским геммам и глиптике нового времени.

Стремление унифицировать исследуемый материал заставило автора опустить в своем труде вопросы, касающиеся резных металлических перстней и рельефных гемм — камней. Если перстни, смыкаясь с изделиями торевтики в технологичной, все же соответствуют каменным печатям и амулетам в образной системе и в функции, то камни вообще не могут быть отделены от инталий без ущерба для полноты картины эллинистической и римской глиптики, хотя их функции нередко были отличны от функций инталий. Из-за подобного «отсечения» важной разновидности изделий резчиков гемм труд П. Цацова, выигрывая в стройности, на наш взгляд, теряет в полноте охвата явлений искусства, которому он посвящен. Подписные работы, вышедшие из мастерской Диоскурида, показывают, что «художники инталий», как называет резчиков исследователь, были зачастую и резчиками камней.

Каждой из 16 глав автор предпосылает подробный список литературы и раздел «К истории исследования»; в каждой главе имеются разделы, посвященные местам находок, породам минералов и формам гемм, характерным для определенного круга и отрезка времени. Отдельные разделы посвящаются тематике изображений и их стилю. Ценнейшие сведения найдут археологи в разделах, где рассматриваются локализация мастерских, места находок и датировки гемм. Постраничные примечания содержат богатейший сравнительный материал, дополняющий те иллюстрации, что приведены на таблоидах и на рисунках в тексте. Отметим, что в томе «Руководства» около 1500 иллюстраций! В их списке даны отсылки на текст и примечания, что очень облегчает работу с объемистым томом. Ввиду возможного перенздания тома позволим себе сделать некоторые предложения.

Дискуссионны, на наш взгляд, разделы работы П. Цацова, где автор обращается к атрибуции резных камней Дексамену и его мастерской, и разделы, в которых он относит эрмитажную камею Гонзага и Венскую парную ей гемму к раннеимператорской эпохе (с. 130, 194). Естественно, что некоторое число публикаций на русском языке осталось вне поля зрения Цацова (с. 19)⁴. В одном же случае, напротив, упомянув работу о коллекции Рубенса на русском языке (с. 388), он не учел статью на ту же тему, опубликованную в английском журнале⁵. Имеются досадные неточности в подписях к рисункам, искажения имен собственных и ошибки в наименованиях пород минералов⁶. Порою читатель может ошибочно подумать, что его отсылают к сегодняшней,

³ *Zazoff P. und H. Gemmensammler und Gemmenforscher. Von einer noblen Passion zur Wissenschaft. München, 1983.*

⁴ Здесь не упомянуты реконструкции частей собрания С. Понятовского, опубликованные автором рецензии: *Несеров О. Художественные коллекции двух Понятовских. — Музей, 1981, 2, с. 171 сл.; он же. Собрание гемм. — Декоративное искусство СССР, 1978, № 8, с. 47 сл.*

⁵ *Neverov O. Gems in the Collection of Rubens. — The Burlington Magazine, July 1979, № 916, p. 424 ff. Ср. Несеров О. Геммы из собрания П. Рубенса. — Декоративное искусство СССР, 1977, № 10, с. 47 сл.*

⁶ Например, на рис. 70 изображения характеризуются как «формы перстней императорского времени», однако 5 из 11 приведенных оправ — медальоны, крепившиеся на цепочке! На с. 196, прим. 16 читаем: «Александр» вместо «Александрия», на с. 198, прим. 27 неузнаваемо искажено имя М.-Л. Фолленвайдер. Обесцвеченные минералы эрмитажных гемм названы то «голубым халцедоном» (с. 170, рис. 48, ср. прим. 40), то «обгорелым скарабеем из сердолика» (с. 139, прим. 56). Сердоликовая гемма с портретом Митридата VI названа «сардониксом» (с. 212, прим. 109).

а не к бывшей коллекции, как в случае с собранием Мальборо, распроданным в 1899 г. (с. 321, прим. 101).

В одном случае П. Цацов повторяет ошибку, нередкую у западных исследователей, почему-то считающих, что все предметы, опубликованные в «Отчетах Императорской Археологической Комиссии», происходят обязательно из Северного Причерноморья. Так, позднеантичная гемма, поступившая в Эрмитаж в 1813 г. из коллекции Ж.-Б. Маллиа (Вена), неверно числится в «Руководстве» как «происходящая из находки близ Черчи» (с. 323). Эллинистическая гемма из Анапы (Северный Кавказ) относится также к числу «керченских» находок (с. 201). В одном случае эрмитажный памятник приведен как «вставка для перстня», в то время как это перстень из сердолика, в другом — в качестве «классической геммы» изображен псевдоскарабей из золота (с. 161, рис. 47h). Ахеменидский цилиндр, хранящийся в Эрмитаже и неоднократно опубликованный в немецких и русских изданиях, объявляется «утраченным» (с. 169, рис. 48a) ⁷.

Незначительные промахи, которые приведены здесь, не могут никак умалить значения капитального труда П. Цацова. Его работа «Античные геммы» — долгожданное и неопенимое пособие для каждого, кто занимается вопросами искусства глиптики в классическом мире. Богатейший аппарат постраничных примечаний, порою заключающий точные статистические подсчеты, исчерпывающие списки литературы, предваряющие главы, заменяют отныне для исследователя целую библиотеку специальных работ, иногда рассеянных в довольно редких изданиях. Хочется выразить восхищение эрудицией автора, кропотливым многолетним трудом, облегчающим изучение дисциплины, очень обогатившейся литературой за последние годы. Благодаря рецензируемому тому «Руководства по археологии» мы имеем теперь добротную путеводную нить для дальнейшего поступательного движения, и в этом заслуга виднейшего авторитета в области древней глиптики Петера Цацова.

О. Я. Неверов

⁷ Ср. *Brentjes B.* Studien zur Glyptik Altkausiens und des nördlichen Schwarzmeergebietes. — *Wiss. Zeitschrift Univ. Halle*, Bd. 1967, XVI, Ht.4/5, S. 252, Taf. B, 6; *Лукокин В. Г.* Искусство древнего Ирана, М., 1977, с. 86.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ
АНТИЧНОГО МИРА; ОПУБЛИКОВАННОЙ В СССР В 1983 г.*

I. РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА,
СБОРНИКИ СТАТЕЙ,
УЧЕБНИКИ. PERSONALIA.
РАЗНОЕ. РЕЦЕНЗИИ

1. Алексею Федоровичу Лосеву к 90-летию со дня рождения. Сб. ст. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1983, 170 с. Список печатных работ А. Ф. Лосева, лит-ра о нем. Сост. Тахо-Годи А. А.: с. 156—169.
2. Античный мир и археология. Межвузовский научный сб. Вып. 5. Проблемы истории древнего Рима и Северного Причерноморья. Саратов: Изд-во СГУ, 1983, 155 с.
3. Античный словарь. Пер. с немецк. Таалин: Валгус, 1983, 351 с., илл. [На эст. яз.]
4. Арципов Ю. С., Волкова А. Н. К вопросу о преемственности формаций в историческом процессе.— В кн.: Общественно-экономические формации: проблемы теории и методологии. М., 1983, с. 42—55.
5. Богомолов А. С., Ойзерман Т. И. Основы теории историко-философского процесса. М.: Наука, 1983, 286 с. От Аристотеля до Гегеля. Рец.: Киселев М. А.— ВФ, 1984, № 4, с. 155—158.
6. Борухович В. Г. История древнегреческой литературы. Учеб. пособие для гос. ун-тов.; Изд. 2-е, испр. и дополн. Саратов: Изд-во СГУ, 1983, 454 с., илл.
7. Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII века (Всеобщая история химии). М.: Наука, 1983, 399 с. Имеются главы о развитии химии в крито-микенскую и эллинистическую эпоху.
8. Гобозов И. А. Категория общественно-экономической формации и единство и многообразие всемирной истории.— В кн.: Общественно-экономические формации: проблемы теории и методологии. М., 1983, с. 8—13.
9. Годер Г. И. Методическое пособие по истории древнего мира. Пособие для учителей. Пер. с 3-го перераб. и дополн. изд. Рига: Звайгана, 1983, 338 с., илл. [На латыш. яз.]
10. Годер Г. И. Новые диафильмы.— ПИШ, 1983, № 2, с. 69—72. В том числе о диафильмах по древней истории.
11. Голубцова Е. С., Завенягин Ю. А. Еще раз о «новых методиках» и хронологии древнего мира.— ВИ, 1983, № 12, с. 68—83. [Рез. на англ. яз., с. 19].
12. Горовой В. В. Роль и значение социально-экономических условий в возникновении и развитии античного философского мировоззрения.— В кн.: Областная конференция молодых ученых и специалистов по общественным наукам (г. Караганда, 27—28 окт. 1983 г.). Караганда, 1983, с. 25—26.
13. Горобецкий А. А. Формирование представлений о критериальности разумных потребностей человека в античной философии. Киевский Гос. пед. ин-т. Киев, 1983, 27 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 16081 от 23.03.1984.
14. Гринцер П. А. Санскритская поэтика и античная риторика: теория «украшений».— В кн.: Восточная поэтика. М., 1983, с. 25—60.
15. Дanelia С. И. Очерки античной философии. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1983, 552 с. [На груз. яз.]
16. Ермолов И. Е. Аммиан Марцеллин в отечественной и зарубежной историографии. Ин-т истории СССР АН СССР. М., 1983, 56 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 14139 от 14.10.1983.
17. Житомирский С. В. Античные представления о размерах мира.— В кн.: Историко-астрономические исследования. М., 1983, вып. 16, с. 291—326.
18. Заиченко Г. А., Сьолмушкин А. В. К. Маркс о проблеме вивчення античної філософії.— Київ: Філософська думка, 1983, № 5, с. 35—46. [Рез. на русск. яз.]
К. Маркс о генетических истоках древнегреческой философии.
19. Из истории античного общества. Межвузовский сб. Горьков. Гос. ун-т. Горький, 1983, 85 с.
20. Ильин И. А. История искусства и эстетики. Избранные статьи. М.: Искусство, 1983, 288 с. В том числе статьи по античной эстетике.
21. Іноземна філологія. Львів, 1983, вип. 70. Питання класичної філології, № 19, 128 с.
22. Исаева Н. Н. К проблеме типологии аттических терракот классического периода. М.: МГУ, 1983, 34 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 14502 от 24.11.1983.
23. Казанский Н. Н. Диалекты древнегреческого языка. Учебное пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983, 99 с., илл. Библиогр.: с. 97.

* Указатели литературы, опубликованной в 1962—1982 гг., см. ВДИ, 1967, № 1 и № 3; 1969—1973, № 4; 1974, № 1 и 4; 1975—1977, № 4; 1978, № 1 и № 4, 1979—1982, № 4 и 1984, № 1 и № 4. Работы, вышедшие до 1983 г., но не учтенные в предыдущих выпусках, см. под № 27, 28, 30, 34, 38, 44, 48, 82, 84, 96—99, 105, 133, 165, 209, 233, 246, 251, 255, 266, 285—288, 291, 295, 296, 304, 316, 342, 344, 411, 417, 446, 483, 498, 500, 515а, 529, 537, 550, 554.

24. *Кареев Л. И.* Античное искусство звучащего слова и проблемы композиции. — В кн.: Вопросы композиции в зарубежной литературе. М., 1983, с. 166—180.
25. *Кащеев В. И.* Борьба Рима за господство на Балканах в англо-американской историографии новейшего времени: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Казань, 1983, 23 с.
Конец III — первая половина II в. до н. э.
26. *Кибальник С. А.* Катулл в русской поэзии XVIII — первой трети XIX веков. — В кн.: Взаимосвязи русской и зарубежной литератур. Л., 1983, с. 45—72.
27. *Кириленко Е. И.* Некоторые вопросы теории исторического познания И. Г. Дройзена. — В кн.: Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1982, вып. 16, с. 79—92.
28. *Кириленко Е. И.* Теоретико-методологические основы исторических представлений И. Г. Дройзена: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Томск: ТГУ, 1982, 18 с.
29. *Ковач Я.* Космологическая идея единства человека и природы в античном мире. Ростов. гос. ун-т. Ростов н/Д, 1983, 30 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 13142 от 30.05.1983.
30. *Козаржевский А. Ч.* Учебник латинского языка. Изд. 2-е. М., 1981.
Рец.: *Гончарова Н. А.* — Вестн. Беларус. ун-та. Сер. 4: филология, журналистика, педагогика, психология. Минск, 1983, № 2, с. 78—79.
31. *Косарев А. И.* Этапы рецепции римского права. — Сов. государство и право, 1983, № 7, с. 123—128.
32. *Кузищин В. И. К.* Маркс об античном обществе. — Вестник МГУ, сер.: история, 1983, № 5, с. 34—45.
33. *Кузнецов В. И.* Конституирование философской рациональности: диверсификация и конфликт рациональностей в античной философии. — В кн.: Разум и культура. Труды Междунар. Франко-Советского коллоквиума. М., 1983, с. 8—15.
Линия Демокрита и линия Платона как два типа рациональности.
34. *Курная Т. В.* Проблема античного рабства в советской историографии: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Казань: КГУ, 1982, 22 с.
35. Латинский язык. Учебник для пед. ин-тов (Каган Ю. М., Кацман Н. Л., Лифшиц И. А. и др.). Изд. 3-е, перераб. М.: Просвещение, 1983, 319 с.
36. *Лисовой І. А.* Питання античної історії в історіографії Німецької Демократичної Республіки 70—80-х років. — Вісн. Львів. ун-ту. Сер. іст., 1983, вип. 19, с. 60—67. [Рез. на русск. яз.]
37. *Лосев А.* 12 тезисов об античной культуре. — Студенческий меридиан. М., 1983, № 9, с. 13—14; № 10, с. 14—16.
38. *Лосев А. Ф.* Социально-исторический принцип изучения античной философии. — В сб.: Проблемы методологии историко-философского исследования, вып. 1, М., 1974, с. 4—45.
39. *Мальчукова Т. Г.* «Одиссея» Гомера и проблемы ее изучения. Учебное пособие по спецкурсу. Петрозаводск. Гос. ун-т. Петрозаводск, 1983, 92 с.
40. *Массон В. М.* Ленинские идеи о неравномерности исторического процесса и проблемы истории древнего мира. — В кн.: Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983, с. 7—15.
41. *Можейко М. А.* К проблеме формирования категории античной натурфилософии. — Философия и научный коммунизм, Минск, 1983, вып. 10, с. 109—116.
42. *Неверов О. Я.* Геммы античного мира. М.: Наука, 1983, 143 с.
43. *Нерсисянц В. С.* Право и закон. Из истории правовых учений. Ин-т государства и права АН СССР. М.: Наука, 1983, 366 с.
В том числе в истории философии Греции и Рима.
44. *Николаев И. С.* О методе проектирования античных сооружений. — Исследования по истории архитектуры и градостроительства. Вып. 1. М., 1964.
45. *Олейник В. Я.* Проблема соотношения рационального и иррационального в античной философии: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филос. наук. Киевский Гос. ун-т, Киев, 1983, 24 с.
46. Политические деятели античности, средневековья и нового времени. Индивидуальные и социально-типические черты. Межвузовский сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983, 120 с.
47. *Попова В. Л.* Формирование марксистской концепции перехода от античности к средним векам в советской историографии (1917—1933 гг.). — В кн.: Вопросы всеобщей истории и историографии. Томск, 1983, с. 115—131.
48. Проблемы античной государственности. Межвузовский сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, 196 с.
49. Проблемы истории античности и средних веков. М.: Изд-во МГУ, 1983, 173 с.
50. *Прохоров Г. М.* Греческие эпиграммы в славянском переводе XIV в. и в русской рукописной традиции. — В кн.: Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История. Л., 1983, с. 88—96.
51. *Ротермель Л. Р.* Разработка проблем эллинизма в западногерманской буржуазной историографии (К постановке проблемы). Казанский Гос. ун-т. Казань, 1983, 30 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 141031 от 10.10.1983.
52. *Сергеев Н. А.* Проявление методологии Арнольда Тойнби в его античной проблематике. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 14303 от 17.11.1983.

53. *Смирнова В. В.* Герон Эллады. Из мифов древней Греции. Рассказала для детей Вера Смирнова. Рис. И. Архипова. М.: Дет. лит., 1983, 175 с., илл.
54. Сообщения Гос. Эрмитажа, № 48. Л.: Искусство, 1983, 77 с.
55. *Сулятин В. Н.* Античная риторика как средство формирования общественного мнения.— В кн.: Проблемы общественного развития и методология социального познания. Препринт докл. молодых ученых на теорет. семинаре при Отд. актуал. пробл. ист. материализма. М., 1983, с. 44—57.
56. *Танаков В. В.* Проблема строения материи в античной философии и современная физика: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филос. наук. Ин-т философии АН СССР. М., 1983, 23 с.
57. Текст: семантика и структура. Сб. ст. Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР. М.: Наука, 1983, 302 с.
58. *Тер-Акопян Н. Б.* Взгляды К. Маркса на историю первобытного общества и понятие общественно-экономической формации.— СЭ, 1983, № 4, с. 3—19. [Рез. на англ. яз., с. 173].
59. *Тихолаз А. Г.* Природа и культура (Из истории домарксистских исследований античности).— Проблемы философии. Киев, 1983, вып. 59, с. 21—37.
- Античность как культурный феномен.
60. Третьи Сергеевские чтения на кафедре истории древнего мира. МГУ, 28—29 янв. 1983 г. Вестник МГУ, сер.: история, 1983, № 6, с. 63—68.
61. *Тронский И. М.* История античной литературы. Учебник для студ. филол. спец. ун-тов. Изд. 4-е, испр. и дополн. М.: Высш. шк., 1983, 464 с., портр.
62. Троя и Фракия. Каталог выставки (ст. А. Коровиной и др.). М-во культуры СССР, Ком. по культуре НРБ, М-во культуры ГДР, ГМИИ им. А. С. Пушкина, Гос. Эрмитаж. М.: В/о «Госизопропаганда», 1983, 103 с., илл.
63. *Ужогов А. В.* Культурная миссия великих философов (В контексте античных первоисточников).— В кн.: Социологические проблемы познания и культуры. Новочеркасск, 1983, с. 66—85. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 16547 от 29.04.1984.
- В древнегреческой и римской философии и культуре.
64. Хрестоматия по истории древнего мира. Пособие для учителей. Пер. с русск. Сост.: Крушкол Ю. С., Мурыгина Н. Ф., Черкасова Е. Каунас: Швиеса, 1983, 238 с. [На литовск. яз.]
65. *Чаньшев А. Н.* Генезис философии и ее ранние формы: Дис. на соискание уч. ст. д-ра филос. наук в форме науч. докл. М.: Изд-во МГУ, 1983, 51 с.
66. *Черниловский З. М.* Всеобщая история государства и права (История государства и права зарубеж. стран). Учебник для студ. вузов, обучающихся по спец. «правоведение». Изд. 2-е, перераб. и дополн. М.: Высш. шк., 1983, 656 с.
67. *Чернова Н. Н.* Фюстель де Куланж как историк античности: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1983, 16 с.
68. *Чернова Н. Н.* Экономические проблемы античности в концепции Фюстель де Куланжа. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1982, 67 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 12257 от 09.02.1983.
69. *Шамина В. Б.* Трагедия античная и современная: Эсхил и О'Нил.— В кн.: Зарубежная драматургия. Метод и жанр. Свердловск, 1983, с. 87—100.
70. *Шахнович М. М.* Классики марксизма об эпикурейской традиции атеизма в Западной Европе.— В кн.: Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1982, с. 3—24. Начиная с римского эпикурейства и далее.
71. *Шевеленко А. Я.* Латинская рукописная книга.— ВИ, 1983, № 4, с. 97—113.
72. *Широков О. С.* История греческого языка. Учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1983, 147 с. илл.
73. *Широкова Н. С.* Культура древних кельтов. Учеб. пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983, 91 с.
- См. также № 307, 373.

PERSONALIA

В. Д. Блаватский

74. Памяти В. Д. Блаватского.— КСИА, 1983, № 174, с. 125—126. [Без подписи]

В. П. Бузескул

75. *Кадеев В. И.* В. П. Бузескул как историк.— Вестник ХГУ, 1983, № 238, история и культура досоциалистических формаций, с. 48—52.

А. И. Доватур

76. *Шишова И. А.* А. И. Доватур и источниковедение античности.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, т. XIV. Л.: Наука, 1983, с. 300—303.

О роли А. И. Доватура в развитии античного источниковедения и отечественной эпиграфики.

Л. В. Копейкина

77. *Грач Н.* Копейкина Л. В., в № 54, с. 73—74.

А. Ф. Лосев

78. *Джохазде Д. В.*— Алексей Федорович Лосев. Краткий очерк жизни и деятельности, в № 1, с. 4—26.

Д. И. Писарев

79. *Беленкова Л. П.* Д. И. Писарев как историк философской и общественной мысли. М.: МГУ, 1983, 126 с.

Д. И. Писарев о философии древней Греции и средних веков.

П. Ф. Силантьева

80. *Кунина Н.* Силантьева П. Ф., в № 54, с. 74.

К. Ф. Смирнов

81. *Скрипкин А. С.* К. Ф. Смирнов — исследователь савромато-сарматской культуры, в № 478, с. 5—18.

М. Я. Сюзюмов

82. Памяти Михаила Яковлевича Сюзюмова (1893—1982).— В кн.: Византия и ее провинции. Свердловск, 1982, с. 159.

И. Г. Шургая

83. Памяти Игоря Георгиевича Шургая.— СА, 1983, № 4, с. 281.

См. также № 67.

РАЗНОЕ

84. *Батороев К. Б., Карасев Б. А.* Апокрии Зенона и корпускулярно-волновой дуализм в физике.— В кн.: Методологические проблемы развития науки. Иркутск, 1982, с. 113—127.

85. *Беляев В. В.* Античные традиции в политической теории Данте, в № 2, с. 3—14.

86. *Борухович В. Г.* Пушкин и Гораций. К изучению стихотворения Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».— В кн.: История и художественный мир писателя. Элиста, 1983, с. 81—89.

87. *Бухтеева Г.* К проблеме синтагмы $V + N$ в латинском и старофранцузском языках.— В кн.: Семантико-синтаксическая характеристика языковых единиц разных уровней. Рига, 1983, с. 11—15. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 14677 от 13.12.1983.

88. *Бухтеева Г.* Черты несвободных словосочетаний, построенных по модели глагол + прямое дополнение в латинском языке.— В кн.: Национальное и интернациональное в развитии языков. Материалы науч.-теорет. конф., посвящ. 60-летию образования СССР. Иваново, 16—18 февр. 1982 г. Иваново, 1983, с. 155—197. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 13715 от 01.08.1983.

89. *Глonti М. М.* О планетарной неделе и ее латинской модели.— Изв. АН ГССР, сер.: история, археология, этнография и история искусства, 1983, № 2, с. 110—119.

90. *Гозуадае В. В.* Титанизм и неотитанизм, в № 1, с. 131—141. О книге А. Ф. Лосева «Проблема символа в реалистическом искусстве». М., 1976.

91. *Домбровскийкий Р. О.* Семантика суффикса — *inu* у поздней латини, в № 21, с. 26—31. [Рез. на немецк. яз.]

92. *Златковская Т. Д.* Исторические корни европейского календаря.— В кн.: Календарные обычаи и обряды

в странах зарубежной Европы. М., 1983, вып. 4, с. 24—39.

93. *Кочеткова В. К., Соколова Т. М.* К вопросу о выражении подлежащего в латинском языке. Горьков. Политехн. ин-т. Горький, 1983, 16 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 14104 от 13.10.1983.

94. *Кочеткова В. К., Соколова Т. М.* О частотном словаре латинской учебной лексики. Горьков. Политехн. ин-т. Горький, 1983, 16 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 14171 от 17.10.1983.

95. *Кудрявцев О. Ф.* Всесоюзная научная конференция «Античное наследие в культуре Возрождения».— В кн.: Средние века. М., 1983, вып. 46, с. 396—399.

Москва, 30 марта — 1 апреля 1981 г.

96. *Лосев А. Ф.* Диалектика Гегеля и античный неоплатонизм.— В сб.: Доклады X Международного гегелевского конгресса, вып. II, М., 1974, с. 30—40.

97. *Лосев А. Ф.* Завершающее античное определение красоты в контексте других философско-эстетических категорий.— В кн.: Творческий процесс и художественное восприятие. Л., 1978, с. 31—43.

98. *Лосев А. Ф.* Ирония античная и романтическая.— В сб.: Эстетика и искусство. Ин-т философии АН СССР. М., 1966, с. 54—84.

99. *Лосев А. Ф.* О специфике эстетического отношения античности к искусству.— В сб.: Эстетика и жизнь. М., 1974, № 3, с. 376—421; то же — Тбилиси: Сабчота хеловнеба, 1977, № 6, с. 59—67; № 7, с. 65—73. [На груз. яз.]

100. *Мушина Л. Т.* К вопросу о индоевропейских суффиксальных чередованиях (На материале латинского языка).— В кн.: Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1983, с. 136—152.

101. *Орленок В.* Геракловы Столбы Атлантиды (О местонахождении Атлантиды).— Мор. флот, 1983, № 7, с. 32—34.

102. *Панченко Д. В.* Пифагорейские источники «Города Солнца»: Кампанелла и Псевдо-Скелл.— В кн.: вспомогательные исторические дисциплины, т. 15. Л., 1983, с. 187—192.

103. *Пирцхалава Н. И.* Проблема рецепции античности в современной западноевропейской драматургии (По модели литературной адаптации В. Газенклевера, Б. Брехта и Ж. Ануя софокловской «Антигоны»): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Тбил. Гос. ун-т, Тбилиси, 1983, 19 с.

104. *Разумовский М. В.* Платон и французский роман XVIII века (К постановке вопроса).— Вестник ЛГУ, сер.: история, яз., лит., 1983, № 2, с. 44—55. [Рез. на англ. яз.]

105. *Сатторов А.* «Поэтика» Аристотеля на Востоке (К проблеме взаимосвязей

художественной мысли Востока и Запада).— В кн.: Трудности Ибн Сины: Литературное наследие, традиции и взаимосвязи. Душанбе, 1980, с. 132—142.

106. *Скорина Л. П.* Вергилий в украинской литературе. Киев: Радуга, 1983, № 8, с. 150—160.

107. *Цибенко О. П.* До питання про візантійські впливи у культур Київської Русі.— В сб.: Київська Русь: культура, традиції. Київ: Наукова думка, 1983, с. 46—51.
Разбор поэмы Нонна о Дионисии.

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ,
ВЫШЕДШИЕ ДО 1983 г.

108. *Богомолов А. С.* Диалектический логос: становление античной диалектики. М.: Мысль, 1982, 263 с.

Рец.: *Зиринович В. Т., Любушин К. Н.*— НДВШ, филос. науки. М., 1983, № 5, с. 176—178; *Джозададзе Д. В.*— ВФ, 1983, № 10, с. 164—166.

109. *Бычков В. В.* Эстетика поздней античности II—III века. М.: Наука, 1981, 325 с.

Рец.: *Удальцова З. В.*— ВВ, 1983, т. 44, с. 231—234.

110. *Галанина Л. К.* Курджипский курган. Л.: Искусство, 1980, 127 с.

Рец.: *Онайко Н. А.*— СА, 1984, № 1, с. 280—285.

111. *Забулис Г.* Республканские идеалы в золотой поэзии Рима. Вильнюс: Мокслас, 1982, 264 с.

Рец.: *Дилите Д.*— Новый взгляд на золотую поэзию Рима. Vilnius: Pergale, 1983, № 6, р. 171—172. [На литовск. яз.]

112. *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э., Киев, 1982.

Рец.: *Масленников А. А.*— ВДИ, 1983, № 4, с. 163—166.

113. *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков: Вища школа, 1981, 144 с., илл.

Рец.: *Мещеряков В. Ф.*— СА, 1984, № 3, с. 248—257; *Кузицкая В. И., Гвоздева И. А., Горбатовская М. И.*— ВДИ, 1983, № 3, с. 159—164. [Рец. на англ. яз.]

114. *Кессиди Ф. Х.* Гераклит. М.: Мысль, 1982, 199 с.

Рец.: *Доброхотов А. Л.*— ВФ, 1984, № 5, с. 165—166.

115. *Кессиди Ф. Х.* Сократ. М.: Прогресс, 1982, 308 с.

Рец.: *Челидзе М. И., Мачавариани М. И., Нилбадзе В. А.*— Ценное историко-философское исследование о Сократе.— Изв. АН ГССР, сер.: философия и психология, 1983, № 2, с. 117—120.

116. *Кораблев И. Ш.* Ганнибал. 2-е изд. М.: Наука, 1981, 359 с.

Рец.: *Кавтария Г. Е.*— ВИ, 1983, № 8, с. 123—124.

117. *Максимова М. И.* Артюховский курган. Л., 1979.

Рец.: *Горончаровский В. А.*— СА, 1983, № 4, с. 241—242.

118. *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М.: Наука, 1981, 126 с.

Рец.: *Русяева А. С., Зубарь В. М.*— СА, 1984, № 4, с. 266—269.

119. *Мифы народов мира.* Энциклопедия. В 2-х т. М.: Сов. энциклопедия, 1980—1982.

Рец.: *Евсюков В., Комиссаров С.* Связи времен.— Сибирские огни, 1984, № 5, с. 157—163.

120. *Мозолевский Б. М.* Товста Могила. Київ, 1979, 251 с.

Рец.: *Шрашко Б. А.*— СА, 1984, № 1, с. 272—280; *Черненко Е. В., Мурзин В. Ю.*— Археология, Київ, 1984, № 44, с. 105—106.

121. *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.: Наука, 1982, 232 с.

Рец.: *Ольдерогге Д. А., Поплинский Ю. К.* Проблема скифологии в перспективе истории и этнографии.— ВДИ, 1984, № 4, с. 149—159.

122. *Онайко Н. А.* Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М.: Наука, 1980, 180 с.

Рец.: *Воронов Ю. В.*— СА, 1984, № 2, с. 260—263.

123. *Османов Ф. Л.* Материальная культура Кавказской Албании. Баку, 1982, 158 с.

Рец.: *Алиев К.* Новая книга о древней Кавказской Албании.— Изв. АН АзССР, сер.: история, философия и право. Баку, 1983, № 2, с. 119—120.

124. *Очерки истории естественнонаучных знаний в древности.* М., 1982.

Рец.: *Кожин П. М.*— ВДИ, 1984, № 1, с. 175—178.

125. *Петерс Б. Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1982, 209 с.

Рец.: *Нейдинг М., Короткий Р.* Из глубины веков и вод.— В мире книг, 1983, № 8, с. 76.

126. *Снисаренко А. Б.* Курс — Море Мрака: четыре шага за пределы ойкумены. М.: Мысль, 1982, 159 с.

Рец.: *Кармин А.* Загадки античных трасс.— Знание — сила, 1983, № 4, с. 48; *Коган М. А.*— Изв. Всесоюзн. Геогр. о-ва, 1983, т. 115, вып. 3, с. 278—280.

127. *Тимофеева Н. К.* Религиозно-мифологическая картина мира этрусков. Новосибирск: Наука, 1980, 113 с.

Рец.: *Дараган Н. Я.*— В кн.: Религии мира: история и современность. Ежегодник, 1983. М., 1983, с. 226—228.

128. *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981.

Рец.: *Греков В.* О луке, правах и скифах.— Знание — сила, 1983, № 5, с. 25, 48.

См. также № 523.

II. ПРОИЗВЕДЕНИЯ АНТИЧНЫХ
АВТОРОВ. ТЕКСТЫ ИСТОЧНИКОВ

129. *Аристотель.* Метеорологика. Пер. с древнегреч. Л.: Гидрометеониздат, 1983, 240 с., илл.

130. *Аристофан*. Комедии. В 2-х т. Т. I. Ахарняне, Всадники, Облака, Осы, Тишина (Мир). М.: Искусство, 1983, 440 с. *Ярхо В.* Комментарий, с. 395—439.
131. *Геродот*. История. Пер. с древнегреч. Коммент. и послесл. А. Курисмаа. Таллин: Ээсти раамат, 1983, 206 с.
132. *Гомер*. Одиссея. Пер. В. А. Жуковского. Адаптация, послесл. и словарь Г. Б. Федорова. М.: Советская Россия, 1983, 320 с., илл.
133. *Горацій Флакк К.* Твори. Пер. с латинск., передмова і примітки А. Содомори. Киев, 1982.
Рец.: Загайска Г. Нова зустріч з античністю.— Всесвіт, Київ, 1983, № 12, с. 129—130.
134. *Лукреций Кар Т.* О природе вещей. Пер. с латинск. Ф. Петровского. Вступит. ст. Т. Васильевой. М.: Худ. лит., 1983, 383 с., илл.
Из содержания: Т. Васильева. Философия и поэзия перед загадкой природы, с. 5—24; Т. Васильева, С. Муравьев, М. Гаспаров. Комментарии, с. 325—381.
135. *Платон*. Критий. Пер. С. С. Аверинцева, в № 179, с. 153—168.
136. *Платон*. Тимей. Пер. С. С. Аверинцева, в № 179, с. 146—153.
137. *Плутарх*. Сочинения. Пер. с древнегреч. Сост. С. С. Аверинцев, вступит. ст. А. Лосева, коммент. А. Столярова. М.: Худ. лит., 1983, 703 с., илл.
Содержание: А. Лосев. Плутарх. Очерк жизни и творчества, с. 5—43; Сравнительные жизнеописания: Александр и Цезарь. Александр (пер. М. Ботвинника и И. Перельмутер); Цезарь (пер. Г. Стратановского и К. Лампсакова); Агесилай и Помпей: Агесилай (пер. К. Лампсакова); Помпей (пер. Г. Стратановского); Сопоставление (пер. Г. Стратановского); Демосфен и Цицерон: Демосфен (пер. Э. Юнца); Цицерон (пер. Е. Петуховой); Сопоставление (пер. Э. Юнца); Трактаты и диалоги. Наставление супругам (пер. Э. Юнца); Пир семи мудрецов (пер. М. Гаспарова); О суеверии (пер. Э. Юнца); О доблестях женщин (пер. С. Аверинцева); О судьбе и доблести Александра. Речь первая (пер. Я. Боровского); О судьбе и доблести Александра. Речь вторая (пер. Я. Боровского); О подавлении гнева (пер. Я. Боровского). О болтливости (пер. М. Томашевской); О любопытстве (пер. Н. Брагинской); О серебролюбии (пер. Я. Боровского); О демоне Сократа (пер. Я. Боровского); Слово утешения к жене (пер. Я. Боровского); Об эроте (пер. Я. Боровского); Наставления о государственных делах (пер. С. Аверинцева); Комментарии А. Столярова.
138. Сведения греческих писателей о Грузии. V. Пер. с древнегреч., предисл. и указ. Т. С. Каухчишвили. Тбилиси: Мецниереба, 1983, 255 с. [Часть текста парал. на груз. и древнегреч.]
Иосиф Флавий и Флавий Арриан.
139. *Сенека Луций Анней*. Трагедии. Изд. подг. С. А. Ошеров, Е. Г. Рабинович. М.: Наука, 1983, 430 с., илл. Содержание: Трагедии. Медея, Федра, Эдип, Финикиянки, Геркулес в безумье, Геркулес на Эте, Фиест, Троянка, Агамемнон, Октавия. Пер. С. А. Ошеров. Дополнения: М. В. Ломоносов. Медея, Геркулес Егейский; С. М. Соловьев. Медея, Федра, Эдип, Триест, Агамемнон, Октавия. Приложения: С. А. Ошеров. Сенека — драматург. Прим. сост. Е. Г. Рабинович. Основные даты жизни и творчества Сенеки.
140. *Ювенал Децим Юний*. Сатиры. Пер. с латинск. А. Бевдорюте. Вильнюс: Вага, 1983, 166 с. [На литовск. яз.] См. также № 231.

III. НУМИЗМАТИКА, ЭПИГРАФИКА, ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

141. *Авдеев А. Г., Петерс Б. Г.* Клейма на амфорах из поселения у с. Мысовое.— КСИА, 1983, № 174, с. 51—56.
142. *Булатович С. А.* К вопросу о золотых статерах лисимаховского типа, чеканенных в Тире, в № 352, с. 172—179.
143. *Голенцов А. С.* Граффити из Керкитиды.— КСИА, 1983, № 174, с. 56—62.
144. *Грандмезон Н. Н.* Неопубликованные монеты античного Херсонеса.— КСИА, 1983, № 174, с. 108—110.
145. *Деоник Д. В.* Вопросы количественного анализа эпиграфических памятников.— Вестник МГУ, сер.: востоковедение, 1983, № 4, с. 43—53.
146. *Дундуа Г. Ф., Лордкипанидзе Г. А.* Денежное обращение Центральной Колхиды в V—I вв. до н. э. (По материалам Ванского городища). Тбилиси: Мецниереба, 1983, 102 с., илл.
147. *Зеймаль Е. В.* Древние монеты Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1983, 349 с. Приложение: Клады древних монет, найденные на территории Таджикистана (указатель). Бактрийские, кушанские, селевкидские монеты.
148. *Зеймаль Е. В.* Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы, в № 581, с. 61—80.
149. *Исхаков М.* Оттиски печати с согдийской надписью.— ОНУ, 1983, № 11, с. 43—44.
V—VI вв. Из раскопок античного городища Еркурган.
150. *Карышковский П. Q.* Ольвийские монеты, найденные на острове Левке, в № 352, с. 158—172.
151. *Костромичева Т. И., Алексеенко Н. А.* Клад херсонесских монет IV—II вв. до н. э.— КСИА, 1983, № 174, с. 40—43.
152. *Кругликова И. Т.* Обол кушанца «Герая» из Дильберджина.— КСИА, 1983, № 176, с. 40—43.

153. *Латышева В. А.* Граффити поселения Маслины.— Вестник ХГУ, 1983, № 238, история и культура досоциалистических формаций, с. 101—110.
154. *Мушегян Х. А.* Денежное обращение Армении (V вв. до н. э. — XIV в. н. э.). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983, 353 с., илл. [Рез. на русск. и англ. яз.]
155. *Немировский А. И.* Новая этрусская надпись из Рима, в № 57, с. 46—51.
156. *Новиков Е. Б.* О реконструкции античных эпиграфических памятников (Формуляр ольвийских почетных публикаций V — первой половины IV вв. до н. э.).— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, т. XIV. Л.: Наука, 1983, с. 263—271.
157. *Нудельман А. А.* Находки римских монет в Днестровско-Карпатском регионе и некоторые локальные особенности их распространения.— В кн.: Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван. Кишинев, 1983, с. 49—58.
158. *Нудельман А. А.* Проникновение греческих монет и начало зарождения монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе.— В кн.: Первобытные древности Молдавии. Кишинев, 1983, с. 152—172.
159. *Пичикян И. Р.* Александр-Геракл (Греко-бактрийский портрет великого полководца).— СА, 1983, № 1, с. 80—90. [Рез. на англ. яз.]
Из раскопок 1974 г. храма Окса в античной крепости Тахти-Сангин.
160. *Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В.* Об обращении греко-бактрийских монет в Северной Бактрии.— ОНУ, 1983, № 5, с. 31—37.
По поводу ст. Е. В. Зеймаля и Г. Вафаева «Тетрадрахмы Деметрия», напечатанной в ОНУ, 1982, № 5, с. 38—43.
161. *Розов В. Н.* Боспорские монеты VI—V вв. до н. э. из случайных находок на Таманском полуострове (1975—1980 гг.).— СА, 1983, № 2, с. 109—116.
162. *Сапрыкин С. Ю.* Граффити и метки на сосудах из херсонесских усадеб.— КСИА, 1983, № 174, с. 63—66.
163. *Соломоник Э. И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. Тексты, пер., коммент. М.: Наука, 1983, 94 с., илл. [Рез. на англ. яз.]
164. *Фролова Н. А.* Монеты Савромата IV (275 г. н. э.).— КСИА, 1983, № 174, с. 26—32.
165. *Шамба С. М.* Монетные находки из Цебельды.— В кн.: Археологические открытия 1980 года в Абхазии. Тбилиси, 1982, с. 18—19, табл. См. также № 368, 415, 431, 436, 512, 572.
166. *Андреев Ю. В.* К проблеме «Ликургова законодательства» (О так называемом перевороте VI в. в Спарте), в № 48, с. 33—59.
167. *Андрейчук Г.* Дієслово єυω з дієприкметником, в № 21, с. 3—7. [Рез. на немецк. яз.]
168. *Антипенко Э. Г.* Диалектика истины и красоты в философском наследии Платона и Аристотеля (Проблема двойственного отражения мира): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филос. наук. Ин-т философии АН СССР. М., 1983, 21 с.
169. Античная Греция. Проблемы развития полиса. В 2-х т. Ответ. ред. Е. С. Голубцова. Ин-т всеобщей истории АН СССР. Т. I. Становление и развитие полиса (Коселенко Г. А., Полякова Г. Ф., Яйленко В. П., Андреев Ю. В., Кондратюк М. В., Виноградов Ю. Г.). Т. II. Кризис полиса (Глускина Л. М., Исаева В. И., Фролов Э. Д., Маринович Л. П., Спидорова Н. А. М.: Наука, 1983, 383 с., илл.
170. Архитектура античной Греции.— В кн.: *Бертенев И. А., Батажкова В. Н.* Очерки истории архитектурных стилей. М.: Изобразительное искусство, 1983, с. 25—40.
171. *Блозина И. Р.* Возрождение республики в Сиракузах в середине IV в. до н. э. (Реформы Тимолеонта), в № 48, с. 109—128.
172. *Блозина И. Р.* К вопросу о симмахии Тимолеонта в Сицилии, в № 19, с. 21—26.
173. *Бодров Е. Н.* Гипотеза как форма развития древнегреческой натурфилософии.— Вестн. Беларус. ун-та, сер. история, философия, науки, коммунизм, экономика, права. Минск, 1983, № 3, с. 16—19.
174. *Бородай Т. Я.* Историко-стилистическая специфика основной терминологии диалога Платона «Тимей»: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. МГУ. М., 1983, 25 с.
175. *Борузович В. Г.* Ахейская колонизация Кипра, в № 48, с. 4—20.
176. *Брагинская Н. В.* Эпитафия как письменный фольклор, в № 57, с. 119—139.
Греческая и латинская эпитафии.
177. *Виц Б. Б.* Демокрит. Пер. с русск. Вильнюс: Минтис, 1983, 172 с. [На литов. яз.]
178. *Гавашели М. И.* Проблема взаимоотношения общего и единичного у Платона по диалогу «Федон».— В кн.: Актуальные проблемы философии. Тбилиси, 1983, с. 124—139. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
179. *Галанопулос А. Г., Бэкон Э.* Атлантида. За легендой истина. Пер. с англ. Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1983, 180 с.— В приложении: Тимей, Критий, Платон. Пер. С. С. Аверинцева, послесл. Г. А. Коселенко.
Рец.: Левин В. Найдена ли Атлантида? — Новый мир, 1984, № 3, с. 258—260.
180. *Гатри У.* Греческие философы: От

IV. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ *

166. *Андреев Ю. В.* К проблеме «Ликургова законодательства» (О так называемом перевороте VI в. в Спарте), в № 48, с. 33—59.

* Учебники и учебные пособия см. в общем разделе.

- Фалеса до Аристотеля. Пер. с англ. Г. Нодиа. Предисл. Г. Тевзаде. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1983, 176 с. [На груз. яз.]
181. *Гиндин Л. А.* Гомеровское $\chi\tau\epsilon\iota\omicron\upsilon\varsigma$ в конкретно-исторической интерпретации.— В кн.: Славянское и балканское языкознание. М., 1983, с. 32—36.
182. *Горбунова К.* Аттический алабастр Б. 29.75. Собрание Эрмитажа, в № 54, с. 28—29. [Рез. на англ. яз., с. 46]
183. *Горбунова К. С.* Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Каталог. Л.: Искусство, 1983, 223 с.
184. *Гордезиани Р. В.* Проблемы композиционной организации в раннегреческом эпосе, в № 1, с. 74—89.
185. *Гуторов В. А.* Политическая теория и политическая практика эпохи кризиса греческого полиса (О платоновском государственном деятеле), в № 46, с. 28—37.
186. *Доманский Я. В.* Некоторые закономерности колонизационного движения греков (Эллада — Северный Поляр), в № 48, с. 20—30.
187. *Дубинин И. И.* Проблема природы убеждения в древнегреческой философии.— Философия и научный коммунизм, Минск, 1983, вып. 10, с. 116—125.
188. *Думчюс Й.* Различия между диалогами Софокла и Эврипида.— Литература, Вильнюс, 1983, № 25 (3), с. 3—9. [На литов. яз. Рез. на русск. и немецк. яз.]
189. *Еремича В. М.* К вопросу о целостности знания в философской системе Аристотеля — НДВШ, филос. науки, 1983, № 2, с. 150—152.
Проблемы единого начала онтологии и гносеологии Аристотеля.
190. *Жог В. И., Коломиец А. Е.* Научный закон и идеи Платона.— В кн.: Диалектический материализм и философские вопросы естествознания. М., 1983, с. 47—60.
191. *Зайцев А. И.* Перикл и его преемники (К вопросу о приемах политического руководства в древности), в № 46, с. 23—28.
192. *Иванов В. В.* К проблеме соотношения древнегреческой и хеттской традиции.— В кн.: Славянское и балканское языкознание. М., 1983, с. 53—61.
Влияние хеттской традиции на раннюю греческую.
193. *Исаева Н. Н.* К проблеме типологии аттических терракот классического периода. М.: Изд-во МГУ, 1983, 34 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 14502 от 24.11.1983.
194. *Исаева Н. Н.* Некоторые особенности объемно-пространственного построения в греческой коропластике классического периода, в № 49, с. 116—127.
195. *Карпюк С. Г.* Социально-политическая борьба в Аттике в конце VI в. до н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. МГУ, М., 1983, 22 с.
196. *Касаткина Н. А.* Афинские военно-земледельческие поселения VI—V вв. до н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Л., 1983, 16 с.
197. *Касаткина Н. А.* Афинские колонии на Эвбее.— Вестник ЛГУ, 1983, № 8, сер.: история, яз., лит., с. 99—102. [Рез. на англ. яз.]
V в. до н. э.
198. *Кислова М. М.* Композиция «Пира» Ксенофонта.— В кн.: Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск, 1983, с. 131—135.
199. *Кобзарь В. И., Сергеев К. А.* Особенности формирования философского языка досократиков.— Вестник ЛГУ, 1983, № 5, сер.: экономика, философия, право, с. 36—41. [Рез. на англ. яз.]
200. *Козлов А. М., Косарев И. И.* Гиппократ и морально-эпические проблемы медицины. М., 1983, 84 с., илл.
201. *Козлов А. М., Козлов И. А.* Философские взгляды Гиппократа.— Клинич. медицина, 1983, т. 61, № 5, с. 111—115.
202. *Колеватов В. А.* Речь, изображение, логика (Соотношение вербально-дискурсивных и модельно-изобразительных компонентов в генезисе логического учения Аристотеля).— НДВШ, филос. науки. М., 1983, № 4, с. 78—85.
203. *Кони М.* Эпикур и квантовый анализ реальности.— В кн.: Разум и культура. Труды Междунар. Франко-Советского коллоквиума. М., 1983, с. 42—55.
Полемика с М. Серром по вопросу о наличии в физике Эпикура — Лукреция следов идеи бесконечно малого.
204. *Кошелев Г. А.* Еще одна Атлантида, в № 179, с. 169—178.
205. *Краузе А. А.* Аристотель о специфике философского знания.— В кн.: Материалистическая диалектика как мировоззренческая основа исследования научного познания общества и человека. Л., 1983, ч. I, с. 233—239. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 15409 от 24.01.1984.
206. *Кудулите А.* История текста Алкмана в античные времена.— Литература, Вильнюс, 1983, № 25 (3), с. 10—17.
207. *Кухтина Е. В.* Типологический метод дешифровки древнего письма (На материале числовых характеристик «Книги Перемен» и знаков диска из Феста).— В кн.: Древний и средневековый Восток: история, филология. М., 1983, с. 47—58.
208. *Лебедев А. В.* Демпург у Фалеса? (К реконструкции космогонии Фалеса Милетского), в № 57, с. 51—66. Корректурные дополнения к ст. с. 300.
209. *Лосев А. Ф.* Скептические элементы в философии Платона и Аристотеля.— В кн.: Византиноведческие этюды. Тбилиси, 1978, с. 31—36.
210. *Луканин Р. А.* Аналитический метод Платона и математика.— НДВШ, филос. науки, 1983, № 3, с. 85—93.
211. *Малинауспене Н.* К семантике гомеровского прилагательного $\pi\acute{\alpha}\lambda\epsilon\omicron\varsigma$.— В кн.: Сравнительно-исторические и сопоставительно-типологические исследования. М., 1983, с. 100—107.

212. *Менская Т. Б.* Гомеровское название копья *δῆρος*, *ἔγχος* (*ἐγγείη*) в контексте мифа об Аяксе, в № 57, с. 89—95.
213. *Мушнина Л. Н.* Лирический герой поэзии Гипноагата.— *Вестн. Беларус. ун-та*, сер. 4. Филология, журналистика, педагогика, психология, Минск, 1983, № 2, с. 13—17.
214. *Найденко П. П.* Категория «места» в физике Аристотеля.— *Природа*, 1983, № 2, с. 78—85.
215. *Николаев С. Л.* К исторической морфологии древнегреческого глагола.— В кн.: *Балто-славянские исследования*. 1982, М., 1983, с. 68—103.
216. *Оргиш В. П.* Древнегреческая философия и христианство: критика богословских воззрений.— *Научн. атеизм* и атеистическое воспитание. Минск, 1983, вып. 1, с. 98—109.
Древнегреческая философия и религиозная философия средневекового христианства.
217. *Павленко Л. В., Ушакова Е. Г.* Геракл в древнегреческой драме (К проблеме генезиса комических типов), в № 21, с. 73—80.
218. *Перова В. И.* Социально-политическая борьба в Греции в период экспансии Рима (210—146 гг. до н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук, ЛГУ, Л., 1983, 22 с.
219. *Перова В. И.* Эволюция царской власти в Спарте в III — начале II в. до н. э.— *Вестник ЛГУ*, 1983, № 2, сер.: история, яз., лит., с. 109—111. [Рез. на англ. яз.]
220. *Печатнова Л. Г.* Спарта и Персия в конце V в. до н. э., в № 48, с. 85—108.
221. *Печатнова Л. Г.* Спартанская Нарвархия. *Вестник ЛГУ*, сер.: история, яз., лит. Л., 1983, 10 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 15357 от 20.01.1984.
222. *Поляков И. В.* Философские проблемы языка в работах Платона.— В кн.: *Мировоззренческие и идеологические проблемы в истории философии*. Новосибирск, 1983, с. 149—158.
223. *Пресняков О. П.* П. И. Аландский о трагедиях Софокла, в № 21, с. 121—122. [Рез. на немецк. яз.]
224. *Рабинович Е. Г.* Атлантида (Контексты платоновского мифа), в № 57, с. 67—84.
225. *Рожанский И. Д.* Анаксагор. М.: Мысль, 1983, 142 с.
226. *Рожанский И. Д.* На рубеже двух эпох (Иоанн Филопон в споре с аристотелевской концепцией космоса).— *Вопросы истории естествознания и техники*. М., 1983, № 3, с. 28—42. [Рез. на англ. яз.]
227. *Семеновкер Б. А.* Памятники древнегреческой библиографии.— *Сов. библиография*. М., 1983, № 4, с. 55—63.
228. *Симпозиум по логике Аристотеля*. Тбилиси, 16—17 нояб. 1983 г. Тезисы докладов. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1983, 65 с.
Содержание: I. Принципы логики и онтологии Аристотеля: *Бартун Н. П.* Логические идеи Аристотеля в техническом мышлении, с. 3—5; *Кобзарь Б. И.* Аристотель и Истина, с. 5—7; *Сергеев К. А.* Логика и онтология в философии Аристотеля, с. 7—10; *Слинин Я. А.* Первые сущности Аристотеля и платонизм, с. 10—13; *Соломин Ю. Н.* Я. Лукасевич о законе противоречия у Аристотеля, с. 13—16; *Стяжкин Н. И.* Предыстория принципа простоты у Аристотеля и рецепция соответствующих его текстов в средние века, с. 16—17; II. Ассерторическая силлогистика: *Бежанишвили М. Н., Мchedlishvili Л. И.* Об экзистенциальном предположении простых категорических суждений, с. 17—19; *Боцаров В. А.* Эквивалентность элементарной булевой алгебры и расширенной силлогистики, с. 19—22; *Бродский И. Н.* Аристотель о силлогизмах с ложными посылками, с. 22—25; *Ишмуратов А. Т.* Принцип «силлогистической плотности», с. 22—27; *Колесников Н. Г.* О логических исследованиях Льюиса Кэрролла, с. 27—30; *Колесников Н. Г.* Силлогистика как теория суждений существования, с. 30—33; *Колесников Н. Г.* Формализация кэрроловской теории суждений существования, с. 33—36; *Мchedlishvili Л. И.* Эктезис в ассерторической силлогистике Аристотеля, с. 36—38; *Федоров Б. И.* Интерпретация аристотелевской силлогистики в логике Больцано, с. 38—40; III. Модальная силлогистика: *Бежанишвили М. Н.* Аристотелево учение о предикабельных и аподиктический силлогизм, с. 40—43; *Войшвилло Е. К.* Модальная силлогистика с содержательной точки зрения, с. 43—47; *Волков М. П., Попов В. М.* К проблеме модальностей у Аристотеля, с. 47—51; *Карпенко А. С.* Аристотель и «Морское сражение», с. 51—54; *Мchedlishvili Л. И.* Интерпретация аподиктической силлогистики Аристотеля, с. 54—57; *Смирнов В. А.* Топологическая интерпретация модальной силлогистики, с. 57—61; *Тевзаде Д. Д.* Об одном возражении против аристотелевской модальной силлогистики, с. 61—63.
229. *Смышляева В. П.* Стихотворные размеры эллипских поэтов: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. МГУ. М., 1983, 17 с.
230. *Смышляева В.* Строфика Сафо.— *Литература*, Вильнюс, 1983, № 25 (3) с. 26—32.
231. *Строгоцкий В. М.* Диодор Сицилийский о походе Ксеркса против Эллады (XI, 1—10). Объединение патристических сил эллинов и битва при Фермопилах, в № 19, с. 3—20; приложение: комментированный перевод первых двух глав XI книги «Исторической библиотеки» Диодора.
232. *Строгоцкий В. М.* Политическая борьба в Спарте в 70-е годы V в. до н. э. (Дело Павсания), в № 48, с. 60—85.

233. Тамм Э. О некоторых особенностях образа Одиссея как трагического героя поэмы Гомера.— Уч. зап. Тарт. Гос. ун-та, 1982, вып. 626, с. 5—13. [Рез. на англ. яз.]
234. Т. В. Дополнение к статье о Σοφία, в № 57, с. 285. Ст. Топорова В. Н. Еще раз о др. гр.ч. Σοφία: происхождение слова и его внутренний смысл, издана в кн.: Структура текста. М., Наука, 1980, с. 148—173.
235. Топоров В. Н. Несколько соображений о происхождении древнегреческой драмы (К вопросу об индоевропейских истоках), в № 57, с. 95—118. Коррективное дополнение к ст. с. 297—298.
236. Уткина Л. Аттическая краснофигурная пиксида, в № 54, с. 29—30. [Рез. на англ. яз. с. 46]
237. Федоров Г. Б. Послесловие.— В кн.: Гомер. Одиссея. М., 1983, с. 307—310.
238. Федотова О. А. Взгляд старшей софистики на возникновение цивилизованного общества и государства.— Вестник ЛГУ, 1983, № 20, сер.: история, яз., лит., с. 100—103. [Рез. на англ. яз.]
239. Фролов Э. Д. Политические лидеры афинской демократии (Опыт типологической характеристики), в № 46, с. 6—22.
240. Циркин Ю. Б. Взаимоотношения фокейских городов Западного Средиземноморья, в № 19, с. 39—50.
241. Челидзе М. И. А. Ф. Лосев о диалектике Платона, в № 1, с. 54—67.
242. Челидзе М. И. К вопросу об Аристотеле как историке философии.— НДВШ, филос. науки, 1983, № 4, с. 144—146.
243. Чистякова Н. А. Греческая эпиграмма VIII—III вв. до н. э. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983, 216 с., илл.
244. Чупина Г. А., Степанова Т. В. Отрывки из «Илиады» Гомера в переводе В. А. Жуковского.— В кн.: Проблемы метода и жанра. Томск, 1983, вып. 9, с. 64—88.
245. Шичалина Е. Ф. Поэтика эпического пространства и времени в «Одиссее» Гомера: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. МГУ, М., 1983, 26 с.
246. Шопина Н. Р. Изображение межличностных отношений в древнегреческой поэзии (Период архаики и классики): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Тбил. Гос. ун-т. Тбилиси, 1982, 24 с.
247. Шталь И. В. Художественный мир гомеровского эпоса. Ин-т мировой литры АН СССР. М.: Наука, 1983, 296 с.
248. Шталь Г. А. Шлиман («Мечта о Трое»). Пер. Тбилиси: Накадули, 1983, 374 с.
249. Юхвявичене Н. А. Введение действующих лиц в повествование в «Истории» Геродота. Вильн. гос. ун-т. Вильнюс, 1982, 18 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 12175 от 27.01.1983.
250. Яйленко В. П. 'Ισσα «лесистый» остров: к этимологии названия.— В кн. Славянское и балканское языкознание М., 1983, с. 66—69. См. также № 6, 7, 18, 22, 23, 33, 39, 42, 43, 50, 52, 62, 69, 72, 101, 105, 441, 538, 539, 540, 542, 547.

У. ЭЛЛИНИЗМ

251. Авдеев Н. В. Этика раннего стоицизма.— В кн.: Этика: методология, история, критика. М., 1982, с. 254—280. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 15190 от 4.01.1984.
252. Аветисян К. А. Принципы селевкидского градостроительства в Сирии, в № 49, с. 21—35.
253. Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. Ин-т всеобщей истории АН СССР. М.: Наука, 1983, 325 с., илл.
254. Давыдова Л. С. Эллинистическая Спарта: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М. МГУ, 1983, 17 с.
255. Климов О. Ю. Полис в системе эллинистического государства (На материале Пергамского государства): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. ЛГУ, Л., 1982, 15 с.
256. Мирзаев С. Б. Генезис концепции государственной истории в учении Полибия (Опыт реконструкции).— В кн.: Тезисы докладов на теоретической конференции аспирантов Ин-та государства и права АН СССР и юридического ф-та МГУ. М., 1983, с. 29—30.
257. Мирзаев С. Б. Политическое учение Полибия.— Изв. АН ТаджССР. Отд-ние обществ. наук, 1983, № 4, с. 11—17. [Рез. на тадж. яз.]
258. Мирзаев С. Б. Учение Полибия о смешанной форме государства.— В кн.: Молодые обществоведы Таджикистана. Душанбе, 1983, с. 88—91.
259. Новиков С. В. Сузнана при селевкидах и парфиях: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. МГУ, М., 1983, 17 с.
260. Павленко Л. В., Ушаков Е. Г. Геракл в древнегреческой драме (К проблеме генезиса комических типов), в № 21, с. 73—80. [Рез. на немецк. яз.] Рассмотрен фрагмент папируса Менандра.
261. Федотов В. В. О первых контактах античного мира с Индонезией: географические аспекты легенды о Ямбуле.— Вестник МГУ, сер.: история, 1983, № 4, с. 75—85.
262. Фихман И. Ф. Древнейшее поручительство за приписку колона.— В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVII годичная научная сессия ЛОИВ АН СССР. М., 1983, ч. 1, с. 206—210. Толкование текста из Оксиринха.
263. Хосроев А. Античность и Восток: идейный синтез (На материале коптских рукописей из Наг-Хаммади).— В кн.: Вторая Всесоюзная школа молодых

- востоковедов. Тбилиси, окт. 1982 г. Тезисы. М., 1982, с. 81—82.
- Гностицизм и его синкретический характер.
264. *Хосроев А. Л.* К проблеме историчности персонажей коптского романа об Александре: Менаандр.— В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVII годичная научная сессия ЛОИВ АН СССР, ч. 2. М., 1983, с. 55—60.
265. *Хосроев А. Л.* О происхождении коптского романа об Александре.— В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVII годичная научная сессия ЛОИВ АН СССР. М., 1983, ч. 2, с. 52—55.
266. *Цисык А. З.* Мим и мимесис в идиллиях Феокрита (Некоторые аспекты подражания и воспроизведения действительности), в № 21, с. 80—86. [Рез. на немецк. яз.]
- См. также № 7, 51, 552, 554.

VI. ДРЕВНИЙ РИМ. РИМСКИЕ ПРОВИНЦИИ. ХРИСТИАНСТВО

ДРЕВНИЙ РИМ*

267. *Аверинцев С.* Две тысячи лет с Вергилием (Перечитывая классику).— Иностранная литература, 1982, № 8, с. 193—201.
268. Архитектура античного Рима.— В кн.: *Бертенев М. А., Батажкова В. Н.* Очерки истории архитектурных стилей. М.: Изобразительное искусство, 1983, с. 40—50.
269. *Баранов Г. М.* Латинская педагогическая терминология (Термины—обозначения процесса воспитания и обучения), в № 21, с. 67—72. [Рез. на немецк. яз.]
270. *Борецкий М. И.* Отношение Бабрия и Авиана к «судьбе» и традиционной религии, в № 21, с. 115—121. [Рез. на немецк. яз.]
271. *Борисковская С.* К иконографии этрусского бога солнца, в № 54, с. 30—33. [Рез. на англ. яз., с. 46]
272. *Борухович В. Г.* После мартовских ид 44 г. до н. э. (Исторический очерк), в № 2, с. 123—154.
273. *Буриан Я., Моухова Б.* Загадочные этруски. Пер. с чешск. В. Кветгаускас, В. Рудавичюте. Вильнюс: Моклас, 1983, 159 с., илл. [На литовск. яз.]
274. *Василенко Р. П.* Этруски и христианская религия, в № 2, с. 15—26.
275. *Васильева Т.* Философия и поэзия перед загадкой природы (Вступ. ст.).— В кн.: *Лукреций Кар Т.* О природе вещей, в № 134, с. 5—24.
276. *Вашакидзе В. В.* К вопросу об источниках XI, 3, 6 «Географии» Страбона.— Изв. АН ГССР, сер.: история, археология, этнография и история искусства. Тбилиси, 1983, № 1, с. 145—154. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
277. *Волощук В. М.* Творческое кредо Децима Юния Ювенала, в № 21, с. 108—114. [Рез. на немецк. яз.]
278. *Гагрило Л. Н.* Местоимение в синтаксической системе Аполлония Дискола, в № 21, с. 7—15. [Рез. на немецк. яз.]
279. *Гарасимчук С. І.* Морфологічні особливості особових, присвійних і зворотного займенників у мові Плавта, в № 21, с. 16—20. [Рез. на немецк. яз.]
280. *Гвоздева И. А.* Системы межевания полей у римлян: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. МГУ, М., 1983, 16 с.
281. *Глуценко Л. М.* Причины субстантивации прилагательных в латинском языке, в № 21, с. 20—25. [Рез. на немецк. яз.]
282. *Дилите Д.* Следы буколического пения в поэзии Тибулла.— Литература, Вильнюс, 1983, № 25(3), с. 33—38. [На литовск. яз. Рез. на русск. и немецк. яз.]
283. *Егоров А. Б.* Закон о власти Веспасиана и полномочия принцепса, в № 48, с. 150—158.
284. *Егоров А. Б.* О персональном факторе в истории Римской империи, в № 46, с. 37—44.
285. *Елагина А. А.* Исторический процесс в оценке Тацита.— В кн.: Материалы третьей отчетной научно-методической конференции ОмГУ. Омск, 1977, с. 194—195.
286. *Елагина А. А.* К некоторым историко-демографическим аспектам миграции по Тациту.— В кн.: Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1982, вып. 2, с. 167—177. О происхождении германцев и местоположении Германии.
287. *Елагина А. А.* Основные вехи жизненного пути Корнелия Тацита на фоне эволюции его общественно-политических воззрений.— В кн.: Материалы второй отчетной научно-методической конференции ОмГУ. Омск, 1976, с. 23—25.
288. *Елагина А. А.* Тацит в русской и марксистской историографии.— В кн.: Материалы первой отчетной научно-методической конференции ОмГУ. Омск, 1975, с. 40—43.
289. *Елизарова Н. М.* Сферы применения рабского труда (По данным произведений Цицерона), в № 2, с. 88—102.
290. *Забулис Г. К.* Поэтическая модификация философии индивидуализма накануне и в эпоху Августа: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра филол. наук. МГУ. М., 1983, 33 с.
291. *Завиревич В. Т.* О методологии историко-философской концепции Цицерона.— В кн.: Методология и методика преподавания истории философии. Свердловск, 1982, с. 64—71.
292. *Иванов Вяч. Вс.* К истолкованию этрусских текстов на основе сравнительного языкознания, в № 57, с. 36—

* Учебники, учебные пособия см. в общем разделе.

46. Коррективное дополнение к ст. с. 297.
293. *Керасиди Н. Х.* Некоторые особенности утешительной аргументации Сенеки, в № 21, с. 101—108. [Рез. на немецк. яз.]
294. *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит и проблемы истории древнего Рима эпохи Ранней империи (конец I—начало II в.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. ЛГУ, Л., 1982, 37 с.
295. *Корватяну Н.* Два тысячелетия бесмертия.— Нистру, Кишинев, 1982, № 11, с. 104—112. [На молд. яз.] Вергилий.
296. *Крицкая С. Ю.* Словообразование в латинском языке.— В кн.: Основосложение и полуаффиксация в научном стиле и литературной норме. Владивосток, 1982, с. 133—146.
297. *Лапина Т. А.* «География» Страбона и Плиния (Некоторые аспекты сравнительной характеристики), в № 49, с. 36—47.
298. *Лесков В. А.* Спартак. Послел. В. И. Кузичина. М.: Молодая гвардия, 1983, 383 с., илл. (ЖЗЛ).
299. *Лосев А.* Плутарх. Очерк жизни и творчества, в № 137, с. 5—43.
300. *Маяк И. Л.* Проблема формирования римской гражданской общины.— Вестник МГУ, сер.: история, 1983, № 2, с. 58—64.
301. *Маяк И. Л.* Рим первых царей: генезис римского полиса. М.: Изд-во МГУ, 1983, 269 с., илл. Указ. предметов и этн. назв., латинск. и греч. терминов: с. 262—268. Рец.: *Штаерман Е. М.*— ВИ, 1984, № 7, с. 150—153.
302. *Мокрородова Л. С.* Sapere как важнейший принцип учения Горация о поэзии.— Вестник ЛГУ, 1983, № 8, сер.: история, яз., лит., с. 44—47. [Рез. на англ. яз.]
303. *Мотус А. А.* Цицерон и Саллюстий в их отношении к гражданским войнам древнего Рима (I в. до н. э.), в № 2, с. 33—46.
304. *Нагуевский А.* История римского форума и его памятников с планами и рисунками. Казань, 1972.
305. *Немировский А. И.* Этруски: от мифа к истории. М.: Наука, 1983, 261 с., илл. Указ. геогр. и этн. назв., имен: с. 249—258. Рец.: *Лисовой И.* Загадочные этруски.— В мире книг, 1984, № 5, с. 80.
306. *Нечипуренко Н. Г.* К этимологии латинского FEL.— В кн.: Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1983, с. 153—164.
307. *Ожунь Ю. А.* Рональд Сайм и проблемы древнеримской истории: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Казанский Гос. ун-т. Казань, 1983, 25 с.
308. *Олищук Р. Л.* Влияние грамматических факторов на адъективации participium perfecti, passivi в латинській мові (На основі творів Плавта, Цезаря, Плінія Молодшого), в № 21, с. 31—37. [Рез. на немецк. яз.]
309. *Орос М. В.* Терміни на означення речення в римській граматичній науці, в № 21, с. 37—42. [Рез. на немецк. яз.]
310. *Ошеров С. А.* Сенека — драматург, в № 139, с. 351—381.
311. *Парфенов В. Н.* Из предыстории Перузинской войны и Брундизийского мира, в № 2, с. 46—64.
312. *Парфенов В. Н.* Социально-политическая роль римской армии (44—31 гг. до н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. МГПИ им. В. И. Ленина, М., 1983, 16 с.
313. *Позднякова Н. А.* Эволюция социальной психологии в Риме (На материале античной литературы I—II вв.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т всеобщей истории АН СССР. М., 1983, 22 с.
314. *Портнягина И. П.* Процессы обоскорблении величия в эпоху раннего принципата, в № 48, с. 128—150.
315. *Сенив М. Г.* До питання про історію структурно-функціональні особливості службових слів у латинській мові, в № 21, с. 42—49. [Рез. на немецк. яз.]
316. *Сергеев И. П.* Гражданская война 193—197 гг. в Риме: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. ХГУ. Харьков, 1982, 14 с.
317. *Сергеев И. П.* К вопросу об «анти-сенаторской политике» Септимия Севера.— Вестник ХГУ, 1983, № 238, история и культура досоциалистических формаций, с. 89—94.
318. *Синица В. Г.* Римська ветеринарна термінологія (Терміни на tio/sio), в № 21, с. 62—67. [Рез. на немецк. яз.]
319. *Содомора А. О.* Власні імена в поетичних образах Горацийових од, в № 21, с. 93—101. [Рез. на немецк. яз.]
320. *Таривердиева М. А.* О формах выражения эпистемической модальности в латинском языке, в № 21, с. 49—55. [Рез. на немецк. яз.]
321. *Урушадзе А. В.* IV эклога Вергилия, в № 1, с. 68—73.
322. *Цивьян Т. В.* Verg., Georg. IV, 116—148. К мифологеме сада, в № 57, с. 140—152. Коррективное дополнение к ст. с. 300.
323. *Черниговский В. Б.* Альтернативные высказывания Тацита и их художественные функции: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. МГУ. М., 1983, 22 с.
324. *Черниговский В. Б.* Принцип альтернативной характеристики в «Анналах» и «Истории» Тацита. МГУ. М., 1983, 18 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 12501 от 10.03.1983.
325. *Черниговский В. Б.* Sive-sive: к вопросу о своеобразии художественного метода Тацита.— Вестник МГУ, сер. 9: филология, 1983, № 1, с. 72—78.
326. *Чернышов Ю. Г.* Характерные черты римской социальной утопии.— Вестник ЛГУ, сер.: история яз., лит., 1983, 15 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 15287 от 13.01.1984.
327. *Чистяков Г. П.* Павсаний как исто-

- рический источник: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т всеобщей истории АН СССР. М., 1983, 15 с.
Описание Эллады.
328. *Шега Д. Г.* Фармацевтическая терминология Скрибония Ларга, в № 21, с. 55—61 [Рез. на немецк. яз.]
329. *Шмалько А. В.* Лукиан как источник по истории Вифинии — Понта. — Вестник ХГУ, 1983, № 238, история и культура досоциалистических формаций, с. 84—89.
330. *Щапова Ю. Л.* Из истории стеклоделия Рима. — В кн.: Очерки истории древнего стеклоделия (По материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.: Изд-во МГУ, 1983, с. 119—138.
- См. также № 16, 25, 26, 30, 31, 42, 43, 70, 87, 88, 100, 101, 104, 155, 176, 548.

РИМСКИЕ ПРОВИНЦИИ

331. *Армичева В. И.* Римская вилла в Испании в период Ранней империи, в № 49, с. 48—64.
332. *Кац Т. П.* Античные авторы о населении Сардинии, в № 2, с. 26—32.
333. *Садовская М. С.* Восточные культуры в Римской Британии, в № 19, с. 72—84.
334. *Сизов С. К.* Налоговая политика Рима в провинции Сицилии в эпоху республики, в № 19, с. 27—39.
335. *Сизов С. К.* Объединение городов в римской Сицилии (III—I вв. до н. э.), в № 48, с. 158—178.
336. *Циркин Ю. Б.* Карфаген и проблема полиса, в № 48, с. 179—196.
337. *Цыбенко О. П.* Тифония Нонна Панополитанского, в № 21, с. 87—93. [Рез. на немецк. яз.]
338. *Широкова Н. С.* Мрамор из Ториньи, в № 2, с. 64—88.
В статье рассматривается известная надпись из Галлии III в. н. э.
См. также № 73, 107, 157, 299, 330, 515.

ХРИСТИАНСТВО*

339. *Амусин И. Д.* Кумранская община. Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1983, 328 с., илл.
340. *Варна В. В.* Этические антиномии религиозного учения Августина: к вопросу об интерпретации проблемы гуманизма в системе религиозного мировоззрения. — Вестник МГУ, сер.: философия, 1983, № 4, с. 60—68.
341. *Гацерелия А.* Августин о вопросах гимнографии и стихосложения. — Изв. АН ГССР, сер.: яз. и лит., Тбилиси, 1983, № 3, с. 90—106. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
342. *Касперавичюс М. М.* Античная культура и раннехристианское искусство Египта. — В кн.: Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1982, с. 116—141.

343. *Козик П. З.* К вопросу о развитии христианства во II—III в. — Вопросы атеизма, Киев, 1983, вып. 19, с. 118—131.
344. *Махарадзе М. К.* Апофатический метод в ареопагитике. — Изв. АН ГССР, сер.: философия и психология, Тбилиси, 1981, № 1, с. 37—50. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
345. *Ореши В. П.* Философский генезис раннехристианской идеологии: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филос. наук. Ин-т философии и права АН БССР. Минск, 1983, 23 с.
346. *Циркин Ю. Б.* Распространение христианства в Испании до Миланского эдикта. — В кн.: Iberica. Культура народов Пиренейского полуострова. Л., 1983, с. 23—36.
См. также № 274.

VII. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ, КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ, СРЕДНЯЯ АЗИЯ

РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА. СБОРНИКИ СТАТЕЙ

347. Археологические открытия 1981 г. Ин-т археологии АН СССР. М.: Наука, 1983, 518 с., илл.
348. Археологический сб. Гос. Эрмитаж, вып. 23. Л.: Искусство, 1983, 104 с.
349. *Брашинский И. Б.* К проблеме локализации групп амфор с так называемыми стаканообразными доньями. — КСИА, 1983, № 174, с. 8—10.
350. *Гиголашвили Е.* Всесоюзная научная конференция, посвященная новейшим открытиям в области археологии и 100-летию V Археологического съезда. — СА, 1983, № 1, с. 311—314.
О конференции, состоявшейся в Тбилиси 21 апреля 1981 г.
351. Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. Ин-т истории СССР АН СССР. М.: Наука, 1984. (На обложке 1983 г.), 252 с.
Из содержания: *Подосинов А. В.* Овидий и Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста. Ч. I. Сведения о Северном и Западном Причерноморье в произведениях Овидия римского периода творчества, с. 10—35; ч. II. Произведения Овидия периода ссылки как исторический источник, с. 35—168; Библиография, с. 168—179. [Рез. на англ. яз.]
352. Материалы по археологии Северного Причерноморья. Сб. научных трудов. Одесский Археологический музей АН УССР. Киев: Наукова думка, 1983, 192 с.
353. *Мирошина Т. В.* Греческие головные украшения Северного Причерноморья. — КСИА, 1983, № 174, с. 10—17.
Конец V—III в. до н.э.
354. Население и культура Крыма в первые века н.э. Сб. научн. трудов. Киев: Наукова думка, 1983, 159 с., илл.
355. Проблемы хронологии археологиче-

* Работы по истории христианства в указателе включены выборочно.

- ских памятников стеной зоны Северного Кавказа. Сб. ст. Ростов н/Д, 1983, 135 с.
356. Советская археология в XI пятилетке. Москва. Ин-т археологии АН СССР. Тезисы плеварных докладов. 8 — 12 апр. 1983 г. М., 1983, 24 с. Из содержания: *Зазарук Ю. Н.* Марксизм и некоторые вопросы развития археологии, с. 3—5; *Шелов Д. Б.* Полевая археология и проблемы охраны археологических памятников, с. 5—7; *Кругликова И. Т.* Усадьбы Гераклейского полуострова, с. 11—13; *Пугаченко Г. А.* Курган-тепе (Согдийско-Кангюйский симбиоз), с. 13—16.
357. *Тарадаш А. М.* Несколько аттических чернофигурных ваз из собрания Одесского археологического музея, в № 352, с. 141—152.
358. *Трейстер М. Ю., Сорокина Н. П.* Две группы бронзовых зеркал из собрания Государственного Исторического музея. — СА, 1983, № 4, с. 142—153. [Рез. на англ. яз.]
359. *Шелов Д. Б.* Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе. — СА, 1983, № 4, с. 57—69. [Рез. на англ. яз.]
360. *Шрамко В. А.* Археология раннего железного века Восточной Европы. Учебн. пособие. Харьков: Изд-во ХГУ, 1983, 134 с., илл.
361. *Шапова Ю. Л.* Стеклоделие в Восточной Европе в I тыс. н.э. — В кн.: *Очерки истории древнего стеклоделия (По материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы)*. М.: Искусство, 1983, с. 139—165. В главе имеются материалы о производстве стекла в Северном Причерноморье, в частности на Боспоре и в Танаисе.
362. *Щеглов А. Н.* Разведки и раскопки античных сельских поселений и аграрных систем. — В кн.: *Методика полевых археологических исследований*. М., 1983, с. 12—30.
- См. также № 186, 442, 453, 460, 483.
- БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО**
363. *Алексеева Е. М., Шавырин А. С., Нестеренко Н. Д.* Исследование Горгиппии и ее окрестностей, в № 347, с. 106—107.
364. *Арсеньева Т. М.* Нижнедонская экспедиция, в № 347, с. 107—108.
365. *Арсеньева Т. М.* Раскопки Танаиса в 1977—1980 гг. — КСИА, 1983, № 174, с. 100—108.
366. *Виноградов Ю. А.* Тигель из Илурата. — СА, 1983, № 2, с. 229—231.
367. *Воронов А. А., Михайлова М. Б.* Боспор Киммерийский. М.: Искусство, 1983, 183 с., илл.
368. *Горончаровский В. А.* Пергамская керамическая мастерская и ее продукция на Боспоре. — СА, 1983, № 2, с. 117—124. [Рез. на англ. яз.]
369. *Горончаровский В. А.* Сосуд из сельской усадьбы близ Мирмекия. — КСИА, 1983, № 174, с. 66—69.
370. *Гущев В. К.* Новые подкурганные захоронения в Танаисе и их этническая принадлежность, в № 355, с. 77—79.
371. *Гуров А. Н.* Феодосия и Фанагория в системе Боспорского государства, в № 19, с. 50—58.
372. *Долгоруков В. С.* Исследования в Фанагории, в № 347, с. 115—116.
373. *Кислый А. Е.* Работы Керченского историко-археологического музея, в № 347, с. 266.
374. *Кобылина М. М.* Страницы ранней истории Фанагории. — СА, 1983, № 2, с. 51—61. [Рез. на англ. яз.]
375. *Коровина А. К.* Раскопки Гермонасы-Тмутаракани, в № 347, с. 121—122.
376. *Корпусова В. Н.* Некрополь Золотое (К этнокультурной истории европейского Боспора). Ин-т археологии АН УССР. Киев: Наукова думка, 1983, 184 с., илл.
377. *Кубланов М. М.* Раскопки некрополя Идурата. Итоги и проблемы. — В кн.: *Научно-атеистические исследования в музеях*. Л., 1983, с. 96—129.
378. *Кунина Н.* Античные художественные изделия из Керчи, в № 54, с. 33—37. [Рез. на англ. яз., с. 46]
379. *Масленников А. А.* Еще раз о боспорских валах. — СА, 1983, № 3, с. 14—22. [Рез. на англ. яз.]
380. *Масленников А. А.* Раскопки на мысе Зюк, в № 347, с. 286—287.
381. *Масленников А. А., Чевелев О. Д.* Охраненные раскопки на Ново-Николаевском городище. — КСИА, 1983, № 174, с. 91—95.
382. *Матковская Т. А.* Особенности композиционного решения боспорских надгробных рельефов первых веков н. э., в № 354, с. 114—136.
383. *Молев Е. А.* Раскопки Китея и его некрополя, в № 347, с. 293—294.
384. *Молева Н. В.* Новые антропоморфные надгробия в коллекции Керченского музея, в № 2, с. 115—122.
385. *Мосейчук Б. С.* Аккосов вал. — КСИА, 1983, № 174, с. 74—77.
386. *Николаева Э. Я.* Пифосы Ильпчевского городища (V—VI вв. н.э.). — КСИА, 1983, № 174, с. 110—117.
387. *Онайко Н. А.* Исследование некрополя в Широкой балке, в № 347, с. 127.
388. *Онайко Н. А.* Погребение воина у поселка Мысхако. — КСИА, 1983, № 174, с. 82—86.
389. *Паромов Я. М.* Разведки на Таманском полуострове, в № 347, с. 127—128.
390. *Петерс Б. Г.* О работе Михайловской экспедиции, в № 347, с. 307—308.
391. *Савостина Е. А.* К символике изображения лука на Боспоре. — СА, 1983, № 4, с. 45—56. [Рез. на англ. яз.]
392. *Сапрыкин С. Ю.* Культа Деметры в Боспорском царстве в VI—V вв. до н. э. (К вопросу о содержании обрядов земледельческих богинь на Боспоре), в № 19, с. 59—71.
393. *Сорокина Н. П., Трейстер М. Ю.* Две группы бронзовых зеркал из собрания Государственного Исторического музея. — СА, 1983, № 4, с. 142—153.

394. *Трейстер М. Ю.* Боспор и Египет в III в. до н. э. (По материалам прикладного искусства). — В кн.: Тез. докл. науч. сессии, посвящ. итогам работы ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1982 г. М., 1983, с. 55—57.
395. *Трейстер М. Ю.* Результаты спектрального анализа бронзовых украшений из Горгиппин. — КСИА, 1983, № 174, с. 117—124.
396. *Усачева О. Н.* Теракотовые статуэтки из кургана вблизи Кеп. — КСИА, 1983, № 174, с. 77—82.
397. *Хршановский В. А.* Опыт использования археологических материалов некрополя Илурата в экспозиции «Религия и свободомыслие древнего мира». — В кн.: Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1983, с. 88—96.
398. *Чалый В. В.* Тризны западного участка курганного могильника Танаиса, в № 355, с. 79—81.
399. *Чевелев О. Д.* Работы Керченской экспедиции, в № 347, с. 331.
400. *Шағырина Т. Г.* Раскопки некрополя Фанагории в 1978 г. — КСИА, 1983, № 174, с. 69—73.
401. *Шелов-Коведяев Ф. В.* Образование Боспорского государства (VI—IV вв. до н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т истории СССР АН СССР. М., 1983, 20 с.
402. *Шургая И. Г.* Изображения всадника и коня из Илурата. — КСИА, 1983, № 174, с. 96—100.
403. *Шургая И. Г.* Исследования Боспорской экспедиции, в № 347, с. 335—336.
404. *Шургая И. Г., Янушевич З. В.* О виноделии в Боспорском царстве (По материалам археологических находок). — Природа, 1983, № 11, с. 102.
- См. также № 141, 161, 164.
- ХЕРСОНЕС И СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ ***
405. *Белая С. А.* О работе Херсонесской экспедиции, в № 347, с. 242.
406. *Драчук В. С., Кутайсов В. А.* Раскопки Керкинитиды, в № 347, с. 258.
407. *Зедгенидзе А. А.* Херсонес Таврический в классический период: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т археологии АН СССР. М., 1983, 26 с.
408. *Зубарь В. М., Мещеряков В. Ф.* Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса (По материалам некрополя первых веков н. э.), в № 354, с. 96—114.
409. *Зубарь В. М.* Раскопки западного некрополя Херсонеса, в № 347, с. 261—262.
410. *Кадеев В. И.* Раскопки в портовом районе Херсонеса, в № 347, с. 264—265.
411. *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков: Вища школа, 1981, 143 с.
- Рец.: Кузицин В. И., Гвоздева И. А., Горбатовская М. И.* — ВДИ, 1983, № 3, с. 159—164.
412. *Кругликова И. Т.* Усадьба надела 9 у Камышовой бухты, в № 347, с. 277—278.
413. *Кругликова И. Т.* Херсонесская усадьба наделе 10. — КСИА, 1983, № 174, с. 43—51.
414. *Кузицин В. И.* Позднеантичная вилла в окрестностях Севастополя, в № 347, с. 279—280.
415. *Куткина Е. В.* Термин «састер» в структуре «Херсонесской присяги». — В кн.: Древний и средневековый Восток: история, филология. М., 1983, с. 22—41.
416. *Латышева В. А.* Раскопки в Северо-Западном Крыму, в № 347, с. 282—283.
417. *Мещеряков В. Д.* Религия и культы Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. МГУ. М., 1980, 16 с.
418. *Михлин Б. Ю., Бирюков А. С.* Склеп с уступчатым перекрытием в некрополе Керкениитиды, в № 354, с. 28—46.
419. *Монахов С. Ю.* Керамическая тара эллинистического Херсонеса: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. ЛО Ин-та археологии АН СССР, 1983, 18 с.
420. *Николаенко Г. М.* Исследование хоры Херсонеса на Гераклеяском полуострове, в № 347, с. 295—296.
421. *Николаенко Г. М.* Метрология Херсонеса Таврического в эллинистический период (По материалам IV—II вв. до н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т археологии АН УССР. Киев, 1983, 26 с.
422. *Орлов К. К.* О двух надгробных рельефах с портретными изображениями из Херсонеса, в № 354, с. 136—144.
423. *Орлов К. К.* Раскопки терм Харакса, в № 347, с. 298—299.
- Римская крепость II в. н. э.
424. *Рыжов С. Г.* Доследование «Северной базилики» в Херсонесе, в № 347, с. 314.
- Имеется материал IV—III вв. до н. э.
425. *Савеля О. Я.* Работы Севастопольской экспедиции, в № 347, с. 314—316.
426. *Сорочан С. Б., Шеенко А. В.* Западнопонтийские светильники II—VI вв. из Херсонеса. — Вестник ХГУ, 1983, № 238, история и культура до-социалистических формаций, с. 94—100, илл.
427. *Федоров Б. Н.* Архитектура Херсонеса Таврического VII—II веков до н. э. и опыт ее реконструкции: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра архитектуры. Ин-т живописи, скульптуры и архитектуры Акад. художеств СССР. Л., 1983, 32 с.
428. *Федоров Б. Н.* Дорическая архитектура Херсонеса Таврического IV—III вв. до н. э. — КСИА, 1983, № 174, с. 3—8.

* См. также раздел III.

429. *Щеглов А. Н.* Работы на хоре Херсонеса, в № 347, с. 336.
 430. *Щербакова В. С.* Геммы с изображением Гермеса из херсонесских находок.— КСИА, 1983, № 174, с. 86—91.
 См. также № 143, 144, 151, 153, 162, 163.

ОЛЬВИЯ И ЕЕ РАЙОН*

431. *Журавльов О. П.* Кісткові рештки осавців в Ольвії та на Березані (Дослідження 1972—1976 рр.).— Археологія, Київ, 1983, № 42, с. 80—84. [Рез. на русск. яз.]
 432. *Марченко К. К.* Исследования памятников античного времени в Нижнем Побужье, в № 347, с. 286.
 433. *Марченко К. К.* Кухонна кераміка Ольвії другої половини VI—I ст. до н. э.— Археологія, Київ, 1983, № 43, с. 14—25.
 434. *Марченко К. К., Доманский Я. В.* Комплекс вещественных находок на античном поселении Старая Богдановка 2.— Археологический сб. Гос. Эрмитаж, вып. 24. Л., 1983, с. 56—72.
 435. *Марченко К. К., Доманский Я. В.* Культурный зольник на поселении Купчуруб I.— КСИА, 1983, № 174, с. 37—40.
 436. *Новиков Е. Б.* О реконструкции античных эпиграфических памятников (Формуляр ольвийских почетных публикаций V — первой половины IV в. до н. э.).— Вспомогат. ист. дисциплины, 1983, т. 14, с. 263—271.
 437. *Рубан В. В.* Керамика Ягорлыцкого поселения из собрания Херсонского музея.— СА, 1983, № 1, с. 285—291.
 См. также № 150, 156.

ПРОЧИЕ ОБЛАСТИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

438. *Буравчук Н. П., Самойлова Т. Л.* Краснофигурная керамика из Тиры, в № 352, с. 152—158.
 439. *Клейман И. Б., Сон Н. А.* Западно-понтийские и провинциальные римские культурно-экономические связи Тиры, в № 352, с. 47—59.
 440. *Клейман И. Б.* Раскопки Тиры и золотоордынского слоя городища, в № 347, с. 267.
 441. *Курбатов А. А.* К вопросу о значении мифологических связей Ахилла на Левке. Астрахан. гос. пед. ин-т. Астрахань, 1983, 30 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 13969 от 26.09.1983.
 442. *Курбатов А. А.* Культ Ахилла в Северном Причерноморье: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1983, 14 с.
 VIII в. до н. э.— V в. н. э.
 443. *Охотников С. Б.* Археологическая карта Нижнего Поднестровья в антич-

- ную эпоху (VI—III вв. до н. э.), в № 352, с. 101—122.
 444. *Охотников С. Б.* Поселение Надлиманское VI в. в Нижнем Поднестровье.— СА, 1983, № 1, с. 167—177. [Рез. на англ. яз.]
 445. *Самойлова Т. Л., Буравчук Н. П.* Краснофигурная керамика из Тиры.— В кн.: Материалы по археологии Северного Причерноморья Киев: Наукова думка, 1983, с. 152—158.
 446. *Сежерская Н. М.* Никоний и Нижнее Поднестровье в VI—IV веках до н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т археологии АН СССР. М., 1982, 23 с.
 447. *Сежерская Н. М.* Помещение с культурными предметами из Никония, в № 352, с. 123—135.
 См. также № 142.

ПЛЕМЕННОЙ МИР*

448. *Алексеев А. Ю.* О наконечниках стрел из Чертомлыцкого кургана. Археол. сб. Гос. Эрмитаж, вып. 25. Л., 1983, с. 73—77.
 449. *Анфимов Н. В.* Рыбный промысел у меотов.— Пробл. археологии и этнографии. М., 1983, вып. 2, с. 117—124. Иктиологический материал из раскопок Семибратнего городища и городищ Приазовья.
 450. *Артеменко И. И., Левченко Б. М.* Сарматское погребение у с. Баштечки Черкасской области.— СА, 1983, № 2, с. 144—151. [Рез. на англ. яз.]
 451. Археологические памятники лесостепного Подовья и Поднестровья. I тысячелетие н. э. Межвузовский сб. научн. трудов. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1983, 141 с., илл.
 452. *Барцева Т. Б.* Результаты спектродиагностического изучения архайческих комплексов Посулья, в № 348, с. 93—96. [Рез. на англ. яз., с. 102—103]
 453. *Барцева Т. Б.* Химический состав изделий античного импорта, найденный в Среднем Поднепровье (По данным спектрального анализа).— СА, 1983, № 4, с. 70—82. [Рез. на англ. яз.] Изделия античного производства, обнаруженные в скифских памятниках (VI—III вв. до н. э.).
 454. *Бессонова С. С.* Раскопки курганов у Акташского озера, в № 347, с. 243—244.
 455. *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Ин-т археологии АН УССР. Киев: Наукова думка, 1983, 140 с., илл.
 456. *Болтрик Ю. В.* Завершение исследований кургана Огуз, в № 347, с. 245.
 457. *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 2-е изд., испр. и дополн. М.: Мысль, 1983, 206 с.
 Рец.: Кузьмина Е. Е.— ВДИ, 1984, № 3, с. 130.
 458. *Брашинский И. Б.* В поисках скифских сокровищ. Пер. с русск. Ю. Се-

* См. также раздел III.

** См. также раздел III.

* См. также раздел III.

- лиранд. Таллин: Валгус, 1983, 142 с., илл. [На эст. яз.]
459. *Брашинский И. Б.* Периодизация и хронология греко-варварских взаимодействий на Нижнем Дону — Северо-Восточном Приазовье, в № 355, с. 44—51.
460. *Буданова В. П.* Готы в Северном Причерноморье и на Балканах в III—IV веках: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. ИВИ АН СССР, М., 1983, 19 с.
461. *Виноградов В. Б., Дударев С. Л.* К хронологии раннего этапа скифо-северокавказских взаимоотношений. — Изв. Юго-Осет. НИИ, Тбилиси, 1981 (на обл. 1983), вып. 26, с. 114—127.
462. *Виноградов В. Б., Дударев С. Л.* К этнокультурной интерпретации некоторых материалов VII в. до н. э. из Предкавказья, в № 348, с. 49—54. [Рез. на англ. яз., с. 100]
463. *Волков И. Г.* Скифские пронезные нашивки из Прикубанья, в № 348, с. 57—59. [Рез. на англ. яз., с. 100]
464. *Высотская Т. Н., Махнева О. А.* Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму, в № 354, с. 66—80.
465. *Высотская Т. Н.* Своеобразие культуры поздних скифов в Крыму, в № 354, с. 5—28.
466. *Галанина Л. К.* Раннескифские уздечные наборы (По материалам Келермесских курганов) — Археол. сб. Гос. Эрмитаж, вып. 24. Л., 1983, с. 32—55.
467. *Галибин В. А., Островертов А. С., Субботин Л. В.* Стекланные изделия из сарматских погребений, в № 352, с. 59—76.
468. *Грач А. Д.* Историко-культурная общность раннескифского времени в Центральной Азии, в № 348, с. 30—35.
469. *Гущина И. И.* К вопросу о датировке и этнической принадлежности некоторых впускных захоронений в курганах Прикубанья, исследованных Н. И. Веселовским в 1900 году, в № 478, с. 92—98.
470. *Дашевская О. Д., Мизлин Б. Ю.* Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника. — СА, 1983, № 3, с. 129—147. [Рез. на англ. яз.]
Конец III в. до н. э. — I в. н. э. Скифы.
471. *Джубанов А. А.* Видовой состав жертвенных животных курганных захоронений раннего железного века междууречья Волги-Эмбы, в № 478, с. 84—91.
472. *Ждановский А. М.* Появление алан в Прикубанье, в № 355, с. 81—84.
475. *Кутайсов В. А.* Городище первых веков н. э. на горе Тас-Тепе в Крыму, в № 354, с. 144—149.
486. *Кудряев Н. М.* Савроматские погребения Ивановской дюны, в № 478, с. 117—120.
487. *Ляшко С. Н.* Скифское изваяние из района Днепровского Надпорожья. — СА, 1983, № 2, с. 224—228.
488. *Максименко В. Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1983, 223 с., илл.
489. *Максименко В. Е.* Этническая история Подонья скифской эпохи, в № 355, с. 52—59.
490. *Малеванный А. М.* Этнические и исторические связи славян и иллирийцев, в № 2, с. 103—114.
491. *Мамонтов В. И.* Кенотаф савроматского времени Царевского курганного могильника, в № 478, с. 114—117.
492. *Марченко К. К.* Еще раз к вопросу о каллипидах. — СА, 1983, № 1, с. 67—79. [Рез. на англ. яз.]
493. *Марченко К. К.* Основные этапы истории Елизаветовского поселения на Дону, в № 355, с. 60—69.
494. *Марченко К. К., Житников В. Г.* Работы на Елизаветовском городище, в № 347, с. 124—125.
495. *Махнева О. А.* Работы на Неаполе Скифском, в № 347, с. 287.
496. *Медведев А. П.* Погребение воина в I Чертовском могильнике, в № 478, с. 121—129.
497. *Медведев А. П.* Сарматские памятники лесостепного Подонья, в № 355, с. 73—77.
498. *Медведев А. П., Разуваев Ю. Д.* Хронология погребений I Чертовского могильника, в № 451, с. 128—137.
499. *Медведев А. П., Прякин А. Д.* I Чертовский могильник (По раскопкам 1978 г.), в № 451, с. 101—127.
500. *Мелюкова А. И.* К вопросу о границе между скифами и гетами. — В кн.: Древние фракции в Северном Причерноморье. М., 1969, с. 61—80.
501. *Мозолевский Б. М.* Скифский степ. Квнв: Наукова думка, 1983, 199 с., илл.
502. *Мошкова М. Г.* К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфического этнического определителя, в № 478, с. 18—34.
503. *Мулкиджанян Я. П.* Новые находки мечей скифо-сарматского времени в лесостепном Подонье, в № 451, с. 137—141.
504. *Мыц В. Л.* Позднеантичный могильник на Южном склоне г. Чатырдаг, в № 354, с. 153—157.
505. *Петрик Л.* Скифы Молдавии. — Знание — сила, 1983, № 6, с. 20.
506. *Раевский Д. С.* Антропоморфные и зооморфные мотивы в репертуаре раннескифского искусства (К анализу предпосылок сложения скифского звериного стиля), в № 348, с. 8—15. [Рез. на англ. яз., с. 99]
507. *Раевский Д. С.* Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей, в № 581, с. 40—60.
508. *Сергацков И. В.* Савроматское погребение у с. Вишневка, в № 478, с. 98—103.
509. *Смирнова Г. И.* Всесоюзный симпозиум «Вопросы происхождения и хронологии скифской культуры», в № 348, с. 5—7.

510. *Смирнова Г. И.* Материальная культура Григоровского городища (К вопросу формирования чернолесско-жабатинских памятников), в № 348, с. 60—72. [Рез. на англ. яз., с. 102]
511. *Скорый С. А.* Вооружение скифского типа в Средней Европе (К вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т археологии АН УССР, Киев, 1983, 21 с.
512. *Соломоник Э. И.* Несколько памятников с сарматскими знаками, в № 354, с. 80—95.
513. *Сымонович Э. А.* Население столицы позднескифского царства (По материалам восточного могильника Неаполя Скифского). Киев: Наукова думка, 1983, 174 с., илл.
514. *Терезова Л. М., Чемякин Ю. П.* Новый могильник раннего железного века в Челябинской области, в № 478, с. 129—138.
515. *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Римляне в Карпато-Дунайских землях и культура местного населения II—V вв. н. э.— В кн.: Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван. Кишинев, 1983, с. 5—20.
- 515а. *Черненко Е. В., Мурзин В. Ю.* Курганы скифских царей. Из истории исследований.— Вестник АН СССР, 1982, № 11, с. 101—112.
516. *Чернопицкий М. П.* Непогребальные комплексы в курганах Нижнего Дона, в № 355, с. 84—89.
517. *Членова Н. Л.* Предыстория «торгового пути Геродота» (Из Северного Причерноморья на Южный Урал).— СА, 1983, № 1, с. 47—66. [Рез. на англ. яз.]
518. *Шилов В. П.* Аорсы (Историко-археологический очерк), в № 478, с. 34—48.
519. *Щегленко А. В.* Обряд погребения лесостепных племен междуручья Днестра и Дона в VII—III вв. до н. э.— Вестник ХГУ, 1983, № 238, история и культура досоциалистических формаций, с. 110—119.
520. *Шрамко Б. А.* Архаическая керамика восточного укрепления Бельского городища и проблема происхождения его обитателей, в № 348, с. 73—92. [Рез. на англ. яз., с. 102]
521. *Шрамко Б. А.* К вопросу о некоторых источниках изучения скифского ремесла.— Вестник ХГУ, 1983, № 238, история и культура досоциалистических формаций, с. 119—125.
522. *Шрамко Б. А.* Новые находки в городе Гелоне, в № 347, с. 334—335.
523. *Яйленко В. К.* Вопрос о идентификации рек и народов Геродотовой Скифии.— СЭ, 1983, № 1, с. 54—65. [Рез. на англ. яз., с. 174]
О книге Б. А. Рыбакова «Геродотова Скифия», М., 1979.
524. *Яценко И. В.* Винодельня на поселении Чайка.— КСИА, 1983, № 174, с. 18—25.
525. *Яценко И. В.* Раскопки в окрестностях Евпатории, в № 347, с. 337—339.
526. *Яценко И. В.* Северный квартал I скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории (По материалам раскопок 1974—1975 гг.), в № 354, с. 46—60.
См. также № 157, 158, 527, 528, 551, 570.

КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ*

527. *Абрамова М. П.* О хронологии ранней группы погребений Нижне-Джудатского могильника.— КСИА, 1983, вып. 176, с. 35—39.
Сарматская эпоха.
528. *Абрамова М. П.* Предварительные итоги исследования Подкумского могильника близ г. Кисловодска, в № 478, с. 60—69.
529. *Алиев К.* Кавказская Албания (I в. до н. э.— I в. н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. Ин-т истории АН АзербСССР, Баку, 1982, 40 с.
530. *Апакидзе А. М.* Великая Мцхета, в № 347, с. 403—405.
531. *Бгажба О. Х.* Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии (VII в. до н. э.— XV в. н. э.). Ин-т яз., лит. и истории АН ГССР. Тбилиси: Мецниереба, 1983, 104 с., табл.
532. *Бохочадзе А. В.* Настакисская экспедиция, в № 347, с. 406—407.
533. *Вани.* Археол. раскопки. VII. Тбилиси: Мецниереба, 1983, 159 с., илл. [Текст на груз. яз. Часть текста на русск. яз. Рез. на русск. яз.]
534. *Варшанидзе Ш.* Хозяйственный и политический расцвет Аджарии в эпоху античности.— Чорех, 1983, № 4, с. 84—90. [На груз. яз.]
535. *Вашакидзе В. В.* Источниковедческие проблемы изучения социальной структуры Восточной Грузии в IV/III — I вв. до н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГССР, Тбилиси, 1983, 26 с.
536. *Воронов Ю. Н.* Раскопки Цибилиума, в № 347, с. 407.
537. *Гадиров Ф. В.* О ювелирном искусстве Кабалы.— Изв. АН АзербСССР, сер.: история, философия и право, Баку, 1982, № 2, с. 67—76. [На азерб. яз. Рез. на русск. яз.]
538. *Гуледани Л. И.* Грузинская версия жизнеописания Эсопа и его притчей и старославянские издания.— Изв. АН ГССР, сер.: яз. и лит., Тбилиси, 1983, № 1, с. 71—77. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
539. *Гуледани Л. И.* О времени перевода грузинской версии жизнеописания Эсопа и его притчей.— Сообщ. АН ГССР, Тбилиси, 1983, т. 110, № 3, с. 649—652. [На груз. яз. Рез. на русск и англ. яз.]
Исследования указывают на 1712—1717 гг. и 1765—1766 гг.

* См. также раздел III.

540. *Гурштейн А. А.* Значение армянских источников VII века для установления протажественности греческого стадия.— *Вопр. истории естествознания и техники*, 1983, № 2, с. 107—108.
541. *Джапаридзе В. М.* Разведки в Эгриси, в № 347, с. 410—411.
542. *Инадзе М. Н.* К интерпретации «Политии фасисцев» Гераклида.— *Изв. АН ГССР*, сер.: история, археология, этнография и история искусства. Тбилиси, 1983, № 1, с. 61—71. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
543. *Кипиани Г. Г.* Архитектура и строительное дело древнего Вани в III—I вв. до н. э. (История археологических исследований): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Центр. археол. исслед. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ГССР. Тбилиси, 1983, 23 с.
544. *Логонов В. А.* Новые материалы по археологии Диоскуриады.— *СА*, 1983, № 2, с. 228—229.
545. *Лордкипанидзе О. Д.* Новые археологические открытия в Вани.— В кн.: Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник, 1981. Л., 1983, с. 467—481.
546. *Лордкипанидзе О. Д.* Раскопки в Вани, в № 347, с. 411—412.
547. *Махарадзе М. К.* Философские источники ареопагитики. Тбилиси: Мецниереба, 1983, 100 с. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
Платон, Плотин, Прокл.
548. *Меликишвили Н. Г.* Инфинитив, масдар и дееспричастие в грузинском переводе сочинения Иосифа Флавия «Иудейские древности».— *Изв. АН СССР*, сер.: яз. и лит., Тбилиси, 1983, № 1, с. 115—134. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
549. *Мирзоян Г. К.* К вопросу об армянском переводе и толковании «Метафизики» Аристотеля.— *Вестник Ереван. обществ. науки*, 1983, № 1, с. 83—93. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.]
Перевод Степаноса Лехаци (XVII в.).
550. *Морчадзе Т. А.* Керамика античного периода Шида Картли (По петрографическим данным): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГССР, Тбилиси, 1982, 17 с.
551. *Петренко В. Г.* Скифская культура на Северном Кавказе, в № 348, с. 43—48. [Рез. на англ. яз., с. 100]
552. *Петросян Г. Б.* Система линейных мер по армянским источникам VII века и их взаимосвязь с мерами эпохи эллинизма.— *Вопр. истории естествознания и техники*, 1983, № 2, с. 104—107.
553. *Саинян А. А.* Архитектура античных сооружений Гарни. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983, 261 с., илл. [На арм. яз. Рез. на русск. и англ. яз.]. VI в. до н. э. — III в. н. э.
554. *Саинян А. А.* Теория Витрувия о строении храмов и античный храм в Гарни. Ереван, 1978.
555. *Синауридзе М. И.* Памятники позднебронзовой и античной эпох Казретского ущелья. IV Междунар. симпоз. по груз. искусству. Ин-т истории АН ГССР. Тбилиси: Мецниереба, 1983.
556. *Сирадзе Р. Г.* Давид Анахт и проблема «красоты мысли», в № 1, с. 90—102.
557. *Тевзадзе Г. В.* Иоанн Петрици о значении человека, в № 1, с. 104—118. Иоанн Петрици — переводчик Платона, Аристотеля, Прокла.
558. *Тиращян Г. А.* Раскопки древнего Армавира, в № 347, с. 427.
559. *Тиращян Г., Карапетян И.* Раскопки Армавира в 1981—1982 гг.— *Вестник обществ. наук АН АрмССР*, Ереван, 1983, № 10, с. 56—64. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.]
560. *Хачатрян Ж.* Армения и Сирия — центры стеклоделия.— *Вестник обществ. наук АН АрмССР*, 1983, № 7, с. 59—66. [Рез. на арм. яз.]
561. *Хидашели Ш. В.* Проблема неоплатонизма в трудах А. Ф. Лосева, в № 1, с. 27—53.
562. *Цанава Р. А.* Мифологические аспекты образа Гекаты и предание об аргонавах.— В кн.: Грузинский фольклор. Тбилиси, 1983, т. 13, с. 90—121. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]
563. *Чигладзе В. В.* Раскопки Жинвальского могильника в № 347, с. 417—418.
564. *Чюкони А. М.* Золотые украшения Ванского городища: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Центр. археол. исслед. Ин-та истории, археологии и этнографии. АН ГССР, Тбилиси, 1983, 23 с.
565. *Шамба Г. К.* Погребения VI в. до н. э. близ Сухуми.— *КСИА*, 1983, № 174, с. 33—37.
См. также № 146, 154, 165, 344, 461, 462, 472, 477, 569, 570.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ*

566. *Адылов Ш. Т.* О коропластике Бухарского Согда.— *История материальной культуры Узбекистана*, 1983, вып. 18, с. 65—75.
567. *Аржанцева И. А.* К вопросу о символике поясов в древности (По материалам исслед. росписи Афрасиаба).— *Пробл. истории СССР*, 1983, вып. 13, с. 3—18.
568. Бактрия-Тахаристан на древнем и средневековом Востоке. Тез. докл. конф., посвящ. десятилетию Юж.-Тадж. археол. экспедиции. Ин-т истории АН ТаджССР. М.: Наука, 1983, 91 с.
569. *Днепровский К. А.* Веселая научная конференция «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье».— *СА*, 1983, № 2, с. 293—296.

* Работы по истории Средней Азии в указателе включены выборочно. См. также раздел III.

- Москва, 7—12 дек. 1981 г.
570. *Куклина И. В.* Аракс Геродота. История вопроса, в № 348, с. 36—42. [Рез. на англ. яз., с. 99]
571. *Литвинский Б. А.* Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии (К вопросу о парфяно-бактрийских соответствиях), — в № 581, с. 81—123.
572. *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Тепай-Шах: культура и связи Кушанской Бактрии. М.: Наука, 1983, 239 с., илл. В приложении: Монетные находки 1972 г. из Шартузского р-на. Реестр Е. В. Зеймаль. [Рез. на англ. яз.]
573. *Лукин Б.* Прозревая даль времен (О кушанской цивилизации. Исторический очерк). — Звезда Востока, 1983, № 7, с. 162—171.
574. *Лукина С. Б.* Статуэтка лютнистки из Капкадарьинского оазиса — ОНУ, 1983, № 9, с. 31—43.
575. *Пичикян И. Р.* Храм Окса на Тахти-Сангине, в № 347, с. 488—489.
576. *Пузаченкова Г. А.* Курган-тепе (Согдийско-Кангюйский симбиоз), в № 356, с. 13—16.
577. *Пьянков И. В.* Хорезм в античной письменной традиции. — В кн.: Хорезм и Мухаммед-аль-Хорезми в мировой истории и культуре (К 1200-летию со дня рождения). Душанбе, 1983, с. 38—56.
578. *Ртвеладзе Э. В.* Могильник кушанского времени у Ялангтуш-тепе. — СА, 1983, № 2, с. 125—143. [Рез. на англ. яз.]
579. *Ртвеладзе Э. В.* Первые рукописи великих кушан (Археологические раскопки на Кампыр-тепе). — Знание — сила, 1983, № 4, с. 34—35.
580. *Сарианиди В. И.* Афганистан: сокровища безымянных царей. М.: Наука, 1983, 159 с., илл.
О работе Советско-Афганской археологической экспедиции в 1978—1979 гг. на городище Тилля-Тепе.
581. Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М.: Наука, 1983, 18 с., илл.
582. *Хлопин И. Н.* Историческая география южных областей Средней Азии (Античность и раннее средневековье). Ашхабад: Ылым, 1983, 210 с., илл. [Рез. на англ. яз.]
583. *Шеркова Т. А.* О контактах Египта с Кушанской Бактрией (По археологическим материалам из Южного Таджикистана). — В кн.: Древний и средневековый Восток: история, филология. М., 1983, с. 121—138.
584. *Шишкин Г. В.* Становление и ранние этапы развития города Самаркандского Согда. — Археология Средней Азии и Ближнего Востока. II Советско-американский симпозиум. Тезисы докладов. Самарканд, 6—12 сент. 1983 г. Ташкент: Фан, 1983, с. 92—93. См. также № 147, 148, 149, 152, 160.

Сост. И. Е. Борц

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ С. Л. УТЧЕНКО

3 декабря 1984 г. в Институте всеобщей истории АН СССР состоялись Научные чтения, посвященные памяти С. Л. Утченко, которые ежегодно проводит сектор истории древнего мира. Во вступительном слове зав. сектором *Е. С. Голубцова* говорила о том, что в 1984 г. Чтения памяти С. Л. Утченко посвящаются теме «Человек и общество в античном мире». Широко известно то внимание, которое уделял С. Л. Утченко роли личности в истории античного мира. Он был мастером исторической биографии — жанра, редко встречающегося сейчас в нашей литературе. С. Л. Утченко отмечал, что «в истории человечества встречаются такие личности, которые, некогда появившись, проходят затем через века, через тысячелетия, через всю доступную нашему умственному взору смену эпох и поколений. Такие люди поистине „вечные спутники“ человечества»¹. Биографии крупнейших деятелей Рима написаны им на широком фоне исторических событий гражданских войн конца республики. Например, в биографии Цезаря большое внимание С. Л. Утченко уделил борьбе Цезаря и Помпея, событиям в Риме после возвращения Цезаря из Испании и до мартовских ид 44 года. Он дал характеристику позиции сената, выборам должностных лиц на 44 год, планам внешней политики Цезаря, парфянскому походу и другим событиям.

В биографии Цицерона С. Л. Утченко ставит вопросы о характере римского общества во II—I вв. и кризисе Римской республики. Его интересует оценка экономического, а не только политического положения Рима, развитие товарно-денежных отношений, расцвет внешней торговли, международные отношения, и на фоне этих событий им показана многогранная, отнюдь не всегда обрисованная как положительная личность великого оратора древности — Цицерона.

С. Л. Утченко не идеализировал своих героев, он указывал на их сильные и слабые стороны. В своих книгах, статьях, лекциях он давал объективные разносторонние и многогранные характеристики исторических деятелей античного мира.

После выступления *Е. С. Голубцовой* был зачитан неопубликованный доклад С. Л. Утченко «Трактат Цицерона *De officiis* и образ гражданина». *А. И. Павловская*, приступая к чтению, пояснила, что найденный в бумагах С. Л. Утченко доклад, по-видимому, был подготовлен для выступления в научном студенческом обществе или в какой-то другой аудитории с явно популяризаторской целью. Очевидно, доклад написан после 1972 г. и, может, даже после 1974 г., так как его содержание во многом совпадает с докладом С. Л. Утченко на конференции «Эйрене» в Клуже в 1972 г. «Трактат Цицерона *De officiis* и образ „идеального гражданина“» и с написанным им послесловием к книге «Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях» (М., 1974), но направленность его несколько иная. Это подчеркивается в названии и в тексте доклада: речь идет не об идеальном гражданине, а просто о гражданине.

Кратко охарактеризовав время создания трактата и его источники, С. Л. Утченко пишет, что социально-политические тенденции трактата «наиболее ярко отражены в образе идеального — и вместе с тем „рядового“ гражданина» и что посвящение сыну не случайно: трактат ориентирован «на молодого римлянина, достойного гражданина, вступающего на путь государственной деятельности и карьеры». Далее С. Л. Утченко рассматривает учение Цицерона об обязанностях, анализируя важнейшие, с его точки зрения, понятия: *honestum*, *justitia* и *beneficentia*. При этом он показывает, что в изображении Цицерона римский гражданин — земледелец, воин и рабовладелец — должен быть охранителем частной и государственной собственности и правопорядка, защитником могущества римского государства, справедливым и рачительным хозяином. Однако Цицерон признает, что реальное общество, в котором он живет, состоит не из идеальных граждан, и потому полагает, что нельзя пренебрегать и теми, кто проявляет

¹ Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1972, с. 3.

хоть какие-то признаки добродетели. С. Л. Утченко затрагивает также вопрос о трактовке Цицероном взаимоотношений человека и общества и установленной им градации общественных связей, с выдвиганием на первое место обязанностей по отношению к отечеству и родителям, а затем уже к детям, семье и пр., и отмечает, что именно с этим связана наиболее специфическая из римских добродетелей — *pietas*.

После чтения текста С. Л. Утченко были заслушаны пять докладов, посвященных различным проблемам изучения истории и культуры античного общества.

В докладе *Л. И. Маринович* «Ликург — афинянин» была дана общая характеристика деятельности Ликурга — политика и знаменитого оратора, единственного после Перикла афинянина, который оставил такой след в истории своего родного полиса, что время его деятельности в Афинах (338—326 гг. до н. э.) справедливо называют его именем. Политика Ликурга, врага Македонии, была весьма многогранна, и анализ ее позволяет говорить о настоящей программе, имевшей целью возрождение Афин и укрепление их мощи. Один из основных аспектов этой программы — военно-технический: увеличение флота, строительство верфи, доков, арсенала и т. п. Принимались также меры по сохранению единства гражданского коллектива, много внимания уделялось религии (возрождение старых культов и др.). Активное строительство играло как «прокламативную» роль, так и должно было обеспечить беднейшим гражданам прожиточный минимум и привлечь средства богачей. В области экономической, в соответствии с традициями афинской демократии, поощрялась торговля. Вся деятельность Ликурга, весьма плодотворная, свидетельствует о том, что афиняне, в лице своих лучших представителей, были далеки от того, чтобы смириться с македонской супрематией, и копили силы для будущей борьбы.

В. Н. Ярхо в докладе «О некоторых чертах эллинистической мелики» остановился на стихотворных памятниках IV—III вв. до н. э., принадлежащих преимущественно к области культовой поэзии (гимны, пеаны) и не привлекавших у нас до сих пор внимания ни историков, ни литературоведов. В художественном отношении эти произведения, ставшие известными главным образом в результате публикации эпитафических и папирусных находок, не являются выдающимися творениями, но представляют известный интерес как с точки зрения бытования жанра мелики (вопреки традиционным представлениям о завершении ее развития на рубеже V—IV вв.), так и в плане его идеологического насыщения. Докладчик выделил три наиболее характерные черты этой поздней мелики. 1. Все более развивающийся и одновременно сниженный синкретизм верований, при котором утрачивается и традиционная генеалогия богов классического периода и представление об их масштабе по отношению друг к другу (перенесение на Рею и Зевса конфликта между богами и Деметрой; придание Тихе функций Зевса). 2. Трансформация мифа с целью приспособления его к нуждам местной «священной истории» (пеан Исилла из Эпидавра в честь Аполлона и Асклепия, дающий нетрадиционную генеалогию Асклепия). 3. Включение в мелическое произведение актуальной политической тематики (уже упомянутый пеан Исилла, по-своему толкующий события после битвы при Херонее; гимн в честь богини Ромы, сочиненный в сапфических строфах некоей Мелинны). Указанные признаки, естественно, не исчерпывают всех свойств поздней мелики, которая заслуживает внимания как материал отнюдь не бесполезный для истории идеологии в эллинистическую эпоху.

В докладе *А. И. Немировского* «Новое об этрусках» рассмотрен ряд сюжетов, связанных с новым чтением некоторых давно известных этрусских текстов, с открытием новых надписей и важнейшими археологическими открытиями этрусских памятников в последние годы. Центральное место в докладе занимало предложенное А. И. Немировским толкование модели печени из Пьяченцы как календарной системы. Привяв за «порог года» линию, отделяющую участки *cilen* и *tin cilen*, докладчик установил соответствие *cilen* с римским Янусом и определил 12 названий этрусских месяцев от месяца земли — *tesum* (январь). Удалось отыскать в этрусских текстах меноним *садр*, обозначенный на ободке печени сокращением *садр*. Установление соответствий между названиями месяцев на ободке печени и знаками Зодиака позволило докладчику понять менонимы *tluscv* и *svl'alr* в значениях «рак» и «юная дева». Четыре из шестнадцати участков ободка печени, отведенные главным богам — три участка Тину и его спутникам, один участок Уни и ее спутницам, по мнению докладчика, служили резервом времени и использовались при интеркаляциях.

В докладе было охарактеризовано значение открытия этрусской Мантии в плане перспектив изучения этрусской колонизации Северной Италии и понимания этрусских пассажей Вергилия и его комментаторов, освещено значение открытий памятников этрусского искусства в Мурло. Докладчик остановился на материалах раскопок неразграбленной этрусской гробницы рода Куту и высказал ряд соображений по поводу некоторых необычных особенностей этого памятника.

Г. С. Кнабе в своем сообщении «К специфике межличностных отношений в античности» остановился на некоторых зарубежных публикациях последних лет, прямо или косвенно связанных с характером межличностных отношений и с проблемой малых социальных групп в древних Риме и Греции. В монографии о Нероне румынского исследователя Э. Чизека ² этой проблеме посвящен обширный раздел, где в общем, при всех частных недостатках, содержится, по мнению докладчика, правильная характеристика основных черт римских социальных микромножеств: потребность в микрогрупповом общении — устойчивая черта общественной жизни римлян, проявление их исторически обусловленных социально-психологических особенностей, восходящих к традициям общины и клиентеле; социальные микрогруппы меняют свой характер при империи, становясь компенсацией распавшейся в новых условиях общинной солидарности. Несмотря на общность происхождения, эти группы существовали в конце республики и в начале принципата в двух сильно разнящихся видах — народном (коллегии) и аристократическом (литературно-философские кружки).

Они однако, были не единственными формами, в которых проявлялось тяготение римского общества ко всякого рода социальным микрообъединениям — семейно-родственным ячейкам, постоянно гибнувшим и постоянно реанимировавшимся общинным образованиям, клиентельным и амикальным группам, коллегиям, сообществам и содружествам разного рода, столь характерным для древнего Рима на всем протяжении его истории. Материал кратко проанализированных в докладе работ по римскому «предколлату» и по римским компаниям откупщиков ³ показывает, что и хозяйственные или финансовые организации, малая или средняя вилла и откупная компания, строились во многом как тесные группы, спаянные межличностными отношениями.

Вопрос о происхождении социальных микрогрупп и об историческом смысле микромножественного принципа в общественной жизни римлян и греков был рассмотрен докладчиком в связи с книгой оксфордского преподавателя О. Мэррея ⁴ и примыкающим к ней работами того же автора ⁵, посвященными пиришественным содружествам в архаической Греции и генетически связанным с ними фиасам и гетериям IV в. до н. э. Построения автора вызвали у докладчика ряд возражений. По мнению О. Мэррея, совместные трапезы и сходящиеся на них относительно устойчивые микрогруппы были характерны почти исключительно для аристократии; Г. С. Кнабе стремился показать, что аристократические пиришественные содружества были одними из многих деталей несравненно более широкой картины, охватывавшей самые разные социальные слои. О. Мэррей считает, что греческие микромножества развивались имманентно — каждая данная их форма порождала следующую и т. д.; по мнению Г. С. Кнабе, социальные микромножества в Греции, как и в Риме, не возникли в некоторый момент общественной эволюции, чтобы в дальнейшем развиться имманентно, а порождались постоянно и связаны тем самым с коренными, непреходящими свойствами античного общества. Постоянное тяготение античного человека к микросообществам, заключает докладчик, есть особое проявление определявшего все его мироощущение общинного принципа жизни, ибо самое ограниченное, натуральное в своей основе хозяйство тяготело к соотвествовавшей его возможностям дробности производства, общественной структуры

² Cizek E. Néron. P.: Fayard, 1982, 474 p.

³ John K.-P., Kahn J., Weber U. Die Kolonen in Italien und in den westlichen Provinzen des römischen Reiches. B., 1983, 487 S.; Cimma M.-R. Ricerche sulle società di publicani. Milano, 1981, 275 p.

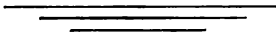
⁴ Murray O. Early Greece. Glasgow, 1980, 319 p. Книга рецензировалась в ВДИ, 1983, № 2, но разделы, связанные с разбираемой темой, в этой рецензии отражения не нашли.

⁵ Murray O. Symposium and Mannerbund.— In: Concilium Eirene XVI. Proceedings of the 16th International Eirene Conference, Prague 31.8—4.9.1982. V. 1—3. Prague, 1983, v. 1, p. 47—52; *idem*. The Greek Symposium in History.— In: Tria Cordi. Scritti in onore di Arnaldo Momigliano. Como, 1983, p. 257—272.

и жизни. Этот принцип постоянно подрывался историческим развитием и постоянно реанимировался в силу самой природы античного общества, вновь и вновь порождая массовую потребность в микрогрупповом бытии.

В докладе *С. В. Шкунаева* «Кельтские и римские божества: проблемы отождествления» рассматривались вопросы наложения образов кельтских и римских божеств в Галлии I—III вв. н. э. на уровне иконографии, с привлечением данных надписей. Докладчик подчеркнул сложность составления своего рода словаря кельтских и римских богов, взаимодействующих в культурной среде разной степени романизации и на разных социальных уровнях.

Закрывая Научные чтения, посвященные памяти *С. Л. Утченко*, *Е. С. Голубцова* поблагодарила выступавших и отметила научный интерес всех заслушанных докладов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

DOMITII ULPIANI
DE OFFICIO PROCONSULIS
LIBRI X

ДОМИЦИЙ УЛЬПИАН
ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ПРОКОНСУЛА

(Сохранившиеся фрагменты по Palingenesia iuris
civilis О. Ленеля)

Перевод с латинского, вступительная статья
и примечания А. Л. Смышляева

Домиций Ульпиан и его трактат «Об обязанностях проконсула»

Довольно многочисленные, но вместе с тем отрывочные и противоречивые упоминания об Ульпиане, дошедшие до нас в разнородных и не всегда достоверных трудах античных авторов, позволяют восстановить лишь отдельные вехи биографии знаменитого юриста и государственного деятеля эпохи Северов.

Ульпиан был уроженцем города Тира¹. Он родился в 60-х годах II в. н. э., а в 80-х получил правовое образование у Папиниана². В свою очередь и он занимался преподаванием права. Одним из его учеников был известный впоследствии юрист Геренний Модестин³. Свои основные труды Ульпиан создал при Каракалле и его ближайших преемниках Макрине и Элагабале. За одно десятилетие (211—221 гг.) было написа-

¹ Он сам указывает на это в одном из своих сочинений (D 50.15 pr.). Далее сноски на Дигесты даются без указания источника.

² И то и другое — не твердо установленные факты, а лишь предположения, основанные на косвенных данных. См. Honoré A. M. The Severan Lawyers: a preliminary survey. — SDHJ, 1962, 28, p. 207 f.

³ Об этом упоминает сам Ульпиан (47.2.52.20).

но около 30 трактатов общим объемом почти в 250 книг⁴. Ни один другой римский юрист ни до, ни после него не смог достигнуть столь высокой интенсивности литературного творчества. Сочинения Ульпиана пользовались большим авторитетом как у contemporанов ему, так и у более поздних римских юристов⁵.

Наряду с другими ведущими юристами своего времени Ульпиан не ограничивался разработкой и преподаванием права, но принимал активное участие в работе государственного аппарата. Свою службу он начал, скорее всего, с поста советника (*assessor*) претора по вопросам права⁶, затем (не ранее 205 г.) стал советником префекта претория Папиниана⁷. Возможно, несколько позднее Ульпиан стал заведовать ведомством прошений (*a libellis*) императорской канцелярии⁸. Этот пост предназначался в то время для выдающихся юристов, которые принимали участие в разработке императорских рескриптов⁹. Видимо, с приходом к власти Каракаллы совпадает отход Ульпиана от активной государственной деятельности. Новый взлет его карьеры был связан с началом правления Александра Севера. Не позднее марта 222 г. Ульпиан становится префектом анноны¹⁰, не позднее декабря того же года — префектом претория¹¹. Первоначально он исполнял свои обязанности вместе с двумя коллегами — Флавяном и Хрестом, но вскоре оба они были казнены по обвинению в заговоре, и Ульпиан остался единственным префектом¹². Занимая этот пост, он обладал громадными полномочиями¹³. Кроме того, он принадлежал к придворной камарилье, заправлявшей всеми делами государства вместо несовершеннолетнего императора¹⁴ (в официальных документах император именовал Ульпиана своим отцом — *pater*¹⁵). В кодексе Юстиниана сохранилось 100 императорских постановлений, относящихся к 223 г. — времени единоличной префектуры Ульпиана. Ни один другой год деятельности императорской канцелярии эпохи Ранней империи не оказался столь плодотворным. Очевидно, такое совпадение не случайно. В следующем году наблюдается резкий спад активности императорской канцелярии (всего 60 постановлений). Видимо, именно на этот год приходится гибель Ульпиана в результате мятежа преторианцев¹⁶. Он был убит в императорском дворце на глазах у Александра¹⁷.

⁴ См. *Jörs*. *Domitius Ulpianus*. — RE, Hbd, 9, S. 1455; *Honoré*. *Op. cit.*, p. 208—211. Одна книга — это папирусный свиток, вмещающий 10—12 тыс. слов, или около 2 п. л.

⁵ Модестин называет Ульпиана наряду с Цервидием Сцеволой и Павлом «вождем юристов» (27.1.13.2). Указом 426 г. мнения Ульпиана и еще 4 ведущих юристов были объявлены обязательными для судей (CTh, 1, 4, 3). В программу юридических школ V—VI вв. входило изучение отдельных разделов из сочинений Ульпиана. См. *Перетерский И. С.* Дигесты Юстиниана. М., 1956, с. 40.

⁶ 4.2.9.3; 40.2.8.

⁷ SHA, *Pesc. Nig.* 7.4; *Alex.* 26.6.

⁸ В очень ненадежных источниках имеются противоречивые данные о службе Ульпиана а *libellis* или в качестве главы какого-то ведомства императорской канцелярии либо при Александре Севере, либо непосредственно перед этим (SHA, *Pesc. Nig.* 7.4; *Alex.*, 15.6; 26.4; *Eutrop.*, VIII, 23). Ряд исследователей полностью отрицают эти данные (см. *Pflaum H. G.* *Les carrières procuratoriennes*. . ., P., 1960—1961, № 294; *Birley A.* *Septimius Severus*. N. Y., 1972, p. 341 f.). Другие принимают их с отдельными хронологическими поправками, основываясь на хорошем знакомстве Ульпиана с архивом ведомства а *libellis* (*Jörs*. *Op. cit.*, Sp. 1436—1437; *Kunkel W.* *Herkunft und soziale Stellung der römischen Juristen*. Graz — Wien — Köln, 1967, S. 245). А. Онопере обнаружил ряд соответствий в стиле Ульпиана и рескриптов Септимия Севера (*Honoré A. M.* «Imperial» Rescripts A. D. 193—305; *Authorship and Authenticity*. — JRS, 1979, 69, p. 55 f.).

⁹ См. *Смышляев А. Л.* Всадники во главе ведомств императорской канцелярии во II — начале III в. н. э. — ВДИ, 1981, № 2, с. 100 слл.

¹⁰ CJ, VIII, 37, 4.

¹¹ CJ, IV, 65, 4.

¹² *Dio*, LXXX, 1; *Zosim.*, I, 11.

¹³ При Александре Севере постановления преторианских префектов приравниваются к нормам права. См. CJ, I, 26, 1; I, 26, 2.

¹⁴ *Dio*, LXXX, 1; SHA, *Alex.* 15.6; 26.5; 51.5.

¹⁵ CJ, IV, 65, 4.

¹⁶ Еще недавно убийство Ульпиана на основании косвенных данных датировали 228 или 229 г. Однако последние папирусные находки свидетельствуют о том, что он погиб не позднее марта 224 г. См. P. Оху. 2565; *Modrzejewski J.*, *Zawadzki T.* *La date de la mort d'Ulpian et la Prefecture du Pretore au debut du règne d'Alexandre Severe*. — *Rev. Hist. du Droit*, 1967, 45, p. 565 ff.

¹⁷ *Dio*, LXXX, 2.4; *Zosim.*, I, 11.

И возвышение, и гибель Ульпиана характерны для переломной северовской эпохи — времени высочайшего подъема классической юриспруденции и одновременно кануна ее заката. Печатью эпохи отмечено и творчество Ульпиана. К рубежу II и III вв. н. э. относится заметный рост бюрократических тенденций как в работе государственного аппарата, так и в деятельности ведущих юристов, которые занимали различные посты в складывающейся административной иерархии, а в творчестве отдавали дань тенденции к унификации, кодификации и регламентации¹⁸. Особенно активно работал в этом направлении Ульпиан. В своих сочинениях, написанных в традиционных жанрах комментариев «К Сабину» (51 кн.) и «К эдикту» (82 кн.), он собрал, систематизировал и изложил в простой и ясной форме мнения наиболее авторитетных римских юристов почти по всем вопросам гражданского и преторского права¹⁹. Тем самым он подвел итоги развитию традиционной римской юриспруденции²⁰ и заложил основу будущей Юстиниановой кодификации²¹.

Не менее весомым был вклад Ульпиана в разработку новых нетрадиционных жанров, непосредственно связанных с нуждами нарождающейся бюрократии. С середины II в. н. э. появляются отдельные трактаты, посвященные военному, фискальному, уголовному и административному праву. Начиная с эпохи Северов можно говорить уже о формировании соответствующих жанров²². Особое значение имела разработка административного права, которое ведет свое начало от трактата Ветулея Сатурнина «Об обязанностях (или „О должности“) проконсула» (в четырех книгах), созданного около середины II в. н. э.²³ Несколько позднее, видимо, при Марке Аврелии, был написан трактат Ульпия Марцелла «Об обязанностях консула». При Северах возникает обширная литература по административному праву: произведения, посвященные обязанностям магистратов, промагистратов и чиновников различного ранга, начиная от префекта города и вплоть до скромных советников (ассесоров). До нас дошли фрагменты 16 трактатов такого рода, созданных северовскими юристами²⁴. Восемь из них принадлежат Ульпиану²⁵.

Интерес к разработке административного права был обусловлен насущными потребностями эпохи — необходимостью более основательно, чем раньше, регламентировать права и обязанности должностных лиц, составить для них надежные унифицированные инструкции²⁶. Поэтому произведения, начинающиеся со слов «De officio...», представляют собой не только и не столько юридические трактаты, сколько практические руководства по судебной, административной деятельности и даже по этикету. Они написаны более доступным, «популярным» стилем, чем обычные «академические» труды по праву, в расчете на широкую аудиторию²⁷.

Среди написанных тогда работ по административному праву можно выделить произведения, посвященные обязанностям наместника провинции. Это трактаты «Об обязанностях проконсула», написанные Ветулеем, Павлом и Ульпианом, а также трактат Макра «Об обязанностях презида». Самым выдающимся произведением этого рода, как

¹⁸ См. *Schulz F. History of Roman Legal Science. Oxf., 1946, p. 105—107; Смышляев А. Л. Септимий Север и римская юриспруденция. — Правоведение, 1975, № 3, с. 62 слл.*

¹⁹ *Schulz. Op. cit., p. 198 f.; Jolowicz H. F., Barry Nicholas. Historical Introduction to the Study of Roman Law. Cambr., 1972, p. 394.*

²⁰ До Ульпиана почти каждый видный юрист писал свой комментарий «К эдикту». После него уже никто больше не обращался к этой теме.

²¹ Как справедливо отмечает А. Оноре, постклассическое, римское право развивалось главным образом по пути, намеченному Ульпианом (*Honoré. The Severan Lawyers, p. 232*). Не случайно фрагменты из сочинений Ульпиана составляют около 40% объема *Дигест*.

²² *Schulz. Op. cit., p. 139 f., 241 f.*

²³ *Palingenesia iuris civilis/Ed. Lenel O. T. 2. Lipsiae, 1889, Venuleius, fr. 42—51.*

²⁴ *Schulz. Op. cit., p. 243 f.*

²⁵ Джорс добавляет к ним еще одну работу — «*De omnibus tribunalibus*», которую он также причисляет к жанру административного права (*Jörs. Op. cit., Sp. 1454—1455*).

²⁶ К началу III в. н. э. происходит определенная кодификация императорских мандатов-инструкций наместникам провинций (см. 48.19.27.2; *Scherwin-White A. N. The Letters of Pliny. Oxf., 1966, p. 590*). К этому же времени относится «Письмо Септимия Севера к Фабию Цилому» — административная инструкция, регламентирующая обязанности префекта города (1.12.1; 48.19.8.5; 48.22.6).

²⁷ *Schulz. Op. cit., p. 246.*

и всей литературы по административному праву, явилась работа Ульпиана «Об обязанностях проконсула» (в 10 кн.), созданная в правление Каракаллы²⁸.

В составе Дигест, а также юридического сборника конца IV — начала V в. «Сопоставление законов Моисеевых и римских (Collatio legum Mosaicarum et romanarum)» сохранилось более сотни фрагментов из этого произведения²⁹, составляющих примерно восьмую часть первоначального текста. Остальные трактаты по административному праву нам известны гораздо хуже; от большинства из них осталось лишь по несколько фрагментов. В период Поздней империи трактат Ульпиана продолжали читать и переписывать; его текст сравнительно мало пострадал от интерполяторов³⁰.

О. Ленель разобрал сохранившиеся фрагменты трактата по книгам и попытался реконструировать (в значительной мере предположительно) порядок разделов внутри книг. Прделанная им работа позволяет представить себе в основных чертах композицию трактата³¹, который начинался описанием приезда проконсула в провинцию, а завершался описанием его отъезда.

В I книге давались рекомендации, касающиеся путешествия и въезда в провинцию, назначения легата и определения его обязанностей. Во II книге речь шла об объезде провинции по судебным округам. В связи с этим определялась юрисдикция проконсула и характеризовался порядок гражданского судопроизводства. Попутно давались рекомендации, как вести себя при объезде провинции и во время судебных заседаний. В III—V книгах речь шла о муниципальных делах. Рассматривался порядок замещения почетных должностей и распределения повинностей и податей. В VI книге трактовались отдельные вопросы гражданского права, — в частности, о введении во владение наследственным имуществом и об отпуске рабов на волю. В VII—X книгах разбирались полномочия наместника, связанные с охраной общественного порядка. Сначала речь шла об уголовном судопроизводстве, которое трактовалось в связи с «Lex Iulia iudiciorum publicorum» (фр. 2184—2189), затем разбирались законы, посвященные государственным и уголовным преступлениям. К VIII—IX книгам относятся также фрагменты, касающиеся экстраординарного судопроизводства и соответствующих преступлений. В VIII книге большой раздел был уделен допросам под пыткой, в кн. IX—X — речь шла о видах наказаний и порядке их назначения (фр. 2237—2250).

В трактате можно выделить две основные части. Первая охватывает I—VI книги, посвященные повседневному обязанностям наместника и гражданскому судопроизводству и праву. Вторая состоит из VII—X книг, характеризующих его полицейские карательные функции и уголовное судопроизводство и право. К ней относятся три четверти сохранившегося текста. Очевидно, позднейшие компиляторы черпали свой материал о гражданском праве и судопроизводстве в основном из произведений, относившихся к традиционным жанрам. Отдельные крупные фрагменты дают представление о характере изложения материала — сначала приводятся общие положения, затем они уточняются и конкретизируются посредством разбора спорных ситуаций и судебных прецедентов, при этом Ульпиан ссылается, как правило, на различные указы и постановления (см., например, фр. 2209, 2243).

В качестве источников трактата Ульпиан использовал труды предшествующих юристов³², законы, сенатусконсульты, императорские мандаты, постоянный и, видимо, провинциальный эдикты. Немаловажную роль при составлении трактата играл собственный опыт автора³³. Однако главным источником ему послужили императорские рескрипты. Он неоднократно цитирует или ссылается на постановления императоров от Траяна и до Каракаллы. Из более равних императоров он упоминает по имени только Октавиана Августа. Видимо, I в. н. э. представлялся ему уже глубокой ста-

²⁸ А. Оноре считает, что последняя книга была написана уже после смерти Каракаллы, поскольку в ней не упоминаются его рескрипты (р. 214). Однако они не упоминаются также и в сохранившихся частях II и IV книг. Вряд ли стоит делать выводы а silentio в случае, когда большая часть текста до нас не дошла.

²⁹ Palingenesia... Ulpianus, fr. 2142—2251.

³⁰ Schulz. Op. cit., p. 245.

³¹ Jörs. Op. cit., Sp. 1452—1453.

³² Он ссылается на одноименную работу Венулея Сатурнина (фр. 2221 п 2223), на труды Мециана (фр. 2204) и Цельса (фр. 2158). Иногда он ссылается на «древних (юристов)» или на «многих других» (фр. 2192 и 2158).

³³ На это указывают выражения типа «обычно бывает...», «часто случается...», «я знаю, что...» (фр. 2144, 2156, 2190, 2192, 2209, 2220, 2231, 2238, 2246).

риной, не связанной прямо и непосредственно с рассматриваемой в трактате повседневною³⁴. Из громадной массы хранившихся в императорском архиве рескриптов, посвященных по большей части мелким местным вопросам и изданных по тому или иному конкретному случаю, Ульпиан отобрал, систематизировал и интерпретировал те, которые имели общее значение. Таким образом, им было создано гибкое универсальное административное право, соответствовавшее нуждам момента³⁵. При этом ему пришлось решить ряд достаточно сложных задач. Не ясно было, в какой мере можно использовать конкретные (нередко противоречившие друг другу) решения различных императоров как прецеденты при решении других дел. Ульпиан первым из юристов начал опираться не столько на отдельные императорские постановления, сколько на группы рескриптов, содержавших однородные решения тех или иных вопросов³⁶. Поэтому в трактате нередки выражения типа «*saepe rescriptum (constitutum, interdictum) est...*».

Следует отметить, что в сочинении, посвященном обязанностям проконсулов, встречаются ссылки на постановления, адресованные наместникам императорских провинций и даже префекту города³⁷. По мнению Ф. Шульца, Ульпиан здесь использовал только то, что относилось в равной мере и к сенатским провинциям, которым целиком и полностью был посвящен трактат. Что же касается административного права императорских провинций, то Ульпиан его сознательно не рассматривал, поскольку трудно было свести в единое целое материал по очень разнородным регионам³⁸. Однако в трактате упоминаются, хотя и редко, ситуации, которые могли иметь место только в императорской провинции (см., например, фр. 2200, 2243, 2250). Наконец, вопрос можно поставить и иначе: какое — из приведенных в трактате — императорское постановление, адресованное проконсулу сенатской провинции, нельзя было использовать и наместнику императорской провинции? Сам Ульпиан вместо термина «проконсул» нередко пользуется более общим — «презид», а в одном случае специально подчеркивает, что соответствующее положение имеет в виду всех президов (фр. 2152). Грань между сенатскими и императорскими провинциями никогда не была непреодолимой, а во II в. н. э. она почти стирается³⁹. Все это позволяет предположить, что трактат Ульпиана имел более широкого адресата, чем тот, который обозначен в его названии. Взяв за основу более компактный и однородный материал по сенатским провинциям, Ульпиан регламентирует не только обязанности проконсулов, но также и обязанности остальных наместников, не связанные с их военными полномочиями⁴⁰.

Трактат Ульпиана, если рассматривать его как исторический источник, имеет ряд преимуществ перед юридическими сочинениями чисто «академического» характера. Он значительно шире этих сочинений по тематике и выгодно отличается от них с точки зрения отбора материала. В сочинениях традиционных жанров господствует казуистический принцип отбора и изложения материала. Юристы классического периода, обращаясь к той или иной норме права, стремились разобрать ее действие в любой мыслимой ситуации, независимо от того, сколь часто встречалась она в действительности. Их нередко интересовали не самые типичные, а самые сложные и запутанные ситуации. Они уделяли много внимания даже вопросам, не имевшим практического значения и не существовавшим на практике институтам⁴¹. В силу этого работая с их произведениями, порой трудно понять, когда мы имеем дело с типичной ситуацией, а когда — с нетипичной⁴². В трактате Ульпиана, представляющем собой практическое руковод-

³⁴ См. фр. 2192.

³⁵ *Schulz*. Op. cit., p. 243 f.

³⁶ *Honoré*. Op. cit., p. 226 f.

³⁷ См. фр. 2161, 2168, 2242, 2243, 2250.

³⁸ *Schulz*. Op. cit., p. 244.

³⁹ *Millar F.* The Emperor, the Senate and the Provinces.— JRS, 1966, 56, p. 165 f.

⁴⁰ Возможно, практическим руководством для деятельности подобного рода были трактаты «*De re militari*». Так, одноименный трактат Аррия Менаандра (в четырех книгах) был одновременно руководством по военному праву и по тактике (см. *Schulz*. Op. cit., p. 257 f.).

⁴¹ Например, фидеикомиссу корпорации (*Schulz*. Op. cit., p. 126).

⁴² Д. Крук считает даже, что, не располагая статистическими данными, мы лишены возможности дать социологию римского права, поскольку не можем судить, насколько адекватно оно отражает реальную жизнь (*Crook J. A.* Law and Life of Rome. L., 1967, p. 9—10).

ство, адресованное наместникам провинций, напротив, рассматриваются наиболее характерные ситуации и разбираются, как правило, те случаи, которые нередко встречались в судебной и административной практике⁴³. Чтобы оценить все значение трактата как источника для изучения жизни римской провинции, следует вспомнить, что сведения о римских провинциях в период последних Антонинов и первых Северов мы черпаем в основном из эпиграфических, папирологических и археологических источников, данные которых, как правило, имеют локальный характер, нередко отрывочны и противоречивы, вследствие чего с трудом поддаются обобщению. Трактат «Об обязанностях проконсула» позволяет уточнить наши представления о провинциальном обществе, системе управления и судопроизводства в римской провинции, о трактовке взаимоотношений Рима и провинций в официальной идеологии и о многих других вопросах.

К этому трактату близок по своей тематике небольшой трактат Ульпиана «Об обязанностях куратора города», перевод дошедших фрагментов которого мы также включили в свою публикацию.

Перевод выполнен по изданию: *Palingenesia iuris civilis*. Ed. O. Lenel. V. 2. Lipsiae, 1889. Кроме того, было использовано издание: *Digesta*. Ed. T. Mommsen et P. Krueger. — *Corpus iuris civilis*. V. I. Berolini, 1908. Автор сверялся с русским переводом отдельных фрагментов трактатов, выполненным И. С. Перетерским (Дигесты Юстиниана. М., 1984). В настоящем издании в круглых скобках даются пояснения переводчика, а в квадратных — предполагаемые глоссеммы и интерполяции. Названия глав, взятые в скобки, принадлежат О. Ленелю, без скобок — самому Ульпиану. Названия, которые начинаются со строчной буквы, предваряют разделы внутри глав.

В заключение нам хотелось бы выразить искреннюю благодарность О. В. Смыке и В. М. Смирину за большую помощь в подготовке к печати перевода обоих трактатов. Разумеется, любые обнаруженные недочеты и неточности следует ставить в вину только автору.

⁴³ Отсюда постоянные высказывания типа «обычно случается», «часто бывает» и т. д. См. прим. 33.

ДОМИЦИЙ УЛЬПИАН

ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ПРОКОНСУЛА

(По *Palingenesia iuris civilis* О. Ленеля)

Книга I

(О вступлении (в провинцию))

2142 (1.16.4.рг.—5) Как предписали наш император со своим отцом¹ Авфидию Севериану, проконсул должен заботиться о том, чтобы (не слишком) обременять провинцию (требованиями) о предоставлении жилья для постоя (ему и его свите). (1) Ни один проконсул не может иметь служителей из числа своих людей², но в провинциях их обязанности исполняют воины. (2) Отправляться (на место службы) проконсулу, конечно, лучше без жены, но можно с женой, имея при этом в виду, что по постановлению сената, принятому в консульство Котты и Мессалы³, в случае, если жены отправляющихся на службу (в провинцию) совершают правонарушение, ответственность и

¹ Септимий Север и Каракалла.

² Приданные проконсулу служители из числа солдат и младших командиров выполняли функции полицейских и канцелярских служащих. «Свои люди» — рабы и отпущенники проконсула. См. *Смышляев А. Л.* Об эволюции канцелярского персонала Римской империи в III в. н. э. — ВДИ, 1979, № 3, с. 60, 69, 77.

³ В 20 г. н. э.

наказание за это несут их мужья. (3) Прежде чем вступить в пределы назначенной ему провинции, проконсулу надлежит послать эдикт о своем прибытии, содержащий рекомендуемые его сведения, даже если у него есть друзья и родственники среди провинциалов. Очень важно, (чтобы в этом же эдикте) была бы настоятельная просьба к провинциалам не выезжать ему навстречу ни в качестве частных лиц, ни в качестве послов, ибо должно, чтобы каждый принимал его в своем отечестве. (4) (Проконсул) поступит правильно и в соответствии с установленным порядком, если он пошлет эдикт своему предшественнику и укажет (в нем), в какой день он вступит в пределы (провинции). Ведь неопределенность и неожиданность (приезда) обычно приводят в замешательство провинциалов и мешают ведению дел. (5) (Проконсулу) следует, проявив осмотрительность, вступить (в провинцию) именно там, где этого требует обычай, и тем самым соблюсти то, что у греков называется *прибытие* или *приплытие* ⁴, т. е. право определенных городов первыми принимать прибывающих по суше или морю (проконсулов). Ведь провинциалы придают большое значение тому, чтобы этот обычай и прерогативы подобного рода у них сохранялись. Существует даже такой (обычай), чтобы проконсул прибывал в некоторые провинции только морем, как, например, в (провинцию) Азию; вплоть до того, что наш император Антонин Август ⁵ по просьбам азийцев постановил в своем рескрипте, что проконсулу обязательно следует добираться в Азию по морю и вступать раньше в *Эфес*, чем в какую-либо иную метрополию ⁶.

(О наделении юрисдикцией)

2143 (1.16.4.6) После этого, вступив в провинцию, проконсул должен предоставить юрисдикцию своему легату и не делать этого раньше, чем окажется в провинции. [Ведь совершенно абсурдно, чтобы (проконсул) сам, еще не получив юрисдикции, наделял бы другого тем, чего у него еще нет, поскольку он получает юрисдикцию не раньше, чем прибудет в свою провинцию]. Но если даже он сделает это предварительно и, вступив в провинцию, не переменит своего решения, то, видимо, следует считать, что легат обладает юрисдикцией, но не с того времени, когда она была ему вручена, а с того, когда проконсул вступил в провинцию.

2144 (1.16.6 рг.—2 = 50.17.70) Обычно (проконсулы) поручают следствие по делам находящихся под стражей легатам, с тем, чтобы они, выслушав арестантов, отсылали их к проконсулам, дабы проконсул сам осуществлял освобождение невиновных. Но этот род поручения является чрезвычайным, ведь никто не может передать другому данное ему право выносить смертные приговоры или называть какие-либо другие наказания, а следовательно, и право освобождения обвиняемых, в том случае, если им не может быть предъявлено обвинение в его (проконсула) присутствии.

(1) Так как от проконсула зависит, наделять или не наделять (кого-либо) юрисдикцией, то и лишать (кого-либо) данной (ему) юрисдикции дозволено проконсулу же, но он не должен этого делать, не посоветовавшись с принцепсом. (2) Легатам не следует обращаться с запросами к принцепсу, а (подобает обращаться) к своему проконсулу, который (в свою очередь) обязан отвечать на запросы легатов.

(О подарках)⁷

2145 (1.16.6.3) Полностью отказываться от подарков проконсул, конечно, не должен, но в этом случае следует соблюдать меру, чтобы, с одной стороны, не проявлять мелочности, отвергая (все), а с другой — не впадать в жадность, теряя чувство меры при приеме подарков. Божественный Север и император Антонин в своем изящнейшем письме разъяснили этот вопрос. Вот дословно, что там написано: «Что же касается подарков, знай, каково наше мнение: древняя поговорка гласит: *Не все, не всегда, не*

⁴ Слова, набранные здесь и в других местах курсивом, в подлиннике — по-гречески.

⁵ Имеется в виду Каракалла (Антонин — его тронное имя, Каракалла — прозвище).

⁶ До нас дошли монеты Эфеса с легендой «Приплытие в Азию».

⁷ В соответствии с обычаем хозяин делал гостям небольшие подарки (*хепиа*). Из подобных подарков богатых провинциалов наместникам, останавливающимся у них на постой, выросла практика полуполициального взяточничества.

от всех. Ибо не принимать ни от кого — неучтивость, но брать всюду — неприличие, а брать все подряд — ненасытность». И согласно (императорским) мандатам, ни сам проконсул, ни какое-либо другое официальное лицо не должны принимать в качестве подарка или дара или (даже) покупать что-либо из того, что превышает потребность в дневном пропитании⁸. Это относится не к гостинцам, а ко всему, что выходит за пределы ежедневного пропитания. Но и подарки не должны доводиться до размеров дарений.

2146 (1.3.33) Давно укоренившийся обычай принято соблюдать как право и закон в тех случаях, когда (речь идет) о том, что не вытекает из писаного закона.

Книга II

(Об объезде провинции)

2147 (1.16.7 рг.—1) Если проконсул прибудет в какой-либо город, который ничем не знаменит и не является столицей провинции, то он должен позволить (гражданам) вверить их город под его покровительство и благосклонно выслушать (их) похвалы, так как провинциалы считают это для себя честью, и он должен назначить празднества в соответствии с правами (жителей) и издавна соблюдавшимся обычаем. (1) Он должен обойти храмы и общественные здания, чтобы проверить, находятся ли они в хорошем состоянии, исправна ли крыша и не требуется ли (какого-нибудь) иного ремонта. А если начата какая-нибудь стройка, то он должен позаботиться о ее завершении, если ресурсы города позволяют; для этого (проконсулу) следует, соблюдая формальности, назначить кураторами в этих работах добросовестных (людей)⁹, а если потребуется, то дать им в помощь служащих из числа военных¹⁰.

(О судопроизводстве)

2148 (1.16.7.2) Поскольку проконсул наделен всеобъемлющей юрисдикцией, он один осуществляет (в провинции) полномочия всех лиц, которые в Риме вершат суд в качестве магистратов или в экстраординарном порядке (1.16.9 рг.), и нет в провинции такого (дела), которое не мог бы решить он сам. Однако если имеется денежная тяжба, связанная с фиском, которая входит в компетенцию прокуратора принцепса, то проконсул поступит более правильно, если не станет в это вмешиваться.

2149 (1.16.9.1) В тех случаях, когда необходимо судебное постановление, проконсул не может решить дело без судебного разбирательства (только) на основании жалобы (истца) (= 50.17.74), ведь все дела, требующие судебного разбирательства, не могут решаться только на основании прошения (истца) (27.1.25). Опекун не может отказаться от своих обязанностей посредством прошений.

2150 (1.16.9.2) Проконсул должен проявлять терпимость по отношению к адвокатам, однако с умом, чтобы не показалось, что им можно пренебрегать, — так, например, ему не следует смотреть сквозь пальцы (*dissimulare*) на тех (из них), кто является устройтелем или откупщиком тяжб¹¹, и только тем должен он разрешать возбуждение судебного дела, кому это дозволено его эдиктом.

2151 (1.16.9.3) Без судебного разбирательства проконсул может решать следующие (дела): повелеть, чтобы оказывалось почтение родителям, патронам, детям патронов, пригрозить сыну доставленному отцом, и припугнуть его, если известно, что он

⁸ Ср. 1.18.18.

⁹ Кураторов обычно назначали из числа декурионов того же самого или соседнего муниципия. Они контролировали средства, выделенные на строительство, и отвечали за их правильное расходование. Распоряжение об их назначении проконсул отдавал в форме «совета» городским властям.

¹⁰ В число служащих из военных (*ministeria militaria*), откомандированных в штат наместника из расположенных в его провинции воинских частей, видимо, входили военные инженеры, архитекторы и строители различного профиля. См. 50.6.7(6).

¹¹ Право вчинить иск имел только пострадавший, однако богатые и влиятельные люди могли купить право на иск, т. е., выплатив пострадавшим определенную компенсацию, предъявить затем иск от их имени, чтобы осудить в свою пользу исковую сумму.

дурно себя ведет, и равным образом усмирить непослушного вольноотпущенника — либо внушением, либо наказанием палками (48.2.6). Незначительные правонарушения проконсулу следует разбирать и решать внесудебным порядком и либо освобождать тех, кого в чем-либо упрекают, либо наказывать (низших) палками, (а) рабов плетями.

2152 (1.16.9.4—6) Он также должен следить, чтобы соблюдался определенный порядок (разбора) судебных ходатайств, то есть чтобы были выслушаны пожелания всех (тяжущихся) и чтобы не поддаваться высокому положению просителей и не уступить наглости, в то время как люди простого звания, либо вообще не приглашая адвокатов, либо не подыскивая опытных и занимающих достаточно высокое положение защитников, так и не предъявляя своих пожеланий¹². (5) Он также должен назначать адвокатов тем, кто его об этом просит, то есть в большинстве случаев женщинам, малолетним, находящимся под опекой, и тем, чья дееспособность ограничена как-то еще, а также умалишенным, если кто-нибудь просит за них; если же за них никто не просит, то проконсул должен по собственному почину дать им адвоката. А если кто-нибудь скажет, что он не мог найти адвоката из-за могущества своего противника, то ему также следует назначить адвоката. Ведь нельзя допускать, чтобы противник мог так подавлять своим могуществом, и если человек ведет себя так самовластно, что все боится выступить в качестве адвоката противной стороны, то это может вызвать (даже) ненависть к правителю провинции. (6) Это в равной мере относится ко всем президам, и все они должны принимать это во внимание.

2153 (4.4.42) Презид провинции может восстановить несовершеннолетнего (*impotens*) в прежнем состоянии даже вопреки вынесенному им или его преемником приговору. Ведь то, что совершеннолетним предоставляет обжалование приговора, несовершеннолетним полагается по возрасту.

2154 (40.13.1) Те, кто старше 20 лет, лишены права на иск о возвращении (себе) свободы только в том случае, если деньги достались тому самому, кого продали (в рабство).¹³ В остальных же случаях разрешается предъявлять иск о возвращении свободы (даже) и тем, кто был продан в рабство в возрасте старше 20 лет. (1) Тем, кто не достиг 20-летнего возраста, нельзя отказывать в праве на иск о возвращении свободы даже и по вышеупомянутой причине; а когда (такой человек), пребывая в рабстве, достигает 20-летнего возраста, то следует отказать ему в праве на иск о возвращении свободы, поскольку он принимал участие в дележе.

2155 (47.1.3) Если кто-либо захочет вчинить иск по поводу преступления, то если он стремится получить денежную компенсацию, его следует адресовать в суд по гражданским делам (*ad ius ordinarium*)¹⁴, а не принуждать в подаче письменного обвинения; если же он все-таки пожелает, чтобы по его делу было назначено уголовное наказание, в этом случае ему будет необходимо подать письменное обвинение.

2156 (48.3.1)¹⁵ Проконсул обычно решает вопрос, как именно следует содержать под стражей обвиняемого: заключить ли его в тюрьму, приставить ли воина, доверить ли поручителям, либо самому установить над ним надзор. При решении обычно принимается во внимание как характер преступления, которое инкриминируется обвиняемому, так и общественное положение, значительное состояние, хорошая репутация и личные достоинства.

2157 (Vat. 119) . . .¹⁶

¹² Имеется в виду первая стадия формулярного процесса, когда стороны обращались к проконсулу с просьбами о включении в формулу тех или иных пунктов.

¹³ Имеются в виду свободнорожденные, выдавшие себя за раба, чтобы, присвоив деньги покупателя, предъявить иск о возвращении свободы. Адриан постановил, что позволивший продать себя в рабство с такой целью должен оставаться рабом до возвращения покупной цены.

¹⁴ О. Ленель предполагает, что первоначально здесь было «адресовать на форум».

¹⁵ По предположению О. Ленеля, этот фрагмент был в VII книге, а ссылка на II могла быть ошибкой переписчика, пропустившего V. Ср. фр. 2187.

¹⁶ Текст фрагмента сохранился так плохо, что дать связный перевод не представляется возможным.

(Об опекунах и попечителях)

2158 (26.5.12) Проконсулу следует назначать попечителя лицам, находящимся в таком положении, когда они не способны управлять своими делами. (1) Без колебаний следует назначать сына попечителем отца, хотя Цельс¹⁷ и многие другие против (этого), указывая на то, что как-то неприлично отцу быть под управлением сына. Тем не менее божественный Пий в рескрипте Истию Целеру, а также божественные братья¹⁸ постановили, что при назначении попечителя следует сына, если он живет воздержанно, предпочесть постороннему лицу. (2) Божественный Пий по рассмотрении жалобы матери на сыновей-расточителей дал разрешение назначить им попечителя. Дословное содержание ответа: «Как известно, бывает, что некоторые, казалось бы, находят, судя по их речам, в здравом уме, однако так обращаются со своим имуществом, что если им не прийти на помощь, доведут себя до нищеты. Ведь справедливость требует от нас заботиться и о тех, кто по отношению к своему имуществу ведет себя как умалишенный».

2159 (27.2.5) В обязанность презида входит в случае спора определять по рассмотрении дела¹⁹, где следует помещать или воспитывать малолетних, нуждающихся в опеке. При рассмотрении дела следует отстранять тех, кто способен покуситься на целомудрие малолетнего (*impuberi*)²⁰.

2169 (27.9.11) Если желательно отчуждение имений того, кому нет еще 25 лет, то презид провинции по рассмотрении дела должен это разрешить. То же самое следует соблюдать и тогда, когда попечители хотят произвести отчуждение имений умалишенного или расточителя и тому подобных.

(О декурионах)

2161 (50.2.3) Вообще следует придерживаться утверждения, что тот, кто получил за правонарушение, обычно караемое временной высылкой, более легкое наказание, должен радоваться мягкости приговора и не получать назад место декуриона. (1) Но если кто-либо по обвинению в обмане или за что-то более серьезное приговорен не к временной высылке, а к временному исключению из сословия декурионов, то это дает основание, чтобы он мог (потом) вернуться в это сословие. Император Антонин эдиктом установил, что если человек почему-либо был временно исключен из сословия декурионов или отстранен от участия в судебной защите либо от иной обязанности, то по прошествии (указанного) срока он может, как и прежде, занимать почетную должность и исполнять свои обязанности²¹. И это правильно, ибо нельзя увеличивать наказание, предусмотренное приговором, который поставил предел (вышеуказанному) запрещению. (2) Не может быть никакого сомнения, что незаконнорожденный имеет право вступать в сословие (декурионов), но если другим претендентом будет рожденный в законном браке, то предпочесть следует (именно) его, — это постановили божественные братья в рескрипте Лолиану Авиту, президу Вифинии. Если же таких претендентов нет, то в число декурионов принимаются даже незаконнорожденные, обладающие приличным состоянием и ведущие достойный образ жизни. Это, во всяком случае, не будет пятнать сословие (декурионов), так как его интересам отвечает, чтобы оно всегда поддерживалось в полном числе. (3) Тем, кто придерживается иудейского суеверия, [Божественные] Север и Антонин разрешили получать почетные должности, возложив на них и обязанности, которые не оскорбляли бы их суеверия²².

¹⁷ Так звали двух знаменитых юристов — отца и сына (Ювенция Цельсы), живших в конце I — начале II в. н. э.

¹⁸ Имеются в виду Антонин Пий, а также Марк Аврелий и Луций Вер.

¹⁹ «По рассмотрении дела (*causa cognita*)» — имеется в виду разбор дела в судебном порядке.

²⁰ «Малолетние (*pupilli, impuberes*)» — от 7 до 12—14 лет — были недееспособны и, осиротев, попадали под опеку. «Несовершеннолетние (*minores*)» — от 12—14 до 25 лет — обладали ограниченной дееспособностью и находились под попечительством.

²¹ См. CJ, X. 61.1.

²² Т. е. обязанности, не связанные с участием в жертвоприношениях иным богам, кроме Яхве.

2162 (50.3.1) Список декурионов должен составляться так, как это предписывает закон муниципия, но если таковой отсутствует, то следует принимать во внимание ранги, то есть, составляя список, следовать той очередности, в которой каждый из них занимал высшую должность в муниципии. Например, (сначала идут) те, кто занимал пост дуумвира, если эта должность является главной, а среди бывших дуумвиров другим предшествует тот, кто занимал эту должность всех раньше, затем идут те, кто занимал в городе пост, следующий по значению за постом дуумвира, потом — те, кто занимал третий по значению пост и так далее; и уже за ними — те, кто не занимал в городе никакого поста, (причем они стоят в списке) в зависимости от времени вступления в сословие (декурионов). Также и при подаче мнений (в совете) следует соблюдать тот же самый порядок, то есть чтобы декурионы высказывались, соблюдая установленную при составлении списка очередность.

Книга IV

(По поводу муниципальных дел, 1)

2163 (50.4.6 гр.— 2) Рескрипт божественных братьев к Рутилию Лупу гласит следующее: «Правило, которое предписывает, чтобы каждый получал магистратуру в зависимости от того, когда он был назначен декурионом, следует соблюдать лишь в тех случаях, когда все, к кому оно относится, являются людьми надежными и обеспеченными. Но если (среди декурионов) имеются люди настолько бедные и нуждающиеся, что они не только не способны занимать общественные должности, но и сами едва могут прокормиться, то поручать им должности магистратов и бесполезно, и совершенно недостойно, в особенности, когда есть те, кто может быть избран (на должности), в соответствии с этим правилом, с их состоянием и общественным достоинством. Итак, пусть богачи знают, что они не должны использовать этот закон как предлог (для уклонения от магистратур) и что необходимо выяснить время приема в курию только тех лиц, состояние которых позволяет им достойно занимать почетные должности»²³. (1) Совершенно ясно, что нельзя призывать к занятию почетных должностей должников города, прежде чем они не выплатят городу все, что должны. Следует допускать (к занятию должностей) только тех должников города, которые оказались в долгу вследствие управления (городом). Впрочем, если они не стали должниками вследствие управления (городом), но тем не менее сделали у него заем, то это не является основанием для лишения их должности. Как постановили божественные братья в своем рескрипте Авфидию Геренниану, вместо выплаты долга городу вполне достаточно представить в виде обеспечения подходящий залог или надежных поручителей. Но если долг взят только под обязательство, которое нельзя было не принять, то в этом случае их следует лишить должности. (2) Если против человека нет обвинителя, то ему нельзя запретить (занимать) почетные должности, так же как и тому человеку, чей обвинитель отказался от своего обвинения, ибо это постановили в своем рескрипте наш император со своим божественным отцом.

2164 (50.4.6.3—5) (Проконсулу) необходимо знать, какие имеются личные и имущественные повинности, а также — какие имеются почетные должности. (4) От повинностей или податей, налагаемых на имущество, не освобождают ни возраст, ни число детей, ни (какая-либо) другая прерогатива, которая обычно освобождает от личных повинностей. (5) Однако и те повинности, которые налагаются на имущество, бывают двух видов: ведь некоторые из них налагаются на (всех) владельцев, независимо от того, являются ли они гражданами муниципия или нет, а другие — только на граждан муниципия или на поселенцев²⁴. Подати, связанные с полями и строениями, налагаются на (всех) владельцев, повинности же, которые считаются имущественными, налагаются только на граждан муниципия или на поселенцев.

²³ Подобные ситуации имели место главным образом в муниципиях восточных провинций с их многолюдными разнородными куриями (ср. *Liban., Orat. XLVIII F. 3*).

²⁴ Поселенец (*insola*) — гражданин одного города, постоянно живущий в другом (см. 50.16.239.2). Поселенцами считались также местные жители, не получившие гражданства в колонии, основанной на отобранной у них земле.

2165 (Modest. 2 excus. (27.1.6.6) *Ульпиан в IV книге трактата «Об обязанностях проконсула» пишет следующее: «Наш император со (своим) отцом в рескрипте к Лелию Бассу постановили, что город (res publica) может отвергнуть врача, даже если ранее он и одобрил (его кандидатуру)».*

2166 (49.18.4) Как указано в рескрипте ветерану Юлию Соссиану, ветераны не имеют освобождения от повинности по мощению дорог. Ведь всем известно, что от податей, которые связаны с (земельными) владениями, ветераны не освобождены²⁵. (1) Но также и на их корабли можно наложить повинность по перевозке государственных грузов, как указано в рескрипте ветеранам Элию Фирму и Антонию Клару.

2167 (50.6.2) Если какие-то люди взяли на себя исполнение повинностей или почетных должностей на определенном условии, причем другим путем их нельзя было заставить принять эти должности вопреки их желанию, то необходимо добросовестно соблюдать условие, на котором они согласились взять на себя эти повинности или почетные должности.

2168 (50.6.3) Как объявлено в рескрипте к Венидию Руфу, легату Киликии, несовершеннолетних не следует допускать к занятию почетных должностей, как бы ни поуждала к этому необходимость, вызванная нехваткой (подходящих) людей.

2169 (50.7.7) Сыну вследствие посольства отца не дается освобождение от посольства. Наш император со (своим) отцом постановил это в рескрипте Клавдию Каллисту в следующих словах: «То, чего ты желаешь, (а именно), чтобы тебя освободили от посольства вследствие посольства твоего отца, правильно соблюдается, (когда речь идет) о промежутке между почетными должностями, которые сопряжены с расходами; что же касается промежутка между посольствами, связанными только со службой²⁶, то это иное дело».

2170 (1.3.34) Когда кто-либо хочет опереться на принятый в городе или провинции обычай, то, как я считаю, прежде всего следует выяснить, не был ли этот обычай закреплен решением суда по какому-либо спору.

2171 (50.1.7) Если кто-либо отпущен на волю несколькими (господами), его родной считают (отечества) всех патронов²⁷.

Книга V

(По поводу муниципальных дел, 2)

2172 (50.6.4) Те, кто старше 70 лет, освобождаются от опекунства и личных повинностей, но те, кому идет 70-й год, и еще не прошел, не пользуются этим освобождением, потому что те, кому идет 70-й год, не входят в категорию тех, кто старше 70.

2173 (26.7.20) Следует принудить опекуна или попечителя приступить к исполнению своих обязанностей, если их апелляция признана необоснованной или не принят их отказ (от назначения на этот пост).

2174 (50.12.6) В отношении личности наследника обещание (оставившего наследство) теряет силу всякий раз, когда оно сделано не в связи с (оказанной) почестью. Но если оно сделано в связи с (оказанной) почестью, оно рассматривается, так же как взятые в долг деньги, и не теряет силы в отношении личности наследников. Если кто-нибудь обещал²⁸ деньги за (оказанную) почесть и начал их выплачивать, то он, как постановил в рескрипте наш император Антонин, обязан (их выплатить) как бы в силу начатого труда. Следует знать, что не только мужчины, но также и женщины, если они что-либо обещали за (оказанную) почесть, должны выполнить обещание. Так сказано в рескрипте нашего императора и его божественного отца. Если город возложил обязанность возведения статуй принцепса на того, кто этого не обещал, то он не обязан повиноваться, как указано в рескрипте нашего императора и его божественного отца.

²⁵ Ветераны были освобождены от всех личных и от некоторых имущественных повинностей.

²⁶ Мы следуем здесь переводу Ф. Миллара, который принимает конъектуру Моммзена (in intersapedine). См. *Millar F. The Emperor in the Roman World* (31 BC — AD 337). L., 1977, p. 382.

²⁷ Т. е. он считается гражданином тех муниципиев, гражданами которых являются его патроны.

²⁸ По мнению Т. Моммзена, в оригинале было: «... не обещал...» .

(О заседании суда)

2175 (5.1.79) Если выяснится, что кто-либо необдуманно вызвал кого-нибудь в суд, то он должен возместить своему противнику дорожные и судебные издержки. Президы должны отвечать на запросы судей, у которых имеются сомнения по вопросам права, но судьям, обращающимся за советом по поводу фактических обстоятельств дела, президы не должны его предоставлять, но (должны) повелеть судьям вынести такой приговор, какой им подсказывает совесть, ведь такое дело иногда бесчестит (президы) и дает повод для потворства или пристрастия.

2176 (47.11.5) Если выяснится, по чьему наущению раб искал убежища у статуи (императора) с целью опозорить господина, то подстрекателю грозит кроме иска о порче раба, который предъявляют на основании постоянного эдикта, (еще также) суровое наказание.

Книга VI

(О коллегиях)

2177 (47.22.2) Каждый, кто организует недозволенную коллегия, подвергается тому же наказанию, которое применяется в отношении людей, захватывающих вооруженной силой общественные места или храмы.

(О владении (наследственным) имуществом)

2178 (27.10.8) (Проконсул) должен назначать попечителя для управления имуществом находящегося в чреве и приказать, чтобы в соответствии с третейским решением честного мужа попечитель предоставил в качестве обеспечения (свое) нерастроенное имущество. Но это требуется, если попечитель назначен не по решению суда, а если — по решению суда, то обеспечение не предоставляется.

2179 (36.1.36) Если наследницей назначена умалишенная, и от нее требуют выдать наследство (фидеикомиссария)²⁹, то, как установлено приговором божественного Пия, ее попечитель может после вступления — согласно завещанию во владение (наследственным) имуществом, переуступить права на него (фидеикомиссария).

(Об отпуске рабов на волю)

2180 (40.2.11; 13) Если кто-либо моложе 20 лет отпускает (рабов) на волю, то при этом признаются основания такого рода: если (отпущенный на волю) является родным сыном или дочерью, либо родным братом или сестрой (господина)³⁰, (13) либо если это — его молочный брат или воспитатель, или педагог³¹, или кормилица, либо сын или дочь кого-нибудь из них, либо если это его воспитанник или капсарий [то есть тот, кто носит книги]³², либо же если он отпускает кого-либо на волю, чтобы тот стал (его) прокуратором³³, причем последнему не должно быть меньше 18 лет. Кроме того, требуется, чтобы у того, кто отпускает на волю, не был бы всего лишь один раб. Также, если с целью вступления в брак на волю отпускается девица или женщина, то предварительно берется клятва, что (патрон) в течение шести месяцев должен будет жениться на ней, ибо так постановил сенат³⁴.

Продолжение следует

²⁹ Фидеикомисс — поручение наследнику передать наследство (или часть наследства) третьему лицу (фидеикомиссария), которое непосредственно не может быть сделано наследником. См. *Ulp., Fragm. XXV, 1—3*.

³⁰ Имеются в виду дети, прижитые господином или его отцом от рабыни.

³¹ Педагогом называли раба, провожавшего малолетнего сына хозяина в школу и обратно.

³² Капсарий — раб, который носил в школу вслед за сыном хозяина учебные книги и таблички для письма.

³³ Т. е. управляющим его имуществом. Как правило, богатые люди поручали управление имуществом своим отпущенникам.

³⁴ Ср. *Gaius, Inst. 1. 18—20*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВ — Византийский Временник
 ВИ — Вопросы истории
 ВЛ — Вопросы литературы
 ВФ — Вопросы философии
 ВЯ — Вопросы языкознания
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
 ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
 ИФЖ — Историко-филологический журнал
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 НАА — Народы Азии и Африки
 НДВШ — Научные доклады высшей школы
 ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
 СА — Советская археология
 СВ — Средние века
 СЭ — Советская этнография
 УЗ МГУ — Ученые записки Московского Государственного университета
 AiW — Altiranisches Wörterbuch von Ch. Bartholomae. B., 1961
 AJPh — American Journal of Philology
 AMRS — Archäologische Mitteilungen aus Russischen Sammlungen. B.— Lpz
 APF — Archi für Papyrusforschung
 ArOr — Archiv Orientalní
 BAW — Bayerische Akademie der Wissenschaften
 BCH — Bulletin de correspondance hellénique
 BRM II — A. T. Clay. Babylonian Records in the Library of Pierpont Morgan, II: Legal Documents from Erech. N. Y., 1913
 BSA — British School at Athens
 Bull. ép.— Bulletin épigraphique
 CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
 CIR — Classical Review
 CPh — Classical Philology
 CRAI — Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et des belles-lettres
 CT XLIX — Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum, XLIX: Late-Babylonian Economic Texts by D. A. Kennedy. L., 1968
 DG — H. Diels. Doxographi Graeci. B., 1879
 FHG — C. Müller. Fragmenta Historicorum Graecorum. T. I—V. P., 1841—1870
 GGM — Geographi Graeci Minores. T. I—II. Parisiis, 1855—1861
 GR — Greece and Rome
 FGh — Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. B., 1923—1958
 IG — Inscriptiones Graecae
 JA — Journal asiatique
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society
 MAMA — Monumenta Asiae Minoris Antiquae
 MIO — Mitteilungen des Instituts für Orientforschung
 OECT 9 — Oxford Editions of Cuneiform Texts. V. 9: McEwan G. J. P. Texts from Hellenistic Babylonia in the Ashmolean Museum. Oxf., 1982
 OGIS — G. Dittenberger. Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Bd. I—II. Lipsiae, 1903—1905.
 OM — Oppert J., Ménant J. Documents juridiques de l'Assyrie et de la Chaldée. P., 1877
 RA — Revue archéologique
 RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
 REG — Revue des études grèques

- RML — *W. H. Roscher*. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Lpz, 1884—1902
- Rut.— *M. Rutten*. Contrats de l'époque séleucide conservés au Musée du Louvre. P., 1935
- SEG — Supplementum! Epigraphicum Graecum
- SGDI — Sammlung der griechischen Dialektinschriften
- SVF — Stoicorum Veterum Fragmenta. V. I—IV. Lipsiae, 1903—1924
- TAPhA — Transactions and Proceedings of the American Philological Association
- TCL XIII — *G. Contenau*. Musée du Louvre. Textes cuneiformes. XIII: Contrats néo-babyloniens. P., 1929
- VS XV — *O. Schroeder*. Vorderasiatische Schriftdenkmäler der [Königlichen Museen zu Berlin. XV: Kontrakte der Seleukidenzeit aus Warka. Lpz, 1916
- YCS — Yale Classical Studies
- ZA — Zeitschrift für Assyriologie
- ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ПОМЕЩЕННЫХ
В «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» ЗА 1985 год

<i>Абаев В. И.</i> (Москва) — Древнеперсидское <i>abičariš</i> в Бехистунской надписи (К вопросу о социальном характере термина)	1	3
<i>Андреев Ю. В.</i> (Ленинград) — К проблеме послемикенского регресса	3	9
<i>Голубцова Е. С.</i> (Москва) — Государство и религия в античном мире	2	10
<i>Дандамаев М. А.</i> (Ленинград) — Государство и религия на древнем Ближнем Востоке	2	3
<i>Коптев А. В.</i> (Вологда) — Римское законодательство IV—V вв. о браках рабов и колонов	4	62
<i>Ляпустин Б. С.</i> (Москва) — Женщины в ткацком ремесле: производство и мораль	3	36
<i>Меликишвили Г. А.</i> (Тбилиси) — Об основных этапах развития древнего ближневосточного общества	4	3
<i>Муравьев С. Н.</i> (Москва) — Traditio Heraclitea (A). Свод древних источников о Гераклите. II	2	16
<i>Муравьев С. Н.</i> (Москва) — Traditio Heraclitea (A). Свод древних источников о Гераклите. III	3	30
<i>Муравьев С. Н.</i> (Москва) — Traditio Heraclitea (A). Свод древних источников о Гераклите. IV	4	35
<i>Рубан В. В.</i> (Николаев) — Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV—III вв. до н. э.	1	26
<i>Свенцицкая И. С.</i> (Москва) — Роль частных сообществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени (По материалам Малой Азии)	4	43
<i>Согомонов А. Ю.</i> (Владимир) — Греческая колонизация Леванта: этнические и социокультурные контакты эпохи архаики	1	8
<i>Шифман И. Ш.</i> (Ленинград) — Северомесопотамский город Хатра (К истории переднеазиатского эллинизма)	2	29
<i>Янковская Н. Б.</i> (Ленинград) — Оптовая торговля древней Передней Азии до возникновения империй	3	3
<i>Ярхо В. Н.</i> (Москва) — Новый папирусный отрывок древнегреческого пародийного эпоса	2	52

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Абдуллаев К. А.</i> (Самарканд), <i>Завьялов В. А.</i> (Ленинград) — Буддийские мотивы в городской культуре позднекушанского времени (По материалам Зар-тепе)	4	111
<i>Голенко В. К.</i> (Москва) — Монеты ранних Селевкидов в собрании Государственного Исторического музея	1	47
<i>Горелик М. В.</i> (Москва) — Шлем из станицы Даховской	2	94
<i>Колесников А. Б.</i> (Москва) — Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка	2	67
<i>Лазаров Михаил</i> (София) — Новооткрытая надпись Антигона за скифского царя Сарнака	3	47
<i>Литвинский Б. А.</i> , <i>Виноградов Ю. Г.</i> , <i>Пичилян И. Р.</i> (Москва) — Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии	4	84
<i>Шелов-Коведяев Ф. Б.</i> (Москва) — Новые боспорские декреты	1	57

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Айхенвальд А. Ю.</i> (Москва) — О некоторых наименованиях должностных лиц в поздних книгах Ветхого Завета	3	58
<i>Армичева В. И.</i> (Калининград) — Ремесленное производство в Испании в период Ранней империи	3	119
<i>Бейнорович Л. Е.</i> (Минск) — Проблема справедливости и принципы власти в «Государстве» Платона	1	113

<i>Белова Г. А.</i> (Москва) — Об одном древнеегипетском топониме ('bw rsj) . . .	1	73
<i>Дандамаева М. М.</i> (Ленинград) — Греки в эллинистической Вавилонии (По данным прозографии)	4	155
<i>Джафаров Ю. Р.</i> (Баку) — О локализации храмовой области в Кавказской Албании	2	97
<i>Драчук В. С.</i> (Киев), <i>Кутайсов В. А.</i> (Симферополь) — Исследование Керкинитиды	1	82
<i>Жмудь Л. Я.</i> (Ленинград) — Пифагор в ранней традиции	2	121
<i>Каплан Г. Х.</i> (Ленинград) — Употребление статива в аккадском языке (На материале среднеазиатского диалекта)	3	51
<i>Каплан Г. М.</i> (Москва) — К истории изобретения античных деревообрабатывающих токарных устройств	2	108
<i>Кац В. И.</i> (Саратов) — Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм	1	87
<i>Ковельман А. Б.</i> (Москва) — Частное письмо в греко-римском Египте II—IV вв. н. э. как литературный факт	3	134
<i>Лопухова О. Б.</i> (Москва) — Некоторые вопросы аренды храмовых земель на Делосе	1	139
<i>Лундин А. Г.</i> (Ленинград) — Названия и формы букв в семитских консонантных алфавитах	4	137
<i>Ляпустина Е. В.</i> (Москва) — Виллы в западных провинциях Римской империи	1	161
<i>Манасерян Р. Л.</i> (Ереван) — Борьба Тиграна против экспансии Рима в Каппадокии в 93—91 гг. до н. э.	3	109
<i>Моисеева Т. А.</i> (Воронеж) — К интерпретации историко-географических представлений о Фригии в гомеровском эпосе	3	66
<i>Никулина Н. М.</i> (Москва) — Художественная культура древнего Востока (Искусство переднеазиатских государств. Вопросы методики)	4	122
<i>Островерхов А. С.</i> (Ильичевск) — Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии	3	92
<i>Светилова Е. И.</i> (Москва) — Состав Халкидского союза в V в. до н. э.	2	148
<i>Скржинская М. В.</i> (Киев) — Тема Северного Причерноморья в творчестве Софокла	2	142
<i>Соломонок Э. И.</i> (Симферополь) — О методике изучения и принципах публикации античных граффити (Обзор основной литературы)	3	77
<i>Спейдел М. П.</i> (Гонолулу) — Древнейший манускрипт с территории СССР. Письмо из римской крепости Апсар	4	176
<i>Трейстер М. Ю.</i> (Москва) — Боспор и Египет в III в. до н. э.	1	126
<i>Щилевский А. В.</i> (Москва) — Гишпарх в античной нумизматике	2	161

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Баюн Л. С., Яйленко В. П.</i> (Москва) — Л. А. Гиндин. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София, 1981	2	178
<i>Беляев С. А., Таскаев В. Н.</i> (Москва) — Б. Г. Петерс. Морское дело в античных городах Северного Причерноморья. М., 1982	3	160
<i>Большаков А. О.</i> (Ленинград) — Герман Юнкер и его «Гиза». Проблемы методики	3	170
<i>Борщ И. Е.</i> (Москва) — Указатель литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР в 1983 г.	4	197
<i>Дандамаев М. А.</i> (Ленинград) — Новые работы по истории Средней Азии и Ирана (M a g u B o u s e. A History of Zoroastrianism under the Achaemenians. V. 2. Leiden/Köln: E. J. Brill, 1982; Studies in the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. Ed. by J. Harmatta. Budapest, 1979; Persica, № VII. Louvain, 1978	2	197
<i>Дандамаев М. А.</i> (Ленинград) — F. J o a n n è s. Textes économiques de la Babylonie récente. Paris, 1982	3	166
<i>Какочкин А. Я.</i> (Ленинград) — J. T r i l l i n g. The Roman Heritage: Textiles from Egypt and the Eastern Mediterranean 300 to 600 A. D. Washington, 1982	3	184
<i>Козловская В. И.</i> (Владимир) — Генезис культуры в современной зарубежной историографии	1	197
<i>Козырева Н. В.</i> (Ленинград) — B. R. F o s t e r. Umma in the Sargonic Period. Connecticut, 1982	3	175
<i>Лундин А. Г.</i> (Ленинград) — Два сабейских словаря (J. C. B i e l l a. Dictionary of Old South Arabic, Sabaeen Dialect.— Harvard Semitic Studies, 25. Harvard, 1982; A. F. L. B e e s t o n, M. A. G h u l, W. W. M ü l l e r, J. R y s k m a n s. Dictionnaire Sabéen. Louvain-la-Neuve — Veuroth, 1982)	1	192
<i>Молчанов А. А.</i> (Москва) — Л. А. Гиндин. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София, 1981	2	170

<i>Неверов О. Я.</i> (Ленинград) — P. Zazoff. Die antiken Gemmen. Handbuch der Archäologie. München, C. H. Beck, 1983	4	194
<i>Павленко Л. В.</i> (Симферополь) — Древнегреческий роман: новонайденные папирусные фрагменты	2	184
<i>Писаревский Н. П.</i> (Воронеж) — Б. Г. Петерс. Морское дело в античных городах Северного Причерноморья. М., 1982	3	164
<i>Раевский Д. С.</i> (Москва) — М. Н. Погребова. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984	4	180
<i>Редер Д. Г.</i> (Москва) — Б. Б. Пиотровский. Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. Древнеегипетские наскальные надписи. М., 1983	3	155
<i>Ртвеладзе Э. В.</i> (Ташкент) — Б. А. Литвинский, А. В. Седов. Тепай-шах. Культура и связи Кушанской Бактрии. М., 1983	4	184
<i>Семлер Н. Е.</i> (Москва) — Новая иностранная литература по египтологии	1	210
<i>Скржинская М. В.</i> (Киев) — A. Snodgrass. Archaic Greece. The Age of Experiments. London, 1980	3	180
<i>Старкова К. Б.</i> (Ленинград) — Две новые книги о Кумране (И. Д. Амусин. Кумранская община. М., 1983; Eugen Verbeeg. Koptische Handschriften aus dem Toten Meer. Beograd, 1983)	1	187
<i>Филман И. Ф.</i> (Ленинград) — Kölner Papyri (P. Köln). Bd. 3. Bearb. von V. Kramer, M. Erler, D. Hagedorn, R. Hübner. Opladen, 1980; Bd. 4. Bearb. von V. Kramer, C. Römer, D. Hagedorn. mit Beiträgen von U. Hagedorn, M. Erler, M. Gronewald, E. Livrea, M. Weber. Opladen, 1982	4	190

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Заседание в ИО ИВ АН СССР, посвященное 70-летию И. М. Дьяконова	3	188
<i>Лопухова О. Б., Ляпустина Е. В.</i> (Москва) — IX авторско-читательская конференция «Вестника древней истории» (Москва, 28—30 мая 1984 г.)	2	202
<i>Маринович Л. П.</i> (Москва) — Второй Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке (Ереван, 16—20 мая 1984 г.)	3	190
<i>Молчанов А. А.</i> (Москва) — Симпозиум «Античная балканистика — 5»	1	220
Научные чтения памяти С. Л. Утченко	4	217
<i>Соколовский В. Д.</i> (Москва) — О подводных раскопках в Италии	3	199
<u>Владислав Николаевич Андреев</u> (1927—1984)	2	216
<u>Владимир Григорьевич Луконин</u> (1932—1984)	2	215

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Веллей Патеркул.</i> Римская история. Книга вторая. Перевод и комментарии А. И. Немировского (Москва) (окончание).	1	227
<i>Казанский Н. П.</i> (Ленинград) — Стесихор	2	217
<i>Стесихор.</i> Фрагменты. Перевод с древнегреческого и комментарии Н. Н. Казанского под редакцией М. Л. Гаспарова (Москва)	2	225
<i>Гесиод.</i> Щит Геракла. Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии О. П. Пыбенко (Львов)	3	200
<i>Доминий Ульпиан.</i> Об обязанностях проконсула (Сохранившиеся фрагменты по Palingenesia iuris civilis О. Ленеля). Вступительная статья, перевод с латинского и примечания А. Л. Смышляева (Москва)	4	221

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Меликишвили Г. А.</i> (Тбилиси) — Об основных этапах развития древнего ближневосточного общества	3
<i>Муравьев С. Н.</i> (Москва) — <i>Traditio Heraclitea</i> (A). Свод древних источников о Гераклите. IV	35
<i>Свенцицкая И. С.</i> (Москва) — Роль частных сообществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени (<i>По материалам Малой Азии</i>)	43
<i>Коптев А. В.</i> (Вологда) — Римское законодательство IV—V вв. о браках рабов и колонов	62

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Г., Пичилян И. Р.</i> (Москва) — Вотив Атрооска из храма Окса в Северной Бактрии	84
<i>Абдуллаев К. А.</i> (Самарканд), <i>Завьялов В. А.</i> (Ленинград) — Буддийские мотивы в городской культуре позднекушанского времени (<i>По материалам Зар-тепе</i>)	111

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Никулина Н. М.</i> (Москва) — Художественная культура древнего Востока (Искусство передневосточных государств. Вопросы методики)	122
<i>Лундин А. Г.</i> (Ленинград) — Названия и формы букв в семитских консонантных алфавитах	137
<i>Дандамаева М. М.</i> (Ленинград) — Греки в эллинистической Вавилонии (<i>По данным просопографии</i>)	155
<i>Спейдел М. П.</i> (Говолулу) — Древнейший манускрипт с территории СССР. Письмо из римской крепости Апсар	176

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Раевский Д. С.</i> (Москва) — М. Н. Погребова. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984	180
<i>Ртвеладзе Э. В.</i> (Ташкент) — Б. А. Литвинский, А. В. Седов. Тенгай-шах. Культура и связи Кушанской Бактрии. М., 1983	184
<i>Физман И. Ф.</i> (Ленинград) — <i>Kölner Papyri</i> (P. Köln). Bd. 3. Bearb. von V. Kramer, M. Erler, D. Hagedorn, R. Hübner. Opladen, 1980; Bd. 4. Bearb. von V. Kramer, C. Römer, D. Hagedorn mit Beiträgen von U. Hagedorn, M. Erler, M. Gronewald, E. Livrea, M. Weber. Opladen, 1982	190
<i>Неверов О. Я.</i> (Ленинград) — P. Z a z o f f. Die antiken Gemmen. Handbuch der Archäologie. München: C. H. Beck, 1983	194
<i>Борщ И. Е.</i> (Москва) — Указатель литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР в 1983 г.	197

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научные чтения памяти С. Л. Утченко	217
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Д о м и ц и й Б у л ь п и а н. Об обязанностях проконсула (Сохранившиеся фрагменты по <i>Palingenesia iuris civilis</i> О. Ленея). Вступительная статья, перевод с латинского и примечания А. Л. Смышляева (Москва)	221
---	-----

C O N T E N T S

<i>G. A. Melikishvili</i> (Tbilisi) — Principal Stages in the Development of Ancient Near Eastern Society	3
<i>S. N. Mouraviev</i> (Moscow) — Traditio Heraclitea (A). Corpus fontium ueterum de Heraclitio. IV	35
<i>I. S. Svetsitskaya</i> (Moscow) — Private Associations in the Greek Cities of Hellenistic and Roman Times	43
<i>A. V. Koptev</i> (Vologda) — Roman Legislation on Marriages of Slaves and Coloni in the Fourth and Fifth Centuries	62

PUBLICATIONS

<i>B. A. Litvinsky, Yu. G. Vinogradov, I. R. Pichikyan</i> (Moscow) — The Votive Offering of Atrosokes, from the Temple of Oxus in Northern Bactria	84
<i>K. A. Abdullayev</i> (Samarkand), <i>V. A. Zavyalov</i> (Leningrad) — Buddhist Motifs in the Urban Culture of the Late Kushan Period	111

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>N. M. Nikulina</i> (Moscow) — Artistic Culture in the Ancient Orient	122
<i>A. G. Lundin</i> (Leningrad) — The Names and Forms of Letters in Semitic Consonantal Alphabets	137
<i>M. M. Dandamayeva</i> (Leningrad) — Greeks in Hellenistic Babylonia	155
<i>M. P. Speidel</i> (Honolulu) — A Letter from a Roman Fortress on the Eastern Black Sea Coast	176

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>D. S. Rayevsky</i> (Moscow) — <i>M. N. Pogrebova. Zakavkaziye i yego svyazi s Peredneyei Aziei v skifskoye vremya. M., 1984</i>	180
<i>E. V. Riveladze</i> (Tashkent) — <i>B. A. Litvinsky, A. V. Sedov. Tepai-shakh. Kul'tura i svyazi Kushanskoj Baktrii. M., 1983</i>	184
<i>I. F. Fikhman</i> (Leningrad) — <i>Kölner Papyri (P. Köln). Bd. 3. Bearb. von B. Kramer, M. Erler, D. Hagedorn, R. Hübner. Opladen, 1980; Bd. 4. Bearb. von B. Kramer, C. Hübner, D. Hagedorn mit Beiträgen von U. Hagedorn, M. Erler, M. Gronewald, E. Livrea, M. Weber. Opladen 1982</i>	190
<i>O. Ya. Neverov</i> (Leningrad) — <i>P. Zazoff. Die antiken Gemmen. Handbuch der Archäologie. München: C. H. Beck, 1983</i>	194
<i>I. Ye. Borsch</i> (Moscow) — Index of the Literature on Ancient History Published in 1983	197

SCIENTIFIC EVENTS

Readings in Memory of <i>S. L. Utchenko</i>	217
---	-----

SUPPLEMENT

<i>Domitius Ulpian. On the Duties of a Proconsul. Translation from the Latin, Introductory Article and Commentary by A. L. Smyshlyaev</i> (Moscow)	221
--	-----

Технический редактор *Н. П. Торчигина*

Сдано в набор 20.08.85	Подписано к печати 28.10.85	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать Усл. печ. л. 21,0 + 3 вкл. Усл. кр. стт. 114,4 тыс.	Уч. изд. л. 26,4	Бум. л. 7,5
Тираж 5269 экз.	Зак. 1694	

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Цена 2 р. 50 к.
Индекс 70119

В магазинах «Академкнига»

имеются в продаже:

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК. Т. 42. 1981. 254 с. 3 р. 10 к.

В томе помещены исследования по истории взаимоотношений Византии с Киевской Русью, Арабским халифатом, Болгарией, истории византийского права, искусства, палеографии; заканчивается публикация статей о Земледельческом законе и о греческих писцах эпохи Возрождения. В разделе «Публикация» издается оксиринхский папирус, содержащий сведения о поручительстве за приписных колонов. В разделе «Критика и библиография» помещены рецензии и аннотации на новейшие работы советских и зарубежных византистов.

Книга предназначена для историков, искусствоведов, преподавателей, аспирантов и студентов.

ЛЕТОПИСИ И ХРОНИКИ. 1980. ТАТИЩЕВ И ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ. 1981. 256 с. 1 р. 50 к.

Сборник включает статьи по древнерусскому летописанию, творческому наследию В. Н. Татищева, византийской и западнорусской хронографии, связанные с отечественным летописанием. Книга содержит разделы, относящиеся к конкретному источниковедению, историографии и археологии. Материалы, помещенные в сборнике, охватывают период с VII по XVII в. В нем имеются публикации новых летописных материалов и библиография (аннотированная) зарубежной литературы по русскому летописанию с 1960 по 1962 г.

Издание рассчитано на историков и всех интересующихся историей нашей Родины.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, Коммунистическая ул., 51; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 343900 Краматорск, Донецкой области, ул. Марата, 1; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.